

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю. В. Лунева

БОСФОР И ДАРДАНЕЛЛЫ

Тайные провокации
накануне Первой мировой войны
(1907—1914)

Ю. В. Лунева

БОСФОР И ДАРДАНЕЛЛЫ

Тайные провокации
накануне Первой мировой войны
(1908–1914)

МОСКВА
Объединенная редакция
МВД России
2010

Ю. В. Лунева

БОСФОР И ДАРДАНЕЛЛЫ

Тайные провокации
накануне Первой мировой войны
(1908–1914)

МОСКВА
Квадрига
2010

УДК 355.48(100)"1870/1914"

ББК 63.3(0)53

Л82

Лунева Ю. В.

Л82 Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908–1914) / Ю. В. Лунева – М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. – 256 с. – (Исторические исследования).

ISBN 978-5-91791-011-6 (Квадрига)

ISBN 978-5-8129-0098-4 (Объединенная редакция МВД России)

В ночь с 25 на 26 октября (с 7 на 8 ноября) 1912 г. русский морской министр И. К. Григорович срочно телеграфировал Николаю II: «Всепогоднейше испрашиваю соизволения вашего императорского величества разрешить командующему морскими силами Черного моря иметь непосредственное сношение с нашим послом в Турции для высылки неограниченного числа боевых судов или даже всей эскадры...» Утром 26 октября (8 ноября) Николай II ответил: «С самого начала следовало применить испрашиваемую меру, на которую согласен». Однако Первая мировая война началась спустя два года. Какую роль играли Босфор и Дарданеллы для России и кто подтолкнул царское правительство вступить в Великую войну?

На основании неопубликованных архивных материалов, советских и иностранных публикаций дипломатических документов автор рассмотрел проблему Черноморских проливов в контексте англо-русского соглашения 1907 г., Боснийского кризиса, итало-турецкой войны, Балканских войн, миссии Лимана фон Сандерса в Константинополе и подготовки Первой мировой войны.

УДК 355.48(100)"1870/1914"

ББК 63.3(0)53

ISBN 978-5-91791-011-6

ISBN 978-5-8129-0098-4

© Лунева Ю. В., 2010

© Никулин А. Ю., дизайн переплета, 2010

© Издательство «Квадрига», оформление. 2010

На всю Европу опускается тьма.
Нам уже не увидеть, как она рассеется.

Эдуард Грей

К читателю

Среди множества мировых проблем, которые в разное время пытались решать с помощью оружия или усилиями дипломатов, одним из самых сложных был восточный вопрос – судьба Османской империи. Также особое место в истории международных отношений занимает проблема Черноморских проливов Босфор и Дарданеллы, которые разделяют европейский и азиатский материки и соединяют Средиземное и Черное моря. Судьба Проливов служила поводом ко многим дипломатическим и военным конфликтам и неоднократно отражалась в исторической, юридической и другой литературе.

В настоящей работе делается попытка исследовать непростой вопрос из истории международных отношений – предпринимавшиеся с 1907 по 1914 г. державами действия и связанные с этим переговоры об изменении статуса Черноморских проливов. Они велись прежде всего между Россией и Великобританией. В работе подвергнуты критическому анализу опубликованные и неопубликованные документы, а также рассмотрены исследования этих сюжетов в исторической литературе.

Следует отметить, что Черноморские проливы имели для России огромное значение. Статистические данные о российском экспорте через Проливы наглядно демонстрируют экономическое значение Проливов. Основной причиной возрастания значения Проливов было бурное развитие внешней торговли юга России. Так, за период с 1906 по 1910 г. вывоз хлебных злаков из портов Черного моря составил 4691 тыс. тонн, из портов Азовского – 2825 тыс. тонн, а из Балтийского – всего 1081 тыс. тонн. За 1906–1910 гг. участие черноморских портов в вывозе зерна как с побережья собственно России, так и с кавказского побережья увеличилось с 40% до 46,5%, портов Азовского моря – с 22,6% до 28%. В совокупности Черное и Азовское моря участвовали, таким образом, в 74,5% общего движения хлебных злаков. Наконец, в 1913 г. из общего количества 10 670 тыс. тонн вывезенного хлеба 7900 тыс. тонн, то есть более 80%, экспортировалось через порты Черного и Азовского морей¹.

¹ Проливы: Сборник / Предисловие Ф. Ротштейна. М., 1923. С. 64.

Вместе с тем в свободном плавании через Черноморские проливы были заинтересованы не только русский торговый флот, но и флоты других государств. В 1909–1910 гг. (согласно турецким данным) Россия, обладавшая наиболее значительными в торговом отношении портами Черного моря, стояла в этом деле на скромном четвертом месте. Огромную заинтересованность в свободе Дарданелл для прохода торговых судов проявляли Англия, Греция и Австро-Венгрия.

Россия в мирное время не испытывала особых затруднений с экономическим использованием Проливов, но Босфор и Дарданеллы всегда имели огромное значение в геополитическом плане. Государство, владевшее Проливами, оказывало все возрастающее влияние на ситуацию в Черном море и в Восточном Средиземноморье.

Режим Черноморских проливов на протяжении нескольких столетий был предметом межгосударственных переговоров и неоднократно подвергался изменениям. После завоевания османами Константинополя (1453 г.), а затем и всего Черноморского побережья России пришлось приложить большие усилия, чтобы, преодолев сопротивление Турции, добиться открытия Черного моря и Проливов сначала для своих торговых, а затем и военных судов.

В 1774 г. был заключен Кючук-Кайнарджийский договор, в соответствии с которым русские торговые корабли приобрели право свободного прохода через Босфор и Дарданеллы. По русско-турецкому союзному договору 1799 г. Россия получила право проводить через Босфор и Дарданеллы и военные суда. Это право было подтверждено русско-турецким союзным договором 1805 г. Затем в 1829 г. был заключен Адрианопольский мирный договор, который не регулировал военное судоходство в Проливах, однако утверждал свободу торгового мореплавания в них².

Ункяр-Искелесийским договором от 8 июля 1833 г. о мире, дружбе и оборонительном союзе между Россией и Турцией императорское правительство снова добилось права прохода через Проливы для своих военных кораблей³.

Во время второй турецко-египетской войны (1838–1840 гг.) британская дипломатия добилась подписания 15 июля 1840 г. в Лондоне конвенции, которая закрыла проход иностранных военных кораблей через Проливы⁴. В конвенции содержалась ссылка на якобы всегда существовавшее

² Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869. С. 61. См. также: Полное собрание законов Российской империи. Т. 2. СПб., 1830; Мартенс Ф. Сборник трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 4. Ч. 1. СПб., 1878.

³ Россия, Царьград и Проливы. Материалы и извлечения. М., 1914. С. 123.

⁴ Мартенс Ф. Сборник трактатов и конвенций... Т. 12. 1832–1895. С. 146–156.

«древнее правило Оттоманской империи» о запрещении прохода каких бы то ни было иностранных военных судов через Босфор и Дарданеллы. В следующем году, когда Франция вновь вошла в европейский концерт, Лондонская конвенция, подписанная 1 (14) июля 1841 г., становится конвенцией о Проливах. Согласно статье 1, «Султан, с одной стороны, объявляет, что он имеет твердое намерение на будущее время соблюдать начало непреложно установленное, как древнее правило его империи, и в силу коего всегда было воспрещено военным судам иностранных держав входить в Проливы Дарданеллы и Босфор, и пока Порта находится в мире, его Султанское Величество не допустит ни одного военного иностранного судна в сказанные Проливы»⁵. Следует отметить, что точный смысл статьи 2 Лондонской конвенции 1841 г. свидетельствует о том, что международная регламентация военного судоходства по Босфору и Дарданеллам была основана на коллективном обязательстве всех договаривающихся держав в отношении друг к другу, а не только к Турции и что эта регламентация отнюдь не связывалась с односторонним обязательством каждой из них в отношении только Турции. По Парижскому трактату от 18 (31) марта 1856 г. Черное море стало европейским (нейтральным) морем, подчиненным специальному режиму конвенций, гарантированных державами. К Парижскому мирному договору 1856 г. прилагалось постановление о так называемой «нейтрализации» Черного моря, которое накладывало на Россию тяжелые обязательства – запрещало ей принимать какие-либо меры для защиты своего черноморского побережья и ограничивало количество военных судов для России и Турции⁶. Укрепление международного положения России позволило ей 18 (31) октября 1870 г. отменить ущемлявшие ее суверенитет положения Парижского мирного договора 1856 г. о нейтрализации Черного моря (циркуляры Горчакова). Лондонская конвенция 1871 г. отменила установленную ранее «нейтрализацию» Черного моря. Россия и Турция получили право держать на Черном море неограниченное количество военных судов. Таким образом, были полностью восстановлены суверенные права России на море, что свидетельствовало о крупном успехе российской дипломатии. Однако сохранялся в силе установленный Лондонской конвенцией 1841 г. и Парижским мирным договором 1856 г. принцип закрытия Черноморских проливов для военных кораблей других государств. При этом конвенция 1871 г. внесла в него дополнение, предоставлявшее султану право открывать Проливы в мирное время для военных кораблей «дружественных и союзных держав», если в Стамбуле будут считать это необходимым

⁵ Мартенс Ф. Сборник трактатов и конвенций... Т. 12. 1832–1895. С. 158.

⁶ Там же. Т. 15. СПб., 1898. С. 219–332.

для обеспечения выполнения положений Парижского трактата 1856 г. Это дополнительное постановление было направлено непосредственно против России⁷.

Берлинский конгресс 1878 г. внес серьезные изменения в систему международных отношений на Балканах, однако вопрос о статусе Черноморских проливов не был пересмотрен⁸. Берлинский трактат 1878 г. был невыгоден для России, но все же он не исключал возможности занятия Босфора, которое с открытием Проливов становилось ненужным.

На протяжении XVIII–XIX и в начале XX в. судьба Босфора и Дарданелл являлась составной частью международного Восточного вопроса, в котором были заинтересованы в большей или меньшей мере все великие европейские державы. Из нечерноморских стран особую активность здесь проявляли Англия и Франция, а позднее и Германия. В конце XIX в. образовались новые прибрежные государства – Румыния и Болгария, интересы которых также следовало принимать во внимание.

Режим Черноморских проливов к началу XX в. был для России одним из самых сложных и острых вопросов. Проблема Босфора и Дарданелл снова встала перед Россией во время ее войны с Японией. В период Русско-японской войны Черноморский флот не смог прийти на помощь 2-й эскадре Рождественского, потому что Англия, находившаяся в союзе с Японией, блокировала его проход через Проливы. После поражения царизма в Русско-японской войне и Первой русской революции большое значение отводилось политической стороне вопроса – задачам обороны черноморского побережья и усилению военной и морской мощи страны. Перенеся вновь свою активность с Дальнего на Ближний Восток, в Петербурге исходили из того, что для экономического развития Юга России необходимо иметь выход к Средиземному морю. Западные же державы были заинтересованы в открытии Проливов для военных и торговых флотов всех государств и не хотели признавать особых интересов прибрежных стран. России также приходилось учитывать интересы Турции, которая искала поддержки в жизненно важном для нее вопросе о Проливах у европейских держав. Османскую империю вполне устраивало закрытие Проливов для военных кораблей иностранных государств, что давало ей известную безопасность и возможность контролировать морские перевозки. Действовавшие в это время постановления о Проливах создавали трудные условия для русского флота. Когда Турция была в состоянии войны с любой державой, Проливы не закрывались, и, следовательно, в случае возможной русско-турецкой войны флоты союзных Турции держав могли, как и в Крымскую войну,

⁷ Мартенс Ф. Сборник трактатов и конвенций. Т. 15. СПб., 1898. С. 499–504.

⁸ Там же. Т. 8. СПб., 1888. С. 675.

войти в Черное море. Когда Турция пребывала в мире, Балтийский и Черноморский флоты были между собой разобщены; кроме того, Черноморский флот фактически был заперт в Черном море, и Россия не могла им воспользоваться на других морях. Добиться благоприятного изменения режима Проливов России было весьма трудно, так как противниками данной перемены выступали не только державы Тройственного союза, но и державы Тройственного согласия. Тем не менее закрытие Проливов для военных кораблей всех держав, несмотря на свои негативные стороны, в тот момент и на ближайшее время являлось для России все же более желательным, чем принцип свободы плавания иностранных военных судов. Это подтвердилось во время Боснийского кризиса, итало-турецкой войны, Балканских войн и конфликта, связанного с германской военной миссией Лимана фон Сандерса в Константинополе. Начиная с 1907 г., когда еще велась подготовка к заключению русско-английского соглашения по колониальным проблемам, прежде всего Среднего Востока, Британия предлагала России открыть Проливы для военных кораблей всех стран. Это же предложение она повторяла во время Боснийского кризиса и во время Первой Балканской войны. Нейтрализация Проливов сулила России немалые внешнеполитические затруднения в будущем. Даже мелкие государства, такие как Румыния и Болгария, могли обзавестись военными флотами в Черном море, что в перспективе создало бы для России известные трудности. Великие державы, как, например, Англия или Германия, воспользовались бы правом свободного плавания через Проливы для укрепления своих позиций в регионе. Для Англии это служило бы противовесом русскому влиянию в Персии, для Германии – средством для продвижения на юго-восток, для охраны Багдадской железной дороги и т.д. В конце XIX – начале XX в. российским Генеральным штабом и Морским министерством возбуждался вопрос о занятии Верхнего Босфора и «закупорке» Черного моря в ответ на возможное появление в Дарданеллах и в Стамбуле международной эскадры или занятие турецкой столицы иностранными войсками с суши. Но от столь радикальных планов каждый раз приходилось отказываться из-за слабости Черноморского флота, который не располагал необходимыми транспортными средствами для переброски десантного отряда в Проливы, а по численности и мощи уступал флотам других держав, которые выступали против такой операции. Захват Босфора во время Первой Балканской войны повлек бы за собой не только дипломатические протесты, но и вызвал бы ожесточенную борьбу России с Германией и с Англией. Европейские державы, у которых были свои интересы на Ближнем Востоке, не собирались допускать утверждения России в Дарданеллах. В российском Генеральном штабе считали, что «главнейшая

политическая и военная задача, практически еще осуществимая, мыслимая при деятельном участии Черноморского флота, – это занятие Босфора. Коренное национальное решение вопроса о проливах – это занятие нами не только Босфора, но и Дарданелл. Однако необходимо слишком счастливое стечение обстоятельств, чтобы явилась возможность такого решения в ближайшем будущем. Но, если занятие Дарданелл в ближайшем будущем трудно осуществимо, нам надлежит думать о владычестве в Босфоре»⁹.

Большим успехом С. Д. Сазонова как дипломата является соглашение с Англией и Францией от 1915 г. (времени Первой мировой войны) о том, что после победоносного завершения мировой войны Черноморские проливы и Константинополь перейдут к России. Переговоры с английским и французским послами по столь животрепещущему для страны вопросу Сазонов предпринял, по его словам, под свою личную ответственность, не испросив заранее разрешения царя и не посвятив в свои намерения кого-либо из членов правительства России. Сазонову пришлось мобилизовать все свое дипломатическое искусство, использовать сложившуюся военно-политическую конъюнктуру, затруднения союзников на Западном фронте, чтобы заставить их подписать соответствующее соглашение.

Однако Советская Россия отказалась принимать участие в разделе Турции, отказавшись от захватнических целей царского режима. В начале ноября 1918 г., тотчас после подписания Мудросского перемирия, британский военно-морской флот вошел в Дарданеллы, Мраморное море и Босфор, а в 1920 г. державы Антанты во главе с Великобританией оккупировали Стамбул и ряд других районов Турции. Используя контроль над Проливами, Антанта осуществляла вооруженную интервенцию и против Советской России.

Согласно Севрскому мирному договору 1920 г., подписанному Турцией и Антантой, вопрос о Проливах разрешался в пользу империалистических держав. Было объявлено о демилитаризации Проливов. Они открывались для военных судов всех государств и передавались под управление международной комиссии во главе с представителями Антанты, которая получала право содержать здесь свои войска, полицию, иметь свой флаг и бюджет.

Затем был заключен ряд договоров. Подписание Московского договора от 16 марта 1921 г. между РСФСР и Турцией способствовало, в частности, тому, что Турции удалось добиться отмены Севрского договора 1920 г.

Лозаннская конвенция 1923 г. установила режим в Проливах, лишь незначительно отличавшийся от принятого в Севре. Проливы демилитаризовались и объявлялись открытыми для прохода любых военных судов.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 912. О десантных операциях на Черноморском побережье. Декабрь 1906 г. Л. 40.

Подобный режим ставил черноморские государства под угрозу агрессии. В связи с этим СССР от участия в Лозаннской конвенции отказался.

На состоявшейся 22 июня – 21 июля 1936 г. конференции в Монтрё, в которой участвовали представители СССР, Великобритании, Франции, Турции, Болгарии, Греции и других стран, была принята новая конвенция о режиме Черноморских проливов. В ходе ее выработки СССР добивался принятия такого статуса Проливов, который обеспечивал бы безопасность границ СССР и других черноморских стран. С противоположных позиций выступила британская делегация, ратовавшая за неограниченный допуск любых кораблей в Черное море и «равенство» всех держав в отношении прохода их военных судов через Босфор и Дарданеллы. 20 июля 1936 г. была подписана Конвенция о режиме проливов, заменившая Лозаннскую конвенцию 1923 г. Конвенция 1936 г. (вступила в силу 9 ноября) является действующим и ныне международным договорным актом, определяющим современный правовой режим Черноморских проливов. В преамбуле указывается, что под определение «Проливы», содержащееся в конвенции, подпадают Дарданеллы, Мраморное море и Босфор. Режим Черноморских проливов устанавливается конвенцией с целью обеспечения свободы судоходства «в рамках безопасности Турции и безопасности в Черном море прибрежных государств». Конвенция провозглашает «принцип права свободы прохода и мореплавания в Проливах» без ограничения срока действия и соответствующей регламентацией прохода торговых и военных судов.

В случае участия Турции в войне ей предоставляется право разрешать или запрещать проход через Проливы любых военных судов; во время войны, в которой Турция не участвует, Проливы должны быть закрыты для прохода военных судов любой воюющей державы. Турецкое правительство вправе ввести это положение в действие и в том случае, если решит, что Турция находится под непосредственной угрозой войны.

Автор выражает большую благодарность за помощь в работе над настоящим изданием доктору исторических наук Б. М. Туполеву.

Глава I

Англо-русское соглашение 1907 г. и Черноморские проливы

В начале XX в. произошли коренные изменения в международной обстановке. Россия потерпела поражение в войне с Японией, произошла Первая русская революция 1905–1907 гг. На мировой арене позиции России были серьезно ослаблены, что привело к усилению роли Германии в европейском концерте. Россия после исхода последней войны перестала быть для Британии грозным соперником в Азии, а Франция являлась надежным союзником Лондона, возрастающая мощь Германской империи становилась все более реальной угрозой для положения Британии как мировой державы.

Вопрос взаимоотношений с Германией постоянно находился в центре внимания британского внешнеполитического ведомства. На одном из донесений английского посла в Берлине в июле 1906 г. британский статс-секретарь иностранных дел Э. Грей сделал многозначительную помету: «Англия всегда склонялась или имела определенное направление противодействия любой державе, стремящейся к гегемонии в Европе»¹. Понимая, что Россия уже не представляет прежней угрозы британским интересам на Дальнем и Среднем Востоке, Британия стала проявлять заинтересованность в сближении с ней, чтобы обеспечить равновесие сил в Европе и противостоять возрастающей мощи Германии.

Россия в результате сближения с Англией обезопасила бы себя на Дальнем Востоке, после примирения с Японией укрепила бы свой союз с Францией и смогла бы вернуться к проведению активной политики на Балканах и Ближнем Востоке. Однако российскому правительству пришлось бы пойти на компромисс с Англией и урегулировать напряженные отношения с ней на Ближнем и Среднем Востоке. Сближение же России с Германией неизбежно ослабило бы франко-русский союз, являвшийся главной опорой Петербурга на европейском континенте. Выбор, который

¹ British Documents on the Origins of the War. 1898–1914. (далее: В. Д.). L., 1926–1938. Vol. 3. № 418. F. Lassel to Sir E. Grey. July 1906. P. 358–359.

должна была сделать Россия, имел жизненно важное значение для ее будущего и определил ее положение среди великих держав. К моменту начала переговоров летом 1906 г. Ламздорфа на посту министра иностранных дел сменил Александр Петрович Извольский. Новому руководителю внешнеполитического ведомства предстояло укрепить международный престиж страны и обеспечить ей длительное мирное развитие для осуществления реформ.

А. П. Извольский, как считают отечественные историки, вполне отвечал требованиям своей эпохи². Талантливый дипломат, способный к установлению деловых отношений как на международной арене, так и внутри страны, снискал доверие Николая II и обладал определенной свободой в делах своего ведомства. В формировавшейся Извольским политике соглашений он стремился придерживаться «равноудаленности» России от Берлина и Лондона, видел возможность с помощью активной дипломатии, опираясь на поддержку обеих стран, быстрее восстановить внешнюю безопасность и великодержавные позиции империи и по возможности перейти к решению стоявших на очереди внешнеполитических задач³.

Министр иностранных дел проводил реформу центрального аппарата заграничных учреждений МИДа по европейскому образцу. Он поставил на современный уровень информационную службу министерства, ввел в практику систематическую рассылку копий основных дипломатических документов в заграничные представительства, а также главе правительства и некоторым министрам, что имело значение для согласования деятельности ведомств и принятия совместных решений. «Извольский добивался, чтобы МИД стал главным источником внешнеполитической информации в стране, ввел в практику МИДа инструктажи редакторов иностранных отделов ведущих газет, предварительную подготовку и обеспечение внешнеполитических акций инспирированными им газетными выступлениями, использовал личные контакты с владельцами и редакторами влиятельных органов печати, наконец, применял прямой и скрытый подкуп авторитетных журналистов и даже отдельных органов печати как в России, так и за границей»⁴.

Новый российский министр вполне устраивал английских дипломатов. В отчете за 1906 г., представленном британским послом в Форин оффис, особо подчеркивалось, что царский министр лояльно и искренне настроен по отношению к Великобритании. «Он, несомненно, желает с успехом сохранить портфель министра иностранных дел и очень тревожится и смущается

² *Игнатъев А. В.* Российская дипломатия в портретах. М., 1992.

³ *Он же.* Внешняя политика России 1907–1914. Тенденции. Люди. События. М., 2000.

⁴ *Он же.* Там же. С. 103.

препятствиями, которые могут возникнуть во время переговоров, которые он ведет. Он честно и искренне желает соглашения с Великобританией, хотя он не сделает шага, на который взглянут неблагосклонно в Берлине, и мнение, преобладающее при Дворе, имеет громадную важность в его глазах»⁵.

Новый руководитель внешней политики России Извольский выдвинул программу, которая сводилась к укреплению франко-русского союза, смягчению противоречий с Англией и Японией в Азии путем соглашения с ними и сохранению дружественных отношений с Германией, не вступая с ней в союз. С Австро-Венгрией предполагалось продолжать сотрудничество на базе взаимных уступок. «Свобода внешнеполитического маневрирования Извольского, – отмечала А. Ф. Остальцева, – ограничивалась ролью, которую он отводил Англии в планируемом им пересмотре всей азиатской политики России для обеспечения безопасности и защиты интересов империи в этом обширном регионе»⁶.

В мае 1906 г. в Петербург прибыл новый английский посол А. Никольсон, через которого российский МИД вел переговоры с Великобританией⁷. В августе, когда переговоры приняли практический характер и когда проблема соглашения с Англией горячо обсуждалась в правящих кругах и печати России, среди русских дипломатов возникла мысль и о возможности обсуждения ближневосточного вопроса. Политика России на Ближнем Востоке в тот период сводилась в основном к стремлению открыть Черноморские проливы для российских военных судов.

Большинство авторов, особенно английских, как правильно отмечает Г. Л. Бондаревский, преувеличивают влияние вопроса о Проливах на заключение соглашения 1907 г.⁸ Анализ документов и материалов позволяет сделать вывод, что переговоры о Проливах имели при заключении русско-английского соглашения 1907 г. подчиненное значение.

Предложение о благоприятном для России изменении режима Проливов было высказано Извольским 4 (17) августа 1906 г. в доверительном письме по поводу переговоров с Англией членам намечавшегося Особого совещания. Министр иностранных дел сообщал о предложениях британского кабинета по вопросу о Тибете и далее писал: «Имеются

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее: АВПРИ). Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 259/260. Годовой отчет великобританского посла в Петербурге министру иностранных дел Грею с секретными сведениями о России за 1906 г. Л. 13.

⁶ Остальцева А. Ф. Англо-русское соглашение 1907. Саратов, 1977. С. 167–177.

⁷ Многие зарубежные авторы считают, что Никольсон сыграл главную роль в становлении англо-русской Антанты: *Gooch G. P. Before the War. Studies in Diplomacy. Vol. 1. L., 1936. P. 305; Steiner Z. The Foreign Office and the Foreign Policy. Cambridge, 1969. P. 95. Jones R. A. The British Diplomatic Service. 1815–1914. L., 1983. P. 194; Nicolson H. Sir Arthur Nicolson. First Lord Carnock. L., 1930. P. 216.*

⁸ Бондаревский Г. Л. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива. Конец XIX – начало XX в. М., 1968. С. 518–519.

основания ожидать, что великобританское правительство не остановится на этом начинании, но последовательно возбудит переговоры по делам среднеазиатским, персидским, Ближнего Востока и другим, где наши интересы сталкиваются с английскими». Вопрос о Проливах в связи с англо-русскими переговорами был всесторонне рассмотрен в «Записке по поводу соглашения между Россией и Англией», составленной 25 августа (по ст. ст.) 1906 г. видным российским дипломатом, послом в Константинополе И. А. Зиновьевым. Автор предлагал не упускать из виду, что «при настоящем политическом положении искреннее и справедливое соглашение с великобританским правительством представляется весьма желательным. Ввиду этого нельзя не поставить вопроса: не представляется ли для нас возможным ценою некоторых уступок, хотя бы в вопросе о сношениях наших с Афганистаном, которых будет по всей вероятности домогаться лондонский кабинет, обеспечить себе содействие Англии в одном из тех вопросов, благоприятное разрешение коих особенно важно с точки зрения политических интересов России. Между этими вопросами первое место занимает вопрос о проливах: Босфорском и Дарданелльском, с давнего времени привлекающих к себе особенное внимание императорского правительства»⁹.

Реально оценивая международную обстановку в целом, надвигающиеся осложнения на Ближнем Востоке и соперничество в бассейне Средиземного моря, необходимо констатировать, что «разрешение осложнений на Ближнем Востоке потребует от держав громадных усилий и, между прочим, вмешательства их флотов. Опираясь на могучий флот, которым Англия располагает в Средиземном море, она получит возможность решительно влиять на разрешение этих вопросов, а Россия очутится в невыгодном положении, так как в ее распоряжении останется та незначительная флотилия, которая находится ныне в Средиземном море»¹⁰. Зиновьев ставил вопрос о пересмотре статей Лондонской конвенции 1871 г., касающихся закрытия Проливов. Но поскольку Англия являлась главным противником выхода русского флота на морские просторы, то, по мнению Зиновьева, «поднять этот вопрос окажется возможным лишь при том условии, если нам удастся заручиться искренним содействием Англии»¹¹. Зиновьев считал, что если Британия будет способствовать России в разрешении вопроса о Проливах, то российская сторона могла бы пойти на уступки в среднеазиатских делах и в особенности по вопросу о

⁹ Красный архив. М., 1933. Т. 69–70. К истории англо-русского соглашения. Секретная записка И. А. Зиновьева от 25 августа ст. ст. 1906 г. по вопросу о соглашении между Россией и Англией. С. 16.

¹⁰ Там же. С. 17.

¹¹ Там же.

взаимоотношениях России с Афганистаном¹². По мнению посла, Петербург должен был торговаться с Лондоном, используя начавшиеся англо-русские переговоры для разрешения ближневосточного вопроса. Российский посол решительно выступал против нейтрализации Проливов, как совершенно несовместимой с интересами России.

Предлагавшееся Зиновьевым изменение режима Проливов, по его мнению, не нарушало интересов Турции в Черном море и давало русскому правительству возможность более свободно и с большим радиусом действия использовать боевую силу Черноморского флота на Ближнем Востоке и в Средиземном море. «Желательным представляется добиться таких условий, – писал автор “Записки...”, – которые обеспечили бы России возможность в случае замешательства на Востоке отправлять суда Черноморского флота в Средиземное море»¹³.

Основные соображения автора, изложенные в «Записке» в августе 1906 г., учитывались и использовались МИДом в ходе англо-русских переговоров по среднеазиатским вопросам. В частности, «Записка» российского посла была приложена к письму Извольского от 13 (26) января 1907 г. членам предстоявшего Особого совещания, посвященного соглашению с Англией по персидским делам.

Осенью 1906 г. Петербург и Лондон рассматривали возможность англо-русского соглашения в рамках переговоров по Тибету, Персии и Афганистану. При этом российское правительство стремилось не допустить осложнений в русско-германских отношениях из-за соглашения с Англией. Извольскому приходилось считаться с настроениями двора, правящих кругов и общественного мнения при проведении взятого им курса на сближение с Англией. Особенно решительно и настойчиво выступал против расширения рамок соглашения с Англией начальник Главного управления генерального штаба Ф. Ф. Палицын. Он доказывал, что в условиях резкого ослабления военной мощи России и падения международного авторитета страны опасно и рискованно поднимать запутанные, сложные международные проблемы. К тому же Палицын опасался, что расширение программы соглашения с Англией осложнит отношения России с Германией, которая, как известно, очень ревниво следила за ходом переговоров. В сентябре 1906 г. Палицын писал Извольскому: «По моему

¹² Ф. Казимазаде написал книгу, основываясь на британских и российских документах: *Kazemazadeh F. Russia and Britain in Persia 1864–1914. A Study in Imperialism.* L., 1968. С. 468.

¹³ Красный архив. М., 1933. Т. 69–70. К истории англо-русского соглашения. Секретная записка И. А. Зиновьева от 25 августа ст. ст. 1906 г. по вопросу о соглашении между Россией и Англией. С. 18.

мнению, программа соглашения с Англией должна значительно сузиться, не затрагивая вопросов международного характера»¹⁴.

В конце сентября 1906 г., для того чтобы развеять подозрения Германии по поводу англо-русских переговоров, Извольский отправился в Берлин. Накануне поездки министр писал Палицыну: «Я вполне и безусловно разделяю мнение, что первойшей нашей задачей должно быть поддержание отношений наших с Германией и обеспечение нашей западной границы от всяких случайностей. Несомненно, что сближение наше с Англией не может быть приятно Германии и что, стремясь к таковому сближению, мы должны всячески избегать не только прямого нарушения германских интересов, но также заботиться о том, чтобы не вызвать какую-либо неосторожность в германском императоре и его правительстве чувство раздражения»¹⁵.

Военные круги России очень сдержанно относились к идее соглашения с Британией¹⁶. Лишь немногие допускали возможность постановки вопроса о Проливах в связи с англо-русскими переговорами. Так, военный атташе в Лондоне генерал-майор Н. С. Ермолов считал, что с Англией можно договориться об открытии Проливов для военных судов России.

19 сентября (2 октября) 1906 г. на совещании в Генеральном штабе рассматривались азиатские проблемы. В связи с ними ставился вопрос о Проливах и разрабатывалась программа действий России во время переговоров с Англией. Предложения Генерального штаба были представлены на рассмотрение Извольского и императора Николая II. К докладной записке был приложен анализ положения в Средней Азии с точки зрения Ермолова.

Освещая проблему выхода России к морям, военный агент рассуждал следующим образом: «Для того чтобы пробить окно к Средиземному морю, России надо было разбить турок, и мы разбили их, но окончательно, к сожалению, окна не пробили. Затем попытка России пробить окно в Тихий океан привела к столкновению с Японией и не удалась. Остается Индийский океан. Спрашивается, для того чтобы пробить окно к теплым водам Индийского океана, неизбежно ли надо разбивать англичан?»¹⁷ Далее автор записки предлагал добиться этого мирным путем, посредством соглашения с Англией. Его основой могло послужить заверение в

¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6643. Материалы о созыве Особого совещания для выработки соглашения с Англией 1906–1907 гг. Л. 88.

¹⁵ История дипломатии. М., 1963. Т. 2. С. 614.

¹⁶ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 259/260. Л. 13. В годовом отчете за 1906 г. британский посол в Петербурге А. Никольсон писал о Палицыне: «Он не сочувствует соглашению с Великобританией, пока России не будут обеспечены значительные преимущества, я считаю его одним из главных препятствий соглашению».

¹⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6343. Переписка по Особому совещанию для выработки соглашения с Англией. Л. 130.

безопасности российских среднеазиатских владений со стороны Англии и в безопасности Индии со стороны России. Ермолов даже склонен был думать, что в таком случае Великобритания могла бы согласиться на открытие для России турецких Проливов.

«По существу, нетрудно будет заметить, – писал А. М. Руир, – что в основе исторического соперничества между царской Россией и Англией лежит вопрос о безопасности Индии, которую последняя старалась оградить со стороны медленно, но неуклонно приближавшейся к ней могучей военной державы. История не только азиатской, но и вообще всей прочей иностранной и, в частности, колониальной политики Англии наполовину продиктована нуждами обороны Индии от посягательств соперников»¹⁸.

В своем стремлении прийти к соглашению с Россией британская дипломатия, помимо желания укрепить антигерманскую коалицию, руководствовалась мотивами колониальной экспансии в Азии. Э. Грей не принадлежал к числу английских политиков – авторов тезиса «русская угроза Индии». При этом он никоим образом не упускал интересы Британии в этом районе мира. «Два пути: 1) что-то похожее на оккупацию Сеистана и Южной Персии; 2) дипломатическое соглашение. Третий можно избежать одним из двух путей. Грей предлагал два решения проблемы: либо оккупацию Сеистана и Южной Персии, на которую потребуются значительные расходы и постоянное бремя новых сухопутных границ, либо дипломатическое соглашение, которое было бы предпочтительнее»¹⁹.

Однако в письме от 20 сентября (3 октября) 1906 г. Извольский убеждал начальника Генерального штаба, что Англия ради достижения соглашения была готова на весьма существенные уступки²⁰. «Было бы крупной ошибкой не воспользоваться проявленным Англией желанием положить конец вековой англо-русской розни, приковывавшей наши силы к дальне- и средневосточному театрам, что позволит нам, когда наступит время, приложить эти силы к решению тех великих исторических задач, которые мы имеем на Ближнем Востоке и которые не сегодня-завтра могут быть поставлены на очередь ходом событий»²¹.

Однако Извольский ни в одном из своих писем военному министру не утверждал, что за уступки в афганском вопросе Грей согласен обсуждать

¹⁸ Руир А. М. Англо-русское соперничество в Азии в XIX в. М., 1924. С. 147; Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia 1864–1914. P. 498–499; Gibbons H. A. The New Map of Europe. N. Y., 1926. P. 140. Tyler M. The European Powers and the Near East. Mineapolis, 1925. P. 190–191. Busch B. C. Britain and the Persian Gulf. 1894–1914. L., 1967. P. 307; Shuster W. M. The Stragling of Persia. L., 1912. P. 103–105.

¹⁹ В. D. Vol. 4. № 350. Sir E. Grey to His Majesty King Edward. Sept. 24. 1906. P. 395.

²⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6643. Материалы о созыве Особого совещания для выработки соглашения с Англией 1906–1907 гг. Л. 92.

²¹ Там же. Извольский – Палицыну. 20 сентября 1906 г. Л. 92.

вопрос о Проливах. Благоприятное для России изменение режима Проливов со стороны Англии Извольский завуалированно называл «разрешением дел на Ближнем Востоке».

В это же время возникли серьезные недоразумения между Афганистаном и англо-индийским правительством по поводу признания пограничных линий. В российский Генеральный штаб пришло донесение от русского военного агента в Бухаре о том, что во взглядах правителя Афганистана произошла большая перемена: «По-видимому, он пришел к осознанию неизбежности сближения с Англией ввиду невозможности опереться на Россию»²².

Сведения о России эмир получал от англо-индийского правительства, которое представляло положение страны в мрачных красках. От разведчиков в Генеральный штаб Афганистана также поступила информация о том, что «англичане хотели раздвинуть свою территорию до Кани и устроить по этому поводу новое разграничение с Афганистаном». Клемм сделал вывод, что «недоразумения эти англичане захотят уладить мирным путем и поэтому для получения спорной территории будут готовы на большие уступки. Усиление афганских гарнизонов как вдоль Белуджистана, так и Сеистана направлено главным образом против англичан»²³.

«Англия в Сеистане всегда чинила препятствия России, – писал в секретной депеше гофмейстер Гартвиг в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), – нет сомнения, что самым тяжелым для престижа России последствием предложенной Англией сделки было бы то впечатление, которое произвел бы на персов наш отказ от наблюдения за Сеистаном; и шах, и его правительство усмотрели бы в этом сознание нашей невозможности, при нынешних политических условиях, защищать неприкосновенность персидской территории и готовность поэтому, на основании состоявшегося соглашения, уступить Англии вышеупомянутую провинцию»²⁴. Правительство Британии на протяжении нескольких лет пыталось завладеть Сеистанской телеграфной линией, проведенной Россией, и предлагало взамен свою Мешедо-Тегеранскую телеграфную линию, которая для России была совершенно бесполезной²⁵. Подобные столкновения не

²² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 975. Выписка из донесения Д. С. С. Клемма. 19 сентября (2 октября) 1906 г. Л. 41.

²³ Там же.

²⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 975. 28 сентября 1906 г. Секретная депеша гофмейстера Гартвига в ГУГШ. Л. 38.

²⁵ Сент-джеймский кабинет не позволял России утвердиться на Сеистанском телеграфе. Россия со времени его постройки шесть лет тщетно добивалась права на включение оконечных проводов в русские аппараты. Гартвиг сообщал, что, вопреки утверждению сэра А. Никольсона, «английские чиновники имеются на Сеистанской линии, а пребывание наших телеграфистов Никольсон считает противозаконным».

способствовали сближению двух стран и вызывали негативную реакцию российского Генерального штаба.

В британских дипломатических кругах с самого начала переговоров предполагали, что ближневосточный вопрос неизбежно возникнет.

Англия не только выразила готовность обсудить проблему Черноморских проливов в ходе переговоров по средневозточным вопросам, но и была склонна в обмен на уступки русской стороны на Среднем Востоке пойти навстречу пожеланиям Петербурга при пересмотре режима Проливов²⁶.

Такое резкое изменение курса внешней политики Британии на Ближнем Востоке было продиктовано активным проникновением Германии в этот регион.

Британские дипломаты всеми силами старались обострить русско-германские противоречия в Турции. Они видели, что царское правительство, ослабленное поражением в Русско-японской войне и революцией, стремится занять позицию нейтралитета в англо-германском единоростве. В Лондоне знали, что самым уязвимым местом в отношениях России и Германии являются Турция и Балканы. «Мое собственное мнение таково, – писал А. Никольсон в годовом отчете, – что, если бы император и русское правительство были бы свободны от других политических уз (имеется в виду Франция), они были очень довольны заключить тесный союз с Германией, который, по их взглядам, представляет наиболее крепкий оплот монархических принципов вместе с наисильнейшей армией на континенте. Интересы России и Германии нигде прямо не сталкиваются, может быть, за одним исключением, правда, очень большим. Я имею в виду германскую политику по отношению к Османской империи»²⁷.

Строительство Германией Багдадской железной дороги в Азиатской Турции было для России крайне нежелательным. Осуществление этого грандиозного проекта позволило бы Германии поставить под свой контроль огромную территорию на Ближнем Востоке и создать серьезную угрозу экспорту хлеба, осуществлявшемуся через Проливы. «Совершенно ничтожная в настоящее время наша торговля с Турцией, – писал в своей книге П. Томилов, – будет лишена какого бы то ни было развития, и, наконец, подъем военного могущества нашего южного соседа, за спиной которого будет стоять Германия, окажет значительное влияние на наше стратегическое положение, особенно при борьбе с коалицией, к которой примкнет наш вековой враг – Турция»²⁸. Царское правительство также

²⁶ *Kazemazadeh F.* Russia and Britain in Persia 1864–1914. P. 483–487.

²⁷ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Д. 259–260. Годовой отчет Никольсона о России за 1906 г. Л. 4.

²⁸ *Томилов П.* Отчет о поездке по азиатской Турции. СПб., 1907. С. 6.

проявляло немалую обеспокоенность проектом создания в Персии германского банка и постройкой ответвлений Багдадской железной дороги к персидской границе России²⁹. «Германский капитал стремительно завоевывал страны Востока, – писал В. М. Хвостов, – натиск этот теперь, кроме Турции, распространился и на Персию. “Дойче банк” выдвинул проект продолжения багдадской дороги на Тегеран, что сильно тревожило широкие круги русской буржуазии, заинтересованные в персидской торговле»³⁰. Британский посол в Париже Ф. Берти, встретившись с А. К. Бенкендорфом³¹ в Париже 9 (22) октября 1906 г., наотрез отказался принять доводы русского посла, доказывавшего, что Россия не хочет видеть Германию в Персии, но будет вынуждена найти с ней общий язык³². Он заявил Бенкендорфу, что, если принимать в расчет все германские требования в Персии, нечего и думать о соглашении между Англией и Россией³³. Грей, представивший это сообщение королю, получил лаконичную резолюцию: «Германия, несомненно, действует против нас и у нас за спиной»³⁴.

Британия именно поэтому стремилась как можно скорее уладить дела с Россией. Из отчета старшего чиновника канцелярии МИД Долматова за 1906 и 1907 гг. видно, насколько обширна переписка между Петербургом и Лондоном во время подготовки соглашения. В 1906 г. из Великобритании было отправлено 1484 письменных документа в адрес российского МИД. Для сравнения: из всех других стран было отослано в Россию 2117 документов. Россия, в свою очередь, отправила в Великобританию 1118 единиц корреспонденции, тогда как в другие страны, по подсчетам Долматова, ушло 867 письменных единиц. В 1907 г. ситуация изменилась незначительно. Из Великобритании было отправлено в Россию 1033 документа, а из России в Великобританию почти вдвое меньше – 522. Из других же стран в 1907 г. в Россию поступило 2416 единиц корреспонденции, а МИД отправил за границу (без учета Великобритании) 1127³⁵. Из этого можно сделать вывод, что Британия активно склоняла Россию к соглашению и буквально забрасывала ее корреспонденцией.

²⁹ *Истягин Л. Г.* Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны. М., 1979. С. 78–81.

³⁰ История дипломатии. Т. 2. С. 618.

³¹ Граф А. К. Бенкендорф – императорский посол в Лондоне в 1903–1917 гг.

³² В. D. Vol. 4. № 231. Sir F. Bertie to Sir E. Grey. Oct. 22. 1906. P. 244.

³³ Ibid. P. 245.

³⁴ Ibid. *Steiner Z.* The Foreign Office and the Foreign Policy. P. 95; *Lee S.* King Edward VII. A Biography. L., 1927. P. 571.

³⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. 1907. Оп. 470. Отчеты Долматова за 1907 г. Д. 65. Л. 28–44.

Процедура переговоров, предложенная Никольсоном, также служила достижению быстрого результата, как это в свое время было при заключении англо-французского соглашения: рассматривать вопросы один за другим, по каждому из них устанавливать общую точку зрения и прийти к соглашению по всем вопросам в их совокупности³⁶.

Никольсон, хорошо разбирающийся в политической ситуации в России, писал Э. Грею: «Я думаю, мы должны быть готовы к предложениям по Ближнему Востоку»³⁷. В своем письме министру от 7 ноября 1906 г. он сообщал, что положение Извольского весьма сложное, потому что Англия требует уступки Сеистана, важного в стратегическом отношении района, ничего не давая взамен. Север Персии, который британские дипломаты уступали своим русским коллегам, уже давно находился под их контролем.

Британия не делала никаких уступок России ни в Тибете, ни в Афганистане. По мнению посла, нужно было подготовить какое-нибудь предложение для Извольского, которое помогло бы ему переубедить противников англо-русского соглашения. Никольсон считал возможным дать согласие на пересмотр режима Черноморских проливов. Таким путем Англия не только могла получить Сеистан, но добиться и общеполитического соглашения с Россией в обмен на туманное обещание изменить режим Проливов, чего нельзя было осуществить без согласия других держав. Постановка этой проблемы неизбежно столкнула бы Россию на Ближнем Востоке с Австро-Венгрией и Германией³⁸ и отвлекла бы внимание России от Среднего Востока, где она соперничала с Англией.

Англо-российское соглашение во многом стало возможным благодаря усилиям главы российского МИДа А. П. Извольского и руководителя британского Форин оффис Э. Грея. Одной из самых загадочных и молчаливых личностей в британской политике по сей день остается Э. Грей. Его репутация всецело была основана на гипотетических данных. Благодаря аристократическому происхождению, классическим внешним данным, прекрасным манерам и сдержанности он создавал впечатление «сильного, молчаливого человека». Грей в совершенстве владел корректностью речи и поведения, не был склонен к спорам, не давал пустых обещаний, был тонким психологом и подлинным дипломатом.

Наглядное подтверждение тому, что правящая партия не посвящалась Греем в политику, которую он проводил, и пребывала в состоянии неведе-

³⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1906. Д. 97. Ч. 2. Извольский – Бенкендорфу. 3.06.1906. Л. 189–193.

³⁷ В. D. Vol. 4. № 236. Sir A. Nicolson to Sir Edward Grey. Nov. 7. 1906. P. 250.

³⁸ Русский министр иностранных дел откровенно признавался английскому послу во Франции Ф. Берти, что было бы смешно предположить, что «Россия, учитывая ее географическое и внутреннее положение, может искать ссоры с Германией». Ibid. № 234. Sir F. Bertie to Sir E. Grey. Nov. 6. 1906. P. 249.

ния, можно найти в мемуарах Ллойд Джорджа: «Вся работа иностранного ведомства была окутана тайной, – писал он, – и лишь некоторые привилегированные министры из тех, которые в прошлом имели касательство к иностранным делам, позволяли себе высказывать мнение по частным вопросам, которые иногда возникали. Парламент еще меньше был осведомлен о внешней политике». Отвечая на вопросы депутатов, Грей был крайне немногословен, старался говорить коротко, не приводя фактических сведений, иногда ссылаясь на газеты или утверждал, что у него нет информации по данному вопросу.

В 1908 г. премьер-министром правительства Великобритании стал Герберт Асквит. Он завоевал высокое положение в английской политической жизни исключительно благодаря блестящим талантам и большим заслугам. Ллойд Джордж считал, что «ни один премьер-министр в истории, за исключением Гладстона и Дизраэли, не обладал более глубоким умом чем Асквит»³⁹. Он возглавлял британское правительство до 1916 г. При непосредственном участии Асквита были подготовлены и проведены в жизнь законы, способствовавшие демократизации политической системы, а также некоторой стабилизации общественных отношений в стране: о пенсиях по старости, о восьмичасовом рабочем дне для горняков, о парламентской реформе, о расширении прав тред-юнионов, об учреждении бирж труда и др.

Сам Грей осенью 1906 г. считал маловероятным соглашение с Россией, если в него не будет включен Ближний Восток. В специальной инструкции Никольсону, посланной в ноябре 1906 г. по поводу английского проекта соглашения по Ирану, он указывал, что поскольку столкновения между Англией и Россией на Ближнем Востоке были главной причиной длительных англо-русских трений, то соглашение с Россией будет прочным в том случае, если в него будет включен Ближний Восток. В этой инструкции министр иностранных дел Англии, в частности, признавал возможными некоторые изменения в режиме Дарданелл в желательном для России направлении. «Если Россия, – писал Грей, – поставит вопрос об изменении режима Проливов, то мы должны будем его обсудить»⁴⁰. Тогда же Гардингом был составлен меморандум по вопросу о Проливах. Автор меморандума признавал, что поскольку Россия неизбежно будет добиваться изменения режима Проливов, то для Англии было бы выгодным в обмен на уступки России на Среднем Востоке согласиться поддержать требование российского правительства о пересмотре статьи 2 Лондонской конвенции. В меморандуме было указано, что для Англии лучшим вариантом ее изменения было бы признание декларации Солсбери

³⁹ *Виноградов К. Б.* Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970. С. 5.

⁴⁰ *B. D. Vol. 4. № 370. Sir E. Grey to Sir A. Nicolson. Nov. (undated) 1906. P. 513–515; Nicolson H. Sir Arthur Nicolson. First Lord Carnock. L., 1930. P. 243.*

на XVIII заседании Берлинского конгресса⁴¹. Эта декларация, как известно, имела целью аннулировать европейский характер принципа закрытия Проливов и открыть путь к их нейтрализации.

Однако Гардинг считал маловероятным, чтобы Россия согласилась с таким изменением режима Проливов. Он полагал, что скорее всего российское правительство в обмен на уступки на Среднем Востоке потребует предоставления для России исключительного права свободного плавания через Проливы и закрытия их для прохода военных кораблей других держав. Гардинг находил возможным и необходимым пойти в этом навстречу России. При этом он ссылался на мнение Комитета имперской обороны, который еще 11 февраля 1903 г., обсуждая вопрос об изменении равновесия сил на Средиземном море в случае прохода туда через Проливы русских военных кораблей, единогласно признал, что «хотя Россия и получит в этом случае определенные морские преимущества, но настоящее стратегическое положение на Средиземном море от этого не изменится»⁴². Грей разделял положения составленного Гардингом меморандума. Он немедленно переслал его копию в Петербург Никольсону. И хотя меморандум, как писал Грей послу, «пока еще не является официальным выражением точки зрения английского правительства», но в переговорах с Извольским посол должен был исходить из его положений. Грей писал: «Я не думаю, что нашим делом является внесение предложений об изменении трактатов в отношении Дарданелл. Но я считаю, что какие-то изменения в желательном для России направлении допустимы и мы должны быть готовы обсудить этот вопрос, если Россия его поставит»⁴³. Ссылаясь на прилагаемую копию меморандума Гардинга, руководитель Форин оффис напомнил, что вопрос об изменении режима Проливов является проблемой международной и что британское правительство не может тайно давать согласие на изменение этого режима⁴⁴.

15 (28) ноября 1906 г. в Лондоне во время беседы советника российского посольства С. А. Поклевского-Козелла с Гардингом впервые был поднят вопрос о Проливах. По окончании беседы Гардинг сообщил в Петербург Никольсону, что во время обсуждения азиатских проблем советник российского посольства заявил, что общественное мнение России уже начинает требовать расширения программы переговоров с Лондоном, включения в нее вопросов Ближнего и Дальнего Востока и, в частности, вопроса о пропуске русских военных кораблей через Дарданеллы. Гардинг сразу же заверил советника в том, что британское правительство будет

⁴¹ B. D. Vol. 4. № 370. Memorandum by Sir Charles Harding. Nov. 16. 1906. P. 60.

⁴² Ibid.

⁴³ Ibid. Sir E. Grey to Sir A. Nicolson. Nov. (undated) 1906. P. 513–515.

⁴⁴ Ibid.

радо рассмотреть любое предложение России о Проливах, исходящее из Петербурга⁴⁵.

Британская дипломатия правильно расценила внутреннюю обстановку в России и международную ситуацию, которая не позволяла Петербургу проявлять активность и формулировать свои предложения о Проливах. Грей тогда же писал Никольсону, что «сейчас Извольскому невыгодно поднимать вопрос о Проливах»⁴⁶. Действительно, осенью 1906 г. Извольский ничего не предпринял для того, чтобы закрепить и развить результат обмена мнениями о Проливах. Сама идея постановки вопроса о Проливах осенью 1906 г. принадлежала не Извольскому, а послу в Лондоне Бенкендорфу и Поклевскому-Козеллу. Как русские, так и зарубежные источники подтверждают, что Поклевский был не только своим человеком в Форин оффис, но и поддерживал самые тесные отношения с Эдуардом VII. Из письма Поклевского Извольскому, написанного в день беседы с Гардингом, становится ясным, что советник посольства поднял важнейший вопрос о Проливах не по указанию министра, а лишь на основании устного поручения Бенкендорфа, действовавшего по собственной инициативе⁴⁷. В сложившейся международной ситуации являлось большим риском включать вопрос о Проливах в программу англо-русских переговоров.

В начале 1907 г. в переговорах о конвенции наступил решающий момент. Настало время России и Британии определить характер уступок сторон по существу, а также характер самого соглашения, и тогда русская дипломатия по собственной инициативе поставила вопрос о Проливах, чтобы выяснить действительную позицию Лондона в этом вопросе⁴⁸. Форин оффис сформулировал свои пожелания по всем разделам намечаемого соглашения, и соответствующие проекты были переданы Извольскому. В Лондоне с нетерпением ожидали ответа русского правительства. Продвижению переговоров способствовал приезд в январе в Петербург Бенкендорфа. Посол принял активное участие в обсуждениях проектов соглашений на особом совещании, которое состоялось 1 (14) февраля 1907 г. под председательством Извольского «По вопросу о соглашении с Англией на почве персидских дел в связи с вопросом о Багдадской железной дороге»⁴⁹.

Совещание приняло принцип разграничения сфер влияния как единственную возможную основу для соглашения с великобританским прави-

⁴⁵ B. D. Vol. 4. № 241. Sir C. Harding to Sir A. Nicolson. Nov. 28. 1906. P. 254.

⁴⁶ Ibid. № 370. Sir E. Grey to Sir A. Nicolson. Nov. (undated) 1906. P. 513–415.

⁴⁷ *Bumte C. Ю.* Воспоминания. Т. 3. М., 1966. С. 271.

⁴⁸ B. D. Vol. 4. № 250. Sir A. Nicolson to Sir E. Grey. Feb. 10. 1907. P. 272–273.

⁴⁹ См. подробнее: *Остальцева А. Ф.* Англо-русское соглашение. С. 213–233 // К истории англо-русского соглашения. Журнал совещания 1 (14) февраля 1907 г. Красный архив. 1935. Т. 69–70.

тельством⁵⁰. Российский министр иностранных дел, открывая совещание, подчеркнул, что «соглашение с Англией может принести ожидаемые от него результаты и предупредить возможность международных осложнений лишь в том случае, если не вызовет возражений со стороны третьих держав, прежде всего, конечно, Германии, которая, как показали марокканские события, весьма ревниво относится к заключаемым без ее ведома соглашениям, могущим в чем-либо затронуть ее положение как мировой державы»⁵¹.

На совещании обсуждались три вопроса: «1) о приемлемости принципа соглашения с Англией на основе раздела сфер влияния в Иране; 2) конкретную схему этого раздела; 3) о соглашении с Германией по Багдадской железной дороге»⁵².

Участники совещания старались учитывать интересы Германии в Персии. Министр финансов В. Н. Коковцов указал на существование германских интересов в Персии, а также высказался против участия России в предприятии Багдадской железной дороги. Однако, реально оценивая финансовую и политическую ситуацию в России, он отметил, что «не в нашей власти помешать постройке Багдадской железной дороги или даже серьезно задержать ее»⁵³. Представители военного ведомства и Генерального штаба также единодушно констатировали «невыгодное для России значение со стратегической точки зрения предприятия Багдадской железной дороги и установили, что преимущества, получаемые от нее Турцией, могут быть уравновешены только развитием и улучшением нашей кавказской железнодорожной сети и усилением состава войск в пограничном районе»⁵⁴. В итоге совещание установило, что было бы желательно договориться с Англией и Германией по вопросу о Багдадской железной дороге.

Далее совещание перешло к детальному рассмотрению британского проекта соглашения по персидским делам. Проект состоял из преамбулы и двух статей. Текст преамбулы вошел в окончательную редакцию конвенции. В ней фиксировалось обязательство «уважать целость и независимость Персии» и признавать одинаковые права всех наций в торговле и промышленности. В ней также устанавливался общий принцип, который должен был служить обоснованием границ сфер влияния. Таковым являлась пограничная смежность северных провинций Персии для России, а для Англии – пограничная смежность с Афганистаном и Белуджистаном. В тексте конвенции почти

⁵⁰ К истории англо-русского соглашения. Журнал совещания 1 (14) февраля 1907 г. С. 20.

⁵¹ Там же.

⁵² *Остальцева А. Ф.* Англо-русское соглашение. С. 213.

⁵³ К истории англо-русского соглашения. Журнал совещания 1 (14) февраля 1907 г. С. 21.

⁵⁴ Там же. С. 22.

без изменений говорилось о взаимных обязательствах предоставлять друг другу полную свободу действий в определенных границах. Во второй статье проекта указывались границы британской сферы, которая начиналась у афганской границы, шла через Газик, Бирджанд, Керманшах, Бендер-Аббас и по границе Афганистана и Белуджистана⁵⁵. О границах российской зоны совещанию были предложены два проекта линии разграничения сфер влияния. По проекту министра финансов Коковцова, эта линия должна была идти от Касри-Ширин на Хамадан, Тегеран, Мешед, Гаудан. Начальник Главного управления генерального штаба Ф. Ф. Палицын исходил из того, что Англия за уступки в Афганистане и Сеистане, которые имели для англо-индийского командования стратегическое значение, должна отодвинуть разграничительную линию на юг. Предложенная им граница шла от Касри-Ширин на Исфаган, южнее Керманшаха, через Йезд, Хакк до афганской границы у местечка Кусан.

Из присутствовавших на совещании за проект Коковцова высказались морской министр генерал-адъютант И. М. Диков и товарищ министра иностранных дел С. Е. Крыжановский. Проект Генерального штаба поддержало большинство участников: министр торговли и промышленности, помощник военного министра и тайного советника Аргилопуло и Бенкендорф. Извольский заявил, что России было бы целесообразнее договориться с англичанами и «выговорить себе возможно большие уступки с их стороны в других пунктах. В этом смысле, быть может, удастся, ввиду связи сеистанского вопроса с афганским, добиться от англичан каких-либо уступок в Афганистане»⁵⁶. В. Н. Коковцов отметил, что «желательно также установить, что разграничение сфер не отменяет существующего договорного обязательства Персии гарантировать уплату заключенных ею в России займов доходами всех таможен, кроме расположенных в Фарсе и на Персидском заливе»⁵⁷. «Показательно, однако, – пишет А. Ф. Остальцева, – что никому не пришло в голову добиваться для России выхода в Персидский залив, вопрос о статусе которого затрагивал интересы других держав»⁵⁸.

6 (19) февраля 1907 г., через шесть дней после совещания, состоялась знаменательная беседа Извольского с Никольсоном с участием Бенкендорфа. На этой встрече началось обсуждение непосредственных проблем соглашения. Министр иностранных дел сказал послу, что английский проект конвенции о Тибете в основном может быть принят, но необходимо уточнить позиции сторон о праве посылки в Тибет научных

⁵⁵ К истории англо-русского соглашения. Журнал совещания I (14) февраля 1907 г. С. 23.

⁵⁶ Там же. С. 25.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Остальцева А. Ф. Англо-русское соглашение. С. 212.

экспедиций и о британской оккупации долины Чумби. Далее Извольский изложил основные пожелания своего правительства по персидскому вопросу и ознакомил Никольсона с проектом соглашения по Ирану. Министр упомянул тесную связь между персидским и афганским вопросами и поинтересовался позицией Англии по вопросу Афганистана.

23 февраля Грей телеграфировал Никольсону, что в целом доволен русским проектом. Но британский министр выдвинул России встречные требования: «Не противиться британским концессиям в нейтральной зоне, не требовать удаления Шахиншахского банка из Тегерана в обмен на сохранение отделения Учетно-ссудного банка в Сеистане, отодвинуть границу российской зоны у афганской границы на север от Кусана к Зульфагару»⁵⁹.

Никольсон, в соответствии с указаниями Грея, предложил Извольскому «чтобы русская линия оканчивалась у Зульфагара на крайней северной оконечности Афганистана, а не у пункта на афганской границе близ Кусана». Британское правительство, подчеркнул Никольсон, «придает большое значение этому вопросу». Британия исключала из русской зоны участок афгано-персидской границы, что подтверждало подозрения российского Генерального штаба, что Англия рассматривает Афганистан как свой боевой аванпост, подступы к которому должны быть прикрыты буферной территорией⁶⁰.

Несколькими днями раньше, 30 января (10 февраля) 1907 г., Никольсон сообщил Извольскому английские предложения по Афганистану. В соответствии с ними царское правительство должно было признать Афганистан находящимся вне сферы русского влияния и под руководством Англии в вопросах внешней политики, а также отказаться от посылки туда своих агентов. Англия, в свою очередь, обещала не возражать против связей между русскими и афганскими властями по делам чисто местного неполитического характера. Форин оффис соглашался, чтобы русская торговля в Афганистане была поставлена в те же условия, что и английская и англо-индийская, но настаивал, чтобы царское правительство отказалось при этом от покровительственных субсидий. Извольский, воздержавшись от оценки этих предложений, обещал сообщить взгляды русского правительства позднее.

9 (22) февраля Грей обсуждал вопрос об Афганистане с Бенкендорфом. Затем собеседники обменялись мнениями о Багдадской железной дороге, подтвердив необходимость координации действий двух стран в отношении германского проекта. Таким образом, в феврале англо-русские переговоры

⁵⁹ *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения 1905–1907. С. 183.

⁶⁰ Там же.

развивались по всем главным направлениям: персидскому, афганскому и тибетскому.

В феврале–марте 1907 г. русская дипломатия внесла конкретные предложения по вопросу о Проливах. Мнение А. Тэйлора на этот счет звучит весьма язвительно: «На другом конце Азии Извольский поднял во время переговоров вопрос о Проливах. Это был целиком и полностью вопрос престижа. Россия не имела на Черном море флота, и закрытие Проливов ее вполне устраивало. Но Извольский надеялся получить в конечном счете теоретическое разрешение на проход через Проливы теоретических военных кораблей России...»⁶¹.

Бенкендорф, воспользовавшись своим пребыванием в Петербурге в январе–феврале 1907 г., сам начал с Никольсоном разговор о Дарданеллах, ссылаясь на то, что согласие Англии на изменение режима Проливов безусловно уменьшит противодействие русского Генерального штаба предстоящему соглашению. Никольсон уклонился от обсуждения вопроса о Проливах и дал понять Бенкендорфу, что не имеет инструкции на этот счет. Правда, британский посол снова заверил Бенкендорфа, что Лондон не будет возражать против обсуждения проблемы Проливов⁶². Бенкендорф, сообщил британский посол на берега Темзы, заметил, что «ему не удалось получить от генштаба точной инструкции о том, каких именно уступок штаб требует, но он намекнул на вопрос о Проливах»⁶³. В своем ответе Никольсону Грей писал: «Передайте русским, что если результат по среднеазиатским делам будет удовлетворительным, то это облегчит дискуссию о Проливах, если таковая возникнет»⁶⁴.

15 (28) февраля 1907 г. А. Поклевский-Козелл провел личную беседу с Гардингом и впервые заявил о желании России получить право прохода через Проливы исключительно для русских военных судов. Гардинг, как писал Бенкендорф об этой встрече в частном письме Извольскому, ответил, что «он не видит причины для противодействия решению России изменить в свою пользу режим черноморских проливов. Но Англия, со своей стороны, заметил Гардинг, хотела бы иметь право в крайних случаях ее разногласий с Портой, которые участились в последнее время, предпринимать морские демонстрации в Босфоре»⁶⁵.

На следующий день, 1 (14) марта, Бенкендорф предложил Гардингу на рассмотрение формулу о Проливах. Она гласила: «Если бы Россия пожела-

⁶¹ Тэйлор А. Борьба за господство в Европе. С. 449.

⁶² В. D. Vol. 4. № 249. Sir A Nicolson to Sir E. Grey. P. 268.

⁶³ Ibid. № 250. Sir A. Nicolson to Sir E. Grey. P. 269.

⁶⁴ Ibid. № 256. Sir E. Grey to Sir A. Nicolson. P. 278.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 456/475. Бенкендорф – Извольскому. 1 (14) марта 1907 г. Л. 2. Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 257–258.

ла получить от султана и от держав право исключительного прохода через Проливы в обоих направлениях (*dans les deux sens*), то Англия не воспротивилась бы такой ревизии договоров о Проливах»⁶⁶. В ответе Гардинг прямо заявил Бенкендорфу, что если Великобритания идет навстречу русским интересам в вопросе о Босфоре, то постольку, поскольку она хочет ускорить решение второстепенных вопросов, оставшихся неразрешенными в ходе переговоров о Персии, Афганистане и Тибете. Бенкендорф немедленно воспользовался заявлением Гардинга. В конце беседы он спросил у Гардинга, может ли он частным образом сообщить Извольскому, что «в результате беседы с ним у него сложилось убеждение, что если русское правительство внесет предложение об открытии проливов для военных кораблей России, то британское правительство его поддержит»⁶⁷. Гардинг не возражал. Поэтому российский посол решил, что настал подходящий момент продолжить с Греем переговоры по вопросу о Проливах.

2 и 3 (15–16) марта Бенкендорф обсуждал проблему Проливов с британским министром иностранных дел. Оба дипломата сразу после встречи сделали подробные записи о состоявшемся обмене мнениями. При сравнении записей Грея и Бенкендорфа нетрудно заметить, что мотивы, побудившие стороны поднять вопрос о Проливах, истолковывались по-разному. Согласно меморандуму Грея, Бенкендорф сказал ему, что у него не было инструкций говорить с министром о Босфоре, но он хотел бы отметить, что «открытие Проливов для России усилит расположение общественного мнения России к Англии и успешно повлияет на завершение нынешних переговоров»⁶⁸. Русский посол, по существу, ставил завершение ведущихся переговоров о Тибете, Афганистане и Персии в известную зависимость от обсуждения вопроса о Проливах.

Бенкендорф в письме Извольскому излагал мотивы постановки этого вопроса несколько иначе. Российский посол в беседе с Греем сослался на отсутствие инструкций от своего начальства поднять вопрос о Проливах и вообще не думал, чтобы «этот вопрос практически изучался русским правительством». Однако посол подчеркнул, что «англо-русские переговоры достигли такой стадии, когда совершенно необходимо выяснить важный для общественного мнения России и для будущего англо-русских отношений вопрос о взглядах английского правительства на Проливы»⁶⁹. Из этого следует, что Бенкендорф не связывал обсуждение вопроса о Проливах с завершением переговоров о конвенции по колониальным про-

⁶⁶ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 456/475. Частное письмо Бенкендорфа Извольскому. 1 (14) марта 1907 г. Л. 3.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. Бенкендорф – Извольскому. 6 (19) марта 1907 г. Л. 5.

⁶⁹ Там же.

блемам, а имел в виду влияние его на развитие англо-русских отношений в будущем.

Если учесть, что идея заключения с Англией конвенции на всем протяжении переговоров воспринималась не только сдержанно, но часто и враждебно как в русских общественных и правящих кругах, так и при дворе, то требования Англии относительно Афганистана и линии разграничения сфер влияния в Персии еще больше усиливали в Петербурге оппозицию соглашению.

Во время свидания с Греем Бенкендорф (как следует из меморандума Грея от 2 (15) марта) пояснил, что Россия желала бы получить право на проход русских военных кораблей через Проливы, но при этом они должны оставаться закрытыми для судов иностранных держав, то есть Россия выступала за сохранение принципа закрытия их для других великих держав. При этом посол допускал возможность прохода военных кораблей всех держав через Дарданеллы к Константинополю, но при обязательном условии, чтобы «вход в Черное море не был открыт для иностранных держав»⁷⁰. Новый вариант изменения режима Проливов: предоставление России права на проход ее военных кораблей через оба Пролива, а для остальных великих держав – права на проход через Дарданеллы и вход в Босфор, но без выхода в Черное море – больше устраивал Британию, чем открытие Проливов только для России. Эта идея принадлежала Гардингу. Бенкендорф в целом не возражал против предложения помощника британского министра.

Принимая во внимание заинтересованность других держав в вопросе о Проливах, Бенкендорф полагал, что соглашение о Проливах с Англией будет носить исключительно академический, а отнюдь не практический характер, но окажет весьма благотворное влияние на общественное мнение России.

В той же беседе 2–3 (15–16) марта Грей признал, что в течение длительного времени одним из пунктов британской политики было сохранение принципа закрытия Босфора для России. Однако в ходе переговоров по средневозточным проблемам он понял, что если Англия желает установить прочные, хорошие отношения с Россией, то она не должна более считать незыблемыми свои принципы в отношении Проливов. Об этом Грей настоятельно просил Бенкендорфа сообщить Извольскому⁷¹. Правда, министр тут же оговорился, что он считал бы неосторожным включать вопрос о Босфоре в соглашение по Среднему Востоку, и обратил внимание собеседника на трудности, связанные с постановкой проблемы Проливов. Он сослался на возможность протеста некоторых

⁷⁰ В. D. Vol. 4. № 257. Memorandum by Sir Edward Grey. March 15. 1907. P. 279–280.

⁷¹ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 456/475. Бенкендорф – Извольскому 6 (19) марта 1907 г. Л. 6.

общественных кругов и членов английского парламента против конкретных обещаний Англии в отношении Босфора без равных компенсаций со стороны России. Британский министр указал, что вместе с вопросом о Проливах возникли бы такие проблемы, как Багдадская железная дорога, египетский вопрос, которые также должны быть предметом взаимных договоренностей и могли бы вызвать расхождения. Наконец, Грей заметил, что вопрос о Проливах касается и других европейских держав. Если англо-русское соглашение будет включать статью о Босфоре, то необходимо заранее поставить в известность об этом Германию и Францию, чтобы они не думали, что Англия и Россия решают этот вопрос за их спиной. Ввиду этих обстоятельств Грей считал предпочтительным не включать вопрос о Босфоре в соглашение, зарезервировав его на будущее. Если русское правительство пойдет в этом направлении дальше, пояснил Грей, то оно само должно известить эти державы о включении Босфора в переговорный процесс. Переговоры, ограниченные Средним Востоком, не затронут интересов других держав и не требуют их участия. «Я выразил желание, – писал Грей Никольсону через несколько дней после разговора с Бенкендорфом, – чтобы Извольский учел эти соображения. Однако, учитывая все, что я сказал о курсе нашей политики, я хотел бы, чтобы он понял так, что этот вопрос мы готовы обсудить. Если же, однако, русское правительство желает начать обсуждение теперь, то инициатива должна исходить от него»⁷².

Однако российские дипломаты не придали должного значения британским условиям и оговоркам, в большой мере обесценивавшим «согласие» Лондона. Последние можно суммировать следующим образом:

1) одновременно с соответствующим соглашением России с Турцией другие державы должны были получить право вводить военный флот через Дарданеллы в Мраморное море, что если не сводило на нет, то существенно подрывало «исключительные» возможности России;

2) английское правительство ожидало «ответных» уступок России в еще не завершенных вопросах средневосточного урегулирования;

3) в целях благоприятного воздействия на общественное мнение Англии и консервативную оппозицию в парламенте потребуются одновременные компенсации со стороны России в таких вопросах, как режим капитуляций в Египте и Багдадская железная дорога;

4) о расширении круга переговоров придется предупредить другие державы, прежде всего Германию и Турцию, и привлечь к рассмотрению вопроса о Проливах Францию;

⁷² В. D. Vol. 4. № 258. Sir E. Grey to Sir A. Nicolson. March 19. 1907. P. 281; Busch B. C. Britain and the Persian Gulf. 1894–1914. L., 1967. P. 360.

5) инициатива постановки вопроса должна исходить от русского правительства.

С. Фей писал, что Извольский был чрезвычайно рад и сиял от удовольствия, получив первые сообщения о переговорах⁷³. Но, согласно другим источникам, Извольский отнесся к первому сообщению Бенкендорфа очень сдержанно и даже усомнился в искренности заявлений представителей Форин оффис. Российский министр немедленно запросил посла в Лондоне, можно ли «вывести из меморандума сэра Эдуарда Грея заключение, что Англия допускает возможность согласиться на предоставление нам исключительного права прохода через Босфор и Дарданеллы, или же вопрос этот преднамеренно оставлен в меморандуме без прямого ответа»⁷⁴.

Бенкендорф поспешил развеять сомнения министра. Посол был уверен, что Гардинг и Грей ясно отдавали себе отчет в том, что открытие обоих Проливов исключительно для России – единственная комбинация, которая была бы желательна для Петербурга. 20 марта (2 апреля) Бенкендорф писал Извольскому: «По этому поводу нельзя допускать и тени сомнения»⁷⁵. При этом дипломат констатировал, что по «соображениям своевременности и необходимости подыскания и обсуждения эквивалентных компенсаций меморандум Грея не содержит безусловного обязательства Англии, которое придало бы меморандуму значение совершенной сделки без каких-либо компенсаций со стороны России»⁷⁶. Особую ценность меморандума Бенкендорф усматривал в том, что он зафиксировал наметившееся изменение в традиционной антирусской политике Лондона по вопросу о Проливах.

Извольский с самого начала переговоров о Проливах подробно информировал императора об их ходе. 25 марта (6 апреля) Извольский писал во всеподданнейшем докладе Николаю II, что поскольку по разъяснению Бенкендорфа вопрос о Проливах в меморандуме Грея «разрешается в утвердительном смысле», то это «может придать английскому меморандуму еще большее значение»⁷⁷. Царь одобрил инициативу Бенкендорфа, и все последующие шаги русской дипломатии по вопросу о Проливах проводились с его ведома и согласия. Николай II одобрил соображение министра иностранных дел о необходимости «тем или иным образом закрепить сделанное лондонским кабинетом заявление по вопросу о проливах»⁷⁸.

⁷³ Фей С. Происхождение мировой войны. Т. 1. М.: Л., 1934. С. 383–384.

⁷⁴ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 456/475. Извольский – Бенкендорфу. 19 марта (1 апреля) 1907 г. Л. 10.

⁷⁵ Там же. Бенкендорф – Извольскому. 20 марта (2 апреля) 1907 г. Л. 12.

⁷⁶ B. D. Vol. 4. № 258. Sir E. Grey to Sir A. Nicolson. March 19. 1907. P. 281.

⁷⁷ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 456/475. Всеподданнейшая записка. 31 марта 1907 г. Л. 12.

⁷⁸ Там же. Л. 17.

27 марта Никольсон писал Грею: «Я редко видел господина Извольского таким радостным и удовлетворенным»⁷⁹. Далее британский посол отмечал, что Извольский вполне уяснил смысл замечаний Грея, и хотел бы тщательно изучить вопрос, прежде чем сделать какое-либо предложение. В этом же донесении посол отмечал, что заявление Грея о Проливах «вне всякого сомнения окажет благоприятное влияние на наши азиатские переговоры и устранил сопротивление русских по второстепенным вопросам, вызывавшим разногласия. По сути дела, – заключил Никольсон, – я не вижу серьезной преграды впереди»⁸⁰.

Ведя переговоры с Петербургом, Британия не забывала и об общем с Россией союзнике – Францией. Чтобы обезопасить себя от конкретных обязательств в отношении Проливов в случае, если Франция со своей стороны пообещает России пересмотр режима Проливов в приемлемом для России духе, британский министр предупреждал Никольсона, чтобы в соглашении не были затронуты международные вопросы. В письме от 1 апреля 1907 г. он инструктировал Никольсона: «Будет гораздо лучше не включать вопросы Дарданелл и Босфора в предстоящее соглашение. Дело в том, что, если уладить азиатские дела успешно, русские не будут доставлять нам беспокойства своими стремлениями получить выход в Черное море, но прежде нужно любой ценой договориться об этом с Францией»⁸¹.

Британия демонстрировала дружественное отношение к России при любом удобном случае. Максимально торжественно был обставлен визит эскадры русского флота в Портсмут в марте 1907 г.: для 120 русских моряков в программе были предусмотрены прием в Лондонской ратуше, два спектакля, ипподром и посещение достопримечательностей английской столицы. «На спектакле, организованном для русских моряков, присутствовал Грей, – писал С. Фей. – Визит был публичной демонстрацией достигнутого сближения. Вечером после банкета состоялось специально устроенное для делегации торжественное представление в театре, на котором присутствовал первый лорд адмиралтейства сэр Джон Фишер и сэр Э. Грей»⁸². «Безусловно никогда прежде не случалось, – писал по этому поводу германский посол, – чтобы министр иностранных дел явился в театр-варьете для того, чтобы приветствовать иностранных гостей»⁸³.

1 (14) апреля 1907 г. с санкции императора Извольский вручил Никольсону конфиденциальный меморандум по вопросу о Проливах,

⁷⁹ B. D. Vol. 4. № 261. Sir A. Nicolson to Sir E. Grey. March 27. 1907. P. 284.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Lowe C. J., Dockrill M. L. *The Mirage of Power: British Foreign Policy 1902–1922*. Vol. 3. L., 1972. P. 57.

⁸² Фей С. Указ. соч. С. 158.

⁸³ Цит. по: там же.

выражавший официальную точку зрения Петербурга. В меморандуме указывалось, что, хотя Бенкендорф не имел точных инструкций относительно вопроса о Проливах, тем не менее он изложил Грею взгляд русского правительства в полном соответствии с историческими и географическими интересами России. В меморандуме отмечалось, что инициатива посла только ускорила совершенно неизбежный обмен мнениями между двумя правительствами по вопросу о Проливах при переговорах о Тибете, Афганистане и Персии. Российское правительство рассматривало результат лондонских переговоров о Проливах как обнадеживающий. Оно «с удовлетворением» констатировало, что британское правительство не считает «неизменным положением своей политики» поддержание существующего режима Проливов. «Мы придаем также очень большое значение тому факту, – говорилось в меморандуме, – что господин Эдуард Грей принципиально не возражал против проекта соглашения, по которому русские военные корабли имели бы исключительное право проходить Проливы в двух направлениях, в то время как морские силы других государств не могли бы войти в Черное море. Наконец, нам угодно отметить, что министр иностранных дел высказал свою готовность, начиная с сегодняшнего дня, обсуждать при известных условиях наши предложения»⁸⁴. Российское правительство соглашалось с тем, что «было бы несвоевременным заключать специальное соглашение о проливах во время настоящих переговоров, имеющих урегулирование вопросов в Азии... Русское правительство ограничивается пока принятием к сведению намерений британского правительства и оставляет за собой право поднять в более благоприятной обстановке вопрос о ревизии постановлений о Проливах»⁸⁵. Петербург также был готов принять к сведению и оговорки Грея относительно возможной компенсации в пользу Англии (то есть не выступать против захвата Англией Египта) и согласился с предложением британского министра не углубляться дальше в своих переговорах о Проливах без ведома Франции⁸⁶.

В тот же день, 1 (14) апреля, Извольский послал Бенкендорфу доверительное письмо, в котором был полностью изложен текст меморандума. В этом же письме министр выражал русскому послу в Лондоне признательность за способ и форму ведения переговоров с Англией о Проливах. Извольский снова повторял, что «сформулированная английская точка зрения о проливах устранил одну из главных причин недоразумений между Англией и Россией, будет способствовать установлению сердечных

⁸⁴ В. D. Vol. 4. № 265. Sir. A. Nicolson to Sir E. Grey. April 14. 1907. P. 287–288.

⁸⁵ Ibid.

⁸⁶ Ibid.

отношений между ними и облегчит благоприятное для России решение вопроса о проливах»⁸⁷.

Двойственность позиции российской дипломатии проявлялась в том, что, с одной стороны, переговоры с Великобританией по вопросам Среднего Востока она ставила в зависимость от отношения Лондона к проблеме Проливов, а с другой стороны, не только не настаивала тогда на включении вопроса о Проливах в текст англо-русского соглашения по Среднему Востоку, но и считала – вслед за Англией – нецелесообразным заключать специальное соглашение о Проливах во время проходивших переговоров.

Главная причина, по которой российская дипломатия не добивалась включения в русско-английскую конвенцию вопроса о Проливах, заключалась в невозможности пересмотреть Берлинский трактат без участия европейских держав, обязавшихся соблюдать его.

Несмотря на то что Россия не получила от Британии письменных обязательств в отношении Проливов, это не помешало ей пойти на серьезную уступку в части персидского разграничения. Быстрее всего стороны договорились о нейтральной зоне. Британия согласилась с предложением России «не чинить друг другу препятствий в получении здесь (в нейтральной зоне) концессий». «Британские предприятия, – писал Гардинг, – без сомнения, имеют много больше возможностей развиваться в нейтральной зоне, которая практически является южной Персией, чем русские предприятия»⁸⁸. Одновременно царское правительство фактически договорилось с Англией о признании права каждой из сторон принимать в своей зоне все необходимые меры в борьбе с революционным движением.

Извольский также предполагал, что включение вопроса о Проливах в соглашение может ускорить сближение Турции и Германии. Турция опасалась, что ее интересам может быть нанесен существенный ущерб. 27 марта 1907 г. Султан Абдул-Хамид сделал в письменной форме специальное заявление Зиновьеву по поводу англо-русских переговоров. В заявлении отмечалось, что султан вполне понимает «возможность соглашения по отдельным вопросам», но затрудняется допустить, «чтобы между Россией и Англией могло состояться полное соглашение», учитывая, что между этими державами всегда существовало соперничество.

Султан уверял, что в своей политике он неизменно стремился сохранить наилучшие отношения между Турцией и Россией, несмотря на то что Англия, а также и Германия не раз пытались свернуть его с этого пути. Того же направления султан обещал придерживаться и в будущем. «Бывшие рус-

⁸⁷ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 456/475. Проект письма Извольского Бенкендорфу. 1 (14) апреля 1907 г. Л. 22–24.

⁸⁸ *Остальцева А. Ф.* Англо-русское соглашение. С. 220.

ские дипломаты, князь Горчаков и Гирс, – констатировал султан, – хорошо понимали, как выгодно для России сохранение Турции. Мне не верится, чтобы их преемники способны были изменить этому убеждению»⁸⁹.

Султан не скрывал, что Германия была недовольна образом действий России и даже предлагала Порте заключить с ней соглашение в противовес России и Англии. Присоединение Турции к Германии или даже заключение союза между двумя государствами лишило бы навсегда Россию возможности пересмотреть режим Черноморских проливов дипломатическим путем.

14 апреля состоялось Особое совещание по афганскому вопросу. Открывая заседание, Извольский указал на то, что «вопрос о согласовании взаимных интересов России и Англии в Афганистане является одним из наиболее серьезных в ряде вопросов, подвергшихся обсуждению во время переговоров о заключении соглашения между обеими державами»⁹⁰.

Извольский подчеркивал, что весьма важно, чтобы отношения России с Британией приняли дружественный характер. «Англо-русское соглашение явится новой могущественной гарантией мира, который особенно необходим для нас теперь. Мы должны, следовательно, приложить все усилия к тому, чтобы довести до благополучного окончания переговоры с Англией, тщательно избегая всего, что могло бы неблагоприятно отразиться на их ходе»⁹¹.

Рассматривая вопрос о соглашении с Англией по афганским делам на почве английских предложений, министр финансов Коковцов подчеркнул, что «для России особенно необходимо в настоящее время точно определить, что ей доступно, и строго ограничиться этим...»⁹². «Уроки прошлого, – продолжал Коковцов, – убеждают нас в необходимости вести исключительно реальную политику, чуждую случайностей и отклонений в сторону. С этой точки зрения отдаленность Афганистана и недоступность его нашему влиянию должны заставить нас признать его вне сферы наших насущных интересов, о чем нам надлежит совершенно определенно заявить Англии, для которой афганский вопрос является жизненным. Таким открытым заявлением нам, быть может, удастся успокоить тревоги Англии и избежать нежелательных и опасных трений. Важность же соглашения с Англией так велика, что для достижения его можно было бы даже отчасти поступиться стратегическими соображениями, которые, быть

⁸⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия 1907. Д. 31. Зиновьев – Извольскому 14 (27) марта 1907 г. Л. 530–531.

⁹⁰ Красный архив. 1935. Т. 69–70. К истории англо-русского соглашения 1907 г. Журнал особого совещания 1 (14) апреля 1907 г. по афганскому вопросу. С. 26.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

может, связаны с афганским вопросом»⁹³. Министр финансов считал все же необходимым получить от Англии обещание, что «она со своей стороны не будет стремиться присоединить Афганистан к своим владениям или оккупировать его»⁹⁴. Необходимо отметить, что еще в марте 1907 г. английские предложения по афганскому вопросу отрицательно воспринимались в российском Генеральном штабе. Палицын писал Извольскому, что «Афганистан имеет для России едва ли не самое большое значение на всем среднеазиатском театре. Новая доктрина английских военно-политических кругов, рассматривающая Среднюю Азию в качестве решающего плацдарма возможной войны с Россией, превращает страну эмира из буферного государства в британский аванпост, в огромную боевую позицию, угрожающую целостности и покою империи»⁹⁵.

Однако не вызвало особых трудностей признание Афганистана лежащим вне сферы русского влияния. Даже Палицын, еще совсем недавно доказывавший важность Афганистана для России, всего лишь заметил: «Все, что мы могли бы потребовать от Англии, заключается в отказе ее от принятия в Северном Афганистане мер военного характера»⁹⁶. О том, что Извольский не посвящал военные круги в ход обсуждения с Великобританией проблемы Проливов, свидетельствовало заявление генерал-лейтенанта А. П. Протопопова, что, договариваясь с Британией по афганскому вопросу, России следовало бы добиться некоторых компенсаций за те уступки, которые ей пришлось бы сделать Англии. «Таковыми компенсациями можно считать гарантию статус-кво на всей нашей азиатской границе, а также решение в нашу пользу вопроса о Проливах»⁹⁷. Можно лишь предположить, что Палицын, так резко изменивший свою точку зрения, был каким-то образом посвящен Извольским в переговоры о Проливах.

Между тем при рассмотрении английских предложений пункт за пунктом был выдвинут целый ряд оговорок и пожеланий. Наиболее важными были требования, чтобы Англия обязалась не присоединять афганской территории, не оккупировать какой-либо ее части, воздерживаться от вмешательства во внутренние дела страны и не предпринимать в Афганистане никаких действий, направленных против России. Коковцов также выразил мнение, что российская таможенно-экономическая политика в Афганистане должна оставаться прежней и что русская сторона не

⁹³ К истории англо-русского соглашения 1907 г. Журнал особого совещания 1 (14) апреля 1907 г. по афганскому вопросу. С. 26.

⁹⁴ Там же. С. 27.

⁹⁵ *Игнатъев А. В.* Внешняя политика России 1907–1914. С. 186.

⁹⁶ К истории англо-русского соглашения 1907 г. Журнал особого совещания 1 (14) апреля 1907 г. по афганскому вопросу. С. 27.

⁹⁷ Там же. С. 28.

намерена отказываться от преимуществ вывоза в Афганистан, осуществлявшегося по всей азиатской границе России⁹⁸.

В мае русский проект конвенции по Афганистану был отправлен в Лондон. Британская сторона отвергла пожелания России, и 23 мая (4 июня) Никольсон вручил Извольскому новый вариант английского проекта, который, в свою очередь, породил серьезные трудности. «Англичане не скрывали, – писал Е. В. Тарле, – что они требуют полного предоставления им свободы действий в Афганистане: “Такая возможность, как военные действия британских войск в Афганистане, должна всегда иметься в виду не только для защиты англо-афганского договора, но и для обеспечения исполнения настоящей конвенции” – так заявила Англия уже к самому концу переговоров»⁹⁹. На просьбу не затягивать с ответом Извольский заметил, что ему потребуется проконсультироваться с Генеральным штабом и с Коковцовым. В течение июня ответа так и не последовало¹⁰⁰.

Несмотря на то что уже было решено не включать вопрос о Проливах в обсуждавшийся текст англо-русской конвенции и ограничиться подготовкой к постановке этого вопроса в будущем, обмен мнениями по этой проблеме продолжался. 1 (14) апреля 1907 г. Грей вручил Бенкендорфу второй меморандум правительства Британии по вопросу о Проливах, который являлся ответом на меморандум Извольского от 1 (14) апреля и, по словам Грея, «до конца выяснял английскую точку зрения в вопросе о Проливах»¹⁰¹. Британский министр выразил в меморандуме удовлетворение тем, что российское правительство согласилось пока оставить вопрос о Проливах в том состоянии, в каком он был определен в его первом меморандуме. Грей подчеркнул, что одним из соображений, повлиявших на его решение по этому вопросу, было желание ускорить переговоры между Россией и Англией по Среднему Востоку. Однако успешный результат этих переговоров, по мнению министра, в свою очередь, «очень сильно облегчит дискуссию по вопросу о Проливах, если таковая возникнет впоследствии»¹⁰².

Далее Грей отмечал, что русский меморандум не совсем точно передает характер его предложений в отношении Проливов. В британском меморандуме разъяснялось, что первоначальное предложение Грея не исключало право выхода из Черного моря и Проливов военных кораблей всех черноморских государств и право входа в Проливы, без выхода в Черное море, военных кораблей всех остальных держав¹⁰³.

⁹⁸ К истории англо-русского соглашения 1907 г. Журнал особого совещания 1 (14) апреля 1907 г. по афганскому вопросу. С. 31.

⁹⁹ Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. М., 1927. С. 146.

¹⁰⁰ Игнатъев А. В. Внешняя политика России 1907–1914. С. 187.

¹⁰¹ B. D. Sir E. Grey to Sir A. Nicolson. May 1. 1907. Enclosure in № 268. Memorandum by Sir Edward Grey. April 27. 1907. P. 290–291.

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ Ibid.

Однако и в этом меморандуме британская дипломатия уклонилась от принятия каких-либо конкретных обязательств. Более того, Грей заявлял, что он не хочет, чтобы его «связывали каким-либо предложением». Но в то же время министр снова подтвердил готовность лондонского кабинета обсудить в будущем в духе английского меморандума и состоявшихся бесед любое предложение России по вопросу о Проливах¹⁰⁴.

27 июня (10 июля) Извольский вручил Никольсону меморандум, которым, собственно, и завершился обмен мнениями о Проливах во время переговоров о Тибете, Афганистане и Персии¹⁰⁵. Российское правительство, принимая к сведению замечания правительства Великобритании, отмечало, что ему и раньше из донесений Бенкендорфа были известны предложения английского правительства о возможности использования Проливов без входа в Черное море на равных правах всеми государствами, и «если они не были указаны в меморандуме русского правительства от 1 (14) апреля, то потому, что, по мнению России, они касались деталей, вопрос о которых мог бы остаться открытым до того времени, когда пересмотр договоров о Проливах был бы возможным»¹⁰⁶.

В меморандуме с большим удовлетворением констатировалось принципиальное совпадение точек зрения английского и русского правительств на пересмотр существующих договоров о Проливах. Что касается конкретных предложений об изменении режима Проливов, то русское правительство не хотело сейчас связывать себя определенной формулой решения этого вопроса. Однако оно надеялось, что «когда наступит время представить на рассмотрение королевского правительства конкретное предложение, то оно встретит у него благосклонный прием, который русское правительство справедливо ожидает после только что состоявшегося столь дружественного обмена мнениями между двумя правительствами»¹⁰⁷.

Меморандум не вызвал возражений со стороны английского кабинета. Британский министр иностранных дел полагал, что меморандум правильно освещает точку зрения Лондона на вопрос о Проливах, и поэтому не считал нужным направлять новый письменный ответ русскому правительству.

Грей ограничился беседой с Бенкендорфом. Выразив удовлетворение содержанием меморандума, он заявил русскому послу, что считает «само собой разумеющимся, что изложенные в обоих английских меморандумах принципы не смогут быть одобрены в данный момент английским общественным мнением и смогут найти практическое применение только как

¹⁰⁴ B. D. Sir E. Grey to Sir A. Nicolson. May 1. 1907. Enclosure in № 268. Memorandum by Sir Edward Grey. April 27. 1907. P. 290–291.

¹⁰⁵ B. D. Vol. 4. № 275. Sir A. Nicolson to Sir E. Grey. July 10. 1907. P. 295. Enclosure in № 275. Memorandum communicated by M. Isvolsky July 10. 1907. P. 295–296.

¹⁰⁶ Ibidem.

¹⁰⁷ Ibidem.

следствие благоприятного разрешения введущихся ныне переговоров по среднеазиатским вопросам и имеют целью придать отношениям между странами характер, совершенно отличный от того, который они носили в прошлом»¹⁰⁸. «У англичан не было никаких возражений стратегического характера, – писал в своем исследовании А. Тэйлор, – они лишь опасались, что это вызовет возмущение общественного мнения, что “поднимется буря”. Грей ответил, что желание русских в отношении Проливов будет легче удовлетворить, когда Антанта докажет свою ценность в другом месте»¹⁰⁹.

Обмен мнениями по вопросу о Проливах ускорил подписание англо-русского соглашения о Тибете, Афганистане и Персии. Проявленная Лондоном готовность пойти навстречу интересам России в вопросе о Проливах ослабляла сопротивление противников соглашения при царском дворе, в правящих и общественных кругах и способствовала уступчивости русского правительства в афганском и персидском вопросах.

Соглашением по Тибету Британия также намеревалась обеспечить безопасность подступов к Индии. Англия стремилась лишить Россию возможности вмешательства в тибетские дела и даже от посылки туда «научных» экспедиций, чтобы Россия ни под каким предлогом не могла нарушить неприкосновенность тибетской территории. «Со своей стороны Англия шла на те же обязательства; к слову замечу, – писал Е. В. Тарле, – что по всем условиям проникновения в Тибет англичане гораздо легче могли при желании нарушить это соглашение, чем русские»¹¹⁰. Взамен Британия предлагала в сущности довольно слабо замаскированный раздел Персии. Северная часть Персии, примыкавшая к Кавказу, превращалась в сферу российских интересов, а юго-восточная часть, примыкавшая к Индии, становилась сферой влияния Британии. «Нейтральная» зона, включавшая Персидский залив, которая должна была разделять обе сферы влияния, была такова, что не могла в случае международных осложнений прикрыть англичан. «Это деление было чисто стратегическим, – утверждал Тэйлор, – ни та ни другая сторона не упоминала о персидской нефти и не учитывала ее, и англичане по чистой случайности получили легкий доступ к ней»¹¹¹.

11 июня Никольсон передал Извольскому поправки Грея к конвенции о Персии. Главная из них состояла во включении в преамбулу признания особой заинтересованности Англии в сохранении статус-кво в Персидском

¹⁰⁸ B. D. Vol. 4. № 275. Sir A. Nicolson to Sir E. Grey. July 10. 1907. P. 295. Enclosure in № 275. Memorandum communicated by M. Isvolsky July 10. 1907. P. 295–296.

¹⁰⁹ Тэйлор А. Борьба за господство в Европе 1918–1948. С. 449.

¹¹⁰ Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. С. 146.

¹¹¹ Тэйлор А. Борьба за господство в Европе 1918–1948. С. 450.

заливе¹¹². Извольский высказал твердое желание, чтобы Персидский залив оставался вне сферы переговоров. Он аргументировал это стремлением заключить соглашение двух держав как можно скорее¹¹³.

Несмотря на советы Бенкендорфа уступить Великобритании, Извольский не пошел на компромисс. Дело в том, что в районе Персидского залива сталкивались англо-германские империалистические интересы¹¹⁴. Вопрос был связан с Багдадской железной дорогой, которую Германия намеревалась довести до побережья Персидского залива. Англия в стремлении контролировать этот район руководствовалась своими стратегическими интересами. Британское правительство собиралось использовать англо-русское соглашение для защиты своих, а не обоюдных интересов. Петербург, в свою очередь, упорно отказывался принять все предложения, касавшиеся специальных интересов Англии в Персидском заливе.

15 (28) июня Извольский вручил Никольсону одобренную царем памятную записку, в которой развил свои доводы против распространения соглашения на Персидский залив. Министр, правда, заверил британского посла, что позиция российского правительства не означает ни отрицания специальных интересов Англии в принципе, ни возможности вернуться к этому вопросу по другому поводу¹¹⁵.

Через два дня Грей через Никольсона сообщил, что Форин оффис отказывается от включения нового вопроса в преамбулу и одновременно принимает к сведению заявление российского правительства о признании специальных интересов Англии в Персидском заливе. В результате к концу июня обе дополнительные темы переговоров – о Персидском заливе и о Проливах – оказались в той или иной форме урегулированными. Оставалось уладить только афганский вопрос. 17 (30) июля британский посол передал Извольскому меморандум Форин оффис, содержащий некоторые компромиссные предложения. Министр не стал отвечать сразу, а попросил дать ему время для более обстоятельного изучения представленного документа. Первое впечатление Извольского было довольно благоприятным. 6 августа он вручил Никольсону проект конвенции об Афганистане, содержащий важную дополнительную статью: «В случае каких-либо изменений в политическом статусе Афганистана Высокие договаривающиеся стороны вступят в дружественный обмен взглядами в целях обеспечения поддержания равновесия в Средней Азии»¹¹⁶. Получалось, что в случае серьезного

¹¹² B. D. Vol. 4. № 432. Sir E. Grey to Sir A. Nicolson. June 29. 1907. P. 484.

¹¹³ Ibid. № 428. Sir A. Nicolson to Sir E. Grey. June 24. 1907. P. 475–477; *Busch B. C.* Britain and the Persian Gulf. 1894–1914. L., 1967. P. 364.

¹¹⁴ *Kennedy A. L.* Old Diplomacy and New. L., 1922. P. 145; *Steiner Z. S.* The Foreign Office and the Foreign Policy 1898–1914. P. 95.

¹¹⁵ B. D. Vol. 4. Sir A. Nicolson to Sir E. Grey. June 28. 1907. P. 482–483.

¹¹⁶ Ibid. Sir A. Nicolson to Sir E. Grey. Aug. 6. 1907. P. 558–559.

изменения положения в Афганистане Россия не оставалась в стороне и могла просить компенсации за невмешательство. Британскому дипломату это предложение не понравилось, но Извольский твердо заявил, что без такого условия он не сможет подписать соглашение.

Грей несколько смягчил формулировку, сделав ее менее обязывающей: «В случае каких-либо изменений в политическом статусе Афганистана два правительства вступят в дружественный обмен взглядами по этому предмету»¹¹⁷.

По инициативе Извольского 11 (24) августа вновь было созвано особое совещание о заключении с Англией соглашения по вопросу об Афганистане. Российский министр защищал представленный проект, указывая, что он отвечает двум важным требованиям России: во-первых, содержит «гарантии того, что англичане не будут стремиться к изменению настоящего положения Афганистана», а во-вторых, обеспечивает России право голоса на случай, если бы возникли какие-либо осложнения, чтобы не оставаться пассивными зрителями процесса перемен в соседнем государстве, могущих затронуть наши интересы»¹¹⁸. Извольский призвал подойти к вопросу с общегосударственной точки зрения и подчеркнул, что «ограждение своих интересов и закрепление мира для России имеет едва ли не большее значение, чем для других держав»¹¹⁹. Министра иностранных дел полностью поддержал председатель Совета министров П. А. Столыпин, заявивший, что «наше внутреннее положение не позволяет нам вести агрессивной внешней политики»¹²⁰. Палицын разделял мнение Столыпина и признал проект соглашения в общем выгодным, добавив, что «если Англия отнесется к договору вполне искренне, то мы вполне обеспечены даже с военной точки зрения»¹²¹. В заключение совещание признало желательным вступить с Англией в соглашение на почве представленного Извольским проекта¹²².

В тот же день тексты согласованных документов были направлены в Лондон. Параллельно решался вопрос о форме англо-русского соглашения. Никольсон предложил Извольскому придать каждому из трех документов форму конвенции со своей преамбулой и отдельной ратификацией, что делало характер договора максимально обязывающим. МИД России предпочитал менее жесткую форму декларации, по крайней мере в части Персии и Тибета. Извольский ссылаясь на то, что англо-французские соглашения о Марокко, Египте и Сиаме носят форму деклараций.

¹¹⁷ В. D. Vol. 4. Sir E. Grey to Sir A. Nicolson. Aug. 9. 1907. P. 561.

¹¹⁸ К истории англо-русского соглашения 1907 г. Журнал заседания особого совещания 11 (24) августа 1907 г. о заключении с Англией соглашения по вопросу об Афганистане. С. 33.

¹¹⁹ Там же. С. 36.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же. С. 37.

¹²² Там же. С. 39.

«Министр предпочел умолчать об еще одном важном для него соображении – с декларациями было бы легче объясняться с Германией и доказывать ей, что соглашение с Англией не знаменует сближения»¹²³, – писал А. В. Игнатьев. В итоге было решено, что единый документ будет назван конвенцией, включающей три документа с общей преамбулой и единой ратификацией, и явится в целом «урегулированием» или «соглашением» (arrangement)¹²⁴. 18 (31) августа 1907 г. была заключена русско-английская конвенция относительно Персии, Афганистана и Тибета, включающая приложение к соглашению между Россией и Великобританией, касающемуся Тибета, и произошел обмен нотами о недопущении в Тибет «научных экспедиций». С русской стороны их подписал А. Извольский, с английской – А. Никольсон.

Вступительная часть конвенции провозглашает искреннее желание императора Николая и короля Эдуарда уладить по взаимному согласию различные вопросы, касающиеся интересов их государств на азиатском материке, и заключить соглашения, долженствующие устранить всякие поводы к недоразумениям между Россией и Великобританией по этим вопросам¹²⁵.

В преамбуле соглашения, касающегося Персии, обе державы обязались уважать ее независимость и неприкосновенность, желая охранять порядок на всей территории страны и содействовать ее мирному развитию, установив одинаковые преимущества для торговли и промышленности всех других народов.

Принимая во внимание, что у каждой из двух держав, по причинам географическим и экономическим, есть особый интерес охранять мир в некоторых персидских провинциях, сопредельных с русской границей, с одной стороны, и с границей Афганистана и Белуджистана – с британской стороны, договаривающиеся стороны решили, что Великобритания обязуется не поддерживать ни в свою пользу, ни в пользу британских подданных или подданных третьей державы ходатайств о политических и коммерческих концессиях (железные и другие дороги, банки, телеграфные линии, транспорт, страхование и т.д.) к северу от линии, соединяющей Касри-Ширин, Исфаган, Йезд, Хакк и кончающейся у стыка границ Персии, России и Афганистана, и что она не будет препятствовать ходатайствам о концессиях в этом районе, сделанным при поддержке российского правительства. Соответствующее обязательство дала Россия в отношении района к югу от

¹²³ *Игнатьев А. В.* Внешняя политика России 1907–1914. С. 191.

¹²⁴ B. D. Vol. 4. № 283. Sir A. Nicolson to Sir E. Grey. Aug. 23. 1907. P. 301–302.

¹²⁵ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 386–394; Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 19–24.

линии, идущей от афганской границы через Газик, Бирджан, Керманшах и Бендер-Аббас. Между этими двумя районами, подпадающими под влияние России и влияние Англии, осталась третья, нейтральная зона, где Россия и Великобритания обязались не противиться, без предварительного соглашения, выдаче концессий их подданным. В газете «Русь» от 28 сентября (11 октября) 1907 г. была помещена карикатура, передающая сущность англо-русского соглашения: британский лев и русский медведь раздирают персидскую кошку. Лев – медведю: «Вы можете заняться головой этой кошки. А я возьму себе хвостик». Персидская кошка: «Позвольте, позвольте! А вам разве не интересно знать, согласилась ли я на эти ласки?»

Следует отметить, что Россия по соглашению о Персии получила в свое распоряжение территорию, более чем в два раза превышавшую британскую зону. «Площадь первой из них, включавшей северную часть страны, составляла около 790 тыс. км². Английская зона, прикрывавшая подступы к Индии, охватывала территорию в 355 тыс. км². На нейтральную зону оставалось примерно 500 тыс. км²»¹²⁶. Юго-восточная часть, доставшаяся Великобритании, представляла собой главным образом пустыню, по которой, однако, проходили дороги, ведущие в Индию. Центральная, нейтральная область включала северное побережье Персидского залива, которое представляло особый интерес для Великобритании.

Преамбула конвенции, касавшейся Афганистана, гласила, что договаривающиеся стороны обязуются обеспечивать безопасность на соответствующих границах Средней Азии и поддерживать на территории этой страны прочный мир. Вопрос о британском влиянии в Афганистане был разрешен в пяти статьях. Согласно статье 1 английское правительство объявляло, что не имеет намерения изменять политического положения в Афганистане, будет использовать свое влияние там только в миролюбивом духе, не примет само и не будет поощрять Афганистан к принятию мер, угрожающих России. Императорское же правительство признавало Афганистан находящимся вне сферы русского влияния, обязалось пользоваться для всех политических сношений с этой страной английским посредничеством и не посылать туда никаких агентов.

По статье 2 британское правительство, ссылаясь на договор с эмиром, заключенный в марте 1905 г., обязалось не присоединять и не занимать какой-либо части Афганистана и не вмешиваться во внутреннее управление страной с оговоркой, что эмир будет выполнять условия вышеупомянутого договора.

¹²⁶ *Игнатьев А. В.* Внешняя политика России 1907–1914. С. 191.

Согласно статье 3 русские и афганские пограничные власти могли устанавливать непосредственные сношения по местным вопросам неполитического характера.

Статья 4 содержала принцип коммерческого равноправия двух стран в Афганистане. Россия и Англия договаривались совместно обсуждать вопрос о посылке на афганскую территорию своих торговых агентов. Статья 5 гласила, что перечисленные соглашения войдут в силу лишь с момента, когда британское правительство заявит российскому правительству о согласии эмира на поставленные выше условия¹²⁷.

«С этих пор, – писал С. Фей, – Афганистан перестал быть полем для русских интриг против Индии, к удовольствию англичан, избавившихся от грозного призрака, который тревожил их в течение целого века»¹²⁸. В преамбуле соглашения, касающегося Тибета, стороны признавали сюзеренные права Китая над ним. Далее говорилось об особой заинтересованности Англии в сохранении существующего порядка внешних сношений Тибета. По статье 1 обе стороны обязались уважать территориальную целостность страны и не вмешиваться в ее внутреннее управление. Статья 2 признавала сюзеренитет Китая над Тибетом. Державы обязались сноситься с Тибетом только через посредство китайского правительства. Это обязательство не исключало, однако, прямых связей английских коммерческих агентов с тибетскими властями, а также прав русских и британских буддистов входить в непосредственные сношения, на почве исключительно религиозной, с далай-ламой и другими представителями буддизма в Тибете. Согласно статье 3 российское и британское правительства обязались не посылать официальных представителей в Лхасу. Статья 4 гласила, что обе стороны не будут добиваться для себя или для своих подданных концессий на железные и другие дороги, телеграфные линии, рудники и иных прав в Тибете. По статье 5 оба правительства согласились в том, что никакая часть дохода этой страны не может быть заложена или предоставлена как Великобритании, так и России или их подданным.

В Тибете Англия продолжала оккупировать долину Чумби, по которой пролегал путь из Индии в Лхасу. Эта оккупация должна была прекратиться после того, как Тибет выплатит Англии за это денежную компенсацию. Если же оккупация к этому времени все-таки будет продолжаться, то Англия и Россия вступят в переговоры по этому вопросу. Получалось, что с согласия России оккупация могла быть сохранена¹²⁹. «Страна лам должна остаться барьером между русским медведем и британским львом в

¹²⁷ Сборник договоров России с другими государствами. С. 391; Мировые войны XX века... С. 21–22.

¹²⁸ Фей С. Происхождение мировой войны. С. 161.

¹²⁹ История дипломатии. Т. 2. С. 620.

Индии»¹³⁰. К англо-русской конвенции были приложены ноты Извольского и Никольсона о недопущении в Тибет научных экспедиций в течение трех лет со дня подписания соглашения¹³¹.

В день опубликования конвенции Форин оффис выступил с декларацией о сохранении статус-кво в Персидском заливе¹³². В приложенном к конвенции письме Эдуарда Грея Артуру Никольсону было сказано, что русское правительство в течение переговоров, приведших к ее заключению, определенно заявило, что оно не отрицает наличия специальных интересов Великобритании в Персидском заливе. Британское правительство формально приняло к сведению это заявление и лишний раз засвидетельствовало значение охраны этих интересов, являющихся результатом деятельности Англии в этих водах в течение более ста лет¹³³.

10 (23) сентября 1907 г. Россия и Англия обменялись ратификационными грамотами конвенции. 11 (24) сентября ее текст был сообщен великим державам. В тот же день посланники двух держав в Тегеране и Пекине передали соответствующим правительствам тексты соглашений, касающихся Персии и Тибета. 13 (26) сентября конвенция была опубликована.

«Наше дипломатическое соглашение с Англией, подписанное 18 августа 1907 г., – писал Палицын, – хотя и касается лишь определенных взаимных наших интересов в Тибете, Персии и Афганистане, но знаменует собой известную эволюцию в области политических отношений, дает право предполагать, что в случае вооруженного столкновения в Европе мы не встретим в ряду врагов наших Англию»¹³⁴.

Дневниковые записки издателя «Нового времени» А. С. Суворина подтверждают, что российское правительство было заинтересовано в том, чтобы англо-русская конвенция получила надлежащее освещение в прессе. 19 августа (1 сентября) Извольский просидел полтора часа у Суворина, развивая «свою программу по поводу соглашения с Японией и Англией». Издатель приводит слова министра иностранных дел о том, что, для того чтобы действовать в Европе, России «необходимо обеспечить себя в тылу». «На мой вопрос о Проливах, – пишет автор, – он сообщил

¹³⁰ Фей С. Происхождение мировой войны. С. 161.

¹³¹ Сборник договоров России с другими государствами. С. 393–394; Мировые войны XX в. С. 22–23.

¹³² B. D. Vol. 4. № 450. Sir A. Nicolson to Sir E. Grey. Aug. 15. 1907. P. 497–498; № 455. The Persian Gulf Declaration. Sir E. Grey to Sir A. Nicolson. Aug. 1907. P. 501–502.

¹³³ Рунд А. М. Англо-русское соперничество в Азии в 19 в. С. 158; Busch B. C. Britain and the Persian Gulf. 1894–1914. L., 1967. P. 364–369; Gooch G. P. Before the War. Vol. 1. L., 1936. P. 303.

¹³⁴ РГВИА. Ф. 2000. Д. 6766. Доклад Палицына. О мероприятиях по обороне государства, надлежащих осуществить в ближайшее десятилетие. Л. 9.

мне, как Алексею Сергеевичу, а не как журналисту», что в этом вопросе Англия будет за нас»¹³⁵.

В сентябре 1907 г. в ряде российских газет были помещены статьи, призывавшие использовать соглашение с Британией. Газета «Русь» на следующий день после заключения соглашения писала: «Официальная Англия имеет все основания быть довольной достигнутым единодушием по афганским делам и открывающейся перспективой дальнейшего сближения, но удовольствия своего предпочитает не показывать»¹³⁶. В газете выражалась надежда, что «соглашение при всей своей ограниченности будет бесконечно много весить на международных политических весах. Оно – первый и весьма решительный шаг и много обещает обоим народам в будущем, в случае если дальнейшие события, особенно внутреннее наше развитие, будут благоприятствовать дальнейшему сближению»¹³⁷. «Мечты о свободном выходе в Индийский океан, – сетовала газета «Русь», – нам приходится оставить. Это ли не серьезный повод верить, что компенсация за этот тяжкий для нас отказ должна быть нам дана в дальнейшем соглашении с Англией по делам Ближнего Востока, где все еще ждет разрешения вопрос о проливах, вопрос, в котором Англия всегда играла такую крупную роль»¹³⁸.

Подробному разбору англо-русская конвенция подверглась в статье С. Котляревского, помещенной в журнале «Русская мысль». «Раз центр тяжести русской политики перемещался от Дальнего к Ближнему Востоку, – размышлял автор, – здесь русской дипломатии уже неизбежно приходилось действовать сплошь и рядом против интересов Турции, которую так поддерживает Германия»¹³⁹. Англо-русский договор не ограничивался его чисто региональным значением. Несмотря на то что договор, казалось бы, не затрагивал проблем Балканского полуострова, Малой Азии и Дальнего Востока, «не приходится сомневаться в том, – писал он, – что именно обстоятельства в этих двух районах вызывают потребность в англо-русском сближении. Во внешней политике слова и обороты речи далеко не играют той роли, которая им приписывается... Это не союз, но базис союза, без которого вся нынешняя дипломатическая риторика ничего не стоит»¹⁴⁰. Таким образом, Котляревский исходил из того, что англо-русское соглашение открывает путь к дальнейшему сближению обеих держав и что именно

¹³⁵ Дневник А. С. Суворина. М.; СПб., 1923. С. 376.

¹³⁶ Русь. 1907. 19 августа (1 сентября). № 218.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Русь. 1907. 14 (27) сентября. № 244.

¹³⁹ Русская мысль. 1907. № 11. С. 172.

¹⁴⁰ Там же.

англо-русское соглашение привело к включению (фактическому) России в состав Антанты (англо-французского союза).

Британская пресса считала, что новое соглашение явится гарантом международного мира. Она исключала влияние вопросов о Персидском заливе и Проливах на заключение конвенции.

Консервативный «Standard» (Стэндарт), со своей стороны, констатировал, что «английское и русское правительства вовсе не желали при заключении соглашения выработать план совместных действий на Ближнем Востоке или в Малой Азии»¹⁴¹.

14 сентября «The Times» (Таймс) писала: «Англо-русское соглашение ни в коем случае не направлено против Германии, так оно регулирует англо-русское отношение в Средней Азии на дружественной почве»¹⁴².

Либеральная «Daily News» (Дейли Ньюс) считала, что «сент-джеймский кабинет создал сперва путем французского, а теперь и русского соглашений противовес влиянию другой державы, которая часто создавала Англии препятствия»¹⁴³.

«По этому договору, – доказывал Грей в парламенте, – мы не потеряли ничего из того, что не было потеряно раньше. Все, чем мы пожертвовали в Персии, – это некоторые возможности в торговле. В Тибете и Афганистане мы не пожертвовали ничем»¹⁴⁴.

Необходимо отметить, что нашлись и противники англо-русского сближения. Барон Таубе, профессор международного права Московского университета, советник министра иностранных дел, говорил Извольскому в частной беседе: «Я нахожу в этом договоре, что вы желаете дать Англии, но не нахожу того, что она желает дать нам. Вы отказались от Афганистана, от Персидского залива, который, может быть, когда-нибудь обеспечил бы нам выход в открытое море, которого мы тщетно ищем в направлении Константинополя. Вы ничего не получили, за исключением северной Персии, где мы уже фактически являемся хозяевами»¹⁴⁵.

Будучи уверен в британской поддержке планов Петербурга по пересмотру конвенции о Проливах, Извольский в том же 1907 г. сделал первые попытки выяснить отношение Германии и Австро-Венгрии к намечаемым изменениям в статусе Проливов.

Во время свидания Николая II с Вильгельмом II в Свинемюнде 21–24 июля (6–9 августа) 1907 г. Извольский беседовал с германским канцлером Б. Бюловом. Российский министр воспользовался обсуждением недавнего

¹⁴¹ Цит. по: Русь. 1907. 21 августа (3 сентября). № 220.

¹⁴² The Times. 1907. Sept. 14.

¹⁴³ Daily News. 1907. Sept. 14.

¹⁴⁴ The Times. 1908. Feb. 7.

¹⁴⁵ Таубе Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960. С. 739.

соглашения между Францией, Испанией и Англией о поддержании статус-кво в западной части Средиземного моря и затронул проблему Черноморских проливов¹⁴⁶. Он дал понять канцлеру, что «наилучшим противовесом создавшейся в одной части Средиземного моря группировке держав было бы предоставление России возможности беспрепятственно выводить свои морские силы из Черного моря, то есть, другими словами, пересмотр в нашу пользу постановлений Парижского трактата о турецких проливах».

Князь Бюлов ответил, что в принципе он «вполне сочувствует этой мысли, но что вопрос о проливах один из тех, которые могут быть разрешены лишь с течением времени и в связи с естественным ходом событий»¹⁴⁷.

Во время того же свидания императоров в Свинемюнде Извольский заявил Бюлову, что «мы тщательно избегаем вводить в круг проектируемых соглашений какие бы то ни было вопросы, могущие затронуть чужие, и в особенности германские, интересы»¹⁴⁸.

Во время посещения Вены осенью 1907 г. Извольский имел несколько продолжительных бесед с министром иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталем. В одной из бесед российский министр заявил, что «хотя Россия искренне стремится возможно дольше сохранить status quo в пределах Турецкой империи, однако, если вопреки ее желанию и ее миролюбивой политике на Балканском полуострове произошли бы существенные перемены, русское правительство позаботилось бы о своих интересах, вытекающих из истории и географического положения России». «Интерес этот, по моему глубокому убеждению, – пояснил Извольский, – весь сосредоточивается в вопросе о свободном выходе из Черного моря в Средиземное, иначе сказать – в вопросе о турецких проливах»¹⁴⁹. Извольский недвусмысленно намекнул, что Россия и Австро-Венгрия могли бы установить на будущее полное согласие в восточном вопросе. 6 ноября 1907 г. Извольский писал в докладе: «Наступившее внутри империи успокоение и заключение дипломатических соглашений, обеспечивающих нас от возможности новых осложнений на Востоке, возвратили России полную свободу действий и вернули ей место, подобающее ей в ряду европейских держав»¹⁵⁰.

В 1906–1907 гг., во время англо-русских переговоров по заключению конвенции о Персии, Тибете и Афганистане, стороны интенсивно

¹⁴⁶ Секретный архив. Оп. 467. Д. 712/771. Доклад Извольского Николаю II. 6 (19) августа 1907 г. Л. 123.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же. Всеподданнейший доклад Извольского Николаю II. 6 (19) ноября 1907 г. Л. 260.

¹⁵⁰ Там же. Л. 268.

обменивались мнениями по вопросу о режиме Черноморских проливов. Однако переговоры о Проливах носили подчиненный характер. Русская дипломатия проявила при этом особую осторожность и сдержанность. Хотя формально советник российского посольства в Лондоне Поклевский-Козелл первым поднял вопрос о Проливах, в действительности инициатива постановки его в ноябре 1906 г. принадлежала английской дипломатии, стремившейся ускорить подписание конвенции о Персии, Тибете и Афганистане. Несомненно, Грей и Никольсон рассчитывали, обсуждая вопрос о Проливах, сломить в Петербурге сопротивление противников соглашения с Британией.

В январе–июне 1907 г., в решающий момент рассмотрения английских проектов по средневозточным вопросам, между Петербургом и Лондоном состоялись переговоры по существу предложений русской дипломатии об изменении режима Проливов. Петербург стремился получить согласие Великобритании на проход русских военных судов через Проливы при закрытии их для военного флота нечерноморских держав. Лондонский кабинет как в устных заявлениях, так и в меморандумах признавал особую заинтересованность России в Проливах и выражал готовность содействовать решению вопроса об их статусе. Грей считал возможным в будущем найти приемлемую для России и других держав формулу изменения режима Проливов. Английская дипломатия ставила вопрос пересмотра конвенции о Проливах в зависимость от результатов англо-русских переговоров по проблемам Среднего Востока и таким путем добивалась от Петербурга уступок в Персии, Тибете и Афганистане.

Однако в 1907 г. британская дипломатия была против включения вопроса о Проливах в конвенцию по средневозточным проблемам и уклонилась от принятия конкретных обязательств по изменению режима Проливов. Грей, писал А. Тэйлор, «не пожелал связывать себе руки»¹⁵¹.

Со своей стороны Извольский, учитывая европейский характер проблемы Проливов, особую заинтересованность Германии в делах Ближнего Востока и внутривосточную обстановку в России, не решился в 1907 г. на углубление переговоров об изменении режима Проливов.

Статьи англо-русской конвенции в основном соответствовали реальному соотношению сил обеих держав и фиксировали занимаемые ими к тому времени позиции. В двух вопросах – о коммерческом выходе к Персидскому заливу и о Черноморских проливах – Извольский, вероятно, мог бы добиться большего, если бы не проводил политику балансирования между Англией и Германией. Вместе с тем непосредственным результатом соглашения явилась не только стабилизация положения на

¹⁵¹ Тэйлор А. Борьба за господство в Европе 1918–1948. С. 450.

среднеазиатских границах России, но и серьезное упрочение ее позиций в Европе. Британия, помимо получения региональных преимуществ, сделала важный шаг в своей блоковой политике¹⁵². Договор двух великих колониальных держав еще раз продемонстрировал странам Востока подлинный характер их политики. Царскому правительству пришлось фактически отказаться от «особых отношений» с Персией и Китаем, принесенных в жертву глобальным расчетам.

---

¹⁵² Некоторые зарубежные авторы придерживаются точки зрения, что Британия заключила соглашение с Россией не для того, чтобы урегулировать средневосточные вопросы, а чтобы приобрести нового союзника в борьбе с Германией. См.: *Steiner Z. S. The Foreign Office and the Foreign Policy 1898–1914. P. 95; Douglas J. Britain and Europe 1900–1914. L., 1941. P. 37; Wilson K. The Policy of Entente. Cambridge, 1985. P. 75.*

Глава II

Вопрос Черноморских проливов во время Боснийского кризиса 1908–1909 гг. На пути к итало-турецкой войне

В конце 1907 – начале 1908 г. возникли напряженные отношения между Россией и Турцией. Еще в сентябре, сразу после заключения англо-русского соглашения, министр иностранных дел России А. П. Извольский во время посещения Вены в беседе с А. Эренталем заявил, что в интересах России поддерживать статус-кво на Балканах. Германия и Австро-Венгрия, не возражая против действий России, продолжали развивать экспансию на Ближнем Востоке. Германия вела переговоры с Османской империей о политическом и военном соглашениях и добилась продолжения контракта на строительство Багдадской железной дороги. Австро-Венгрия подписала со Стамбулом секретную военную конвенцию и протокол о концессиях в Салоникском и Косовском вилайетах¹.

Англия продолжала развивать отношения с Россией. 27–28 мая (ст. ст.) 1908 г. на рейде Ревельского (ныне Таллинского) порта состоялось свидание Эдуарда VII и Николая II². Английский король высказался за дальнейшее укрепление единства между двумя правительствами и выразил удовлетворение развитием событий в России в результате деятельности П. А. Столыпина.

Несмотря на сближение с Англией, Извольский считал, что следует добиваться улучшения отношений и с Австро-Венгрией. Дунайская монархия стремилась установить свой контроль на Балканском полуострове и прочно обосноваться на адриатическом побережье. Для этого ей необходимо было присоединить турецкие провинции Боснию и Герцеговину. Согласно XXV статье Берлинского трактата 1878 г. эти южнославянские земли находились под управлением Австро-Венгрии, но формально оставались в составе Османской империи.

¹ История дипломатии. Т. 2. М., 1963. С. 639–640.

² Tyler M. The European Powers and the Near East 1875–1908. Minneapolis, 1925. P. 201–202.

Для осуществления этого замысла министр иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталь проделал обширную подготовительную работу.

В ноябре 1907 г. Извольский во время своего путешествия по Европе встречался с ним и обсуждал вопросы балканской политики. Извольский заявил Эренталю, что было бы желательно заранее выяснить, «возможно ли для России и Австрии продолжать действовать в полном единении и согласии, даже при наступлении таких обстоятельств, которые, помимо воли этих двух держав, нарушили бы статус-кво в пределах турецкой империи»³. Извольский открыто сказал Эренталю, что Россия ни теперь, ни в будущем не желает никакого территориального приращения ни за счет Турции, ни за счет какой-либо из Балканских стран. Но если бы вопреки этой миролюбивой и консервативной политике на Балканском полуострове произошли существенные перемены, русское правительство по необходимости «должно будет озаботиться обеспечением своего важнейшего интереса, вытекающего из истории и географического положения России. Интерес этот, по моему глубокому убеждению, весь сосредоточен в вопросе о свободном выходе из Черного моря в Средиземное, иначе сказать, в вопросе о турецких проливах. Подобная постановка дела, мне кажется, должна в значительной степени облегчить установление полного согласия между Россией и Австро-Венгрией насчет дальнейшей совместной деятельности в восточном вопросе; ибо разрешение в нашу пользу вопроса о Проливах не нарушило бы никакого австрийского интереса...»⁴.

В течение апреля–июня 1908 г. состоялся обмен нотами между русским и австро-венгерским министерствами иностранных дел, в которых была подтверждена поддержка Россией аннексии Австрией Боснии и Герцеговины в обмен на поддержку Австро-Венгрией изменения режима Проливов в интересующем Россию направлении.

Правительство Австро-Венгрии 1 (14) мая 1908 г. направило российскому министру иностранных дел меморандум, в котором Эренталь предлагал по-новому взглянуть на проблему принадлежащих Турции провинций Босния и Герцеговина, 2 (15) июля Извольский отправил памятную записку Эренталю, в которой содержалось предложение договориться в случае решительных перемен на Балканах об аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины и Новопазарского санджака в обмен на изменение конвенции о Проливах в пользу России. При этом Извольский упомянул, что пересмотр Берлинского трактата возможен только с согласия держав, его подписавших, а для этого нужно было бы провести международную конференцию⁵.

³ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Д. 712/771. Всеподданнейший доклад Извольского Николаю II. 6 (19) ноября 1907 г. Л. 42.

⁴ Там же.

⁵ Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910. М., 1961. С. 136.

По времени заявление Извольского почти совпало с государственным переворотом в Турции, начавшимся в Салониках, то есть в Македонии. К власти пришло правительство младотурок, которое сделало ставку на Германию. Это усилило обеспокоенность России судьбой Черноморских проливов. Руководители младотурецкой революции собирались провести выборы в Османской империи, включая Боснию и Герцеговину. Это обстоятельство побудило Габсбургскую монархию официально присоединить обе оккупированные ею провинции. Современный историк пишет: «Так Дунайская монархия вызвала второй большой международный кризис XX века, Боснийский кризис 1908–1909 гг. По существу, он явился следствием длительного воздействия Восточного вопроса и событий младотурецкой революции, но только германское вмешательство подняло региональный кризис до мирового уровня»⁶.

21 июля (3 августа) 1908 г. в Петербурге состоялось особое совещание с участием руководства МИД, представителей Совета государственной обороны, военного и морского министров, представителей Генеральных штабов морского и сухопутного, министра финансов, а также российских послов в Париже и Константинополе. На совещании обсуждался вопрос об отстаивании интересов России в Турции, однако было признано, что сейчас «мы не готовы на какие-либо самостоятельные выступления, что дело вооруженного завладения Босфором приходится временно отложить и пока заняться разработкой подробного плана действий о мирном занятии Босфора без объявления войны Турции»⁷.

Когда речь зашла о возможности проведения операции в Проливах, морской министр сообщил, что послать два броненосца и два крейсера из Балтийского моря в Средиземное для занятия Верхнего Босфора и иных действий можно лишь в будущем⁸.

Совещание высказалось за ускорение соответствующей подготовки. Извольский полагал, что общая политическая конъюнктура выгодна для России, и считал, что Англия, препятствовавшая начинаниям России на Востоке, в тот момент не стала бы выступать против. Сознание собственного бессилия и дружественные отношения с Англией диктовали русским правящим кругам необходимость принять турецкую революцию, примириться с ней и попытаться извлечь из этого возможные выгоды.

Совещание постановило «разработать подробный план действий в мирном занятии Босфора без объявления войны Турции, при условии

⁶ *Туполев Б. М.* Происхождение Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 29.

⁷ Красный архив. М., 1930. Т. 6. Журнал Особого совещания. 21 июля (3 августа) 1908 г. С. 45.

⁸ Там же.

соблюдения всех мер предосторожности, дабы турки не узнали преждевременно о наших намерениях»⁹.

Через три дня начальник Главного управления генерального штаба Ф. Ф. Палицын отправил командующему войсками Одесского военного округа конфиденциальное письмо, в котором говорилось, что «современная политическая обстановка может принудить нас к занятию войсками части территории Турции, на первом плане Верхний Босфор»¹⁰. Эта задача возлагалась на Одесский округ.

Палицын отмечал: «... правда, военно-политическая обстановка, при которой нам придется ныне выполнить экспедицию, будет существенно отличаться от той, которая предусматривалась ранее (имелась в виду перед Русско-японской войной)». Он был уверен, что России не придется ожидать появления и прорыва в Черное море английского флота. «Главнейшей заботой экспедиции, – подытоживал Палицын, – будет захват на обоих берегах Пролива выгодных позиций, господствующих над Константинополем, и удержания их в своих руках для достижения поставленной – по обстоятельствам – политической цели»¹¹. 29 июля (11 августа) 1908 г. Ф. Ф. Палицын сообщал И. М. Дикову, морскому министру: «Оперативные соображения требуют, чтобы при столкновении с Турцией мы были готовы перебросить одним рейсом один корпус войск, усиленный кавалерийской бригадой и обеспеченный месячным запасом. В круглых числах это составит около 1100 офицерских и классовых чинов, 42 000 нижних чинов, 110 000 лошадей, 3000 орудий и повозок с 300 000 пудов груза продовольствия. Куда придется направить десант – к Босфору ли, к другому ли пункту малоазийского побережья – может указать лишь обстановка, при которой придется начать войну»¹². Далее Палицын ссылаясь на заключение Особого совещания 21 июля (3 августа), что по политическим соображениям правительство не может войти в соглашение с Болгарией о совместных действиях и что политическая обстановка может вынудить занять войсками часть турецкой территории и на первом плане – Верхний Босфор. «При современной политической обстановке задача экспедиции, – сообщал Палицын Дикову, – сводится к захвату на обоих берегах Босфора позиций, господствующих над Константинополем; и к удержанию этих позиций до сосредоточения сил, необходимых для военной задачи, согласно указанной политики. Интересы первого эшелона сухопутных войск требуют, чтобы флот, обеспечив и

⁹ Журнал Особого совещания. 21 июля (3 августа) 1908 г. С. 45.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 912. О десантных операциях на черноморском побережье. Начальник Генерального штаба – А. В. Каульбарсу. 24 июля (6 августа) 1908 г. Л. 83.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Ф. Ф. Палицын – И. М. Дикову. 29 июля (11 августа) 1908 г. Л. 86.

облегчив высадку, способствовал бы падению босфорских батарей и оказал бы посильную помощь войскам при удержании захваченных позиций»¹³.

20 августа (1 сентября) 2008 г. министр иностранных дел Эренталь сообщил российскому послу в Вене В. П. Урусову о готовности приступить к переговорам с Извольским на основе памятной записки российского министра от 19 июня (2 июля), при этом он выразил желание лично встретиться с Извольским. Эренталь не преминул спросить, зондировал ли уже Извольский мнение английского правительства на этот счет. «Получив отрицательный ответ, он согласился в перспективе принять текст, предложенный Извольским. Он ничем не рисковал, будучи уверенным, что англичане не пойдут на уступки в этом вопросе»¹⁴.

Российский министр намеревался использовать сложившуюся ситуацию, чтобы обеспечить России право проводить военные суда через Проливы. Извольский полагал, что если удастся заключить сделку с Австро-Венгрией, то Германия не станет противодействовать реализации его замысла. Франция, как союзник, тоже не должна была бы возражать против Проливов. Великобритания же должна будет выполнить свое обещание, данное при заключении англо-русского соглашения.

6 (19) августа правительство Австро-Венгрии приняло решение об аннексии Боснии и Герцеговины. План аннексии поддерживала австрийская военная партия во главе с эрцгерцогом Францем Фердинандом и начальником Генерального штаба Конрадом фон Гётцендорфом¹⁵. По договоренности с болгарским князем Фердинандом Кобургским это событие должно было совпасть с объявлением независимости Болгарии. В итоге получалось, что Австро-Венгрия не была единственным государством, нарушающим Берлинский трактат.

Уже 20 августа (2 сентября) Извольский писал из Карлсбада своему помощнику Н. В. Чарыкову: «Итак, мое убеждение, что мы должны предвидеть в более или менее близком будущем, что вопрос о присоединении Боснии и Герцеговины будет действительно поставлен ребром»¹⁶. Извольский находил чрезвычайно важным, что венский кабинет не отказывался включить вопрос о Проливах в обсуждение. Далее Извольский рассуждал следующим образом: «Остается найти такую формулировку, которая действительно обеспечивала нам необходимую компенсацию. Дело в том, что присоединение Боснии и Герцеговины явится матери-

¹³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 912. Ф. Ф. Палицын – И. М. Дикову. 29 июля (11 августа) 1908 г. Л. 93.

¹⁴ *Ефремов П. Н.* Внешняя политика России (1907–1914). М., 1961. С. 85.

¹⁵ *Нотович Ф. И.* Эпизод Боснийского кризиса // *Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии.* 1947. Т. IV. № 1. С. 61.

¹⁶ Исторический архив (далее: ИА). 1962. № 5. Извольский – Чарыкову. 20 августа (2 сентября) 1908 г. С. 117.

альным фактом; компенсация же, а именно согласие Австро-Венгрии на то или другое разрешение вопроса о Проливах, во всяком случае будет носить характер отвлеченный и секретный»¹⁷. 28 августа Извольскому было ясно, что решение объявить в близком будущем об аннексии уже принято венским кабинетом.

2–3 (15–16) сентября состоялась встреча Извольского с Эренталем в Бухлау. Российский министр писал своему помощнику, что австро-венгерское правительство окончательно приняло решение об аннексии и рассчитывает на признание его Россией¹⁸.

В результате сложных переговоров Эренталь согласился, не дожидаясь ликвидации в отдаленном будущем Османской империи, принять российскую формулу касательно Проливов, когда все суда России и других прибрежных государств Черного моря могли входить и выходить через Проливы при сохранении принципа закрытия их для военных судов других наций. Предметы сделки были неравноценны. Аннексия после тридцатилетнего австро-венгерского управления Боснией и Герцеговиной была шагом логически объяснимым, тогда как Россия Проливами не обладала и не могла самостоятельно решить вопрос, урегулированный на международном уровне¹⁹. Эренталь хотел лишь внести в эту формулу какую-нибудь оговорку, которая лишила бы ее агрессивного по отношению к Турции характера, что Извольскому представлялось вполне возможным. Эренталь выразил готовность поддержать требование России перед Германией.

Босфорский мираж отчетливо возник перед глазами Извольского, который писал Чарыкову, что необходимо доложить обо всем царю и развить перед ним мысль, что протестами против аннексии и угрозами мы ничего не добьемся, а предлагаемый им путь компенсаций и гарантий может оказаться даже выгодным. «При счастливом и искусном ведении дела есть шансы нынче же, то есть не дожидаясь ликвидации Османской империи изменить в нашу пользу постановление о Проливах. Во всяком случае, мы приобретаем формальное согласие на такое изменение со стороны Австрии, а может быть и Германии», – писал Извольский²⁰.

Результаты встречи Извольского и Эренталья не были официально зафиксированы, что оставило свободу трактовки шансов «на счастливое и искусное ведение дела». Ни сроки аннексии, ни выдвижение Россией вопроса о пересмотре статуса Проливов, ни процедура оформления изменений в Берлинском трактате не были уточнены. Собеседники потом толко-

¹⁷ ИА. 1962. № 5.

¹⁸ Там же. 3 (16) сентября 1908 г. С. 123; Россия и Черноморские проливы... С. 264–265.

¹⁹ *Игнатъев А. В.* Внешняя политика России 1907–1914. М., 2000. С. 77.

²⁰ ИА. 1962. № 5. Письмо Извольского Чарыкову 3 (16) сентября. С. 123.

вали ее смысл различно: Извольский утверждал, что состоялся форменный сговор: Эренталь получил Боснию и Герцеговину, Извольский – пересмотр вопроса о Дарданеллах на европейской конференции, которую он хотел организовать. Эренталь же говорил, что никакого сговора не было²¹.

8 (20) сентября Чарыков доложил царю о результатах встречи в Бухлау. Николай II был чрезвычайно доволен итогами переговоров. Особенно обрадовала его перспектива, не дожидаясь ликвидации Османской империи, решить вопрос о Проливах, писал Чарыков Извольскому²². Царя беспокоило только отношение Германии к задуманному предприятию: «Это было решением векового вопроса, – сказал он Чарыкову и, прощаясь после обеда, добавил: – Я буду помнить 8 сентября 1908 года»²³. Однако Чарыков задает Извольскому вполне конкретный вопрос: «Возможно ли осуществить такое крупное и существенное изменение международного договора семи держав (вопрос о Проливах), так сказать келейным путем, посредством партикулярного соглашения между двумя из них?»²⁴. Как выяснилось позднее, сделать это оказалось совершенно невозможно.

10 (23) сентября Извольский напомнил Эренталю, что «обусловил свое согласие на аннексию Боснии и Герцеговины признанием общеевропейского характера этого вопроса и необходимости компенсации»²⁵. 11 сентября российский министр писал своему помощнику, что «необходимо приготовить, а в решительный момент направить нашу печать и общественное мнение, которые весьма легко могут пойти по ложному пути»²⁶. Извольский считал очень важным установить взаимопонимание с рядом ведущих изданий, не ограничиваясь дружественным «Новым временем», но «заручиться поддержкой А. И. Гучкова (“Голос Москвы”), и П. Н. Милюкова (“Речь”))»²⁷. Основная роль в контактах с прессой отводилась А. А. Гирсу, руководившему отделом печати МИДа, и помощнику министра Чарыкову.

Посол в Стамбуле И. А. Зиновьев верно оценивал ситуацию, когда писал, что «настоящее турецкое правительство не особенно расположено к разрешению вопроса о проливах в желательном для России смысле»²⁸.

Командующий войсками Одесского военного округа отправил 5 (18) октября 1908 г. письмо Палицыну. «Политические события, совер-

²¹ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 305.

²² ИА. 1962. № 5. Письмо Извольского Чарыкову. 3 (16) сентября С. 123.

²³ Там же. Письмо Чарыкова Извольскому. 8–9 (21–22) сентября 1908 г. С. 125.

²⁴ Там же. С. 126.

²⁵ История дипломатии. С. 660.

²⁶ ИА. 1962. № 5. Письмо Извольского Чарыкову. 8–9 (21–22) сентября 1908 г. С. 128.

²⁷ Там же.

²⁸ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978. С. 330.

шающиеся в последнее время на Балканском полуострове, подтверждают необходимость содержания в постоянной готовности наших вооруженных сил и средств на Черном море и принятию тех или иных вмешательств в судьбы балканских народов». Он делал вывод, что очень важным и «требующим полного и неустанного внимания и забот» представляется вопрос «о готовности перебросить наши вооруженные силы в любой момент на тот или другой пункт турецкого театра, – иными словами, постоянная готовность к предпринятию десантной операции в тех или других размерах и целях».

Вопрос об осуществлении десантной экспедиции разделялся на ряд составных вопросов о готовности Черноморского флота (казенного и частного), войсковых частей и разного рода запасов. «В настоящее время, – сообщал А. В. Каульбарс Палицыну, – вследствие увольнения в запас на всех судах Черноморского флота недостает около 40% нижних чинов. Ввиду этого, для немедленного выхода боевой эскадры приходится снять со всех военных транспортов и судов резервного флота большую часть имеющихся на них команд и перевести их на суда боевого флота. Для укомплектования же до штатного состава команд военных транспортов и судов резервного флота придется призвать запасных матросов»²⁹.

Все перечисленные командующим Одесским округом трудности являлись причиной того, что «суда Черноморского флота могли быть готовы к выходу в море лишь на 8-й день по объявлению экспедиции. Кроме того, ощущалась острая нехватка запасов угля: имелось около 20 000 тонн; между тем для целей экспедиции признавался необходимым запас в количестве около 700 000 тонн. В итоге получалось, что при столь неподготовленных средствах не может быть и речи о быстроте и, по возможности, внезапности нашего появления у берегов Босфора»³⁰.

Обнадеживало то, что в мирное время берега Босфора слабо охранялись. Возможность внезапного захвата берегов Пролива в мирное время также была обусловлена определенными взаимными отношениями европейских держав, или, как это сформулировал командующий: «Так сказать, общей политической обстановкой данной минуты». Командующий войсками Одесского военного округа понимал, что «Босфорская экспедиция, результаты которой, при благоприятном исходе, будут иметь перво-степенное государственное значение», может привести к значительным политическим затруднениям. Поэтому он считал, что принятию данного решения должно предшествовать тщательное обсуждение. «Положены будут на весы как ожидаемые от экспедиции результаты, так и вызываемые ею, в виду наличных условий, жертвы и затруднения. Как тем, так

²⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 912. А. В. Каульбарс – Ф. Ф. Палицыну. 5 (18) октября 1908 г. Л. 93.

³⁰ Там же.

и другим сделана будет относительная оценка, какова и будет служить основанием для последующего решения»³¹.

«До настоящего времени вопрос об организации управления десантной экспедиции, являющийся вопросом первостепенной важности, далеко не достаточно разработан, – признавал Каульбарс, – а также не решен вопрос о разграничении власти и ответственности военного и морского ведомств при организации десантных операций. Казалось бы, что для правильного употребления всех подготовленных к десантной экспедиции средств, для совершенствования и поддержания их в постоянной готовности, необходимо еще в мирное время предназначить то лицо, которое станет во главе экспедиции»³². Извольский тем временем продолжал дипломатическое турне по Европе. 12–13 (25–26) сентября в Берхтесгадене он встречался с германским статс-секретарем по иностранным делам В. Шёном, а 16–17 (29–30) сентября в Дезио – с министром иностранных дел Италии Т. Титтони, далее следовали Париж и Лондон³³. Из разговора с Шёном Извольский вполне уяснил, что Германия не будет возражать против изменений режима Проливов, но потребует для себя компенсацию в этом регионе.

Титтони отнесся в общем благожелательно, но сразу же выдвинул притязания Италии на Триполитанию и Киренаику, против чего российский министр не возражал³⁴.

19 сентября (2 октября) проект памятной записки австро-венгерскому правительству, в котором запрашивались компенсации России и Балканским государствам в случае аннексии Боснии и Герцеговины, был одобрен царем. Пункт 2-й памятной записки касался вопроса о Проливах и оговаривал «право для России и для других причерноморских стран проводить их военные суда свободно в обоих направлениях через Проливы, которые связывают Черное и Средиземное моря, поскольку принцип закрытия этих Проливов установлен государствами, не прибрежными к этому морю»³⁵. В заключение памятной записки российское правительство предложило Вене провести дружественный обмен мнений о будущем Константинополя и прилегающих к нему территорий и установить взаимопонимание между Россией и Дунайской монархией в случае распада Османской империи.

³¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 912. А. В. Каульбарс – Ф. Ф. Палицыну. 5 (18) октября 1908 г. Л. 94.

³² Там же.

³³ Ч. Гардинг справлялся у Поклевского о точной дате приезда в Лондон Извольского, полагая, что лучшим временем для визита была бы последняя неделя сентября или первая неделя октября: АВПРИ. Ф. Посольство в Лондоне. Оп. 520. Д. 1331. Гардинг – Поклевскому. 20 августа (2 сентября) 1908 г. Л. 4.

³⁴ История дипломатии. Т. 2. С. 658.

³⁵ ИА. М., 1962. № 5. Проект памятной записки австро-венгерскому правительству 19 сентября (2 октября) 1908. С. 133.

В тот же день Чарыков поставил в известность о результатах российско-австрийских переговоров председателя Совета министров, военного и морского министров и министра финансов, а также исполняющего обязанности начальника Генерального штаба. Столыпин и Коковцов выразили свое возмущение по поводу того, что Совет министров так поздно узнал «о деле столь громадного исторического значения, затрагивающем интересы внутреннего состояния империи»³⁶. Министры срочно собрались на совещание, на котором Столыпин и Коковцов «при сочувственной поддержке прочих» подвергли действия Извольского резкой критике. Они считали, что, хотя Россия и не может воспрепятствовать аннексии Боснии и Герцеговины, она должна выступить защитницей интересов пострадавших государств, «а отнюдь не пособницей или укрывательницей Австрии»³⁷. На совещании было решено заявить царю, что правительство отказывается брать на себя ответственность за последствия действий, совершившихся без его ведома.

Докладывая Извольскому о происшедшем, Чарыков просил его вернуться в Петербург. Получив телеграмму, составленную Коковцовым и излагающую мнение Совета министров, Извольский всерьез забеспокоился. Министр через российского посла во Франции А. И. Нелидова объяснил Чарыкову, что он (Извольский) предупредил Австрию о международных последствиях аннексии и предлагал мирный и выгодный исход для России. Он также считал, что его возвращение в Санкт-Петербург, чего желало совещание, могло бы оказаться нежелательным, поскольку предстоящие беседы в Лондоне, Париже и Берлине сулили в сложившейся обстановке многообещающие результаты³⁸. Несмотря на несогласие со стороны Совета министров, Николай II разрешил министру иностранных дел продолжить путешествие.

25 сентября (8 октября) состоялась аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Возможно, у австрийского министра мелькнула мысль, что неожиданная аннексия будет способствовать срыву планов Извольского относительно Проливов. За два дня до этого события 23 сентября (6 октября) российский посол в Стамбуле Зиновьев виделся с великим визирем и министром иностранных дел Турции. Из их ответов посол сделал заключение, что они признают необходимым предъявить державам, подписавшим Берлинский трактат, протест против присоединения Боснии и Герцеговины к Австрии, но «понимают при этом невозможность изменить ход событий и относятся хладнокровно к свершившимся фактам»³⁹.

³⁶ ИА. М., 1962. № 5. Телеграмма Н. В. Чарыкова А. П. Извольскому. 20 сентября (3 октября) 1908 г. С. 133.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Телеграмма Нелидова Чарыкову. 21 сентября (4 октября) 1908 г. С. 134.

³⁹ АВПРИ. Ф. Посольство в Лондоне. Оп. 520. Д. 1428. И. А. Зиновьев – А. К. Бенкендорфу. 23 сентября (6 октября) 1908 г. Л. 135.

К состоявшейся аннексии в Берлине отнеслись настороженно, хотя продвижение Австро-Венгрии на юго-восток соответствовало интересам центральных держав. Германское правительство, испытывая недовольство самостоятельным шагом Австро-Венгрии, все же безоговорочно поддержало своего союзника. Рейхсканцлер Б. Бюлов убедил кайзера, что «от выступления против Эрентала может выиграть только Англия»⁴⁰.

Британия, в свою очередь, стремилась не допустить укрепления позиций Германии ни на Балканах, ни в Марокко. Стройные планы Грея нарушились путаной дипломатической игрой Извольского с Австро-Венгрией.

Британия заняла резко отрицательную позицию в отношении акта аннексии⁴¹. Английский министр иностранных дел Э. Грей заявил австро-венгерскому правительству, что «нарушение или изменение условий Берлинского трактата без предварительного согласия с другими державами, из которых Турция затронута в данном случае больше всех, никогда не может быть ни одобрено, ни признано правительством его величества»⁴².

Между тем именно в силу бухлауской сделки проблема Проливов оказалась самым тесным образом связанной с балканскими делами. В Париже Извольский не получил никаких определенных заверений. Своим невмешательством в Боснийский кризис Франция рассчитывала получить от Германии уступку в марокканском вопросе, который был для нее в то время важнее проблем России и Турции⁴³. Идею Извольского о международной конференции и компенсациях в пользу ущемленных аннексией стран не поддержал министр иностранных дел Франции С. Пишон. Французские министры были недовольны не только неудачным моментом и формой, которую выбрал Извольский для решения проблемы Проливов, но и тем обстоятельством, что русский министр вел за их спиной переговоры с Эренталем. 24 сентября (7 октября) российский посол Нелидов телеграфировал из Парижа, что министр иностранных дел Франции С. Пишон просил сообщить России, что, «по мнению лондонского кабинета, пока не будет достигнуто предварительного соглашения касательно программы конференции, желательно не выступать с предложением о ее созыве. В особенности необходимо некоторое время для подготовки общественного мнения по вопросу о Проливах. Желательно также заранее условиться

⁴⁰ Бюлов Б. Воспоминания. М., 1935. С. 339–340.

⁴¹ Lee S. King Edward VII. A Biography. L., 1927. P. 627; Tyler M. The European Powers and the Near East. P. 204; Kent M. The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. L., 1984. P. 37.

⁴² British Documents on the Origins of the War 1898–1914. L., 1926–1938; B. D. Vol. V. № 302. E. Grey to E. Goshen. Oct. 5. 1908. P. 390; Kennedy A. L. Old Diplomacy and New. L., 1922. P. 149.

⁴³ История дипломатии. Т. 2. С. 661.

о компенсациях. Вследствие всего этого Грей просил парижский кабинет побудить Россию не спешить с конкретными предложениями о созыве конференции»⁴⁴. Пишону также представлялось более желательным сделать в Константинополе и в Софии единовременно заявление в том смысле, что Берлинский трактат не может быть подвергнут никакому изменению или нарушению без согласия подписавших его держав⁴⁵.

В вопросе о Проливах Франция выступила за уважение суверенитета Турции и настоятельно советовала предварительно согласовать вопрос с Британией. Положение еще более обострилось вследствие того, что как раз во время пребывания Извольского в Париже он получил сообщение о том, что в Петербурге восторжествовала точка зрения Столыпина и что царское правительство решило протестовать против аннексии Боснии и Герцеговины. Это связывало руки Извольскому. В этой чрезвычайно сложной и запутанной ситуации, затрагивающей интересы почти всех великих держав, очень многое зависело от позиции Британии.

Российские политические круги немедленно откликнулись на аннексию. «Голос Москвы» считал аннексию Боснии и Герцеговины констатацией окончательной ликвидации Берлинского трактата и поддержал «требования, высказанные в адрес правительства, – не упустить момент и позаботиться об интересах России. Имелся в виду пересмотр режима Проливов Босфор и Дарданеллы»⁴⁶.

Пресса также делала выводы касательно неудачных попыток Извольского. «Речь» от 7 октября 1908 г. высмеивала министра, который хотел проводить политику «бескорыстия» в турецком вопросе и мечтал явиться на предполагавшуюся международную конференцию с чистыми руками. «Ни в одной стране, кажется, дипломатия не считает заслугой оказаться особенно бескорыстной. Наоборот, повсюду, само собой разумеется, что все предпринимаемое в международной политике должно предприниматься исключительно в интересах данного государства»⁴⁷. В октябре 1908 г. «Новое время» откликнулось на неудачу, постигшую Извольского: «Мы удивляемся, что А. П. Извольскому не пришла в Бухлау простая мысль сделать с Дарданеллами то же самое, что барон Эренталь сделал с Боснией»⁴⁸.

Британские газеты посвящали целые полосы своих изданий кризису на Ближнем Востоке. Еще до приезда Извольского в Лондон «The Times»

⁴⁴ В. D. Vol. V. № 302. E. Grey to E. Goschen. Oct. 5. 1908. P. 391.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Голос Москвы. 1908. 26 сентября (9 октября).

⁴⁷ Речь. 1908. 24 сентября (7 октября).

⁴⁸ Новое время. 1908. 17 (30) октября.

(Таймс) заявила: «Мы сразу можем сказать, что требование новых компенсаций за счет Турции просто недопустимо»⁴⁹.

25 сентября (8 октября), за день до приезда Извольского в Лондон, британский посол в Петербурге А. Никольсон уведомил Грея, что Россию можно считать союзником в вопросе поддержки Турции. Правда, Россия не согласилась с повесткой, предложенной Англией конференции, ограничивавшейся вопросами Боснии, Герцеговины и независимости Болгарии. Россия требовала компенсации для себя – выхода в Проливы⁵⁰.

В течение недельного пребывания в британской столице 26 сентября – 3 октября (9–16 октября) Извольский вел напряженные переговоры не только с Э. Греем и его помощником Ч. Гардингом, но и с некоторыми другими британскими министрами⁵¹. Этим переговорам в Англии придавалось настолько серьезное значение, что они неоднократно обсуждались кабинетом, а их содержание систематически докладывалось Эдуарду VII.

Проект Извольского предусматривал открытие Проливов для военных судов прибрежных государств Черного моря. Основное его предложение заключалось в том, что «принцип закрытия проливов Дарданелл и Босфора остается; исключение делается для военных судов прибрежных государств Черного моря. В то время, когда Порта не находится в состоянии войны, прибрежные державы Черного моря будут иметь право проводить беспрепятственно через проливы, в обоих направлениях, военные суда всяких размеров и наименований»⁵². «Однако ни в коем случае перехода от Черного до Эгейского морей не могут совершать зараз более трех военных судов одной и той же прибрежной державы. Оттоманские власти должны быть предупреждены по меньшей мере за 24 часа до прохода каждого военного судна»⁵³. При этом Извольский заверил Грея, «что абсолютно никаких захватнических планов у России в отношении Константинополя и зоны Проливов нет»⁵⁴.

30 сентября (13 октября) 1908 г. предложение Извольского обсуждалось британским кабинетом. Излагая подробно ход переговоров, Грей информировал присутствующих, что, по утверждению российского министра, отрицательное решение вопроса приведет к весьма серьезным последствиям: «Извольский заявил, что настоящий момент является наиболее критическим – он может укрепить и усилить добрые отношения

⁴⁹ The Times. Weekly Edition. 1908. Oct. 9.

⁵⁰ *Grey of Fallodon. Twenty-Five Years 1892–1916*. Vol. 1. L., 1935. P. 269.

⁵¹ *Clayton G. D. Britain and the Eastern Question*. L., 1971. P. 207; *Gooch G. P. Before the War*. Vol. 1. L., 1936. P. 335–337.

⁵² Записка А. И. Нелидова «Обзор последних переговоров по вопросу о проливах» // *Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг.* М., 1922. С. 529.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

между Англией и Россией или разорвать их совершенно. Его собственное положение поставлено на карту, так как он всецело связан с политикой установления доброго согласия с Англией, которую он защищает против всех противников»⁵⁵. После длительного и весьма бурного обсуждения проблемы Проливов кабинет не смог принять единодушного решения. По мнению Грея, независимо от сути русских претензий, для постановки вопроса о Проливах момент в связи с событиями в Турции был крайне неподходящим. В итоге большинством голосов предложение Извольского было отклонено. Авторитет и положение Извольского напрямую зависели от Лондона, поэтому российский министр был предельно настойчив. Ему удалось добиться того, чтобы 12 октября Грей принял его в третий раз. Встреча состоялась в доме Грея, при разговоре присутствовал российский посол в Лондоне А. К. Бенкендорф. Извольский несколько отступил от первоначальной позиции, предложив вариант прохода через Проливы в мирное время военных кораблей всех черноморских государств и обеспечения со стороны Турции в случае войны одинаковых прав в пользовании Проливами всеми державами. Грей, не желая ставить Извольского в безвыходное положение, увидел в этом предложении элемент взаимности и пообещал обсудить его на заседании кабинета министров.

14 октября 1908 г. Грей вручил Извольскому секретный меморандум, в котором излагалось окончательное мнение британского кабинета по этому вопросу. «Английское правительство согласно на открытие Проливов, при условии, что Проливы будут открыты для всех одинаково и без исключения. Русское предложение (открыть их «для России и прибрежных государств») идет вразрез с общественным мнением Англии, которое было бы крайне разочаровано, если бы Россия, протестовавшая против действий Австрии, воспользовалась случаем обеспечить для себя преимущество в ущерб Турции или с нарушением статус-кво к невыгоде других. Чисто одностороннее соглашение, которое дало бы черноморским государствам преимущество в военное время воспользоваться всем Черным морем, как недоступной гаванью, в качестве убежища для своих крейсеров и истребителей при каком-либо преследовании их воюющими, не может быть воспринято общественным мнением Англии... Соглашение должно быть, следовательно, таким, чтобы, давая России и прибрежным государствам во всякое время выход при условии ограничений, указанных господином Извольским, и обеспечивая их от угрозы или утверждения иностранной морской силы в Черном море, а в мирное время оно заключало бы в себе элемент взаимности и в случае войны поставило воюющих бы в одинаковые условия. Кроме того, относительно прохождения Проливов Правительство

⁵⁵ *Grey of Fallodon. Twenty-Five Years 1892–1916. P. 277.*

его Величества позволяет себе заметить, что согласие Турции должно быть необходимым предварительным условием всякого проекта»⁵⁶.

Из текста меморандума можно сделать вывод, что Лондон в принципе не возражает против открытия Проливов, но не только для России и прибрежных государств, а на условиях полного равноправия для всех стран без исключения, и что правительство его величества не считает время подходящим для заключения соглашения, которое дало бы России исключительные права. Предложение же российского правительства о предоставлении этого права лишь черноморским государствам могло бы вызвать у англичан подозрение, что русская дипломатия пытается в своих интересах и в ущерб Турции использовать напряженную обстановку, вызванную действиями Австрии.

В меморандуме далее предлагалось разделить проблему изменения режима Проливов на две части – на период мирного времени и на период войны. Британское правительство, не возражая против предоставления черноморским государствам права выхода судов из Проливов в любое время (с ограничениями, о которых говорилось в меморандуме Извольского) и соглашаясь фактически на сохранение принципа закрытия Проливов для военных кораблей нечерноморских государств в мирное время, настаивало на введении принципа взаимности в использовании Проливов военными кораблями всех стран в военное время, в особенности в случае участия в военных действиях Великобритании и России⁵⁷.

При переводе текста английского меморандума, опубликованного в Записке А. И. Нелидова о Проливах, вкралась серьезная ошибка, существенным образом искажавшая его содержание. Слово *egress* было переведено как преимущество. Между тем оно означало право прохода. Это меняло суть британского меморандума, в котором содержалось согласие английской стороны предоставить черноморским державам право прохода через Проливы в мирное время.

Наиболее существенным изменением в новом меморандуме явилось разделение проблемы на две части: на период мирного и военного времени. Но ведь Извольский и российская сторона, добиваясь предоставления русскому флоту права прохода через Проливы, имели в виду только мирное время.

Очевидно, что никакие трактаты и договоры не могли сохранить силу в военное время, в особенности в том случае, если бы Англия и Россия оказались врагами. Достаточно вспомнить о заявлении Р. Солсбери 1878 г., что английское правительство сохраняет за собой право ввести

⁵⁶ Проливы... С. 80–81; *Gooch G. P. Recent Revelation of European Diplomacy.* P. 336.

⁵⁷ Записка А. И. Нелидова... С. 530.

в случае войны свой флот в Черное море, не считаясь ни с какими трактатами.

Меморандум Грея вводил вместе с тем два новых положения, которые до этого не фигурировали в англо-русских переговорах по поводу Проливов. О первом уже упоминалось: британская сторона настаивала, чтобы изменение режима Проливов не связывалось с международной конференцией, которую Извольский предложил созвать в связи с аннексией Боснии и Герцеговины. Второе положение было гораздо существеннее.

В документе Форин оффис подчеркивалось, что британское правительство считает, что «согласие Турции должно быть необходимой предпосылкой по всякому предложению об изменении режима Проливов»⁵⁸. Впервые в ходе дипломатических переговоров по этой проблеме британская сторона не только вспомнила о существовании турецкого правительства, но даже потребовала, чтобы было обеспечено его согласие на любые изменения режима Проливов.

Это условие действительно существенным образом изменило всю ситуацию и делало для российского правительства практически невозможным добиться изменения режима Проливов. В Константинополе вновь окрепли позиции Германии. «Турция была оскорблена пренебрежительным отношением к ней Австрии и Болгарии... – писал Грей. – Мы не можем согласиться добавить к этому еще затруднения путем навязывания Турции стеснительного вопроса о Проливах»⁵⁹.

Одновременно с отрицательным ответом Извольскому «британское правительство предупредило Порту об имеющихся будто бы у него сведениях об агрессивных проектах России в отношении Проливов и потребовало на этом основании усиления оборонительных сооружений на Босфоре, а затем, признав принятые Портой меры недостаточными, отправило (невзирая на протесты самой Порты) британскую эскадру в турецкие воды, к Проливам, для подкрепления своих взглядов по данному вопросу»⁶⁰.

Грей с самого начала знал, что Россия не согласится на открытие Проливов для военных кораблей всех держав. «Простое открытие Проливов для военных кораблей всех народов, – писал он, – предоставило бы возможность иностранным флотам сосредоточиваться на Черном море

⁵⁸ Записка А. И. Нелидова... С. 530.

⁵⁹ В. D. Vol. V. № 358. E. Grey to A. Nicolson. Oct. 12. 1908. P. 424; *Nicolson H.* Sir A. Nicolson. First Lord Carnock. L., 1930. P. 282–283. *Steiner Z. S.* The Foreign Office and the Foreign Policy 1898–1914. P. 96. Во время Боснийского кризиса, считает З. Штайнер, Британия столкнулась с противоречием – с одной стороны, ей надо было поддержать своего нового друга (Россию), а с другой – она традиционно поддерживала независимость Турции.

⁶⁰ Проливы... С. 81.

в любое время. Это является неблагоприятным для России и естественно будет неприемлемым для нее»⁶¹.

Кроме того, английская дипломатия не была намерена даром менять режим Проливов в пользу России, ибо подобное изменение, по мнению британского правительства, дало бы Петербургу во время войны возможность превратить Черное море в гавань, из которой русские корабли могли бы воспрепятствовать коммуникации в Средиземное море и в которой они могли бы скрываться от преследования противника.

Что же касается высказывания об отклонении русского предложения до благоприятной для России перемены общественного мнения, которое было включено в меморандум английского правительства, то оно было продиктовано лишь тактическими соображениями.

«Осторожным и осмотрительным было поведение английского министра иностранных дел Эдуарда Грея, – писал Б. Бюлов в своих воспоминаниях, – он был исполнен желания не доводить дело до разрыва»⁶². Английская дипломатия достигла своей цели – не предоставлять России свободного прохода ее военных судов через Проливы, умело используя то обстоятельство, что Извольский не мог открыто признаваться в своей сделке с Эренталем за счет славянских народов.

В беседе с Греем 1 (14) октября 1908 г. Извольский заявил: «Когда поднимается вопрос о Проливах, Англия постоянно препятствует его решению, и, несмотря на хорошие отношения с Англией, в результате никакого действительного улучшения эти хорошие отношения не повлекли за собой. Это может оказаться губительным для хорошего взаимопонимания с Англией». Грей настаивал, однако, что момент для решения поднятого вопроса неудачен, и обещал в иное, более удобное время использовать влияние Англии в Стамбуле, чтобы обеспечить согласие турецкого правительства⁶³. «Извольский добился лишь заверения Грея, – как верно заметил А. Тэйлор, – что он был бы рад совершить чудо: “Я положительно желаю достижения такого соглашения, которое откроет Проливы на условиях, приемлемых для России... и в то же время не поставит в невыгодное положение Турцию или другие державы”»⁶⁴.

На деле же, как указывал В. М. Хвостов в «Истории дипломатии», «изменение позиции английского правительства объяснялось тем, что если раньше в Турции преобладало влияние Германии, то теперь младотурецкая революция способствовала усилению влияния Англии. Одно дело было поддерживать претензии России на свободный проход судов ее через

⁶¹ Россия и Черноморские проливы... С. 268–269.

⁶² Бюлов Б. Воспоминания. С. 354.

⁶³ В. D. Vol. V. № 387. E. Grey to A. Iswolsky. Oct. 15. 1908. P. 451.

⁶⁴ Тэйлор А. Борьба за господство в Европе 1918–1948. С. 458.

Проливы в пику враждебно настроенной Турции, а также стоявшей за ее спиной Германии, и совсем другое поддерживать те же претензии, когда есть шанс самой оказаться хозяйкой Проливов»⁶⁵.

В материалах Санкт-Петербургского телеграфного агентства, цитировавшего интервью Извольского агентству Рейтер, утверждалось, что «между Извольским и Греем достигнуто согласие о конференции по балканским делам, но в ней будет затронут лишь узкий круг вопросов. Не имеется в виду поставить на обсуждение конференции вопрос о Дарданеллах, так как этот вопрос коснется главным образом России и Турции. Россия не желает, чтобы этот вопрос был разрешен в невыгодном для Турции смысле или чтобы он был обращен в вопрос о компенсациях, так как Россия явится на конгресс лишь в качестве незаинтересованной державы»⁶⁶.

«The Times» (таймс) также подтверждала бескорыстие России по отношению к Турции, но не вдавалась в подробности переговоров Извольского с Греем, ссылаясь на то, что они происходили за закрытыми дверями⁶⁷. «The Standard» (Стэндарт) ставила в заслугу Великобритании выступление в защиту Порты, вопрос об открытии Проливов был отнесен на счет двух наиболее заинтересованных держав – России и Турции, высказывалась озабоченность по поводу Германии и согласия Австро-Венгрии на компенсации⁶⁸. Вопрос о Проливах был снят с повестки дня. Грей убедил Извольского «продемонстрировать такое выражение доброй воли к Турции, чтобы в момент настоящего кризиса, защищая турецкие интересы, не получить прямые выгоды для самой России – это произведет хорошее впечатление на общественное мнение Англии»⁶⁹.

Париж и Лондон показали русской дипломатии, «что дорога к мирному разрешению вопроса о Проливах идет из Петербурга не через Берлин и Вену, а через Лондон и Париж, и показали это в самой решительной форме, не оставлявшей место для каких-либо сомнений и колебаний»⁷⁰.

О том, что Грей не собирался помогать Извольскому, свидетельствовало следующее замечание Никольсона: «Его (Извольского. – *Авт.*) обращение к вопросу о Проливах было так невразумительно с самого начала – сквозь туман неточностей (тайная сделка с Эренталем в Бухлау. – *Авт.*). К сожалению для него, его первые шаги в этой темноте и по скользкой дорожке

⁶⁵ История дипломатии. Т. 2. С. 192.

⁶⁶ Речь. 1908. 17 (30) октября.

⁶⁷ The Times. Oct. 13, 14, 15. 1908.

⁶⁸ The Standard. Oct. 16. 1908.

⁶⁹ *Grey of Fallodon. Twenty-Five Years (1892–1916)*. P. 283.

⁷⁰ Проливы... С. 79.

столкнули его лицом к лицу с врагом, который представлял свои собственные цели с предельной ясностью»⁷¹.

Насколько незначительной была для английского правительства просьба России, видно из письма Грея Лоутеру: «Со стратегической точки зрения нет никаких преимуществ для захода наших судов в Черное море в военное время. Это уже сложившийся принцип нашей морской стратегии, что ни в коем случае военные корабли не должны входить в Черное море, пока Турция не является нашим союзником. Условия взаимности поэтому не более чем витрина в магазине»⁷².

Британия решила отсрочить вопрос о Черноморских проливах на неопределенное время. «Весьма возможно, он никогда не будет поднят, – писал Зиновьев в своем донесении в МИД. – Англия не согласится ни на одно предложение, прежде чем таковое не будет предварительно принято Турцией»⁷³.

Извольский, зная коварство британской дипломатии, мог предположить такой исход дела. Еще перед отъездом из Парижа в Лондон Извольский, не зная о новых условиях, которые будут там выдвинуты, имел продолжительную беседу с турецким послом во Франции, в ходе которой предложил заключить союзный договор между обеими сторонами, включавший предоставление русским военным кораблям права свободного прохода через Проливы.

Пока Извольский совершал поездку по Европе, Чарыков и Столыпин подготовили свой проект русско-турецкого соглашения, предусматривавший поддержку русским правительством на будущей международной конференции позиции Турции в вопросе об аннексии Боснии и Герцеговины и одновременно согласие Турции на изменение режима Проливов⁷⁴.

23 сентября (6 октября) Чарыков представил на доклад царю проект договора с Турцией, состоявший из четырех пунктов⁷⁵. Он предлагал, чтобы обе державы на грядущей конференции по пересмотру Берлинского трактата выступили совместно в защиту обоюдных интересов. Петербург готов был поддержать целый ряд пожеланий Османской империи, включая отмену капитуляций и остатков причитавшейся России контрибуции. Турецкое правительство со своей стороны должно было взять обязательство: не возражать против превращения Болгарии в независимое королевство; в случае согласия держав не отвергать открытия Проливов

⁷¹ *Nicolson H.* Sir Arthur Nicolson. P. 264.

⁷² В. D. Vol. V. № 383. E. Grey to J. Lowther. Oct. 15. 1908. P. 447–448.

⁷³ АВПРИ. Ф. Политический архив. Оп. 482. Д. 3093. Донесение Зиновьева от 23 (7) октября 1908 г. Л. 258.

⁷⁴ *Зайончковский А. М.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926. С. 219–220.

⁷⁵ ИА. 1962. № 5. Чарыков – Николаю II. 23 сентября (6 октября) 1908 г. С. 135.

для военных судов России и других черноморских стран при соблюдении абсолютной безопасности турецкой территории и сооружений по соседству с Проливами. Николай II одобрил замысел Чарыкова.

26 сентября (9 октября) турецкое правительство решило не выступать против предложения России и просило Петербург добыть поддержку этого соглашения со стороны Англии и Франции на конференции. «Против нашей формулы о проливах Турция не возражает», – докладывал Чарыков Столыпину⁷⁶. На самом деле Порты также не хотела поддерживать русское предложение, особенно в отношении Проливов, поэтому сразу сообщила о нем Англии и Германии, рассчитывая на их содействие. Посол в Стамбуле И. А. Зиновьев верно оценивал ситуацию, когда писал: «Настоящее турецкое правительство не особенно расположено к разрешению вопроса о Проливах в желательном для России смысле»⁷⁷.

В Берлине внимательно следили за развитием событий. 19 октября (1 ноября) германский посол в Петербурге А. Пурталес посетил Извольского, и они обсуждали предстоящую конференцию. Посол объяснил Извольскому мотивы германской политики, припомнив Русско-японскую войну, когда Германия, по его словам, одна из всех европейских государств, подвергая себя опасности осложнений с Японией, поддержала Россию.

Вместо благодарности русское правительство примкнуло к двойственному соглашению Франции и Англии, все более явно становясь на сторону группы держав, враждебных Германии. Кульминационным пунктом этой политики явилась Альхесирасская конференция, где Россия открыто высказалась против Германии.

Затем последовало Ревельское свидание российского и британского монархов, которое печать и общественное мнение признали событием первостепенной важности в укреплении дружбы с Англией. Подобная перегруппировка держав вынудила Германию более, чем когда-либо, сблизиться с Австро-Венгрией и принять за основание своей политики полнейшую солидарность во всех вопросах с Габсбургской монархией. Вот почему в настоящем вопросе берлинский кабинет безусловно поддерживает точку зрения Австро-Венгрии и не может принять ничего такого, что было бы истолковано в Вене как давление на австро-венгерскую политику⁷⁸.

Извольский прекрасно знал, что Германия в Боснийском кризисе будет действовать заодно с Австро-Венгрией. Еще в 1907 г., во время свидания российского и германского императоров в Свинемюнде, Извольский бесе-

⁷⁶ ИА. 1962. № 5. Телеграмма Чарыкова Николаю II. 26 сентября (9 октября) 1908 г. С. 136.

⁷⁷ АВПРИ. Ф. 184. Посольство в Лондоне. Оп. 520. Д. 1324. Зиновьев – Бенкендорфу. 9 (22) октября 1908 г. Л. 138.

⁷⁸ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 712/771. Доклад Извольского Николаю II. 19 октября (1 ноября) 1908 г. Л. 136.

довал с Бюловом. Министр ознакомил Бюлова с австрийско-русским проектом реформ в Македонии, сказав ему, что «нами и венским кабинетом почти установлен текст проекта судебных реформ в трех вилайетах, который будет в самом непродолжительном времени передан русскими и австрийскими послами в Константинополе представителям других держав». Князь Бюлов пообещал Извольскому, что «сообразно с принятым им общим правилом, раз в этом вопросе мы будем действовать в полном согласии с Австро-Венгрией, он заранее обещает нам энергичное свое содействие в Константинополе»⁷⁹.

Германия была заинтересована в том, чтобы отказ пришел в Петербург именно из Лондона, что ослабило бы только что достигнутое Тройственное соглашение. «Извольский считал себя очень умным, – писал рейхсканцлер Б. Бюлов. – В боснийском вопросе Извольский делал ошибку за ошибкой. Грубой ошибкой было то, что 15 сентября 1908 г. в Бухлау он не спросил Эренталья прямо и без обиняков, когда и в какой форме он намеревается предпринять аннексию Боснии и Герцеговины. Дальнейшей ошибкой было то, что, когда Эренталь поразил его аннексией, он не вернулся в Петербург, чтобы перед Думой и царем мужественно защищать свою политику. Вместо этого он комичным образом объездил все европейские столицы»⁸⁰. В довершение всех бед Извольский был дезавуирован собственным правительством. Положение министра иностранных дел осложнялось разногласиями в правительстве и протестом буржуазно-помещичьих кругов против осуществленной Австро-Венгрией аннексии. «Столыпина не интересовали Провансы, – писал А. Тэйлор, – зато его очень беспокоили настроения славян; он пригрозил отставкой, и Николаю II пришлось сделать вид, будто ему ничего не было известно о планах Извольского»⁸¹.

25 октября (7 ноября) состоялось заседание Совета министров. Столыпин критиковал МИД за то, что в столь важном вопросе внешней политики Извольский действовал за спиной правительства. Участники заседания пришли к тому, чтобы продолжать разговоры о конференции, по возможности избегая ее, или, как предложил государственный контролер П. А. Харитонов, «не соглашаться на аннексию, как этого требует русское общественное мнение. Лучше дело длить и вести взятку»⁸². Выступление Извольского в Думе признали пока несвоевременным и требующим основательной подготовки. Столыпин также отметил, что к таким выступлениям «надо прибегать, когда они обещают успех вне-

⁷⁹ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 712/771. Доклад Извольского Николаю II. 19 октября (1 ноября) 1908 г. Л. 121.

⁸⁰ Бюлов Б. Воспоминания. С. 350.

⁸¹ Тэйлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе 1948–1918. С. 457.

⁸² Исторический архив. 1962. № 5. Протокол заседания Совета министров 25 октября (7 ноября) 1908 г. по вопросу о присоединении Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. С. 140–144.

шней политики»⁸³. В итоге идея конференции без обсуждения проблемы Проливов утратила смысл и для самого Извольского. Дальнейшие международные события, поставившие монархию Габсбургов и Сербию на грань войны, отодвинули на время проблему Проливов.

В самый разгар кризиса российские военные агенты активно работали в Турции. 15 (28) ноября 1908 г. в управление генерал-квартирмейстера Генерального штаба пришел рапорт, что две недели тому назад были произведены стрельбы из дарданелльских укреплений. «15 ноября проводились стрельбы по 14 укреплениям Проливами. Всего было выпущено 276 выстрелов по неподвижным целям, равно как по движущимся на буксире. Ночная стрельба проводилась по неподвижной цели, освещаемой прожекторами, результаты стрельбы были признаны блестящими», – доносил полковник Хольмсиес⁸⁴.

16 (29) ноября 1908 г. Извольский письменно докладывал Николаю II, что германский посол в Петербурге заявил ему, что Россия хочет запугать Германию призраком коалиции России, Франции и Англии и что Извольский толкает Россию на путь «воинственных приключений». Министр имел серьезную беседу с Пурталесом вечером 15 (28) ноября.

Посол выдвинул два тезиса в защиту Германии. «Ввиду совершившейся в Европе новой группировке держав, составивших вокруг Германии как бы кольцо враждебных элементов, Германское правительство должно еще сильнее сомкнуться с Австро-Венгрией, и этим объясняется та безусловная поддержка, которую берлинский кабинет оказывает политике барона Эрен-таля. Если бы оказалось, что сближение России с Англией превратилось во враждебный Германии союз, это могло бы иметь самые опасные последствия для сохранения мира»⁸⁵. Далее Пурталес заявил, что «Германское правительство, конечно, не сомневается в истине наших уверений об отсутствии такого союза, но общественное мнение Германии глубоко обеспокоено газетным и иным шумом, происходящим вокруг Тройственного согласия – “triple entente”; это не может не отразиться на русско-германских отношениях»⁸⁶.

Германский посол считал, что главная опасность для сохранения мира происходила не из агрессивных замыслов Австро-Венгрии, в которые он не верил, а исключительно из интриг Англии, которая, по имеющимся в Берлине достоверным сведениям, желает лишь одного – спутать карты,

⁸³ Исторический архив. 1962. № 5. Протокол заседания Совета министров 25 октября (7 ноября) 1908 г. по вопросу о присоединении Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. С. 140–144.

⁸⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6863. Рапорт в управление генерал-квартирмейстера Генерального штаба. 15 (28) ноября 1908 г. Л. 56.

⁸⁵ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 712/771. Доклад Извольского Николаю II. 16 (29) ноября 1908 г. Л. 82.

⁸⁶ Там же.

вызвать европейскую войну и воспользоваться, ради собственных целей, ослаблением тех держав, которые будут в этой войне участвовать. Этим он объяснял и деятельность английской дипломатии в Константинополе, Белграде и Цетинье, чтобы раздуть конфликты с Австро-Венгрией.

Тем временем российские правящие круги предпринимали попытки создания союза Балканских государств, чтобы приостановить германо-австрийское проникновение на Ближний Восток. Проявляются контуры нового Балканского союза: в октябре–ноябре российские дипломаты активно добивались его образования⁸⁷. Аннексия Боснии и Герцеговины вызвала взрыв негодования в Сербии, Черногории и Турции. Торговые связи Австро-Венгрии с Ближним Востоком и Балканами были в это время почти полностью прекращены.

Сербия потребовала автономии для Боснии и Герцеговины, а также раздела Новопазарского санджака между Сербией и Черногорией в целях установления между ними общей границы. Одновременно Белград обратился к России, которая поддержала требования Сербии и предложила рассмотреть вопрос об аннексии на конференции держав.

Австро-Венгрия отвергала сербские требования о компенсациях, ссылаясь на то, что под Берлинским трактатом не стояло ее подписи⁸⁸. Вена, поддерживаемая Берлином, заняла непримиримую позицию в отношении Сербии и России. Главная задача России заключалась в том, чтобы не допустить вступления ситуации на Балканах в такую острую фазу, когда военные действия стали бы неизбежными. Извольский придерживался мнения, что, если бы война началась на Балканах, было бы трудно ограничить ее масштабы и Россия была бы в нее вовлечена.

К концу 1908 г. нависла угроза большой европейской войны. Нельзя было предсказать, каким образом решится вопрос о взаимоотношениях между Австро-Венгрией и Турцией и между последней державой и Болгарией. В то время как Сербия и Черногория производили военные приготовления, сношения между Веной и Петербургом носили характер, который делал положение еще более угрожающим. Россия не была готова к вооруженному столкновению и зависела от союзников, которые решили не принимать участия в возможном противостоянии Сербии и Австро-Венгрии.

Эренталь понимал уязвимость российской позиции и продолжал держать Петербург в напряжении. Австрийский министр угрожал Извольскому предать гласности секретные сделки двух правительств.

⁸⁷ См. подробнее: *Виноградов К. Б.* Дэвид Ллойд Джордж. С. 103–105.

⁸⁸ Там же. С. 111; *Dickinson G. L.* The International Anarchy. L., 1937. P. 170–185; *Gooch G. P.* Before the War. Studies in Diplomacy. P. 343–346.

«Ряд событий в продолжение только что кончившегося года, – писал в своем годовом отчете британский посол в Петербурге А. Никольсон, – показал, что Россия, ввиду общих комбинаций, имеющих явно враждебный характер в отношении ее на Ближнем Востоке, поставлена была в необходимость соглашаться с действием центральных держав»⁸⁹.

21 декабря 1908 г. (3 января 1909 г.) Извольский предупредил Болгарию, что, если она даст себя втянуть в конфликт с Турцией, вся ответственность за это ляжет на нее и она не может рассчитывать ни на какую поддержку со стороны России. Но если Болгария проявит благоразумие и «выкажет склонность последовать нашему совету (заплатить Турции)», то Россия обещает «приложить все старания, чтобы найти практическое разрешение финансовой стороны вопроса»⁹⁰.

Неожиданно быстрое решение в январе спора между Австро-Венгрией и Турцией свидетельствовало о том, что Вена предпочитала заняться вопросом сербским и черногорским. В то же время напряженные отношения между Болгарией и Турцией явились причиной большой тревоги для российского правительства. Престиж России среди Балканских государств был поставлен на карту, а соглашение между Австрией и Турцией считалось в высшей степени нежелательным.

Извольский с опасением следил за настойчивостью, с какой его соперник – граф Эренталь преследовал свою политику. В конце 1908 г. Петербург выпустил циркуляр, в котором говорилось, что «международная конференция должна заняться пересмотром некоторых устарелых постановлений Берлинского трактата и удовлетворением некоторых законных интересов Турции и Балканских государств»⁹¹. Далее в циркуляре отмечалось, что, хотя непосредственное соглашение между Австрией и Портой будет способствовать окончательному решению вопроса, оно тем не менее не предпринимает окончательной санкции держав и не предотвратит обсуждение ими этого вопроса. Россия хотела бы на конференции высказать свои взгляды относительно пунктов, имеющих для нее особый интерес⁹².

В своей речи в Думе 25 декабря (7 января) Извольский воспользовался случаем выразить свою горячую симпатию балканским государствам и намерение России употребить все дипломатические средства для защиты их интересов. Извольский надеялся, что, прежде чем Австрия придет к

⁸⁹ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 288/290. Годовой отчет великобританского посла в Петербурге министру иностранных дел Грею с секретными сведениями о России за 30 декабря 1908 г. Л. 4.

⁹⁰ АВПРИ. Ф. 184. Посольство в Лондоне. Оп. 520. Д. 1324. Извольский – Бенкендорфу. 21 декабря 1908 г. (3 января 1909 г.) Л. 262.

⁹¹ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 288/290. Годовой отчет великобританского посла в Петербурге министру иностранных дел Грею с секретными сведениями о России за 30 декабря 1908 г. (11 января 1909 г.) Л. 11.

⁹² Там же.

соглашению с Турцией, ему удастся с помощью Франции и Англии склонить Австрию изменить свою позицию в отношении Сербии. Британское правительство также испытывало беспокойство относительно действий, которые Австро-Венгрия замышляла против Сербии, и отмечало опасность, которой эти действия грозили европейскому миру. «Венский кабинет приглашал подробно определить свои претензии, которые он мог предъявить к сербскому правительству, с тем чтобы правительство Его Величества могло сделать, как прежде, представления Белграду по этому поводу»⁹³.

Австрийский кабинет оставался совершенно безучастным к общественному мнению России и, очевидно, был убежден, что Петербург не осмелится и не будет в состоянии воевать⁹⁴. Германия провозгласила тесную солидарность с Австро-Венгрией и в то же время беспрерывно внушала русскому правительству, что единственный исход из угрожающего ей унижения – это оставить своих западных друзей и через Берлин прийти – пока еще есть время – к соглашению с Веной.

Франция, по мнению Извольского, чрезвычайно заботилась о сохранении мира, желая быть в наилучших отношениях с Австрией, в то время как ее недавнее соглашение с Германией влекло ее, казалось, к орбите центральных держав более сильно, чем это было бы приемлемо для России. У Извольского возникло большое сомнение: будет ли его союзник безусловным приверженцем России, если наступит кризис. Англия, хотя и высказала свою симпатию в отношении России, откровенно заявила, что она будет в состоянии поддержать ее только дипломатически⁹⁵.

Извольский хотел выступить посредником при разрешении австро-сербских разногласий. Англия выразила готовность поддержать русское правительство в его желании, чтобы австро-сербский спор был решен державами, а не непосредственно между Веной и Белградом.

Получив заверения германского правительства и Генерального штаба, что в случае возникновения войны Берлин придет Вене на помощь, начальник Генерального штаба Австрии Конрад фон Гётцендорф изложил в письме Мольтке от 26 января 1909 г. план оперативных действий: «Сперва Германии мобилизоваться против Франции с тем, чтобы вооруженным путем разрешить борьбу с Россией и Францией, и уже потом решительно выступить против Сербии и Черногории»⁹⁶. Но этим планам не суждено

⁹³ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 288/290. Годовой отчет великобританского посла в Петербурге министру иностранных дел Грею с секретными сведениями о России за 30 декабря 1908 г. (11 января 1909 г.) Л. 12.

⁹⁴ «Русский медведь – многозначительно замечал Эренталь Шёну, – будет рычать, но не укусит». Tyler M. W. *The European Powers and the Near East*. P. 205.

⁹⁵ Clayton L. *Britain and the Eastern Question*. P. 208; Langhorne R. *The Collapse of the Concert of Europe. International Politics 1890–1914*. L., 1981. P. 99; Gooch G. P. Op. cit. P. 347–348.

⁹⁶ Нотович Ф. И. Эпилог Боснийского кризиса. С. 65.

было сбыться. Ни Франция, ни Англия, ни Россия, ни даже Германия не собирались в тот момент развязывать войну.

В конце февраля статс-секретарь германского ведомства иностранных дел А. Кидерлен-Вехтер неофициально сообщил требования Австро-Венгрии французскому послу.

13 (26) февраля Париж направил в Петербург меморандум, в котором говорилось о неосуществимости требований Сербии и содержалась просьба к российскому правительству предотвратить войну, так как этот кризис не затрагивает жизненных интересов России⁹⁷. Этот меморандум вызвал негодование у Извольского. «Франция перешла “со всеми пожитками” на сторону Австрии. Франция желает, – возмущался российский министр, – чтобы Россия присоединилась к этому шагу, который, как известно, Сербия не примет, а также она внушает, что Россия должна унизиться и отдать беззащитную Сербию»⁹⁸.

Британия, в свою очередь, сообщила, что она не предпримет никаких шагов в Белграде до тех пор, пока к ней не присоединится Россия⁹⁹. Позиция Британии после посещения Эдуардом VII и Гардингом Берлина также несколько изменилась. Грей направил в Петербург и Белград телеграммы, в которых говорилось, что в интересах мира требования территориальных уступок Сербии не могут получить поддержки¹⁰⁰. В Лондоне забыли и о европейской конференции. В результате австро-турецкого соглашения 13 (26) февраля 1909 г. Турция за 2,5 млн ф. ст. признала аннексию Боснии и Герцеговины¹⁰¹. «С самого начала Боснийского кризиса, – писал Б. Бюлов, – задача Германии состояла: чтобы, с одной стороны, австрийцы не потеряли самообладания, а с другой стороны, не соблазнились на такие поступки, которые могли бы повести к всеобщему кризису»¹⁰².

1 (14) марта Берлин предписал своему послу в Петербурге заявить, что Россия должна признать свершившиеся факты. Иначе, заметил рейхсканцлер, «к нашему сожалению, мы должны были бы отстраниться и предоставить ход событий своему течению»¹⁰³.

8 (21) марта германское правительство фактически предъявило России ультиматум, в котором требовала немедленно и однозначно ответить:

⁹⁷ Константинополь и проливы. По секретным документам бывшего императорского российского МИД. Т. 1. М., 1925. С. 12.

⁹⁸ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 288/290. Годовой отчет великобританского посла в Петербурге министру иностранных дел Грею с секретными сведениями о России за 30 декабря 1908 г. Л. 13.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ B. D. Vol. V. № 621. E. Grey to A. Nicolson. Feb. 27. 1909. P. 637–638.

¹⁰¹ Виноградов К. Б. Указ. соч. С. 120.

¹⁰² Бюлов Б. Указ. соч. С. 352.

¹⁰³ Тэйлор А. Дж. П. Указ. соч. С. 461.

«Признает ли оно ликвидацию XXV статьи Берлинского трактата вследствие аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией?»¹⁰⁴. Извольский посчитал заявление Пурталеса настолько важным, что срочно потребовал заседания Совета министров.

Обстоятельства, при которых был сделан вызов, не благоприятствовали России. Было несомненно, что Австро-Венгрия собрала большие силы в Галиции, и ходили слухи, что были сделаны некоторые первоначальные шаги к мобилизации одного или двух германских корпусов на западной границе, в то время как поведение Вены относительно Сербии с каждым днем становилось все более угрожающим. Российское правительство не было застраховано и от непосредственной угрозы русской границе.

Министр финансов был против какого-либо решения, могущего вызвать войну, так как опасался, что это было бы губительно для финансовой устойчивости страны, в то время как военный министр утверждал, что армия реорганизуется и в эту минуту не находится в том положении, в котором она могла бы предпринять серьезную кампанию. Совет министров единодушно решил принять германское предложение, потому что Россия была не готова вступить в войну. «Получив указанный ультиматум, царское правительство растерялось; оно не решилось даже поставить в известность Англию и Францию о характере германского требования»¹⁰⁵.

Извольский уведомил французского и британского послов о том, что произошло, после того как Совет министров уже принял свое решение. Российский министр объяснил свою позицию тем, что ему не надо было удостоверяться в их взглядах, так как он знает, что Великобритания предложила бы только свою дипломатическую поддержку, а Франция еще недавно поддерживала Россию очень сомнительным образом, а «здесь дело явно пахло порохом»¹⁰⁶.

Николай II в письме своей матери с горечью сообщал о поступке Вильгельма II. «Германия дала нам знать, что мы можем помочь делу и предотвратить войну, если мы дадим согласие на знаменитую аннексию и если мы откажемся, то последствия будут серьезными и непредвиденными. Раз вопрос был поставлен ребром – пришлось отклонить самолюбие в сторону и согласиться. Единогласно всеми министрами это было высказано... Из-за слова аннексия наши патриоты были готовы пожертвовать Сербией, так как в случае нападения на нее Австрии мы не могли ей ничем помочь, правда, что форма и прием германского правительства их обращения к нам грубы и мы этого не забудем. Я думал, что этим еще раз хотели отделить

¹⁰⁴ Милюков П. Н. Балканский кризис и политика А. П. Извольского. М., 1910. С. 147.

¹⁰⁵ Ефремов П. Н. Указ. соч. С. 97; Douglas J. Britain and Europe 1900–1914. L., 1941. P. 38.

¹⁰⁶ Ефремов П. Н. Указ. соч. С. 97.

нас от Англии и Франции, но опять это не удалось. Такие способы действия приведут скорее к обратным результатам»¹⁰⁷.

«Ряд этих неудач – свидание в Бухлау, аннексия, австрийский и германский ультиматумы и безусловная сдача России, – писал П. Н. Милюков, – произвел огромное и тяжелое впечатление в русском обществе всех направлений»¹⁰⁸. Следовательно, вместо того чтобы поразить российское общество могуществом центральных держав, действия Германии вызвали глубокое чувство вражды к Берлину и Вене и заставили тех, кто до сих пор колебался и сомневался, искать более тесного союза с западными державами и особенно с Англией.

18 (31) марта сербский посол в Вене передал Эренталю специальную ноту, означавшую полное дипломатическое отступление Сербии. Боснийский кризис завершился.

Через месяц после кризиса российский военный агент Ермолов доносил из Лондона, что уступка России по вопросу об аннексии Боснии и Герцеговины произвела здесь довольно тягостное впечатление. «Я должен сказать, двояко тягостное: во-первых, здесь усилилось предположение о нашей слабости в военном отношении. Мне известно, что здесь в военных сферах предполагают, что будто бы наша артиллерия еще не перевооружена после войны новыми орудиями. Во-вторых, здесь усилилось чувство опасения перед Германией»¹⁰⁹. Далее Ермолов сообщал, что при обсуждении военно-морского бюджета на 1909/10 финансовый год в парламенте возникла паника.

Тревога Британии объяснялась тем, что продуктивность и быстрота английского судостроения уменьшалась, а в Германии быстро увеличивалась. Английское общественное мнение, ревниво относившееся к превосходству Великобритании на море, вдруг поняло, что в настоящее время сила государства определяется не количеством судов, а только «дредноутами». В общем, через два или три года Германия может быстро догнать Англию.

Военный агент напомнил, что «уже ко времени Ревельского свидания у англичан было желание идти дальше англо-русского соглашения, заключенного в 1907 г., и, быть может, заключить с нами нечто вроде военно-морской конвенции»¹¹⁰. Ермолов задавал себе вопрос: «Если бы такая конвенция была заключена, не сильнее ли бы мы оказались перед лицом Босне-Герцеговинского кризиса, поддержанного Германией». Ермолов

¹⁰⁷ Красный архив. М., 1932. Т. 1–2. Из переписки Николая и Марии Романовых. 1907–1910 гг. С. 188–189.

¹⁰⁸ Милюков П. Н. Указ. соч. С. 305.

¹⁰⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 912. Копия с весьма секретного письма военного агента в Лондоне Ермолова А. З. Мышлаевскому от 15 (28) апреля 1909 г. Л. 259.

¹¹⁰ Там же.

докладывал, что в Лондоне после уступки России в аннексионистском кризисе в парламенте открыто говорили: «Вот что значит в делах внешней политики не быть достаточно подготовленным в военно-морском отношении: а) подготовкой вооруженных сил; б) активными союзниками»¹¹¹. В своем письме Ермолов указывал, что настало время обсудить отношение России и Англии к младотурецкому движению. «Англия нравственно сочувствует младотуркам, Германия наоборот, а мне кажется, что младотурецкое движение не может быть для России выгодно, по двум главным причинам: во-первых, оно уже несомненно приведет и привело к смутам и резне в Анатолии, близ наших кавказских границ, а во-вторых, вероятно навсегда устранит развал “больного человека” (так Турцию стал называть О. Бисмарк, после поражения ее в Русско-турецкой войне 1876–1878 гг. и установления над ней протектората европейских держав по решению Берлинского конгресса 1878 г. – *Авт.*) и помешает исполнению того, что я все-таки считал бы одним из наших национальных и вековых стремлений: владение нами Константинополем»¹¹².

Франция, как и Англия, была удручена бессилием России. «Россия, Франция и Англия должны более, чем когда-либо, сблизиться и одновременно усиленно вооружаться, чтобы убедить противника в способности добиться уважения к себе и своим требованиям. Российский посол в Париже писал, что только таким путем можно восстановить нарушенное в пользу Тройственного союза европейское равновесие, вернуть себе утраченное влияние на Балканах и осуществить историческую миссию (Проливы)»¹¹³.

Характеристика Боснийского кризиса дана в мемуарах Ю. Я. Соловьева, хорошо знакомого с положением дел на Балканах. Он пишет, что в Бухлау Извольского обошли не столько австрийцы, сколько англичане, на которых он при своем самомнении наивно возлагал надежды, что они дадут ему возможность осуществить давно взлелеянный в Петербурге план захвата Проливов. «Известно, как плачевно окончилась сделка Извольского в Бухлау, после которой австрийцы окончательно присоединили Боснию и Герцеговину, а мы остались у разбитого корыта на берегах Босфора»¹¹⁴. «Пребывая в состоянии военной слабости и не уверенная в поддержке партнеров по Антанте, Россия вынуждена была отступить перед фактическим ультиматумом и со своей стороны принудила Сербию к уступке Австро-Венгрии. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что Англия в ноябре 1908 г. не поддержала высказанную Извольским во время визита

¹¹¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 912. Копия с весьма секретного письма военного агента в Лондоне Ермолова А. З. Мышлаевскому от 15 (28) апреля 1909 г. Л. 259.

¹¹² Там же. Л. 256.

¹¹³ Константинополь и проливы... С. 13.

¹¹⁴ Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата. М., 1991. С. 211.

в Лондон готовность признать аннексию Боснии и Герцеговины в обмен на усиление позиций России в отношении Черноморских проливов. Это укрепило в Берлине надежду, что в случае войны между Германией и Россией Англия сохранит нейтралитет. Публичное унижение побудило Россию ускорять свои вооружения на суше и на море»¹¹⁵.

Боснийский кризис закончился победой германо-австрийского блока. Он определил расстановку сил на международной арене, приведя к укреплению англо-русских и франко-русских союзных отношений, сплочению Антанты, а также выявил неподготовленность России к войне. Боснийский кризис 1908–1909 гг. явился одним из самых серьезных международных кризисов, предшествовавших Первой мировой войне.

После Боснийского кризиса основная задача России заключалась в том, чтобы избегать по возможности международных осложнений. Обстановка на Балканах, в Турции и Персии оставалась крайне напряженной¹¹⁶. Сознание того, что понесенное Россией дипломатическое поражение серьезно ухудшило ее внешнеполитические позиции, и прежде всего на Ближнем Востоке, серьезно беспокоило правящие круги. Сразу после кризиса в петербургских дипломатических сферах распространился слух о предстоящем уходе Извольского. Если в Австро-Венгрии и Германии были довольны таким поворотом дел, то Лондон и Париж, естественно, были встревожены¹¹⁷.

Отношения Российской империи с Германией не без труда нормализовались после Боснийского кризиса. В Берлине были озабочены антигерманской газетной кампанией в России и добивались ее прекращения. Бюлов через Пурталеса предложил опубликовать ряд документов о переговорах двух держав в связи с улаживанием австро-сербского конфликта. Докладывая об этом царю, исполнявший должность управляющего МИДа Н. В. Чарыков отметил, что Германия стремится выяснить, «как Россия к ней относится и намерена относиться в будущем, в особенности в случае вооруженного столкновения между Германией и Англией»¹¹⁸.

4–5 (17–18) июня 1909 г. произошла встреча русского императора с германским в финских шхерах. Обоих монархов сопровождали их министры иностранных дел. Между бароном фон Шёном и Извольским состоялось несколько бесед, посвященных главным образом обзору политических событий последних месяцев. С германской стороны последовало объяс-

¹¹⁵ *Туполев Б. М.* Происхождение Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 32.

¹¹⁶ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. М., 1997. С. 255.

¹¹⁷ *Tyler M.* Op. cit. P. 209; *Pribram A. F.* England and the International Policy of the European Great Powers. Oxford, 1931. P. 129.

¹¹⁸ История внешней политики России... С. 258.

нение, что политика Германии была направлена на поддержание мира и улаживание спорных вопросов и недоразумений, которые возникли между Австро-Венгрией и Россией.

Извольскому было заявлено, что для интересов России было бы полезнее действовать вместе с двумя центральными державами, чем примыкать к Франции и Англии; кроме того, прозвучали обычные жалобы на враждебный тон русской печати в отношении Германии. Извольский на это возразил, что совместные действия России с Францией и Англией являлись необходимыми из-за политики Австро-Венгрии, но что это никоим образом не было направлено против Германии, с которой Россия желала находиться в наилучших отношениях.

Германия, несмотря на ее враждебное поведение во время Боснийского кризиса, все еще надеялась возродить «Союз трех императоров». Российские политики заняли сдержанную позицию, прекрасно понимая, что ни Германия, ни Австро-Венгрия не станут союзниками России на Балканах. В прощальной беседе с Шёном Николай II сообщил о своих предстоящих визитах к французскому президенту и английскому королю¹¹⁹. Царь по собственному почину дал слово, что, «с какими бы требованиями во время этих визитов он ни столкнулся, он ни на что не пойдет, что было бы направлено против Германии или исходило бы из направленного против Германии плана»¹²⁰.

Свидание в шхерах, как считает отечественный историк А. В. Игнатьев, свидетельствовало о стремлении России вернуться к политике балансирования между Англией и Германией¹²¹. Берлин в силу сложившегося международного положения не мог проводить активную политику по сближению с Петербургом.

Во второй половине июля – начале августа 1909 г. состоялись свидания царя с союзниками по Антанте. В Шербуре Николай II встретился с французским президентом К. Фальером, а в Коузе – с английским королем.

Во время пребывания Николая II в Шербуре 18–19 июля (31 июля – 1 августа) 1909 г. состоялись беседы Извольского с французским министром иностранных дел С. Пишоном. Они были посвящены главным образом минувшему кризису и мерам, которыми можно было бы воспрепятствовать возникновению на Балканах новой конфликтной ситуации. Извольский настаивал на необходимости для России и Франции совместно с Англией найти средства «сохранить интересы балканских народов и предотвратить внезапное открытие восточного вопроса».

¹¹⁹ История внешней политики России... С. 258.

¹²⁰ Цит. по: Там же. С. 260.

¹²¹ Там же.

Длительное обсуждение оказалось, однако, малорезультативным. Французская сторона не пошла дальше декларирования своего стремления сохранить целостность Османской империи и статус-кво на Балканах. По поводу этого свидания бельгийский поверенный в делах в Париже писал, что «прекрасные дни франко-русского союза миновали... ничего не осталось от бывшего воодушевления. Об этом союзе говорят как о чем-то приятном, на что вряд ли можно, в случае надобности, рассчитывать»¹²².

Визит Николая II в Коэс, по словам Никольсона, имел всеобщий успех. Присутствие внушительного британского флота, прекрасная погода и регата в Коэсе сделали посещение приятным¹²³. Извольский, сопровождавший Николая II, имел длительный разговор с премьер-министром и Э. Греем. Российского министра сильно беспокоило соглашение между Австро-Венгрией и Болгарией и то, что Австрия замышляет дальнейшее продвижение на Балканах к югу. Извольский в Коэсе прямо спросил Грея: благосклонно ли отнесется Великобритания к занятию Австрией Салоник. Ему заявили, что такое нарушение статус-кво на юго-востоке Европы, естественно, явится серьезной заботой для Великобритании¹²⁴. Руководители внешней политики двух стран договорились поддерживать существующий режим в Турции, а также статус-кво острова Крит.

Между тем Россия стремилась занять влиятельное положение в Константинополе, чтобы не позволить Германии вновь приобрести исключительное влияние на Ближательную Порту. Весной 1909 г. министр иностранных дел Турции Рифат-паша посетил Санкт-Петербург, а позднее состоялось свидание министров иностранных дел в Ливадии, которое все же не сблизило существенно обе державы.

В июле 1909 г. в Константинополь прибыл новый российский посол. Им стал бывший помощник Извольского Н. В. Чарыков, который начал энергично проводить в жизнь курс на сближение с Турцией. Он пошел навстречу турецкому правительству в разрешении международных вопросов: реорганизации жандармерии и международной финансовой комиссии, а также в критском и македонском вопросах¹²⁵. Главные же усилия посла, согласно его собственному письму товарищу министра иностранных дел, родственнику и протезе Столыпина С. Д. Сазонову, сосредоточились на достижении основной цели России: сохранить Турцию от распада в невыгодное для Петербурга время¹²⁶.

¹²² Константинополь и проливы... С. 14.

¹²³ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 288/290. Годовой отчет великобританского посла в Петербурге министру иностранных дел Грею с секретными сведениями о России за 30 декабря 1908; *Lee S.* Op. cit. P. 691–692.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ *Бестужев И. В.* Указ. соч. С. 340.

¹²⁶ Там же.

Россия придерживалась мнения, что сильная Турция является главным положительным фактором в ее балканской политике и что необходимо поддерживать статус-кво в Османской империи. Посол стремился подготовить почву к предстоящему соглашению с Турцией, которое планировалось на конец июля во время посещения султаном Николая II в Ливадии. Этот замысел, однако, не осуществился вследствие усиления германского влияния в Стамбуле. Султан в Крым не поехал. Правда, у царя побывала турецкая правительственная делегация, но дело ограничилось обсуждением вопроса о турецком железнодорожном строительстве в Малой Азии, причем русские дипломаты пообещали смягчить свою ранее сугубо негативную позицию. Проблем общего соглашения и связанного с ним статуса Проливов стороны не касались¹²⁷.

***

Немного оправившись от поражения в Боснийском кризисе и неудачной попытки открыть Черноморские проливы осенью 1908 г., Россия вновь предприняла шаги к изменению режима Проливов. Проект соглашения с Италией по этому вопросу был намечен еще осенью 1908 г., во время свидания Извольского и Т. Титтони в Децио.

10 (23) июля 1909 г. помощник министра иностранных дел А. А. Нератов писал российскому послу в Риме князю Долгорукому по поводу его проекта русско-итальянского соглашения по балканским делам. Необходимо отметить, что Италия имела свои интересы на Балканском полуострове и во время Боснийского кризиса временами действовала заодно с Россией. Общей целью двух стран на Балканах было не допустить дальнейшего расширения там Австро-Венгрии. России было важно обезопасить Проливы, а Италия преследовала свои экспансионистские цели на адриатическом побережье. «Если развитие национальных единиц на Балканах не противоречит видам Италии, то в такой же ли степени это начало соответствует целям России?»¹²⁸ – спрашивал Нератов Долгорукого.

В итоге на Балканском полуострове по предложению итальянского правительства должны были образоваться национальные единицы: греческая, албанская, сербская и болгарская. При этом о судьбе прилегающих к Проливам земель конкретно ничего не говорилось ввиду смешанного в них населения. А. А. Нератов отмечал: «Во всяком случае, земли эти не могут, по точному смыслу итальянского проекта соглашения, попасть в руки народа, не принадлежащего к туземной национальности.

¹²⁷ История внешней политики России... С. 263.

¹²⁸ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 287/289. Проект А. А. Нератова. 10 (23) июля 1909 г. Л. 81.

Первенствующее положение в Проливах является вековой целью политики на Балканах; с ними связаны разнообразные потребности нашей политики и государственной жизни, и отказаться от достижения этого положения мы не можем»¹²⁹.

Итальянский проект, правда, затруднял захват Проливов любой державой (в том числе и Россией), и такое положение еще не давало Петербургу полной уверенности в обеспечении своих интересов. К тому же, если бы Италия получила первенствующее положение в Албании в экономическом отношении, это обеспечило бы ей там и политическое влияние.

Россия на такое положение на Босфоре рассчитывать не могла, потому что ее преобладание в Проливах зависело от условий военно-политического характера. Нератов делал вывод ввиду всего изложенного, что «принцип развития национальностей балканских может быть для нас приемлемым только при обеспечении наших прав как великой державы»¹³⁰. «Итальянское правительство может не сознавать, что наша роль на Балканском полуострове далеко не завершена, и несомненно пойдет навстречу нам»¹³¹. В России считали, что соглашение с Римом приблизило бы Италию к ней и тем самым ослабило ее связи с Германией и Австро-Венгрией. Особенно важным представлялось включить в него Балканский вопрос. Согласование политики двух стран могло затруднить дальнейшую для Австро-Венгрии возможность придерживаться на Балканах политики экспансии. Помощник министра пришел к заключению, что соглашение с Италией желательно. Включение в него вопроса о Проливах было вполне естественным, ввиду возбуждаемого самой Италией вопроса о будущей судьбе турецких провинций. Помощник министра предложил два варианта рассмотрения вопроса о Проливах. Отрицательный, то есть отказ Италии от оппозиции российской политике в отношении Проливов, или же положительный – признание за Россией сферы влияния на прилегающих к Проливам землям. «Первая из этих двух формул представляется более предпочтительной, так как не затрагивает никаких суверенных прав, она имеет не угрожающий характер, а вместе с тем дает нам свободу действий, поскольку эта свобода действий будет касаться Италии», – рассуждал Нератов¹³².

16 (29) сентября 1909 г. Извольский направил из Ливадии князю Долгорукому доверительное письмо. В нем он преднамеренно несколько смягчил отношение России к австро-венгерскому кабинету, «дабы окончательно не оттолкнуть от соглашения с нами г-на Титтони, который хотя и стремился

¹²⁹ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 287/289. Проект А. А. Нератова. 10 (23) июля 1909 г. Л. 84.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же. Л. 86.

сблизиться с Россией, но все-таки в довольно значительной степени связан союзными отношениями с Австро-Венгрией и на которого я опасался воздействовать без надлежащей постепенности и осторожности»¹³³.

Через пять дней князь Долгорукий телеграфировал из Рима: «По отношению Пролливов Титтони ручается, что симпатии Италии будут на стороне России, если бы к разрешению этого вопроса приступили державы, но не может не запросивши Совета министров письменно в сем обязаться, пока не последует на то предварительное согласие Турции и в особенности Англии»¹³⁴. Князь считал особенно благоприятным то обстоятельство, что свидание Извольского с Титтони состоится прежде приезда туда германского канцлера. Оно несомненно внушит Титтони больше твердости в возможных переговорах его с Бетман-Гольвегом.

В октябре 1909 г. Николай II совершил наконец давно откладывавшийся визит к королю Италии. Маршрут Николая II был проложен так, чтобы избежать проезда по австрийской территории. Извольский утверждал в конфиденциальном разговоре с британским послом, что император был сильно оскорблен действиями Австро-Венгрии в начале года и что он не желал проезжать через территорию этой страны.

Посещение Италии длилось два дня, в которые Извольский и Титтони обсудили важные вопросы, и главное – положение на Балканах. Извольский заявил Титтони о своем недоверии к Вене и высказал опасение, что она, освободившись от внутренних раздоров, может проявить стремление двинуться дальше к югу. Он объяснил, что Россия проявила стремление сохранить территориальный статус-кво на Балканском полуострове, а также привести различные Балканские государства к взаимному соглашению. Титтони согласился на содействие Италии поддержанию территориального статус-кво. Извольский считал, что уверения, которые он получил от Титтони, стоили длинного путешествия по железной дороге до Ракониджи. Российский министр также намекнул на желание России отнестись благожелательно к поддержанию нового режима в Турции, но в ответ Титтони грубо ответил, что новый режим «ужасен» и немногим лучше старого.

Соглашение в Ракониджи содержало несколько пунктов. В пунктах с первого по третий говорилось о взаимном стремлении к сохранению статус-кво на Балканах и к обеспечению независимого существования малых стран региона. «В случае каких-либо изменений на полуострове стороны обязались настаивать на применении принципа национальности путем развития Балканских государств и исключения какого-либо иннос-

¹³³ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 287/289. Извольский – Долгорукому. 16 (29) сентября 1909 г. Л. 18.

¹³⁴ Там же. Долгорукий – Извольскому. 21 сентября (4 октября) 1909 г. Л. 37.

транного господства. Предусматривалось совместное дипломатическое противодействие всяким акциям, противоположным этим целям»¹³⁵. Согласно четвертому пункту, стороны обязались также не заключать новых соглашений по делам европейского Востока без привлечения к этому друг друга. Россию и Италию объединяло отрицательное отношение к австро-германской экспансии на Балканах. Российская дипломатия делала упор на защиту прав малых стран этого региона.

Следующий важный аспект соглашения касался Турции. Титтони обещал Извольскому благожелательное отношение своего правительства к русским интересам в вопросе о Проливах в обмен на аналогичное обязательство по отношению к итальянским интересам в Триполи и Киренаике¹³⁶. «Италии, игравшей на противоречиях ее союзников и Антанты, легче было реализовать свою часть договоренности, нежели России решить самый сложный международный вопрос о Босфоре и Дарданеллах»¹³⁷.

Российская дипломатия стремилась использовать любую возможность, которая хотя бы в малой степени сулила желательные перемены в статусе Проливов. Осенью 1909 г. она считала Италию своим партнером по балканским и турецким делам. Однако решить проблему Проливов при поддержке Италии оказалось не так-то просто. Из Рима 29 сентября (12 октября) Долгорукий телеграфировал Извольскому: «Более сложным кажется вопрос о Проливах. За короткое время моего пребывания в Риме я не мог не заметить значения, которое здесь придают мнению Англии в делах Балканского полуострова. Не раз мне случалось слышать в течение переговоров, что если последует согласие Англии, то успех известного дела можно считать обеспеченным. И ныне вновь пришлось убедиться, что ключ к Проливам находится все-таки в руках сент-джеймского кабинета. Если нам удастся заручиться его согласием, то нам не следует опасаться какого-либо противодействия со стороны Италии, не добившись же согласия Англии, мы в лучшем случае получим от г. Титтони лишь составленную в общих выражениях формулу, которая положительной опоры не может дать»¹³⁸. Соглашение в Раккониджи имело достаточно очевидный, хотя и почти не выделенный в самом документе блоковый аспект. Русско-итальянское сближение, дополняя франко-итальянское, отдаляло Рим от Тройственного союза и приближало его к Антанте¹³⁹.

¹³⁵ История внешней политики России... С. 263; *Dickinson G. L.* Op. cit. P. 304–306.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же. С. 264.

¹³⁸ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 287/289. Долгорукий – Извольскому. 29 сентября (12 октября). Л. 41.

¹³⁹ *Dickinson G. L.* Op. cit. P. 221–222.

Это было тогда же отмечено русской печатью и положительно оценено западными державами. 12 (25 октября) газета «Речь» поместила на своих страницах ни к чему не обязывающую заметку: «В состоявшихся между министрами Извольским и Титтони собеседованиях, естественно, были затронуты все текущие политические вопросы и в особенности вопросы, связанные с Балканами. При этом было установлено, что в этой области Россия и Италия преследуют одинаковую цель, а именно упрочение существующих политических статус-кво в Турции и независимое нормальное мирное развитие прочих Балканских государств. Сближение между Россией и Италией не может никого озабочивать и, несомненно, будет приветствуемо всеми державами, как серьезный фактор сохранения мира»¹⁴⁰.

«The Times» (Таймс) сообщала, что визит в Италию русского императора является событием гораздо большего политического значения, чем обычный обмен любезностями между коронованными особами. Англия приветствует это новое доказательство упрочнения европейского мира¹⁴¹.

«Daily News» (Дейли Ньюс) считала, что либералы, радикалы и республиканцы в Италии работают теперь в целях разрушения Тройственного союза и их совместные усилия должны быть направлены на сближение с Тройственным соглашением, то есть с Россией, Францией и Англией¹⁴².

***

В декабре 1909 – марте 1910 г. новый российский посол в Константинополе Н. В. Чарыков вел активную переписку с министром иностранных дел А. П. Извольским. Посол выдвигал идею русско-германского соглашения, по которому Германия обязывалась не противодействовать созданию всебалканской конфедерации в обмен на гарантию, что это изменение в расстановке сил на Балканах не затронет никаких германских интересов¹⁴³. Чарыков мотивировал возможные совместные действия с Германией тем, что «Германии так же важно, как и нам, мирное поддержание и экономическое процветание Турции»¹⁴⁴. Чарыков считал, что если Германия согласится, то дело выиграно. «Ибо тогда, опираясь на Германию, можно добиться такого положения, при котором не Россия принимает австро-венгерскую программу, а Австро-Венгрии приходится принимать русскую программу»¹⁴⁵. Но из этого замысла ничего не вышло.

¹⁴⁰ Речь. 12 (25) октября 1909 г.

¹⁴¹ The Times. 1909. 23 Oct.

¹⁴² Daily News. 1909. 23 Oct.

¹⁴³ Бестужев И. В. Указ. соч. С. 349.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же.

Помимо возможных соглашений с великими державами Россия предприняла попытки объединить Балканские государства. По замыслу Извольского малые Балканские государства должны были объединиться с Турцией в союз. Эта программа нашла широкую поддержку российской общественности и деловых кругов, начинавших проявлять больший интерес к рынкам европейского Востока. Извольский стремился содействовать процессу создания такого регионального союза. Он рассчитывал при этом на поддержку Франции и Англии. Стремясь, как и Россия, создать преграду экспансии германизма, они в то же время не хотели способствовать усилению влияния царского правительства на полуострове¹⁴⁶.

19 ноября (2 декабря) Извольский обратился к российским послам при западноевропейских державах и представителям в балканских странах с циркулярной депешей. В ней он выдвигал идею антиавстрийской конфедерации на полуострове при поддержке России и сочувствии Франции и Англии. Министр считал, что «в случае осуществления этого плана натиску германизма на Турцию были бы противопоставлены три преграды: 1) сами Балканские государства; 2) соглашение России с Италией; 3) деятельность Франции и Англии».

В начале 1910 г. Россию посетил король Болгарии Фердинанд. Россия советовала ему заключить болгаро-сербское и болгаро-турецкое соглашения. Но Болгария была согласна на союз с Сербией, Черногорией и Грецией, с Турцией же собиралась устанавливать только дружественные отношения, так как претендовала в перспективе на Македонию и Адрианополь¹⁴⁷.

Весной того же года в Петербург приезжал сербский король Петр, желавший заручиться поддержкой России в борьбе с болгарскими притязаниями на Македонию. Турцию насторожили эти визиты монархов в Петербург. Министр иностранных дел Турции Хильми-паша, обеспокоенный слухами о положительном отношении России к притязаниям Балканских стран на Македонию, срочно прибыл в российскую столицу. Однако этот визит был безрезультатным.

***

Осенью 1910 г. руководство внешней политикой России взял на себя новый министр. Им стал родственник Столыпина С. Д. Сазонов, а Извольскому пришлось уехать послом в Париж. Сазонов, следуя пожеланиям премьеров Столыпина, а затем Коковцова, собирался проводить

¹⁴⁶ История внешней политики России... С. 264.

¹⁴⁷ Там же. С. 265.

осторожную, взвешенную политику. «Если Англия и Франция, а также антантофильские круги в России надеялись, что Сазонов не сойдет с дружественных позиций в отношении западных держав, то германофилы рассчитывали на его “нейтралистские” взгляды и улучшение при нем отношений с Германией»¹⁴⁸.

В конце октября 1910 г. Сазонов, проезжая через Берлин, беседовал с канцлером Т. Бетман-Гольвегом и статс-секретарем ведомства иностранных дел А. Кидерлен-Вехтером. Германские политики уверяли, что не желают вмешиваться в доверительные отношения России с Францией и Англией, но хотят укрепить русско-германскую дружбу¹⁴⁹.

Свидание императоров двух стран состоялось в Потсдаме 22–23 октября (4–5 ноября) 1910 г. В переговорах приняли участие также Сазонов, Бетман-Гольвег и Кидерлен-Вехтер. Монархи в своих беседах касались политических дел лишь в самых общих чертах. Переговоры Сазонова с представителями германского правительства носили более конкретный характер. Они затрагивали, в частности, вопросы железнодорожного строительства в Северной Персии и возможности проведения туда соединительных линий от Багдадской железной дороги¹⁵⁰.

Встреча в Потсдаме не устранила напряженности в отношениях между Россией и Германией и подтвердила наличие существенных противоречий между ними на Ближнем и Среднем Востоке. Официальная оценка встречи обеими сторонами была все же благоприятной. Правящие круги как России, так и Германии считали, что выработали необходимый задел для дальнейших переговоров в соответствии со своими задачами¹⁵¹.

Петербург проявлял склонность к урегулированию локальных ближне- и средневосточных вопросов¹⁵². Ему импонировало германское обещание сдерживать австрийскую экспансию на Балканах, но платить за него сменой блоковой ориентации он не хотел. В Берлине же стремились прежде всего расшатать и подорвать Тройственное согласие. Поэтому германская дипломатия настойчиво домогалась письменного документа, который фиксировал бы обязательство России не поддерживать Англию в обмен на аналогичное обещание Германии в отношении политики Вены на Балканах. Но Сазонов всеми способами уклонялся от письменного соглашения. Стало ясно, что правительство России не пойдет на сделку, подрывающую Тройственное согласие¹⁵³.

¹⁴⁸ История внешней политики России... С. 265.

¹⁴⁹ Mowat R. W. The concert of Europe. L., 1930. P. 310–311.

¹⁵⁰ См. подробнее: Силин А. С. Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке. М., 1976. С. 189–190.

¹⁵¹ История внешней политики России... С. 267.

¹⁵² Mowat R. W. The concert of Europe. P. 311.

¹⁵³ Ibid.

Англия и Франция отнеслись к русско-германским контактам настороженно. В Лондоне тревожились как за блоковые интересы, так и за позиции в Персии¹⁵⁴. Разъяснения Сазонова и Бенкендорфа внесли некоторое успокоение. 4 (17) января 1911 г. лондонская «Таймс» (Таймс) писала, что три державы Антанты в основном и главном согласовали свою политику и, если возникнет необходимость, будут и впредь координировать свои действия.

6 (19) августа 1911 г. было подписано соглашение между Россией и Германией по персидским делам (Потсдамское соглашение)¹⁵⁵. По нему Россия признавала важное значение Багдадской железной дороги для международной торговли и обязалась «не принимать мер, чтобы воспрепятствовать постройке ее или помешать участию иностранных капиталов в этом предприятии» при условии, что они не повлекут за собой денежных жертв для России¹⁵⁶.

«Потсдамское соглашение было ловушкой для Англии, – писал Шустер, – Багдадской железной дорогой Германия хотела окружить Персидский залив»¹⁵⁷.

---

¹⁵⁴ *Shuster W. M. The Stragling of Persia. L., 1912. P. 230.*

¹⁵⁵ См. текст соглашения: Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С. 405–407; Мировые войны XX века. Кн. 1. Документы и материалы. М., 2002. С. 26–27.

¹⁵⁶ Мировые войны XX века. Кн. 1. Документы и материалы. М., 2002. С. 27.

¹⁵⁷ *Shuster W. M. The Strangling of Persia. P. 230.*

Глава III

Проблема открытия Черноморских проливов во время итало-турецкой войны 1911–1912 гг.

Итало-турецкая война явилась одним из следствий Агадирского кризиса. После вступления французских войск в столицу Марокко Фес германское правительство заявило, что Альхесирасский трактат нарушен, и потребовало для себя компенсаций. Когда немецкая «Пантера» 18 июня (1 июля) бросила якорь у Агадира, итальянские правящие круги решили воспользоваться созданным положением и привести в действие франко-итальянское соглашение 1902 г., в котором указывалось, что Италия не имеет никаких возражений против французского проникновения в Марокко, точно так же как «Франция не имеет никаких возражений против итальянского проникновения в Триполитанию и Киренаику»¹.

15 (28) сентября 1911 г. итальянское правительство направило Порту ультиматум, начинавшийся с заявления, что Турция держит Триполитанию и Киренаику в состоянии беспорядка и нищеты, а турецкие власти противодействуют итальянским предприятиям в Триполи². В ультиматуме Константинополю предлагалось принять меры к тому, чтобы предупредить всякое противодействие «итальянским властям».

Такое требование турецкое правительство принять не могло. Началась война. Россия решила использовать начало Италией военных действий против Турции, чтобы еще раз попытаться открыть Проливы для российского военного флота.

Российский посол в Париже А. П. Извольский накануне нападения Италии на Османскую империю писал 13 (26) сентября 1911 г. временно управляющему Министерством иностранных дел А. А. Нератову, что наступил момент «извлечь из надвигающихся событий наибольшие выгоды для собственных наших интересов»³.

¹ История дипломатии. Т. 2. М., 1963. С. 348.

² Gibbons H. A. The new map of Europe 1911–1914. N. Y., 1926. P. 246–249; Gooch G. P. Before the War. Vol. 1. L., 1936. P. 433.

³ Международные отношения эпохи империализма. Документы из архивов царского и временного правительства в 1878–1917 гг. (далее – МОЭИ). М., 1938–1940. Сер. 2. Т. 18. Ч. 2. Извольский – Нератову. 13 (26) сентября 1911 г. С. 28–29.

Известный американский историк, исследователь Первой мировой войны С. Фей в своей книге «Происхождение мировой войны» попытку русской дипломатии открыть Проливы в 1911 г. полностью приписывает бывшему министру иностранных дел, в то время послу России в Париже А. П. Извольскому: «Извольский дважды делал тщетные и безуспешные попытки осуществить свою мысль об открытии проливов для русских военных судов. Первая попытка была предпринята во время переговоров о заключении англо-русской конвенции 1907 г. и вторая во время сделки в Бухлау в 1908 г. Обе закончились неудачей вследствие противодействия со стороны министра иностранных дел Великобритании Э. Грея и отсутствия поддержки со стороны французов. Но в конце 1911 г. Извольский решил, что обстановка в Европе сулит ему теперь больше шансов на успех»⁴.

Извольский действительно принимал непосредственное участие в переговорах о Проливах, но «славу» с ним по праву могут разделить и его начальник, временно управляющий МИД Нератов и его друг и коллега посол в Константинополе Н. В. Чарыков.

С самого начала итало-турецкой войны британские правящие круги спешили использовать создавшееся положение, чтобы окончательно оторвать Италию от Тройственного союза. В Лондоне стремились к тому, чтобы во время войны не раздражать итальянских политических деятелей. Э. Грей указывал британским дипломатам, что «очень важно, чтобы ни мы, ни Франция не выступили сейчас против Италии»⁵.

30 сентября Министерство иностранных дел Британии ставит в известность французское и российское правительства о своем намерении провозгласить нейтралитет в этой войне и запрашивает мнение союзных держав по данному вопросу⁶. Когда российский посол в Лондоне А. К. Бенкендорф спросил Грея, что он думает по вопросу о Триполитании, который возник так внезапно, статс-секретарь ответил, что «ему представляется бесспорным, что Италия обладает в Триполи крупными интересами и, по всей вероятности, имеет, как многие другие державы в иных местах, справедливые основания жаловаться на турецкие административные приемы в отношении ее интересов; ввиду этого ему кажется законным, чтобы Италия серьезно выступила в защиту своих нарушенных интересов; таково право каждой великой державы»⁷. В Лондоне объявили о нейтралитете.

⁴ Фей С. Происхождение мировой войны. Т. 1. М., 1934. С. 288.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 707/756. Машинописные копии и переводы писем Бенкендорфа за 1909–1914 гг. Бенкендорф – Нератову. 14 (27) сентября 1911 г. Л. 91.

⁶ B. D. Vol. IX (1). № 253. Sir E. Grey to Sir F. Bertie and Mr. O'Beime. Sept. 30. 1911. P. 286; The Times. Oct. 1. 2. 1911.

⁷ МОЭИ. Сер. 2. Т. 18. Ч. 2. Бенкендорф – Нератову. 24 сентября (7 октября) 1911 г. С. 188.

В первые дни войны русское правительство официально объявило о нейтралитете России. В опубликованном 25 сентября (8 октября) именном высочайшем указе Правительствующему сенату провозглашалось, что Россия будет «сохранять строгий и беспристрастный нейтралитет в отношении воюющих стран»⁸.

Триполитанская война подтолкнула императорское правительство к переговорам с Турцией по насущным вопросам: строительство малоазиатских железных дорог и вопрос о Проливах. Железнодорожное строительство на севере Турции издавна интересовало Россию. В 1900 г. царское правительство заключило с Турцией соглашение, по которому османское правительство обязывалось предоставить русским концессионерам право на строительство железных дорог в Северной и Северо-Восточной Анатолии (на побережье Черного моря) на свои средства. В вопросе строительства малоазиатских железных дорог Россия пошла на неизбежную уступку Турции и другим державам.

Мысль о том, что эту уступку необходимо компенсировать разрешением вопроса о Проливах, принадлежала Нератову. Еще до начала итало-турецкой войны в письме к министру финансов В. Н. Коковцову от 25 июля (7 августа) 1911 г. он указывал на эти два важнейших вопроса ближневосточной политики: «Не одно только железнодорожное строительство угрожает нашим интересам, но и проявленная за последнее время усиленная забота турецкого правительства об усилении его боевого флота не в меньшей степени должна нас озадачивать. С этой точки зрения явилось бы, может быть, весьма полезным обусловить наше согласие на железные дороги в Малой Азии хотя бы принципиальным согласием Порты на открытие для нас Проливов; заручившись таковым, мы могли бы сделать это в дальнейшем уже вопросом международного обсуждения»⁹.

С началом итало-турецкой войны посол России в Константинополе Н. В. Чарыков неоднократно напоминал Нератову, временно исполняющему обязанности министра иностранных дел, о том, что «жаль было бы упустить теперешний выгодный случай итало-турецкой войны и не воспользоваться им для того, чтобы продвинуть вопрос о Проливах и иные здешние дела»¹⁰. В тот же день посол написал еще одно обстоятельное письмо Нератову с подробным анализом политической обстановки: «Но уже теперь представляется возможным использовать выступление Италии для нового шага по пути соответствующего коренным русским интересам

⁸ Россия. 1911. 25 сентября (8 октября). № 1788.

⁹ МОЭИ. Сер. 2. Т. 18. Ч. 2. Нератов – Коковцову. 25 июля (7 августа) 1911 г. С. 305–307.

¹⁰ Там же. Чарыков – Нератову. 17 (30) сентября 1911 г. С. 52.

разрешения одного из старейших и значительнейших вопросов внешней русской политики – вопроса о Проливах»¹¹.

Однако Чарыков полагал, что, прежде чем начать переговоры с Турцией, было бы желательно заручиться согласием великих держав на обсуждение вопроса о Проливах Россией и Турцией.

Царский дипломат считал, что начать переговоры надо с Италии, и предлагал держать их в совершенной тайне, по крайней мере от публики. Италия должна была подтвердить свое согласие на изменение режима Проливов, данное в 1909 г. в Ракониджи в обмен на признание за ней особых интересов в Триполи. Для Франции была важна поддержка России во франко-германском конфликте по марокканскому вопросу. «Что же касается Англии, то она, как известно, – писал Чарыков, – сосредоточила ныне свои морские силы в Северном море и предоставила Франции заботу об англо-французских интересах в Средиземном море. Ввиду сего, возможность появления в Средиземном море военных судов, принадлежащих к Черноморскому флоту России – союзницы Франции, явилась бы для Англии уже не опасной, а скорее желательной»¹².

Далее в том же письме посол убеждал Нератова, что «Россия должна обладать и Босфором и Дарданеллами и пользоваться ими для своих военных судов наравне с Турцией. Проливы, действительно, ключ к Русскому дому, и ключ этот должен, рано или поздно, перейти в русские руки»¹³.

В Петербурге тоже расценили сложившуюся международную обстановку как благоприятную для предстоящих переговоров по обозначенным вопросам.

19 сентября (2 октября) 1911 г. Нератов в письме Чарыкову в Константинополь указывал на то, что франко-германские переговоры о Марокко, начало итало-турецкой войны, смена младотурецкого кабинета министров благоприятствуют началу переговоров с Турцией об изменении соглашения 1900 г. о железных дорогах в Малой Азии, а может быть, и о более общих взаимных интересах. К письму Нератов прилагал проект декларации, одобренный российским правительством. Проект должен был служить основанием для переговоров посла с Портой¹⁴. Проект декларации состоял из четырех частей. В первой части, обозначенной литерой «А», русское правительство отказывалось от своих привилегий на железнодорожное строительство в Северной Анатолии, полученных по русско-турецкому соглашению 1900 г., и не станет противодействовать привлечению

¹¹ МОЭИ. Сер. 2. Т. 18. Ч. 1. Чарыков – Нератову. 17 (30) сентября 1911 г. С. 498.

¹² Там же. С. 52.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Нератов – Чарыкову. 19 сентября (2 октября) 1911 г. С. 58–61; Россия и Черноморские проливы... С. 277.

иностранных капиталов, необходимых для постройки железных дорог в Северной Анатолии. При этом отказ России от своих привилегий был формальным, а по существу российское правительство по-прежнему сохраняло право на железнодорожное строительство.

Вторая часть декларации, с литерой «Б», касалась вопроса о режиме в проливах Босфор и Дарданеллы и прилегающих к ним территорий. Императорское правительство обязывалось «оказывать турецкому правительству действенную поддержку для сохранения нынешнего режима в проливах Босфор и Дарданеллы, распространяя ее на прилегающие территории, в случае если этим последним будут угрожать иностранные вооруженные силы»¹⁵. Оттоманское правительство со своей стороны должно было дать обязательство «не препятствовать проходу русских военных судов через проливы при условии, что эти суда не будут останавливаться в проливах, если это не будет особо обусловлено»¹⁶.

Эта часть декларации имела для турок определенную ценность в условиях войны с Италией и осложнения ситуации на Балканах. В обмен на открытие Проливов для русских военных кораблей русское правительство гарантировало статус-кво в районе Проливов. Но и такая гарантия уже была по существу нарушением данного статуса.

Третья часть декларации («В») предусматривала согласие России на сохранение трехпроцентной надбавки на турецкие таможенные пошлины, срок которой истекал 13 (26) июня 1914 г.

В последней, четвертой части декларации («Г») российская сторона предлагала выкупить у Турции три строящихся броненосца. Эта статья была явно неприемлемой для турецкого правительства, так как имела целью сохранить превосходство русского флота над турецким в Черном море.

Препровождая составленный в МИД проект декларации, Нератов предписывал Чарыкову «ограничить в начале предмет переговоров вопросом о замене соглашения 1900 г. более подходящим к изменившимся условиям»¹⁷. Остальные же статьи «являются, однако, лишь факультативными придатками к основному соглашению о железных дорогах»¹⁸. Чарыков мог «воспользоваться ими в отдельности или вместе или оставить их вне обсуждения в зависимости от общего хода переговоров»¹⁹.

Нератов специально обозначал вопрос о железнодорожном строительстве как основной, ставя его на первое место. Дело в том, что министр

¹⁵ МОЭИ. Сер. 2. Т. 18. Ч. 2. С. 61.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 59.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

финансов Коковцов в письме от 28 июля (10 августа) 1911 г. не разделял предложения коллеги и не видел «никакой органичной связи между вопросами о строительстве железных дорог в Малой Азии и открытием проливов для русских судов». К тому же он считал «преждевременным входить с Портой в переговоры по вопросу о проливах, поскольку этот сложный вопрос еще недостаточно выяснен»²⁰.

Для того чтобы частично снять с себя ответственность в случае провала переговоров, Нератов предлагал российскому послу на свое усмотрение и в зависимости от настроения турок возбудить «факультативный» вопрос о Проливах в переговорах с Портой. По-видимому, не желая вступить в противоречия с министром финансов, временно управляющий МИДом обозначил вопрос о Проливах как «факультативный», хотя сам так не считал.

Необходимо отметить, что Чарыков вместе с Извольским, бывшим министром иностранных дел, уже совершали попытку открыть Проливы в 1908 г., но встретили противодействие со стороны Англии.

24 сентября (7 октября) Чарыков, получив проект Нератова, решил его немного отредактировать. Посол посчитал, что успех переговоров только по вопросу о железных дорогах весьма проблематичен, потому что Турция будет разочарована утратой права самостоятельно осуществлять железнодорожное строительство на своей территории. По мнению Чарыкова, «только расширение программы переговоров может привести к заключению соглашения между двумя странами по этому вопросу». «Расширенная программа переговоров и включение вопроса о Проливах, – писал он, – является как нельзя более желанной и соответствует теперешней конъюнктуре»²¹.

Дипломат также предложил дополнить вторую статью декларации, касающуюся вопроса о Проливах, новым пунктом следующего содержания: «Равным образом императорское российское правительство обязуется предлагать свои услуги с целью облегчить установление между оттоманским правительством и Балканскими государствами прочных добрососедских отношений на основе *status quo*»²². Наметив дополнительную к проекту Нератова программу переговоров с Турцией, Чарыков торопил его с ответами и указаниями.

Как уже отмечалось, посол в письме от 17 (30) сентября большое значение для успешного ведения переговоров придавал получению согла-

²⁰ МОЭИ. Сер. 2. Т. 18. Ч. 1. Прим. 2. Коковцов – Нератову. 28 июля (10 августа) 1911 г. С. 307.

²¹ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 458/477. Чарыков – Нератову. 24 сентября 1911 г. Л. 50–52.

²² Там же. Письмо Чарыкова – Нератову. 26 сентября (9 октября) 1911 г. Л. 8–61.

сия на открытие Проливов для русских военных кораблей от Италии и Франции – в первую очередь, а затем и от других великих держав.

24 сентября (7 октября) Нератов телеграфировал Чарыкову в Константинополь: «Препопанные вам указания высочайше одобрены, благоволите возможно безотлагательно приступить к переговорам, не придавая, однако, своему обращению характера резких и бесповоротных настояний»²³. Одновременно исполняющий обязанности министра иностранных дел сообщил Чарыкову, что мысли посла, изложенные им в секретном письме от 17 (30) сентября, уже осуществлены.

По всей видимости, в отношении Италии Нератов основывал свое сообщение Чарыкову на письме Извольского из Парижа от 14 (27) сентября. В нем сообщалось, что Извольский повидался с послом Италии Т. Титтони в Париже, чтобы напомнить ему условия, на которых «мы обещали со своей стороны признавать свободу действий Италии в Триполи», и просить его, чтобы Италия в момент, когда она приступит к выполнению своей программы в Триполи, дала бы нам взамен заверения, что она не забудет в будущем выполнить свои обязательства, принятые ею на себя в отношении наших прав на проливы»²⁴. Однако посол в Константинополе проявил чрезмерную поспешность. Получив эту телеграмму, он сделал вывод, что согласие Италии и Франции на предложение России уже получено, в то время как речь шла лишь об императорском одобрении намеченного плана. Только 26 сентября (9 октября) Извольский сообщил Нератову о том, что он продиктовал послу Италии Т. Титтони выработанный Нератовым проект письма итальянского министра иностранных дел на имя российского министра иностранных дел «о подтверждении наших прав в Черноморских проливах»²⁵. Поэтому 24 сентября (7 октября) не могло быть никаких письменных заверений от Титтони. К 7 октября Нератов никак не мог получить от Франции согласия на признание специальных интересов России в Проливах, потому что лишь 28 сентября (11 октября) Извольский впервые затронул этот вопрос в беседе с французским министром иностранных дел де Сельвом²⁶.

26 сентября (9 октября) Чарыков отправил Нератову весьма секретное личное письмо, в котором ставил вопрос о том, известно ли отношение по этому вопросу Великобритании и интересуются ли данным вопросом

²³ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 458/477. Всепопданнейшая записка 24 сентября (7 октября) 1911 г. Л. 56. На подлиннике императором начертано «Весьма одобряю». Ливадия. 28 сентября (11 октября) 1911 г.

²⁴ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 458/477. Нератов – Чарыкову. 15 (28) сентября 1911 г. Л. 17–18.

²⁵ МОЭИ. Сер. 2. Т. 18. Ч. 2. Извольский – Нератову. 26 сентября (9 октября) 1911 г. С. 116–117.

²⁶ АВПРИ. Ф. 184. Посольство в Лондоне. Оп. 520. Д. 1418. Копия весьма доверительно-го письма в Париже временно управляющему МИД. 28 сентября (11 октября) 1911 г. Л. 20.

в Берлине и Вене. Посол указывал, что для России выгодно, чтобы итало-турецкая война не прекращалась, и тогда «наше ручательство за безопасность самого города и даже доступа к нему через Дарданеллы, с обороной коих Турция одна может не справиться, а с помощью нашей эскадры и минных техников справится легко, – создаст для Турции такое выгодное положение, что наше домогательство покажется ей уже не насилием, а спасительной гарантией»²⁷. В этом письме Чарыков просил руководство уточнить, какие именно пространства имеет в виду правительство России, предлагая Турции защиту не только Проливов, но и прилегающих территорий.

Дипломат также сообщил Нератову мнение турецкой газеты «Сабах», что Турция не должна оставаться в изоляции и необходимо обеспечить свое будущее союзом. Однако «Союз с Германией невозможен, – писал Чарыков, – так как Германия связана союзническими договорами с Австро-Венгрией и Италией. Союз с Англией является мечтой небольшого круга сторонников Камиль-паши. Но при всем своем морском могуществе Англия бессильна защитить Турцию на ее границах с Балканскими государствами и на ее малоазиатской границе с Россией. Союз с Францией был бы равносителен союзу с Россией, вследствие существования русско-французского союзного договора. Таким образом, опорой и спасительницей Турции могла быть одна Россия»²⁸.

Чарыков намеревался передать проект соглашения великому визирю Саид-паше приблизительно 1 (14) октября и надеялся, что успеет за оставшийся срок получить из Петербурга ответ относительно его замечаний по включению в переговоры вопроса об отношении Турции с Балканскими государствами.

11 октября (28 сентября) Нератов в специальной телеграмме выразил свои сомнения в отношении предложения посла. Он писал, что затрудняется ответить на поставленные послом вопросы, советовал Чарыкову в частном письме к великому визирю воздержаться от слишком широкой постановки переговоров, не торопиться и выслушать мнение турецкой стороны. Нератов считал также опасным упоминание о Балканских государствах. «По этому предмету в крайнем случае надлежало бы ограничиться общим принципом *status quo*, возвешенным неоднократно в наших сношениях с другими державами».

Когда Извольский узнал, что Чарыков предпринял первые шаги в Константинополе по вопросу о Проливах, он выразил опасение, что посол

²⁷ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 458. Чарыков – Нератову. 27 сентября (10 октября) 1911 г. С. 119.

²⁸ Там же.

«со свойственной ему стремительностью слишком поспешил и испортил дело»²⁹.

Однако эти важные замечания Нератова и Извольского немного запоздали, и Чарыков не успел с ними ознакомиться и принять их к сведению до 29 сентября (12 октября). В этот день он вручил великому визирю проект русско-турецкого соглашения, придав ему форму личного письма. Предварительный проект декларации, отредактированный и дополненный послом, заметно отличался от проекта соглашения, разработанного в МИДе.

Первые два пункта почти не отличались от проекта Нератова. Формулировку третьего пункта дипломат изменил, сделав его более приемлемым для Турции. Новая формулировка предусматривала обязательство договаривающихся сторон воздерживаться от конкуренции в Малой Азии на востоке от линии Самсун–Сивас–Харпут–Диарбекир–Мосул и заключить специальную конвенцию, обеспечивающую взаимные интересы в этой зоне. В четвертый пункт, касавшийся Проливов, Чарыков добавил фразу: «Применение толкования конвенции, заключенной в Лондоне 1 (14) марта 1871 г., остается подчиненным предварительному согласию других держав, подписавших упомянутую конвенцию»³⁰. Эту фразу Нератов находил очень опасной, так как она ставила соглашение России с Османской империей в зависимость от позиции других держав, делая обязательство Турции условным и поэтому недостаточно связывающим ее в случае несогласия с ним какой-либо державы.

Чарыков решил дополнить декларацию пунктами 5 и 6. Этими новыми пунктами он заменил предыдущие, касающиеся трехпроцентной таможенной надбавки и покупки строящихся для Турции дредноутов. Согласно пятому пункту, российское правительство обязывалось приложить все усилия с целью облегчить установление между Оттоманской империей и Балканскими государствами добрососедских отношений на основе статус-кво. Это обязательство приобретало особую важность для Турции, но ставило российскую дипломатию на Балканах в затруднительное положение. Триполитанская война укрепляла надежды народов Балканского полуострова на полное освобождение от турецкого господства.

Согласно шестому пункту российское правительство заявляло о своей готовности приступить к рассмотрению вопроса о капитуляциях и благожелательно отнестись к экономическим и финансовым проектам, о которых оно будет уведомлено Портой.

Из текста исправленной Чарыковым декларации видно, что «вопросы факультативные» становились центральными, более важными, чем

²⁹ МОЭИ. Сер. 2. Т. 18. Ч. 3. Извольский – Чарыкову. 29 сентября (12 октября) 1911 г. С. 137–139.

³⁰ Там же. С. 146.

«основные». В этом действия Чарыкова серьезно расходились с линией российского Министерства иностранных дел. Нератов, выражая позицию правительства, стремился к частному соглашению с Турцией, а посол вел переговоры о заключении международного соглашения и тем самым фактически ставил русско-турецкие переговоры в зависимость от отношения к ним других стран.

В докладе Чарыкова руководству подчеркивалось, что великий визирь «вполне усвоил все значение предлагаемого сочинения и отнесся к нему с сочувствием и осторожностью»³¹.

Вскоре, 6 (19) октября, последовало выступление Саид-паши в палате депутатов. В своей речи он заявил, что Турции нельзя далее оставаться изолированной и что он будет добиваться соглашения с другими государствами. Чарыков, руководствуясь статьей, опубликованной в турецкой газете «Танин», писал Нератову: «Великий визирь находит, что Турции надлежит примкнуть к той или другой из политических групп, существующих ныне в Европе. Вероятно, великий визирь начнет свой аукционный торг с Германией и поставит ей дополнительные условия: 1) быстрое заключение мира с Италией, не оскорбительного для чести и самолюбия Турции и 2) допущение ее в Тройственный союз... Если переговоры с Германией не удадутся, то он приступит к торгу с нами». Но Турции легче договориться сначала с Англией, а потом с нами. Сближение Турции с Англией, по мнению Чарыкова, «может облегчить предстоящие с Турцией переговоры»³². Чарыков возлагал большие надежды на политику Англии в Турции и в своих донесениях в Петербург постоянно запрашивал Нератова об отношении британского правительства к русско-турецким переговорам.

Между прочим, пребывавший с 1909 г. в Османской империи военно-морской агент А. Н. Щеглов, который наблюдал за работой посла, «поразился развязности тона и поверхностности оценок, который давал всем событиям на Ближнем Востоке посол Н. В. Чарыков, гофмейстер двора Николая II»³³. Российского посла в Стамбуле мастерски водили за нос, и Щеглов быстро понял, что «турки говорят и показывают послу именно то, что тому приятно знать и хочется видеть»³⁴. Чарыков, по его мнению, игнорировал враждебные России акты турецких властей и выступления печати.

23 октября (5 ноября) 1911 г. Чарыков отправил Нератову тревожную телеграмму: «По сведениям наших агентов морского и военного, турки за

³¹ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 458/477. Чарыков – Нератову 28 сентября (11 октября) 1911 г. Л. 68.

³² Там же. Чарыков – Нератову. 6 (19) октября 1911 г. Л. 94–97.

³³ Шеремет В. И. Босфор. М., 1995. С. 24.

³⁴ Там же.

последнее время доставили на Верхний Босфор взрывающиеся с берега электрическим током мины, которые собираются погрузить, и довели до полного комплекта местный состав артиллеристов»³⁵. Далее посол приходит к следующему выводу: «Я думаю, что Великий визирь под впечатлением враждебности и беспокойности нашей печати, не зная, что мы не собираемся придать нашим требованиям ультимативный характер, принимает эти меры на случай, если русско-турецкое соглашение чрезмерно замедлится или вообще не будет достигнуто»³⁶. Турция дала России понять, что постанова мин заграждения в Верхнем Босфоре является как бы ответом на попытки императорского правительства включить вопрос о Проливах в предстоящие переговоры.

Тем временем 28 сентября (11 октября), выполняя предписание Нератова, Извольский поставил вопрос о Проливах перед де Сельвом – сделал и представление французскому министру иностранных дел с просьбой «не отказаться формулировать французскую позицию по отношению к мерам, которые мы рано или поздно должны будем рассматривать как необходимые, в отношении проливов и прилегающих территорий»³⁷. Через три дня в разговоре с Извольским де Сельв заверил его в сочувствии Франции русским пожеланиям, но вместе с тем заявил, что «хотел бы точно знать характер проекта вопроса о Проливах, который Россия просила поддержать, а также не скрыл от русского посла, что чрезвычайно озабочен отношением лондонского кабинета к этому вопросу»³⁸. Из разговора Извольский сделал заключение, что по вопросу о Проливах Франция желает идти заодно с Англией, хотя между ними и нет, по-видимому, формальной договоренности.

Не теряя времени, де Сельв снесся с Даунинг-стрит. Он также дал указание французскому послу в Лондоне Полю Камбону срочно выяснить отношение Англии к русским замыслам. Посол сообщил французскому министру иностранных дел, что Лондоном получены сообщения из Италии о начале переговоров Чарыкова с Турцией. 20 октября А. Никольсон сообщал Грею, что «Камбон сегодня сообщил мне Никольсону информацию, которую он умолял держать в секрете, пока мы что-нибудь не услышим от Бенкендорфа или Лоутера. Нератов сказал французскому поверенному в делах, что он инструктировал российского посла в Константинополе Чарыкова обсудить с Саид-пашой вопрос о Проливах между Россией

³⁵ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 458. Чарыков – Нератову. 23 октября (5 ноября) 1911 г. Л. 149.

³⁶ Там же.

³⁷ МОЗИ. Сер. 2. Т. 18. Ч. 2. Извольский – Нератову. 28 сентября (11 октября) 1911 г. С. 131.

³⁸ Там же. Извольский – Нератову. 1 (14) октября 1911 г. С. 161.

и Турцией»³⁹. Россия еще не успела поставить вопрос о Проливах, а у Франции и Великобритании уже был готов ответ.

10 (23) октября французский посол обратился с запросом к английскому министру иностранных дел Грею. От помощника статс-секретаря А. Никольсона он узнал, что Англия заняла такую же позицию, как и в 1908 г. Извольский, в то время министр иностранных дел России, выдвигал перед Э. Греем вопрос о пересмотре статуса Проливов 1 (14) октября 1908 г., после обсуждения вопроса с английскими министрами Грей вручил Извольскому меморандум, где говорилось, что Англия не против открытия Проливов для военных судов всех стран, предпосылкой чему, как и всякому другому решению, должно послужить согласие Турции.

Министр иностранных дел Великобритании настаивал, что момент для решения поднятого вопроса неудачен, и обещал в иное, более удобное время использовать влияние Англии в Стамбуле, чтобы обеспечить согласие турецкого правительства. Британия и в этот раз ничего не имела против открытия Проливов для военных судов всех наций, но не только для России, что превратило бы Черное море в морской оплот Российской империи. Никольсон также выразил сомнение, удачно ли выбран момент, имея в виду итало-турецкую войну. Между тем Петербург возлагал большие надежды на переговоры с Англией. Несмотря на отрицательные ответы Британии в 1907–1908 гг., он рассчитывал если не на поддержку, то хотя бы на непротиводействие Лондона. Извольский надеялся, что Франция будет содействовать планам русской дипломатии «за полное и безусловное согласие России» на соглашение о Марокко. Российское правительство, получив уклончивые заверения Франции, решило, что настало время прощупать почву в Лондоне. 6 (19) октября временно управляющий Министерством иностранных дел отправляет послу России в Лондоне А. К. Бенкендорфу письмо с приложением копий переписки по вопросу о Проливах⁴⁰. Нератов информирует Бенкендорфа о проекте соглашения России с Турцией и шагах Чарыкова и Извольского. Нератов пишет: «Весьма возможно, что сведения о разговорах наших представителей на тему “о Проливах” дошли уже до лондонского кабинета, и на случай, если бы великобританские министры заговорили с вами о том же или если бы вашему сиятельству пришлось к слову затронуть этот вопрос, считаю долгом препроводить при сем для личного вашего сведения и руководства копии с обменом по сему предмету переписки, по прилагаемой описи»⁴¹. 10 (23) октября

³⁹ В. D. Vol. IX. P. 1. № 289. Sir A. Nicolson to Sir E. Grey. Oct. 20. 1911. P. 312.

⁴⁰ Указанные копии документов по вопросу о Проливах хранятся в АВПРИ. Ф. 184. Посольство в Лондоне. Оп. 520. Д. 1418.

⁴¹ МОЭИ. Сер. 2. Т. 18. Ч. 2. С. 188. Нератов – Бенкендорфу. 6 (19) октября 1911 г.

Бенкендорф в беседе с Греем поднял вопрос о Проливах⁴². Грей уже был осведомлен британским послом в Константинополе Лоутером о том, что Россия подняла этот вопрос. В своем донесении Лоутер сообщил, что турецкий министр иностранных дел Ассим-бей информировал английского посла в Константинополе о предложении Чарыкова. Ассим-бей также спрашивал Лоутера, какую поддержку может ожидать Турция от Англии против русских притязаний на Проливы»⁴³. Бенкендорф, согласно его сообщению Нератову, сначала переговорил с Греем о персидских делах, а затем решил приступить к вопросу о Проливах. «Я сказал сэру Эдуарду, что Ваше превосходительство поручило мне, так же как и г. Извольскому в Париже, сделать Вам доверительное сообщение»⁴⁴. Бенкендорф заявил, что императорское правительство сочло момент удобным для установления более близких и дружеских отношений между Россией и Турцией, чем это было до сих пор. Российский посол выразил надежду, «что султан своей властью раз и навсегда декретирует свободный проход через Босфор для всех русских военных судов, однако без права там останавливаться»⁴⁵.

Бенкендорф сказал Грею, что «такая форма выбрана потому, что всякая другая повела бы к замедлениям, связанным с пересмотром договоров и с трудностями, которые могли бы проистечь из этого»⁴⁶. «Мы надеемся, – продолжал посол, – на возможность рассчитывать на согласие Англии и на ее поддержку в Константинополе и что, насколько я знаю, французское правительство благопривно отнеслось к такой же просьбе, ответив, что русский проект о проливах встречает полное сочувствие со стороны французского правительства»⁴⁷. Грей выслушал посла с явным интересом и сразу же ответил, что готов поддержать в Константинополе проект Петербурга в том виде, в каком он был сформулирован в меморандуме от 5 (18) октября 1908 г. На указание Бенкендорфа, что нынешний проект совсем иной, Грей заявил, что «не может дать немедленного ответа, так как проект требует изучения с точки зрения договоров и должен быть внесен на рассмотрение кабинета»⁴⁸.

Возможно, что Бенкендорф был прав, когда говорил, что Грей совершенно не был подготовлен к этому разговору. Британский министр, встре-

⁴² В. D. Vol. IX. P. I. № 291. Sir E. Grey to Mr. O'Bernie. Oct. 23. 1911. P. 313; *Gooch G. P.* Op. cit. P. 434.

⁴³ В. D. Vol. IX. P. I. Lowther – Grey. 16 oct. 1911. P. 309; *Dickinson G. L.* The international anarchy 1904–1914. L., 1937. P. 230.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 707/756. Бенкендорф – Нератову. 10 (23) октября. 1911 г. Л. 110.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Л. 113.

⁴⁸ Там же. Л. 116.

воженный тем, что Чарыков, согласно французским донесениям, заявлял о наличии поддержки со стороны Англии, попросил Лоутера точнее узнать характер предложений российского посла в Константинополе и установить, упоминается ли в них Великобритания.

Грея информировал британский поверенный в делах в Петербурге статс-секретарь О'Берни. Нератов заявил О'Берни, что он не считает настоящий момент подходящим для того, чтобы поднимать перед османским правительством вопрос о проходе через Дарданеллы. Даже если бы турки согласились, то никакое соглашение относительно Дарданелл не могло бы состояться без благожелательного отношения со стороны Англии и Франции»⁴⁹.

На следующий день, 11 (24) октября, Бенкендорф доверительно обсуждал с Никольсоном вопрос о Проливах. Российский посол пересказал помощнику статс-секретаря свою беседу с Греем и спросил его, что он об этом думает, на что Никольсон ответил, что «это чрезвычайно интересно, важно и дело само по себе очень хорошее»⁵⁰. Поэтому у Бенкендорфа зародилась вера в поддержку со стороны Англии.

12 (25) октября в личном письме Нератову Бенкендорф, не скрывая своей радости и веры в успех, писал: «Нисколько не сомневаюсь в том, что вопрос о проливах назрел. Поддержка Франции мне кажется вполне обеспеченной; ответ сэра Э. Грея также доказывает это, и я не думаю, чтобы мы могли ожидать чего-либо лучшего. Он все еще стоит на позиции 1908 г.; три года назад Грей назвал этот проект преждевременным, теперь он говорит, что готов действовать в указанном смысле, когда это нам будет удобно. Что касается новой формы, в которой мы представляем проект, то он оставляет за собой право рассмотреть ее, но он будет рассматривать ее сочувственно»⁵¹.

Бенкендорф полагал, что идея сближения Османской империи с Россией, а следовательно с Тройственным согласием, нравится Лондону. Однако посол указывает на одно затруднение, на которое и Камбон, и Никольсон обратили внимание, – Турция находится в состоянии войны с Италией, а предложение России несовместимо с российским нейтралитетом. «Россия предлагает Порте ручательство в неприкосновенности Проливов, ее столицы и фактически предлагает свой флот для защиты», – рассуждает Бенкендорф. Он задает вполне оправданный вопрос: «Совместим ли подобный договор с нейтралитетом?»⁵²

⁴⁹ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 458. О'Берни – Э. Грею. 11 (24) октября 1911 г. Л. 116.

⁵⁰ Там же. Д. 707/756. Бенкендорф – Нератову. 11 (24) октября 1911 г. Л. 115.

⁵¹ МОЭИ. Сер. 2. Т. 18. Ч. 2. Бенкендорф – Нератову. 12 (25) октября 1911 г. С. 237.

⁵² АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Д. 707/756. Бенкендорф – Нератову. 12 (25) октября 1911 г. Л. 128.

Между тем во внешней политике Турции намечалась ориентация на сближение с Тройственным согласием и возрастание интереса к позиции Англии. 10 (23) октября Чарыков сообщал Нератову, что, по-видимому, Саид-паша стремится сблизиться с одной группой держав, не разрывая и не обостряя отношений Турции с другой группой⁵³. Прекрасно понимая роль Англии в Тройственном согласии, Чарыков считал, что туркам было бы легче начать сближение с Лондоном, чем с Россией или Францией, а «для нас, если мы заблаговременно сговоримся с лондонским кабинетом, хотя бы с обещанной французской поддержкой, такое сближение может лишь облегчить предстоящие с Турцией переговоры»⁵⁴.

15 (28) октября Чарыков доносит Нератову, что великий визирь выразил французскому послу в туманной форме свои пожелания сближения с Британией и Францией. Саид-паша между прочим сказал: «Мы, конечно, можем бороться при теперешней обстановке, однако, будь у нас флот, Италия уступила бы тотчас. У нас нет флота, но флот имеется у других держав, например, у Франции и Англии. Если бы эти державы установили соглашение с нами, то образовались бы такие внушительные силы, что к нашему соглашению примкнула бы и Италия»⁵⁵. Вслед за этим, 31 октября, последовало официальное турецкое предложение о союзе с Англией. Турецкий посол в Лондоне Тевфик-паша предложил от имени своего правительства Э. Грею вступить в переговоры между Турцией и Великобританией. «Мы готовы вступить в переговоры о союзе с одной Англией или принять участие в соглашениях, которые сейчас существуют между Англией и другими державами»⁵⁶.

Основным мотивом этого внезапного выступления в Лондоне было стремление получить от Британии поддержку в борьбе против Италии, чтобы сохранить турецкое владычество в Триполи. Несмотря на существующие англо-русские противоречия на Ближнем Востоке, Грей отклонил турецкое предложение, сославшись на нейтралитет Англии в итало-турецкой войне.

2 ноября Грей передал Тевфик-паше ответ британского правительства, в котором говорилось, что оно не может начать переговоры об установлении союза, так как это несовместимо с его нейтралитетом в триполитанской войне⁵⁷. При этом турецкая дипломатия рассчитывала на то, что возражение Форин оффис приведет русские планы в отношении Проливов к

⁵³ МОЭИ. Сер. 2. Т. 18. Ч. 2. Чарыков – Нератову. 10 (23) октября 1911 г. С. 217–218.

⁵⁴ Там же. С. 219.

⁵⁵ Там же. Чарыков – Нератову. 30/17 октября 1911 г. С. 274.

⁵⁶ В. D. Vol. IX. P. I. Сообщение Тевфик-паши. 31 октября 1911 г. Приложение IV. P. 779.

⁵⁷ Ibid. Supplement IV. Memorandum by Sir E. Grey. Nov. 2. 1911. P. 780.

провалу. Именно поэтому Турция неоднократно намекала Британии об опасности русских планов в Проливах для ее интересов. Турецкий посол в Лондоне даже спросил Грея, «не считает ли министр иностранных дел, что интересы Англии затрагиваются теми преимуществами, которые Россия хотела бы получить, заключив новое соглашение относительно режима проливов»⁵⁸.

2 ноября 1911 г. Нератов решил, что настало время получить от французского и английского правительств письменные формулировки об их отношении к предоставлению России свободы плавания через Проливы. Временно управляющий Министерством иностранных дел писал российским послам в европейских столицах, «что наряду с поддержкой при переговорах с Турцией, каковые по местным условиям могут затянуться или быть отсроченными, мы желали бы воспользоваться нынешними политическими обстоятельствами, чтобы получить от названных держав формулировку их отношения непосредственно к нашим домогательствам в вопросе о проливах»⁵⁹. В тот же день Нератов поручил Н. Д. Остен-Сакену в Берлине и Н. Н. Гирсу в Вене выяснить отношение Германии и Австро-Венгрии к вопросу о Проливах.

Российская дипломатия заблуждалась, веря в лояльное отношение Англии к предпринимаемым Чарыковым переговорам. Британское правительство не желало преждевременно раскрыть свое отношение к планам Петербурга на Ближнем Востоке. Открытое выступление против российских интересов могло отрицательно сказаться на Антанте, которая была очень важна для Англии в грядущем конфликте с Германией. К тому же британская дипломатия рассчитывала на то, что Германия и Австро-Венгрия будут активно возражать против открытия Проливов⁶⁰. Английская дипломатия также прекрасно понимала, что против русских предложений выступают все партии в Турции⁶¹, и поэтому надеялась, что в Константинополе будут таскать каштаны из огня для Англии, отклонив русские предложения.

После того как Англия отказала Турции в поддержке, Саид-паша решил, создавая проволочки, задержать отрицательный ответ на русские предложения. Этим он на время стремился устранить опасность ухудшения русско-турецких отношений, а также сохранить возможность прибегнуть к помощи России в случае бомбардировки Италией Проливов. 5 ноября, когда истек двухнедельный срок, испрошенный Саид-пашой для обдумывания

⁵⁸ B. D. Vol. IX. P. I. № 336. Sir E. Grey to Sir J. Lowther. Nov. 2. 1911. P. 340–341.

⁵⁹ Международные отношения. Сер. 2. Т. 18. Ч. 2. Нератов – Извольскому и Бенкендорфу. 20 октября (2 ноября) 1911 г. С. 286.

⁶⁰ B. D. Vol. IX. P. I. № 336. Sir E. Grey to Sir J. Lowther. Nov. 2. 1911. P. 340–341.

⁶¹ Ibid. P. 340.

вания русского предложения, он попросил у Чарыкова предоставить ему отсрочку, сославшись на обсуждение предложений российского посла с важными лицами.

Однако вскоре британской дипломатии пришлось открыто изложить свое отношение к русским предложениям, которое было далеко не в пользу России. Российская дипломатия, отдавая себе отчет в невозможности «урегулировать» вопрос о Проливах без согласия других держав и в особенности Англии и Франции, решила добиться от союзниц письменной формулировки об их отношении к проблеме открытия Проливов для русских военных кораблей⁶². На инициативу Нератова получить от британского кабинета в письменной форме заявление о Проливах Бенкендорф писал: «Я попытаюсь. Но я не уверен в успехе. Надо предвидеть возражения против нашей формулы». Бенкендорф уже понял, что Лондон не только не поддерживает идею русско-турецкого сближения, но и противится ее осуществлению.

22 октября (4 ноября), в день подписания франко-германской конвенции о Марокко и Конго, Извольский решил в российских интересах использовать этот психологический момент: «Ввиду подписания франко-германского соглашения мне показалось необходимым тотчас же и до официального принятия его нами закрепить результаты моих разговоров с де Сельвом относительно проливов и о Северном Китае. Я предпочел такой быстрый образ действия более формальным переговорам, особенно чтобы не подать де Сельву повода обсуждать наши требования с Англией и, может быть, с другими державами»⁶³.

Де Сельв настроенно отнесся к этому письму. Он запросил Петербург, направил ли Извольский письмо по своей собственной инициативе или следуя инструкциям Нератова, он запросил также мнение послов Франции в Лондоне и Константинополе. Де Сельв предложил обсудить с Англией вопрос о русских гарантиях статус-кво в Проливах и прилегающих территориях, тем более что эта проблема не рассматривалась между Извольским и Греем в 1908 г.

Таким образом, Франция ориентировалась на политику Англии, но предпочитала оттягивать как можно дольше с официальным ответом, а на словах выражала готовность поддержать российский проект о Проливах.

Россия почти не надеялась получить от Германии положительный ответ. Посол России в Германии Остен-Сакен писал Нератову 28 октября (10 ноября): «При разрешении таких важных политических задач, каким является вопрос о проливах, мы неминуемо будем иметь Германию на

⁶² В. D. Vol. IX. P. I. № 336. Sir E. Grey to Sir J. Lowther. Nov. 2. 1911. P. 340.

⁶³ Материалы по истории франко-русских отношений. М., 1922. Извольский – Нератову. 24 октября (6 ноября) 1911 г. С. 123.

стороне наших противников». Посол отмечал, что «всякий обмен мыслей с берлинским кабинетом по сему вопросу невозможен, так как он исключительно послужил бы оружием в его руках против нас»⁶⁴.

5 (18) ноября Остен-Сакен в беседе с Кидерленом поднял вопрос об отношении Германии к переговорам Чарыкова в Константинополе. Кидерлен заявил ему, что «Германия нисколько не заинтересована в том, чтобы вставлять палки в колеса при переговорах России с Турцией относительно прохода судов через Проливы и что, если Турция согласится на это, у Германии не будет никаких возражений»⁶⁵.

10 (23) ноября Остен-Сакен прислал Нератову телеграмму, в которой говорилось: «Берлинский кабинет никоим образом не возражает против ваших соглашений с Турцией по вопросу об открытии Проливов»⁶⁶. Остен-Сакена удивила предупредительность и лояльность Кидерлена к интересам России в проливах. Он также высказал Нератову подозрение, не рассчитывает ли Германия на отказ сент-джеймского кабинета.

По существу, германское правительство было таким же противником изменения режима Проливов. Однако оно не захотело упустить возможность обострить русско-английские противоречия на Ближнем Востоке. «Мы работали бы на Англию, если бы на первое же зондирование России ответили протестом, – писал Кидерлен Бетман-Гольвегу, – мы бы доставили удовольствие Англии, если бы навлекли на себя неприязнь России и безнадежно толкнули бы царское правительство в объятия западных держав»⁶⁷.

Кидерлен был убежден в английском вето, а если Турция и Россия все-таки договорятся, что было маловероятно, зная настроение турок, то Германия, как держава, подписавшая Лондонскую конвенцию 1871 г., найдет повод для вмешательства и сможет наложить вето.

Параллельно Н. Н. Гирс выяснял мнение Вены по вопросу о Проливах. Россия хотела получить подтверждение позиции Австро-Венгрии, изложенной министром иностранных дел А. Эренталем в 1908 г. Извольскому во время сделки в Бухлау.

6 (19) ноября Остен-Сакен беседовал по этому вопросу с австрийским послом в Берлине Л. Сегени, который ответил ему, что, по его мнению, «Эренталь не будет чинить России препятствий и что ключ положения в руках Англии»⁶⁸.

⁶⁴ МОЭИ. Сер. 2. Т. 18. Ч. 2. Остен-Сакен – Нератову. 28 октября (10 ноября) 1908 г. С. 350–351.

⁶⁵ Там же. Т. 19. Ч. 1. Остен-Сакен – Нератову. 5 (18) ноября 1911 г. С. 34.

⁶⁶ Там же. Остен-Сакен – Нератову. 10 (23) ноября 1911 г. С. 35.

⁶⁷ Die grosse Politik der Europaische Kabinette 1871–1914. Vol. XXX. Kiderlen–Betman-Holweg. 21 dec. 1911. S. 251–255.

⁶⁸ МОЭИ. Сер. 2. Т. 19. Ч. 1. Остен-Сакен – Нератову. 6 (19) ноября 1911 г. С. 36.

Британское правительство воспользовалось заявлением итальянского правительства о блокаде Дарданелл, чтобы отклонить предложенный Россией демарш, который мог вызвать недовольство Италии. «Грей осуждал неосторожный и злосчастный итальянский декрет об аннексии, – писал Бенкендорф Нератову⁶⁹. – Он опасается, что последствием его будет продолжение войны, но находит, что после этого декрета вмешательство в данный момент бесцельно. Это не значит, что здесь считают возможной полную победу Турции, и еще менее – что на нее надеются. Тут вполне примирились с тем, что Триполи станет итальянским»⁷⁰.

Одновременно с этим Грей сообщил туркам, что Британия не возражает против оборонительных мер, которые не ущемляли бы прав нейтральных стран. Это фактически являлось подстрекательством турок против России, которая энергично протестовала против закрытия Проливов и возлагала всю ответственность за это на Турцию. Данное заявление нужно было британским правящим кругам, так как именно в тот момент Россия стремилась склонить Турцию на свою сторону в вопросе об изменении режима Проливов.

В результате переговоров России по вопросу открытия Проливов для военных кораблей ни Франция, ни Германия, ни Италия, ни Австро-Венгрия не ответили отрицательно, все они оглядывались на Англию и ждали ответа Грея. А британский министр, в свою очередь, рассчитывал, что Порта сама сможет понять сложившуюся ситуацию и откажется пойти на соглашение с Россией⁷¹.

14 (27) ноября Чарыков официально вручил министру иностранных дел Турции Ассим-бею проект декларации о политическом соглашении между Россией и Турцией, охватывающем как вопрос об ограждении русских интересов при турецком железнодорожном строительстве в Малой Азии, так и вопрос об открытии Проливов для русских военных судов⁷².

Турецкая сторона неохотно пошла на официальные переговоры. Великий визирь, сославшись на невозможность оставить заседание Совета министров, хотел уклониться от разговора, но, по настоянию Чарыкова, должен был прервать заседание и принять посла. В кабинете великого визиря Чарыков вручил министру иностранных дел проект декларации, почти полностью повторявший конфиденциальное письмо посла. В официальном проекте Чарыков предложил новую редакцию последнего абзаца статьи 4, касающегося Проливов, в которой говорилось: «Российское императорское правительство и оттоманское правительство с общего согласия доведут до

⁶⁹ МОЭИ. Сер. 2. Т. 18. Ч. 2. Бенкендорф – Нератову. 26 октября (8 ноября) 1911 г. С. 333.

⁷⁰ Там же. С. 334.

⁷¹ См.: В. D. Vol. IX. P. 1. №. 336. Sir J. Lowther to Sir E. Grey. Dec. 2. 1911. P. 340–341.

⁷² См.: МОЭИ. Сер. 2. Т. 19. Ч. 1. Чарыков – Нератову. 17 (30) ноября 1911 г. С. 112–114.

сведения других держав, подписавших Лондонский трактат от 1 (13) марта 1871 г., о состоявшемся между ними соглашении». Дипломатический маневр Чарыкова заключался в том, «чтобы обязанности в данном случае обеих договорившихся держав к прочим участникам названного договора исчерпывались постановкой последних в известность о состоявшемся между Россией и Турцией соглашении»⁷³. Посол попытался использовать прецедент с франко-германским соглашением о Марокко, аналогично тому, как парижский и берлинский кабинеты поставили в известность о нем прочих участников альхесираасского договора»⁷⁴.

Турецкий министр иностранных дел сдержанно принял проект декларации и сказал, что представит его Совету министров. Чарыков также предупредил Ассим-бея, что он (Чарыков) «не имеет основания ожидать со стороны иных держав противодействия нашему соглашению с Турцией касательно Проливов»⁷⁵. Российский посол полагал дать Турции неделю на обдумывание, а затем самостоятельно или с помощью французского или великобританского послов продолжить переговоры. Он был уверен, что Франция и Англия окажут «дружественное давление на Порту» и ускорят заключение соглашения с Турцией.

Между тем через неделю после начала официальных переговоров Чарыкова с Ассим-беем российский посол телеграфировал Нератову: «Приближается время, когда действительное, обещанное содействие Франции окажется очень полезным»⁷⁶. Посол также просил разрешения сообщить текст проекта декларации французскому послу, «причем было бы необходимо предписать ему из Парижа оказать мне желаемое содействие не только в пределах нашего протокола, но и по совокупности наших предложений Порте»⁷⁷.

25 ноября (8 декабря) Чарыков направил телеграмму Нератову с просьбой о поддержке Лондона: «Прошу разрешения сделать одновременно такое же сообщение (как и Франции) и английскому послу или по крайней мере дать ему конфиденциально текст статьи, касающейся проливов. При этом весьма желательно снабжение Лоутера инструкцией поддерживать здесь наши предложения как относительно Проливов, так и по совокупности проекта. Нынешнее настроение турок придает отношению Англии к нашим домогательствам очень важное значение»⁷⁸.

⁷³ МОЭИ Сер. 2. Т. 19. Ч. 1. Чарыков – Нератову. 17 (30) ноября 1911 г. С. 113.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 458. Чарыков – Нератову. 25 ноября (8 декабря) 1911 г. Л. 237.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. Л. 239; В. D. Vol. IX. P. 1. №. 319. Sir G. Lowther to Sir E. Grey. Nov. 25. P. 329; Graves P. P. The Question of the Straits. L., 1931. P. 141.

Между тем слухи о переговорах Чарыкова в Константинополе вызвали огромное негодование младотурок и турецкой прессы. 23 ноября (6 декабря) «Jeni-Gazette» (Йени-Газетте), обычно расположенная в пользу Англии, опубликовала передовую статью в том духе, что «русские стремятся превратить великую и славную Турецкую империю в провинцию, находящуюся под русским протекторатом, но оттоманы никогда не потерпят этого»⁷⁹.

23 ноября (6 декабря) Нератов телеграфировал Чарыкову: «Ввиду интереса, проявляемого Англией и Францией к вопросу о переговорах с Турцией, благоволите уведомить по телеграфу, что ответил Вам Ассим-бей и были ли у Вас какие разговоры с с английским и французским послами»⁸⁰. Нератов указывал Чарыкову, что новая редакция последнего абзаца пункта 4 требует особенно тщательного обсуждения и отделки, дабы она не могла быть истолкована как право контроля держав над русско-турецкими отношениями.

Турецкое правительство между тем не торопилось отвечать на обращение Чарыкова. 22 ноября (5 декабря) турецкое посольство в Лондоне обратилось с запросом к британскому правительству. Оно гласило: «Оттоманское правительство хотело бы знать точно и определенно, учитывая заявление Грея в палате общин, о решении британского правительства воздержаться от всякого вмешательства до тех пор, пока не будут затронуты британские интересы; не считает ли министр иностранных дел, что интересы Англии затрагиваются теми преимуществами, которые Россия хотела бы получить, заключив новое соглашение относительно режима Проливов»⁸¹.

Министр иностранных дел Великобритании в беседе с турецким послом в Лондоне заявил, что для изменения режима Проливов необходимо согласие всех держав-сигнатариев (подписавших договоры 1856, 1871, 1877 гг.) и резюмировал: «Шаг России мне представляется в настоящий момент неуместным»⁸². Англия и в этот раз отказалась поддержать интересы России в Проливах.

9 (22) декабря российский посол в Константинополе телеграфировал в Министерство иностранных дел России и отметил, что Совет министров еще не касался этого вопроса. Чарыков делал вывод: «Одним словом, переговоры вступили в обычную турецкую колею... и, чтобы продвинуть их, потребуется дипломатическое давление на Порту. Я делаю, что могу со

⁷⁹ Цит. по: Фей С. Указ. соч. С. 295.

⁸⁰ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 458. Нератов – Чарыкову. 23 ноября (7 декабря) 1911 г. Л. 235.

⁸¹ B. D. Vol. IX. P. 1. Lowther–Grey. Dec. 5. 1911. P. 346.

⁸² Ibid. Grey's minute. Dec. 7. 1911. P. 346–347; Steiner Z. The foreign office and the foreign policy. 1898–1914. Cambridge, 1969. P. 134.

своей стороны, но должен подтвердить просьбу о разрешении мне сообщить конфиденциально проект соглашения французскому и английскому послам...»⁸³.

Тем временем не только турецкая, но и европейская печать обсуждали и осуждали переговоры Чарыкова. 8 (21) декабря 1911 г. С. Д. Сазонов, находившийся в то время в Париже, телеграфировал Нератову: «Тревожное настроение, как здесь, так и в Англии, настолько сильно, что я прихожу к заключению о необходимости воздержаться до моего возвращения в Петербург от всяких бесповоротных решений и мер»⁸⁴. Специально вызванный из Лондона Бенкендорф и весьма опытный в вопросе о Проливах Извольский сообщили Сазонову, что союзная Англия, а соответственно и Франция не поддержат русско-турецкие переговоры Чарыкова. Посоветовавшись, дипломаты решили, что Чарыкову необходимо приостановить переговоры.

26 ноября (9 декабря) Сазонов предложил Нератову «поручить Чарыкову установить совсем частный характер его обмена мыслями с турками касательно проливов и отнюдь не придавать этим беседам значения официальных переговоров»⁸⁵. Тогда 26 ноября (9 декабря) Сазонов дал интервью главному редактору французской газеты «*Matin*» (Матэн) Стефану Лозану, в котором о проблеме Проливов было сказано следующее: «“Вопрос о Дарданеллах”, о котором каждый день всюду печатают, не существует. В самом деле, „вопрос“ в дипломатическом смысле предполагает просьбу, сформулированную правительством, а также предпринятые шаги и переговоры. Но Россия ни о чем не просит, не начинала никаких переговоров, не пыталась предпринимать никакого шага. Дарданеллы – это дверь, дверь несколько узкая, – через которую проходит вся торговля южной России. В первую очередь важно, чтобы эта дверь осталась открытой. Совсем недавно можно было опасаться, что в результате итало-турецкой войны на ней окажется замок. Турки даже говорили о том, чтобы запереть ее на засов. Россия ограничилась тем, что обратила внимание различных европейских держав на этот факт и напомнила им о необходимости оставить эту дверь настежь открытой. Вот и все. В этом нет “вопроса”»⁸⁶.

Как писала газета «Новое время», в истории с Дарданеллами Министерство иностранных дел не поддержало своего посла только потому, что оно было уверено в его сдержанности, в его нежелании создать

⁸³ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 458. Чарыков – Нератову. 26 ноября (9 декабря) 1911 г. Л. 242.

⁸⁴ МОЭИ. Сер. 2. Т. 19. Ч. 1. Сазонов – Нератову. 25 ноября (8 декабря) 1911 г. С. 165–166.

⁸⁵ Там же. Сазонов – Нератову. 26 ноября (9 декабря) 1911 г. С. 173.

⁸⁶ Там же. Примечание 2. 29 декабря 1911 г. С. 173–174. Россия и Черноморские проливы... С. 282; *Graves P. P. Op. cit. P. 142.*

колоссальный дипломатический скандал разоблачением полученных им инструкций»⁸⁷.

Чарыков, как опытный дипломат, правильно оценил заявление Сазонова. 1 (14) декабря на дипломатическом приеме Ассим-бей просил российского посла разъяснить ему заявление Сазонова, данное французской прессе. На что Чарыков ответил, что «он уже заявил Ассим-бею намерение Петербурга не производить давления на Порту, пользуясь ее теперешним затруднительным положением». Он обратился к турецкому министру с просьбой: «Во исполнение полученной инструкции я прошу министра не придавать моим беседам по названному предмету значения официальных переговоров»⁸⁸. На вопрос турецкого министра, желает ли Чарыков представления Совету министров всех пунктов, посол ответил утвердительно, за исключением параграфа, касающегося проливов»⁸⁹.

На следующий день Сазонов отправил Чарыкову телеграмму, в которой ему предписывалось прекратить переговоры: «Так как переданные Вам Ассим-бею пункты преждевременно огласились не по нашей вине, считаю невозможным вести переговоры. Поэтому благоволите передать Ассим-бею, что мы принуждены приостановить ныне дальнейший обмен мнений, но что всегда будем готовы выслушать частным образом мнение Турции по затронутым вопросам»⁹⁰. Газета «Речь» выразила по этому поводу осторожное предположение: «Очевидно, беседа Чарыкова с турками действительно происходила. Но это была лишь частная беседа и вполне академического характера»⁹¹. И делала вывод: «Мы имеем здесь дело с замаскированным отступлением»⁹².

В частном письме 5 (18) декабря Чарыков разделяет решение Сазонова – отложить дело о Проливах, в особенности если верны турецкие сведения о несогласии Англии на нашу теперешнюю формулу. Конечно, без Англии и тем более против Англии невозможно здесь провести этой формулы, по крайней мере без резких и бесповоротных настояний»⁹³. В заключение Чарыков ставит вопрос: снят ли с очереди вопрос о Проливах совершенно или лишь на известное время.

8 (21) декабря 1911 г. турецкое правительство официально отклонило предложение России о подписании русско-турецкого соглашения и заявило,

⁸⁷ Новое время. 1912. 29 февраля (13 марта).

⁸⁸ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 458. Чарыков – Сазонову. 1 (14) декабря 1911 г. Л. 248.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. Сазонов – Чарыкову. 2 (15) декабря 1911 г. Л. 249.

⁹¹ Речь. 1911. 2 декабря.

⁹² Там же.

⁹³ Там же. Чарыков – Сазонову. 5 декабря 1911 г. Л. 257.

что для защиты «своей независимости Турция должна сама оставаться хозяином Проливов, не связывая себя договорами с другими странами»⁹⁴.

4 января 1912 г. когда французское правительство решило свои проблемы (марокканский кризис), а вопрос о Проливах был снят с повестки дня, пришел ответ от де Сельва, который в вежливой, неопределенной форме говорил, что «французское правительство по-прежнему готово обмениваться взглядами по тому поводу с русским правительством, если новые обстоятельства вызвали бы необходимость поднять тот вопрос»⁹⁵.

Франция придерживалась той же позиции, что и Британия. Правда, в третьем туре переговоров с царизмом о Проливах Грей снова сделал маленькую уступку. Он соглашался поддержать в Константинополе вариант, предложенный Извольскому в 1908 г., то есть – открытие Проливов для всех стран, а не только для России, что было совершенно неприемлемым для внешней политики нашей страны. Новый проект, равно как и план сближения с Турцией, он лишь обещал передать на рассмотрение кабинета. Это было дипломатической формой отказа.

Вскоре британское правительство сообщило, что считает момент для русско-турецкого сближения неблагоприятным вследствие войны между Италией и Турцией. В письме Нератову Бенкендорф с горечью констатировал, что «от английского правительства всегда бывает весьма трудно добиться принципиального обязательства в отношении событий будущего»⁹⁶. Грей также ссылаясь на недовольство английской общественности, им же самим инициированное через лондонскую прессу, которая обвиняла Грея в «попустительстве» России в ближневосточных делах.

На самом деле точка зрения британского правительства на этот вопрос не изменилась с конца XIX в.⁹⁷, то есть задолго до заключения русско-английского соглашения, когда Россия была главной соперницей Англии на Ближнем и Среднем Востоке. Но перемены, происшедшие в международной обстановке, и прежде всего тот факт, что Германия стала главным соперником Англии и Лондону была необходима поддержка Петербурга в этом противостоянии, заставили британскую дипломатию менять свою тактику в отношении русских притязаний. Однако в вопросе о Проливах она оказалась вынужденной завуалировать свое возражение дипломатическими фразами. Грей не допускал мысли об изменении режима Проливов, благоприятного для России. По сообщению «Jeni-Gazette» (Йени-Газетте), он заявил турецкому послу в Лондоне, что предоставление русским военным судам права прохода через Проливы будет равносильно продолжению угрозы европейс-

⁹⁴ Цит. по: Фей С. Указ. соч. С. 294.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ МОЭИ. Сер. 2. Т. 18. Ч. 2. Бенкендорф – Нератову. 7 (20) ноября 1911 г. С. 324.

⁹⁷ См.: В. D. Vol. IX. P. 1. №. 304. Sir E. Grey to Sir E. Goschen. Nov. 6. 1911. P. 321.

кому миру. «Договоры, – добавил Грей, – должны сохранять свою силу при всяких условиях»⁹⁸. Позиция Англии имела решающее значение в провале русско-турецких переговоров об изменении режима Проливов.

Британское правительство в 1911 г., так же как и в 1908 г., выступило против осуществления плана России открыть Проливы для военных судов. Грей открыто говорил турецкому послу в Лондоне, что для изменения режима Проливов необходимо согласие всех держав, подписавших Лондонскую конвенцию, и подчеркнул, что шаг России представляется ему в настоящий момент неуместным.

Однако итало-турецкая война продолжалась. 15 (28) декабря 1911 г. Сазонов выдвинул предложение о средствах заключения мира. По замыслу российского министра иностранных дел, «великим державам, сговорившись между собой относительно самого принципа европейского вмешательства, следовало бы предпринять шаги в Константинополе с целью убедить Турцию в неизбежности потери Триполи и Киренаики, а затем повлиять на нее в пользу заключения перемирия, которое длилось бы до той поры, пока явится возможность заключить окончательный мир»⁹⁹.

Сазонов предлагал поручить урегулирование этого конфликта Франции, как державе, заинтересованной в турецких делах лишь с финансовой стороны¹⁰⁰.

Предложение России не встретило сочувствия ни у держав Тройственного союза, ни у партнеров по Антанте, хотя продолжение итало-турецкой войны наносило значительный ущерб английской торговле в Эгейском и Средиземном морях.

Грей выразил мнение, что осуществление плана Сазонова, предусматривавшее давление на Турцию, поставило бы державы Антанты в затруднительное положение, из которого Германия и Австрия могли бы извлечь для себя выгоду, выдвигая более благоприятные для Турции предложения, и что Порты может потребовать гарантии для своих европейских владений. Поэтому Грей считал, что посредничество может быть осуществлено только коллективными действиями всех пяти держав¹⁰¹.

Британские и французские правящие круги раздражало, что в ходе борьбы с контрабандой итальянские корабли начали осматривать суда нейтральных держав. За зиму 1911/12 г. было осмотрено около 800 кораблей, 50 из них были задержаны¹⁰².

⁹⁸ Цит. по: Речь. 1911. 29 ноября (12 декабря).

⁹⁹ МОЭИ. Сер. 2. Т. 19. Ч. 1. Сазонов – послам в Париже, Лондоне, Берлине, Вене и Риме. 15 (28) декабря 1911 г. С. 255–256.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ В. D. Vol. 9. P. 1. № 351. Sir E. Grey to Sir G. Buchanan. Dec. 29. 1911. P. 353.

¹⁰² Яхимович З. П. Итали-турецкая война 1911–1912 гг. М., 1967. С. 107.

12 (25) февраля 1912 г. Грей предложил державам следующий план посредничества: как только между державами будет установлен принцип единогласия относительно уместности вмешательства, они дружески обратятся к Турции с предложением передать дело мира в руки пяти держав, которые, договорившись между собой и конфиденциально проконсультировавшись с Италией, выработают условия прекращения военных действий и посоветуют Порте принять их¹⁰³.

15 (28) февраля Грей поделился с Бенкендорфом опасениями, что Турция может минировать Проливы. Британский министр полагал, что единственным средством воспрепятствовать столь губительным с политической и торговой точек зрения мерам было бы получение от Италии заверения в том, что она воздержится от нападений в Дарданеллах и прилегающих к ним водах¹⁰⁴. В следующем письме Бенкендорф сообщал, что Форин оффис считает, что совместное выступление держав в Риме может произвести плохое впечатление на Италию, поэтому Грей предложил узнать сначала позицию Италии¹⁰⁵.

На следующий день, 16 (29) февраля, посол в Риме сообщал в российский МИД, что Грей уже передал английскому послу в Риме копию его циркулярного обращения к великим державам, и просил получить от Италии обещание не предпринимать военных действий против Дарданелл, чтобы турки не минировали их¹⁰⁶. Италия же, в свою очередь, заявила, что она «не намерена давать повода к нарушению мира на Балканах» и не позволит Турции надеяться, что та может прикрываться Дарданеллами в борьбе с ней¹⁰⁷. 22 февраля (6 марта) 1912 г. послы пяти держав в Риме запросили Италию об условиях, по которым она примет посредничество¹⁰⁸. 28 февраля (12 марта) итальянское правительство вручило послам держав в Риме свои условия, среди которых были такие требования, как признание державами суверенитета Италии над Триполи и Киренаикой; вывод турецких войск из обеих провинций и установление довоенного статус-кво в отношении итальянских подданных в Османской империи; режим капитуляции. Италия также проявила готовность признать религиозную власть султана, компенсировать Турции ее недвижимое имущество в Триполи и Киренаики¹⁰⁹. Однако эти условия не удовлетворили Турцию.

¹⁰³ МОЭИ. Сер. 2. Т. 19. Ч. 2. Бенкендорф – Сазонову. 12 февраля 1911 г. С. 166.

¹⁰⁴ Там же. Посол в Лондоне – министру иностранных дел. 15 (28) февраля 1912 г. С. 200.

¹⁰⁵ Там же. С. 201.

¹⁰⁶ Там же. Посол в Риме – министру иностранных дел. 16 (29) февраля 1912 г. С. 214.

¹⁰⁷ Там же. Посол в Риме – министру иностранных дел. 18 февраля (2 марта) 1912 г. С. 227.

¹⁰⁸ B.D. Vol. IX. P. 1. № 381. Sir R. Rodd to Sir E. Grey. March 10. 1912. P. 376.

¹⁰⁹ Ibid. № 382. Sir R. Rodd to Sir E. Grey. March 15. 1912. P. 378–380.

Итальянские правящие круги пришли к выводу, что только решительные военные действия в жизненных центрах Турции ускорят победу Италии. Переносом военных действий в район Проливов итальянское правительство рассчитывало принудить европейские державы к более энергичным действиям в Константинополе, чтобы убедить Турцию вступить в мирные переговоры с Италией.

Еще в конце февраля 1912 г. Британия обратилась к великим державам с предложением предпринять демарш в Риме и потребовать от Италии обязательства не распространять военные операции на Дарданеллы. Грей предупредил римский кабинет, что прекращение в результате военной операции торгового судоходства через Дарданеллы затронет британские интересы и в таком случае Великобритания сохранит за собой свободу действий¹¹⁰.

4 (17) марта 1912 г. Грей даже угрожал Италии, что Британии придется нарушить нейтралитет, если прекратится нейтральная торговля через Дарданеллы»¹¹¹. Предложение Грея имело поддержку лишь у Франции, которая требовала исключить из сферы военных действий также побережье Сирии. Россия отклонила предложение Грея, ссылаясь на свое желание сохранить хорошие отношения с Италией. Германия стремилась еще крепче привязать Италию к Тройственному союзу, и поэтому она не только отвергла идею демарша в Риме, но и оказала давление на Австро-Венгрию – соперницу Италии на Балканах, встревоженную предстоящей Дарданелльской операцией¹¹². Таким образом, получив одобрение своих союзников и рассчитывая на поддержку России, итальянское правительство решило развернуть военные действия в районе Проливов. Через месяц, 16 (29) апреля 1912 г., послы пяти держав в Константинополе устно запросили турецкое правительство о его условиях заключения мира¹¹³.

18 апреля (1 мая) 1912 г. восемь итальянских крейсеров и флотилия миноносцев под командованием адмирала Вьялле подошла вплотную к Дарданеллам, обстреляла их и попыталась войти в Пролив¹¹⁴. Однако суда были обнаружены с помощью береговых прожекторов, и застигнуть турецкий флот врасплох не удалось. В ответ на итальянскую агрессию Турция поспешила закрыть Проливы¹¹⁵. Министр иностранных дел Турции сразу же уведомил представителей европейских держав в Константинополе, что

¹¹⁰ Ibid. № 370. Sir E. Grey to Sir F. Bertie. Febr. 28. 1912. P. 368.

¹¹¹ Ibid. № 377. Sir G. Buchanan to Sir E. Grey. March 5. 1912. P. 373.

¹¹² Kent M. *The Great Powers and the End of the Ottoman Empire*. L., 1984. P. 42.

¹¹³ Edwards A. D. *Britain, Europe and the World 1848–1918*. L., 1979. P. 97.

¹¹⁴ B. D. Vol. IX. P. 1. № 392. Sir G. Lowther to Sir E. Grey. April 18. 1912. P. 382; Gibbons H. A. *Op. cit.* P. 256.

¹¹⁵ Graves P. P. *Op. cit.* P. 142.

«с этого дня проход через Дарданелльский пролив для иностранных судов полностью воспрещается впредь до нового объявления»¹¹⁶.

Турция, ожидавшая такого поворота событий, еще в начале апреля предприняла ряд мер по укреплению обороны побережья и осуществила частичное минирование Дарданелл. Здесь любопытно заметить, что постановка мин в Проливы была произведена со специальных судов, поставленных Турцией Англией. План полного минирования Проливов был также составлен британским адмиралом Вильямсом и английской миссией до отзыва их со службы в начале итало-турецкой войны¹¹⁷.

Порта рассчитывала, что прекращение торгового судоходства через Проливы заставит европейские державы потребовать от Италии отказа от военных действий в Проливах. В свою очередь, Рим не хотел идти на конфликт с державами и поспешил заявить, что операция имела характер мирной демонстрации и эскадра уже вернулась на родину. Италия настоятельно просила Россию, чтобы та убедила турок в бесполезности заграждения минами Дарданелл, раз итальянский флот оставил турецкие воды¹¹⁸.

Турция отказалась открыть Проливы, указав на то, что они могут быть открыты лишь в случае гарантий европейских держав против нападения на них итальянского флота¹¹⁹.

Бомбардировка Дарданелл Италией встретила разные отклики в Европе. Британская дипломатия, верная своему принципу сохранить за собой свободу действий, отказалась дать какое-либо обещание относительно того, что будет делать Англия в интересах своей торговли. Одновременно Лондон дал понять, что он не будет протестовать против закрытия Проливов и ограничится лишь дружеским пожеланием, чтобы Проливы были открыты как можно скорее¹²⁰.

Но под давлением судовладельцев Грей обратился 30 апреля (13 мая) 1912 г. к турецкому правительству с требованием открыть проход хотя бы временно, но на достаточный срок, чтобы дать возможность задержанным судам пройти через Проливы¹²¹. Параллельно с этим он обратился с просьбой к Италии в течение достаточного срока воздержаться от атаки

¹¹⁶ Яхимович З. П. Указ. соч. С. 199.

¹¹⁷ Там же; Edwards A. D. Op. cit. P. 97.

¹¹⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1912. Д. 104. Долгорукий – Сазонову 6 (19) апреля 1912 г. Л. 283.

¹¹⁹ МОЭИ. Сер. 2. Т. 19. Ч. 2. Посол в Константинополе – министру иностранных дел. 23 апреля (6 мая) 1912 г. С. 450; Речь. 1912. 17 (30) апреля.

¹²⁰ B. D. Vol. IX. P. 1. № 397. Sir E. Grey to Sir R. Rodd. April 22. 1912. P. 388–389; Kent M. Op. cit. P. 62.

¹²¹ B. D. Vol. IX. P. 1. № 399. Sir E. Grey to Sir G. Lowther. April 30. 1912. P. 390.

Проливов, чтобы на это время турецкое правительство могло открыть Проливы для торговых судов¹²².

Франция, по примеру Англии, обратила также внимание Порты на желательность скорейшего открытия Дарданелл торговым судам¹²³.

Что касается российского правительства, то оно больше других было обеспокоено закрытием Проливов. Однако оно оказало давление с целью их открытия только на Турцию. На вопрос британского посла в Петербурге: «Намерена ли Россия добиться от Италии обещания не предпринимать военных действий против Дарданелл в течение определенного срока с тем, чтобы нейтральные суда могли пройти через Проливы?» – Сазонов ответил отрицательно, ссылаясь на имеющиеся у него официальные сведения о том, что Италия откажется дать такое обещание, в связи с чем предложенный план будет обречен на неудачу с самого начала и не приведет к разрешению имеющихся затруднений¹²⁴.

22 апреля (5 мая) Россия вручила Турции ноту, в которой выражалась надежда, что Порта отменит свой запрет и обеспечит свободу судоходства через Дарданеллы, как только прекратится непосредственная угроза нападения врага. В противном случае Турции следовало возместить материальные убытки, причиненные торговле¹²⁵.

Британское правительство через своего посла в Константинополе также выразило пожелание открыть Проливы в возможно более короткий срок, но в отличие от России оно не опротестовало право Турции на закрытие Проливов для судоходства и не требовало компенсаций за убытки, причиненные торговле. Аналогичные заявления сделали французское и австрийское правительства.

В ответ Порты заявила о своей готовности возобновить торговое судоходство, но потребовала взамен у европейских держав гарантий безопасности Проливов. Не удовлетворенный таким ответом, Сазонов поручил Гирсу обратить внимание Константинополя на необходимость более внимательного отношения к интересам нейтральных держав¹²⁶. Одновременно он предложил европейским державам осуществить совместный демарш в Константинополе, если Турция не откроет Проливы. 29 апреля (12 мая) 1912 г. турецкое правительство вручило послу России Гирсу памятную записку, в которой оно ссылалось на право прибегнуть к средству самозащиты, ответственность за это перекладывало на итальянскую сторону.

¹²² B. D. Vol. IX. P. 1. № 400. Sir E. Grey to Sir R. Rodd. April 30. 1912. P. 390.

¹²³ МОЭИ. Сер. 2. Т. 19. Ч. 2. Посол в Париже – министру иностранных дел. 25 апреля (8 мая) 1912 г. С. 461.

¹²⁴ Там же. Министр иностранных дел – послу в Константинополе. 20 апреля (3 мая) 1912 г. С. 433.

¹²⁵ Яхимович З. П. Указ. соч. С. 132.

¹²⁶ МОЭИ. Сер. 2. Т. 19. Ч. 2. Сазонов – Гирсу. 16 (29) апреля 1912 г. С. 469.

В записке повторно подтверждалось, что Пролив будет открыт для навигации нейтральных стран при условии обеспечения его действительной безопасности. Константинополь, где на правительство оказывали нажим представители всех держав, капитулировал. 1 (14) мая 1912 г. турецкое правительство было вынуждено заявить, что оно откроет Дарданелльский пролив для торговых судов нейтральных держав при определенных условиях. При этом оно оговаривало, что сохранит за собой право полностью закрыть его вновь, как только возникнет угроза новой атаки¹²⁷.

Прекращение торгового судоходства через Проливы в результате дарданелльской операции затронуло торговые интересы европейских держав, особенно Англии и России. За короткий срок в Мраморном море скопилось на рейде 150 торговых судов общим водоизмещением около 1 млн тонн с грузом, стоимость которого превышала 6 млн ф. ст.¹²⁸

В памятной записке английского посольства на имя министра иностранных дел России от 1 (14) мая 1912 г. указывалось, что каждый день задержки с возобновлением судоходства означал потерю для британских судовладельцев около 9 тыс. ф. ст., а общие размеры убытков составили к маю 100 тыс. ф. ст.¹²⁹.

Прекращение судоходства через Проливы причинило южной торговле России серьезный ущерб. В течение недели вывоз русской пшеницы упал с 2 543 700 до 542 900 пудов¹³⁰. Ответственность за прекращение торгового судоходства Россия возлагала на Турцию. Сазонов направил Гирсу ноту для Порты, в которой указывалось на «несоответствие обеспеченной трактами права свободной нейтральной торговли как в мирное, так и в военное время с изданным им распоряжением о полном запрете прохода иностранных судов через Дарданеллы»¹³¹.

Турция под давлением великих держав вынуждена была заявить, что она намерена открыть Проливы, как только мины будут убраны¹³². «Никогда раньше вопрос о Проливах, – писал Гиббонс, – не был воспринят так жизненно важно во всем мире»¹³³.

5 (18) мая 1912 г. Проливы были открыты для торговли нейтральных держав. Италия после неудачной Дарданелльской операции перенесла боевые действия в Эгейское море.

¹²⁷ МОЭИ. Сер. 2. Т. 19. Ч. 2. Нота турецкого МИДа. 18 апреля (1 мая) 1912 г. С. 491.

¹²⁸ Там же. Памятная записка английского посольства в Петербурге 18 апреля (1 мая) 1912 г. С. 483–484.

¹²⁹ Там же; *Gibbons H. A.* Op. cit. P. 256.

¹³⁰ *Яхимович З. П.* Указ. соч. С. 135.

¹³¹ МОЭИ. Сер. 2. Т. 19. Ч. 2. Сазонов – Гирсу. 7 (20) апреля 1912 г. С. 432–433.

¹³² *Graves P. P.* Op. cit. P. 142.

¹³³ *Gibbons H. A.* Op. cit. P. 256.

Великие державы, в свою очередь, хотели сохранить целостность Турции и избежать постановки Восточного вопроса во всей его полноте. Британские и французские дипломаты всеми силами содействовали скорейшему заключению мирного договора между Италией и Турцией. 30 мая (12 июня) 1912 г. Бенкендорф телеграфировал Сазонову: «Грей все больше и больше хочет, чтобы мир был скоро заключен»¹³⁴.

Быстрое увеличение мощи итальянского флота и захват Италией Додеканесских островов, к которому итальянское правительство прибегло как к новому средству давления на Турцию после неудачи дарданелльской операции, не могли не вызвать беспокойства в Лондоне и Париже. Это беспокойство усиливалось тем, что вследствие нахождения Италии в Тройственном союзе ее усиление в Восточном Средиземноморье означало бы нарушение равновесия сил в пользу Германского блока в столь важном для Франции и Англии районе.

Пуанкаре предложил созвать конференцию с целью разработки условий мира между Италией и Турцией. Он предложил также, чтобы до созыва конференции великие державы подписали общий протокол об их «незаинтересованности» в восточных вопросах Средиземного моря¹³⁵. «Франция придерживается идеи нейтрализации Проливов, – сообщал Извольский мнение Парижа, – так как в случае опасности Турция вполне может принимать меры защиты, поэтому лучше нейтрализовать Проливы»¹³⁶.

Британское правительство отвергло предложение Р. Пуанкаре. Грей опасался, что на конференции неизбежно обнаружиться бы противоречия между двумя европейскими блоками, что еще более привязало бы Италию к Тройственному союзу. Кроме того, Грей холодно отнесся к формуле о незаинтересованности, считая, что принятие ее связало бы царскому правительству руки в вопросе о Проливах. По этому поводу он прямо сказал французскому послу в Лондоне Камбону: «Требовать от России идти на общее соглашение о незаинтересованности будет практически равносильно тому, чтобы требовать от нее не поднимать вопроса о Проливах в связи с любым урегулированием войны между Италией и Турцией. В 1908 г. я пришел к соглашению с Извольским по этому вопросу, но вследствие особых причин, существовавших тогда, я старался его убедить не осложнять положения Турции постановкой этого вопроса. Предлагаемая декларация о незаинтересованности теперь окажется как попытка с нашей стороны, четыре года спустя, вновь преграждать России путь к этому вопросу, я не

¹³⁴ МОЭИ. Сер. 2. Т. 19. Ч. 2. Бенкендорф – Сазонову. 30 мая (12 июня) 1912 г. С. 176.

¹³⁵ *Dickinson G. L. Op. cit. P. 231.*

¹³⁶ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 4140. Письмо Извольского в МИД. 26 апреля (8 мая) 1912 г. Л. 67.

могу сделать это после того, что я сказал г. Извольскому в 1908 г.»¹³⁷. Грей занял пророссийскую позицию еще и для того, чтобы смягчить неприятное впечатление, созданное в России его недавним отказом ей изменить режим Проливов во время русско-турецких переговоров по этому поводу в конце 1911 г. Между тем как в Турции, так и в Италии усилились настроения в пользу прекращения военных действий. Ослабление турецких финансов вследствие войны, возобновление борьбы арабского населения против турецкого господства на Аравийском полуострове, восстание в Албании и вообще подъем национально-освободительного движения в европейской Турции, а также слухи об образовании Балканского союза, направленного против Турции, – все эти факторы привели к тому, что в Турции взяла верх идея о необходимости прекращения военных действий.

Тем не менее Турция продолжала выступать против признания итальянского господства над Триполитанией и Киренаикой, хотя и была готова предоставить Италии значительные привилегии в этих провинциях.

Итальянское правительство рассчитывало использовать в своих целях стремление России пересмотреть режим Проливов. Во время подготовки второй дарданелльской операции Италия предложила России нанести удар по Проливам. 7 (20) июня военный агент в Австро-Венгрии полковник Занкевич в своем донесении сообщал о разговоре с итальянским военным агентом в Австро-Венгрии подполковником Альбриччи. Последний задал Занкевичу вопрос, не собирается ли Россия в случае вторичного закрытия Дарданелл произвести морскую демонстрацию против Турции, выслав Черноморский флот к Босфору¹³⁸. Российский военный агент ответил, что без крайней необходимости правительство не предпримет этого шага. Альбриччи, по свидетельству Занкевича, не был удовлетворен таким ответом¹³⁹. Занкевич с полным основанием мог поэтому заявить, что в своих действиях на море итальянцы преследуют, между прочим, и скрытую цель – вызвать вторичное закрытие Дарданелл в надежде породить этим острый конфликт между Россией и Турцией, что, вне всякого сомнения, облегчило бы их трудное положение¹⁴⁰. 12 (25) июля 1912 г. в Лондоне начались переговоры непосредственно между воюющими сторонами. Эти переговоры были сорваны в результате нового итальянского нападения на Проливы. В ночь с 18 на 19 июля (с 31 июля на 1 августа) пять итальянских миноносцев направились в устье Дарданелл и прошли внутрь Пролива

¹³⁷ B. D. Vol. 9. P. 1. № 410. Sir E. Grey to Sir F. Bertie. June 10. 1912. P. 399; *Dickinson G. L.* Op. cit. P. 231.

¹³⁸ МОЭИ. Сер. 2. Т. 20. Ч. 1. Военный агент в Австро-Венгрии – генерал-квартирмейстеру Генерального штаба Данилову. 7 (20) июня 1912 г. С. 207.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же.

на 20 километров. Почти сразу же они были обнаружены и обстреляны артиллерией береговых укреплений. Турция в ответ сузила проход через Проливы, но закрыть их не решилась¹⁴¹. Однако турецкое правительство, опасаясь возобновления атаки и десанта в районе Смирны, приняло новые меры по укреплению обороны Дарданелл и малоазиатского побережья.

Нападение Италии на Проливы вызвало негодование Турции, и мирные переговоры прекратились. В то же время Турция испытывала внутривнутриполитический и финансовый кризис, который усугублялся активной подготовкой балканских союзников к войне с Турцией. Одновременно желая добиться подписания мира, итальянское правительство шантажировало европейские кабинеты, что если мир не будет заключен, то она (Италия) окажет помощь Балканским государствам против Турции на суше и на море¹⁴².

15 (28) октября состоялись переговоры между воюющими странами, приведшие к подписанию мирного договора, по которому Турция потеряла навсегда свои северо-африканские вилайеты¹⁴³. 18 (31) октября в Лозанне был подписан мирный договор между Италией и Турцией. Обе стороны обязывались прекратить повсеместно военные действия, подтвердили решение о политической амнистии жителей Триполитании, Киренаики и Додеканесских островов и договорились о безотлагательном выводе оттуда вооруженных сил: Турция из Триполитании и Киренаики, а Италия – с Додеканесских островов¹⁴⁴.

Итало-турецкая война выявила англо-германское и франко-германское соперничество за политическое и экономическое влияние в Турции и на Аравийском полуострове, а также противоречия Италии, Австро-Венгрии и России на Балканах. Борьба за влияние на Среднем и Ближнем Востоке и на Балканах делала проблему Черноморских проливов чрезвычайно актуальной.

¹⁴¹ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 4140. Секретная телеграмма Гирса в МИД. 19–20 июля (1–2 августа) 1912 г. Л. 87.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Gibbons H. A. Op. cit. P. 258.

¹⁴⁴ Яхимович З. П. Указ. соч. С. 168–169.

Глава IV Балканские войны 1912–1913 гг. и Черноморские проливы

Первая Балканская война

Балканский полуостров всегда привлекал внимание великих держав своим выгодным географическим положением и природными ресурсами. Находясь на перекрестке средиземноморских путей, на подступах к Ближнему Востоку, к проливам Босфор и Дарданеллы, он является важнейшим соединительным звеном между Европой и Азией¹.

В начале XX в. борьба за господство на Балканском полуострове развернулась между Тройственным союзом и Тройственным согласием и была обусловлена в первую очередь именно его огромным экономическим и стратегическим значением. Национально-освободительное движение балканских народов не могло не привлечь внимания великих европейских держав, которые видели в Балканах объект своих экспансионистских устремлений. Причем каждая из европейских держав преследовала на Балканском полуострове свои интересы. «В интересы России, – писал 10 (23) августа 1912 г. российский военно-морской агент в Лондоне Н. Г. Рейн, – входит:

- а) ослабление и ухудшение Турции до распада;
- б) взаимное связывание других Балканских государств;
- в) всемерное ослабление Австрии нарочитой ссорой с Италией, Албанией, Сербией и т.п.;
- г) улучшение отношений Антанты с Италией, Грецией и принуждение других к дружбе;
- д) владение Дарданеллами и Эгейским морем. Передовой опорный пункт – Крит;
- е) поощрение русской морской торговли, особенно черноморской. Рынки – Турция (и Малая Азия), Греция, Красное море, Северная Африка;

---

¹ Айрапетян М. Э., Могилевич А. А. На путях к мировой войне 1914–1918 гг. М., 1940. С. 96.

ж) в случае владения Эгейским морем содержание флота, равного 1,5 флота Австрии и Греции²». По сведениям того же морского агента, в планы Австрии входило: «поглотить Сербию; владея Салониками, командовать Эгейским морем и всей торговлей (из Черного моря тоже); натравить болгар на Константинополь и Россию и, подогревая шовинизм болгар, ссорить оба государства»³.

Острая борьба на Балканском полуострове происходила также между Англией и Германией за влияние в Греции, между Германией и Россией – за укрепление позиций в Румынии. Соперничество существовало и внутри обеих коалиций. Австро-Венгрия и Италия ожесточенно соперничали между собой за господство в Албании, Франция и Россия – за хозяйничанье в Турции. На Балканах сталкивались и интересы европейского финансового капитала: в Греции – английского и французского, в Болгарии – германского, австрийского, французского и русского, в Сербии – французского и русского; военные заказы Балканских государств реализовывались французской фирмой «Шнейдер–Крезю» и германской фирмой Круппа.

Весной 1911 г. Балканские государства вступили между собой в переговоры с целью создания союза, направленного против Турции. Осенью сербо-болгарские переговоры возобновились и осуществлялись при активном участии России. Длительная предварительная работа, которая тормозилась существованием серьезных противоречий между участниками переговоров, увенчалась наконец успехом.

13 (26) марта 1912 г. был подписан сербо-болгарский договор, дополненный 12 (25) мая того же года военной конвенцией. 29 мая (11 июня) подписанием договора завершились и греко-болгарские переговоры. Балканский союз был окончательно оформлен, когда в сентябре 1912 г. к нему присоединилась Черногория. Несмотря на то что факт заключения Балканского союза сохранялся в тайне, Англия и Франция не только были в курсе происходившего, но и содействовали подключению к сербо-болгарскому соглашению Греции и Черногории⁴.

В начале 1912 г. державы продолжали активно готовиться к войне. 13 (26) января 1912 г. российский военно-морской агент в Великобритании Рейн сообщал начальнику Главного управления генерального штаба Я. Г. Жилинскому о своем разговоре с французским военным агентом в Лондоне, который сообщил ему лично, что во Франции все более усиливается чувство ожидания войны с Германией. «Для германского дипломатического самолюбия был большим ударом проигрыш в Марокканском вопросе.

² Айрапетян М. Э., Могилевич А. А. На путях к мировой войне 1914–1918 гг. С. 98.

³ Там же. С. 99.

⁴ МОЭИ. Сер. 2. Т. 19. Ч. 2. № 625. Запись беседы посланника в Софии Неклюдова с Фердинандом Болгарским 13 (26) марта 1912 г. С. 265–268.

Сухопутное и морское вооружение в Германии идет безостановочно». Далее российский военный агент делал заключение: «Самое главное, Германия в настоящее время вполне осознала, что выступить против Англии она может не иначе, как через Францию... Для Германии вполне выгодно начать войну этой зимой, – рассуждал далее военный агент, – до весны, пока бездорожье и оттепель будут задерживать мобилизацию российской армии. Германия ищет повод для столкновения с Англией, чтобы прекратить столь разорительную для нее гонку вооружений»⁵. Представляется, что российский военный агент явно преувеличивал готовность Германии к войне с Британией.

Россия, в отличие от Балканских государств, рассматривала балканский блок как орудие борьбы не столько против Турции, сколько против Австро-Венгрии. Именно поэтому А. П. Извольский стремился к тому, чтобы Турция присоединилась к Балканскому союзу, но эта попытка русской дипломатии решить проблему Черноморских проливов путем создания Балканского союза с участием Османской империи окончилась неудачей⁶.

Создание Балканского союза соответствовало интересам Петербурга в регионе, хотя ярко выраженная антитурецкая направленность объединения Балканских государств не могла не беспокоить Россию. «Поскольку вопрос о Черноморских проливах продолжал оставаться определяющим фактором политики России на Балканах, – пишет Б. М. Туполев, – Петербург был заинтересован в создании блока Балканских государств, который позволил бы ему оказывать решающее влияние на положение в регионе»⁷.

Франция рассматривала Балканский союз как фактор усиления Балканских государств, но вместе с тем считала его характер скорее наступательным, чем оборонительным, в чем усматривала серьезную угрозу для Турции. На эти опасения премьер-министра Франции Р. Пуанкаре С. Д. Сазонов ответил, что русское правительство предупредило Болгарию и Сербию, что оно рассматривает заключенный между ними союз «исключительно как оборонительную меру, имеющую в виду обеспечение независимости и свободы этих государств от посягательств со стороны Австро-Венгрии». Английский историк А. Тэйлор признавал, что Россия «не питала никаких честолюбивых замыслов в Европейской Турции, а в Балканских государствах была заинтересована как в нейтральных буферах против Австро-Венгрии и Германии»⁸. Россия, заверял Сазонов

⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7255. Военный агент в Великобритании – Я. Г. Жилинскому. 13 (26) января 1912 г. Л. 7.

⁶ Fischer F. *Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914*. Dusseldorf, 1978. S. 214.

⁷ Туполев Б. М. Происхождение Первой мировой войны // Новая и новейшая история. № 5. 2002. С. 38.

⁸ Тэйлор А. Дж. П. *Борьба за господство в Европе 1848–1918*. М., 1958. С. 487; Kent M. *The Great Powers and the End of the Ottoman Empire*. L., 1984. P. 41.

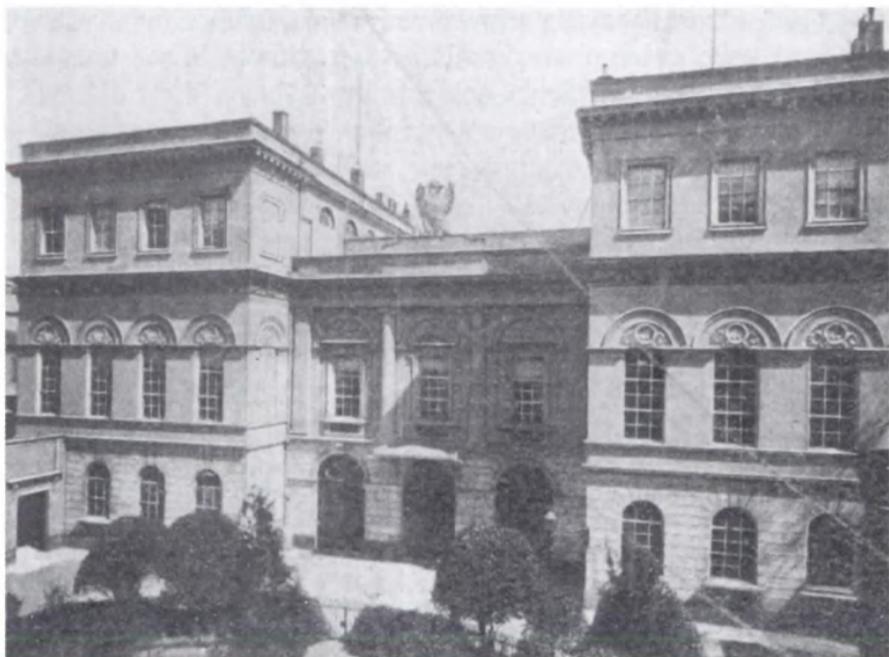

Константинополь и бухта Золотой Рог. *Открытка начала XX в.*

Мехмед V, турецкий султан (1909–1918)

Здание императорского посольства в Константинополе

Поль Камбон,
французский посол
в Великобритании (1898–1920)

Альберт Менсдорф,
австровенгерский посол
в Великобритании (1904–1914)

Разрешение Восточного вопроса. *Журнал «Стрекоза», 1908*

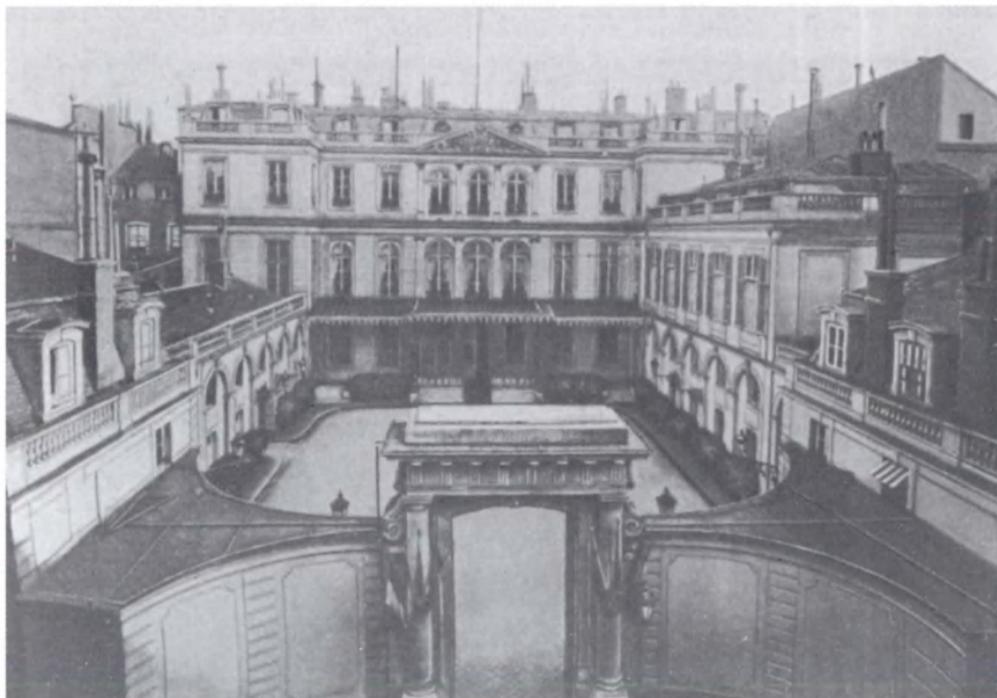

Николай II,
российский император
(1894–1917)

С. Д. Сазонов,
министр иностранных дел России
(1910–1916)

Здание русского посольства в Париже

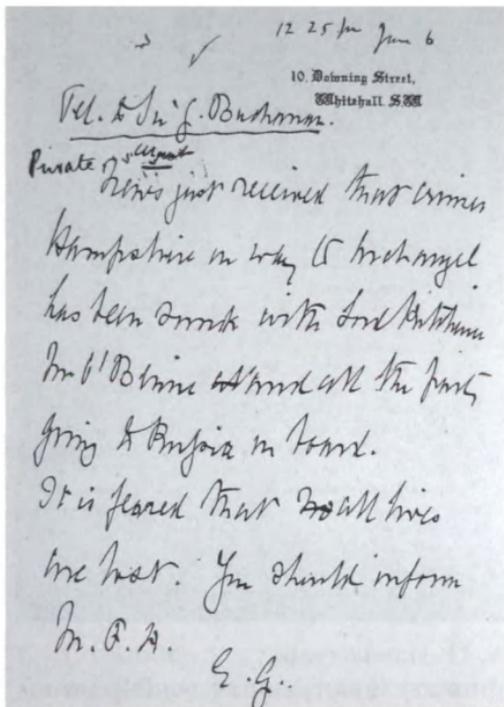
А. П. Извольский,
министр иностранных дел России
(1906–1910), российский посол в
Берлине (1910–1917)

Граф А. К. Бенкендорф,
российский посол в Лондоне,
(1903–1916)

Здание императорского посольства в Берлине

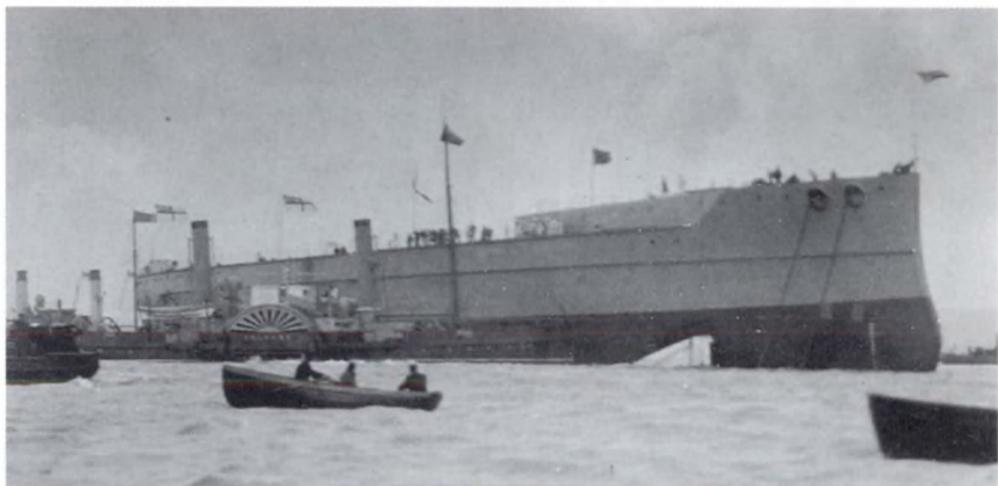

Эдуард Грей, министр иностранных дел Великобритании (1905–1916)   Официальное письмо Эдуарда Грея

Здание Форин Офис

Спуск на воду британского линейного корабля «Дредноут».
Портсмут, 10 февраля 1906

Лорд Чарльз Гардинг,
британский посол в С-Петербурге,
несменяемый помощник министра
иностраннных дел (1906—1910)

Лорд Карнок сэр Артур Никольсон,
британский посол в С-Петербурге,
несменяемый помощник министра
иностраннных дел (1910—1916)

Ich bin ein Kaiser, kein Kaiser, nicht,
Kaiser nicht auf dem Thron.

Wilhelm

Coblenz

26/VIII. 1914.

Вильгельм II, германский император (–1918)

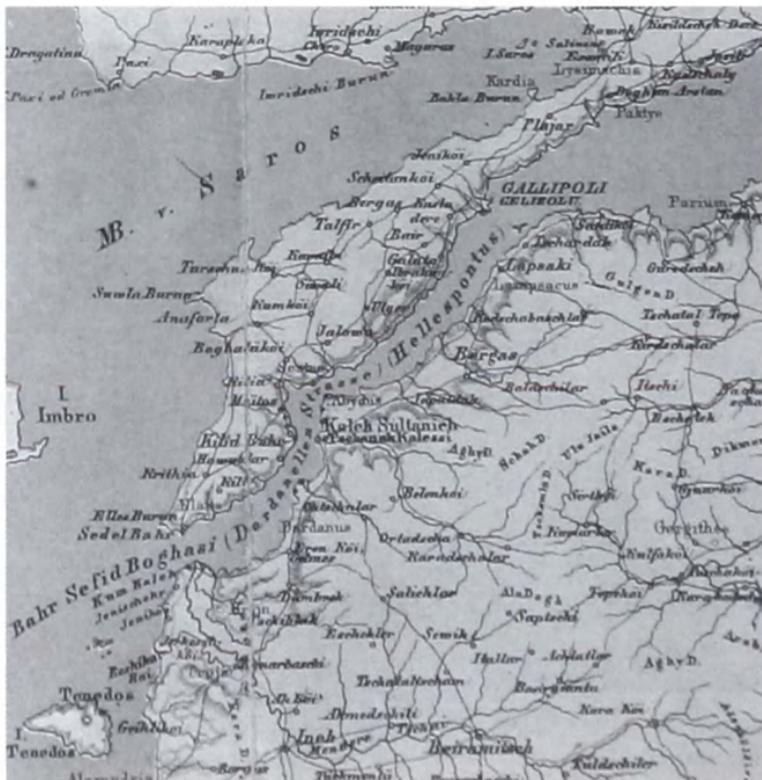
К. Лихновски,
германский посол
в Великобритании (1912–1914)

Ганс фон Вангенхайм,
германский посол в Турции
(1912–1915)

Похороны Г. фон Вангенхайма. *Стамбул, 1915*

Карта пролива Дарданеллы

К англо-русскому сближению. Журнал «Стрекоза», 1907

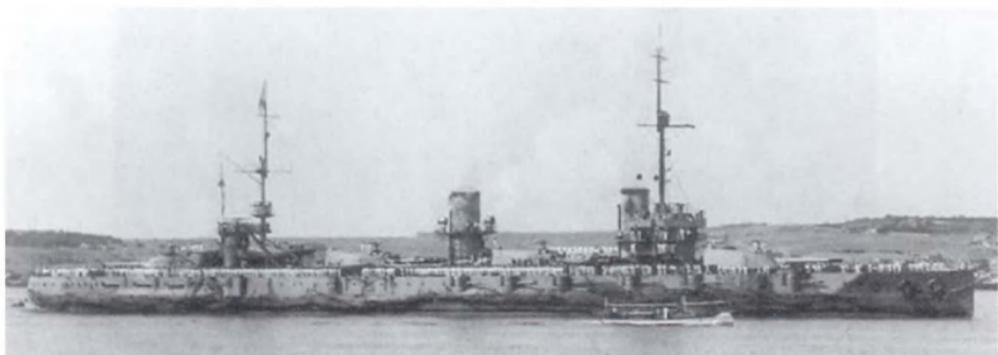

Карта пролива Босфор

Официальный изит Президента Франции Р. Пуанкаре в Россию.
Санкт-Петербург, 1914

Линейный корабль «Императрица Мария»,
флагман российского Черноморского флота.
Заложен в 1911 г., спущен на воду в 1915 г.

Великий князь
Михаил Александрович,
адмирал, глава «Особого комитета
по усилению флота...»

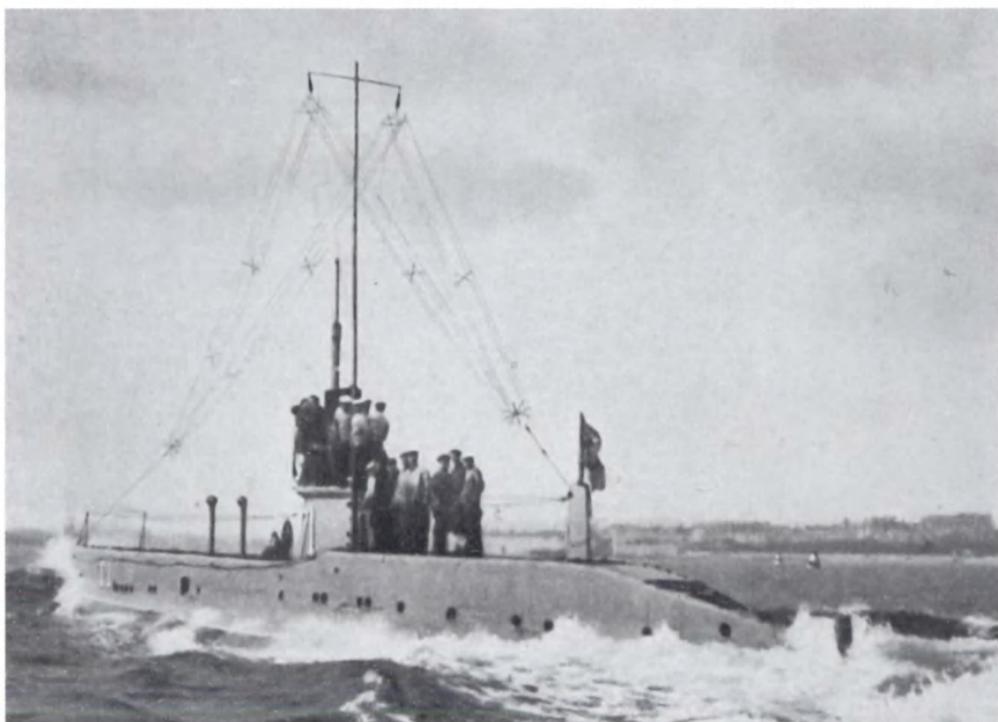
Н. А. Волков,
военно-морской агент в Лондоне,
флигель-адъютант,
капитан 1-го ранга

Вильгельм II и морской министр Германии адмирал Тирпиц
на палубе военного корабля

Английская подводная лодка «С1»

Талаат-бей,
министр иностранных дел Турции

Турецкий солдат, твердо стоящий
на обоих берегах проливов.
Турецкий плакат, 1915

Смотр-парад перед дворцом визиря

Контр-адмирал В. Сушон с группой германских офицеров
на палубе крейсера «Гебен». *Константинополь, 1914*

Высочайшій Манифестъ
БОЖЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрнымъ подданнымъ:

Немного дней тому назадъ Манифестомъ НАШИМЪ оповѣ-
стили МЫ русскій народъ о войнѣ, объявленной НАМЪ Германіей.

Нынѣ Австро-Венгрія, первая зачинщица міровой смуты,
обнажившая посреди глубокаго міра мечъ противъ слабѣйшей
Сербіи, сбросила съ себя личину и объявила войну не разъ
спасавшей ее Россіи.

Силы непріятеля умножаются: противъ Россіи и всего славянства ополчились обѣ могущественныя нѣмецкія державы. Но съ удвоенною силою растутъ навстрѣчу имъ справедливый гнѣвъ мирныхъ народовъ и съ несокрушимою твердостью встаетъ передъ врагомъ вызванная на брань Россія, вѣрная славнымъ преданіямъ своего прошлаго.

Видитъ Господь, что не ради воинственныхъ замысловъ или суетной мірской славы подняли МЫ оружіе, но, ограждая достоинство и безопасность Богомъ хранимой НАШЕЙ Имперіи, боремся за правое дѣло. Въ предстоящей войнѣ народы МЫ не одни: вмѣстѣ съ НАМИ встали доблестные союзники НАШИ, также вынужденные прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы устранить, наконецъ, вѣчную угрозу германскихъ державъ общему миру и спокойствію.

Да благословитъ Господь Вседержитель НАШЕ и союзное НАМЪ оружіе и да поднимется вся Россія на ратный подвигъ съ жельзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ 26 день іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствования же НАШЕГО въ двадцатое.

На подлинномъ Собственную ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано.

«НИКОЛАЙ».

**Манифест о вступлении России
в Первую мировую войну**

Панорама г. Сараево, где прозвучал роковой выстрел

проливы военных судов своей страны, убедил российских дипломатов, что при решении судьбы Черноморских проливов они непременно столкнутся с интересами других держав, причем конкурентами окажутся как противники из Тройственного союза, так и союзники по Антанте.

В интересах России было не поднимать раньше времени этого болезненного вопроса, однако он мог возникнуть вопреки ее желаниям. Неприятностями грозило России даже временное закрытие Турцией Босфора и Дарданелл в ответ на направленные против нее враждебные действия, что повлекло бы за собой огромные экономические убытки. Царское правительство также боялось, как бы конфликт на Балканах не привел к общеевропейскому столкновению, к которому Россия еще не была готова. Согласно планам царского правительства по реорганизации вооруженных сил, русская армия должна была быть готова к большой европейской войне только в 1916 г. Поэтому российская дипломатия избегала всего, что могло привести к обострению международной обстановки.

Конфликт с Турцией по вопросу о реформах в Македонии мог послужить предлогом для развязывания войны. Россия настойчиво просила Англию повлиять на Турцию в отношении этих реформ. Но это не нашло поддержки у британского правительства. Царский поверенный в делах в Лондоне Н. С. Эттер 11 (24) сентября доносил Сазонову, что Грей по-прежнему придерживается своей основной точки зрения – невмешательства во внутренние дела Османской империи и выступает за устранение всего, что приобретало бы характер коллективных представлений по предварительному соглашению¹². 12 (25) сентября российский посол в Париже, в свою очередь, сообщил, что «английское правительство категорически заявило здесь, что Англия ни в коем случае не согласится произвести какое-либо давление на Турцию: только в силу настойчивости России английское правительство согласилось дать Турции дружественный совет и направило своему послу в Константинополе соответствующую инструкцию»¹³. Франция, в свою очередь, опасалась, что балканские события могут втянуть ее в войну, но еще больше ее беспокоили убытки, которые мог понести французский капитал на Балканском полуострове. 9 (22) сентября 1912 г. Пуанкаре выдвинул проект сохранения мира на Балканах. В первой статье этого проекта говорилось, что великие державы в кратчайший срок выступят одновременно перед кабинетами в Софии, Белграде, Афинах и Цетинье с советом не предпринимать ничего, что могло бы нарушить мир или затронуть статус-кво на Балканском полуострове.

¹² МОЭИ. Сер. 2. Т. 20. Ч. 2. № 663. Поверенный в делах в Лондоне – министру иностранных дел 11 (24) сентября 1912 г. С. 189–190.

¹³ Там же. № 726. Министр иностранных дел – временно управляющему МИД Нератову 8 (21) сентября 1912 г. С. 236–237.

В соответствии со второй статьей, – если эти советы не будут услышаны, – державы объединят свои усилия с целью положить конец конфликту и заявить нарушившим мир государствам, «что они не могут рассчитывать в случае победы на территориальные приращения».

Что же касается третьей статьи, то в ней указывалось, что если бы оказалось необходимым принять более энергичные меры, такие как, например, военная или морская демонстрация, то державы могут осуществить это, лишь договорившись между собой.

Наконец, в четвертой статье подчеркивалось, что одновременно с выступлением, указанным в первой статье, державы рекомендуют Порте провести без замедления административные реформы в Европейской Турции¹⁴.

Отношение Англии к этому проекту излагалось в телеграмме Сазонова Нератову из Лондона от 12 (25) сентября 1912 г., в которой говорилось: «Из моих объяснений с Греем выяснилось, что английское правительство склонно принять первый и второй пункты предложений Пуанкаре, но затрудняется согласиться с третьим»¹⁵. Касательно четвертого пункта Грей полагал, что упоминаемый в нем шаг в действительности в Константинополе уже был сделан, державы ставили перед Турцией вопрос о реформах. «Отказ Англии дать согласие на третий пункт проекта Пуанкаре объясняется тем, что это согласие, как пишет сам Сазонов, вперед устраняет возможность активного вмешательства великих держав в балканскую смуту»¹⁶. В ходе обсуждения методов посредничества между Турцией и Балканскими государствами проявились, как всегда, серьезные расхождения между империалистическими державами. Германия настаивала на совместных действиях Австро-Венгрии и России как в Константинополе, так и в балканских столицах. Австрийское правительство, не возражая против этого, предпочитало коллективное выступление в Константинополе. Британская дипломатия предлагала державам действовать раздельно в Константинополе и коллективно – перед Балканскими государствами¹⁷.

Наконец, после долгих обсуждений Англия дала согласие на выступление пяти держав перед Портой и Балканскими государствами в пользу проведения реформ в Европейской Турции при непереносимом условии, что

¹⁴ МОЭИ. Сер. 2. Т. 20. Ч. 2. № 733. Красный архив. Т. 2. 1926. № 16. С. 24–25. Предложение Пуанкаре, переданное в Лондоне С. Д. Сазонову французским послом П. Камбоном 9 (22) сентября. С. 240.

¹⁵ Там же. № 771. Министр иностранных дел – временно управляющему МИД 12 (25) сентября 1912 г. Сер. 2. Т. 20. Ч. 2. С. 276.

¹⁶ Там же.

¹⁷ В. D. L., 1927. Vol. 9. P. 1. № 786. P. 737.

эти реформы не нанесут ущерба территориальной целостности Османской империи¹⁸.

Первое представление от имени великих держав Балканским государствам было сделано 8 (21) октября 1912 г., в день объявления Черногорией войны Турции. Россия и Австро-Венгрия заявили Балканским государствам, что державы осудят всякую меру, способную привести к нарушению мира, и что они возьмут в свои руки проведение реформ в Европейской Турции при условии, что реформы не нанесут ущерба суверенитету султана. Балканские государства должны наконец понять, что если война между ними и Турцией все-таки вспыхнет, державы не допустят никакого изменения территориального статус-кво в Европе.

Через два дня, то есть 10 (23) октября, представители Австро-Венгрии, Англии, Франции, России и Германии потребовали от Турции проведения реформ в ее европейской части. Не дожидаясь ответа Балканских государств, Пуанкаре 11 (24) октября предложил великим державам созвать конференцию послов для изучения вопроса о реформах. Однако Грей не согласился на ее созыв до возникновения войны. В своем ответе французскому послу он заявил: «Созыв предложенной конференции сейчас не будет оказывать воздействия на вопрос о мире или войне, но после того, как война вспыхнет, он может дать державам возможность прийти к какому-нибудь заключению относительно того, какое урегулирование должно быть достигнуто»¹⁹. Между тем 13 (26) октября Балканские государства дали ответ на выступление России и Австро-Венгрии. Болгария, Сербия и Греция указали на то, что они предпочитают обратиться с просьбой о проведении реформ прямо к турецкому правительству²⁰. На следующий день балканские союзники представили Порте ноту, в которой излагали требования относительно реформ в Европейской Турции. Характерен в этом отношении тот факт, что Балканские государства настаивали на проведении реформ под их непосредственным контролем, через дипломатических представителей Балканских стран в Турции. 14 (27) октября последовал ответ Порты на коллективную ноту держав. Турецкое правительство признало необходимость проведения реформ, но заявило державам, что оно предполагает осуществить их без какого-либо постороннего

¹⁸ МОЭИ. Сер. 2 Т. 20. Ч. 2. № 929. Министр иностранных дел – временно управляющему МИД 7 (20) октября 1912 г. С. 383; *Edwards A. D. Britain, Europe and the World 1848–1918. L., 1979. P. 267–268.*

¹⁹ В. D. Vol. 9. P. 2. № 22. Sir H. Bax Ironside to Sir Edward Grey. Oct. 13. 1912. P. 16–17; *Pribram A. F. England and the International Policy of European Great Powers. Oxford, 1931. P. 140–142.*

²⁰ МОЭИ. Сер. 2. Т. 20. Ч. 2. № 1012. Нота болгарского, греческого и сербского правительств посланникам России и Австро-Венгрии в Софии, Афинах и Белграде. 13 (26) октября 1912 г. С. 441.

вмешательства. Военные приготовления в Турции активизировались. Уже 1 (14) октября 1912 г. была объявлена всеобщая мобилизация. В стране проводились митинги и демонстрации, была развязана широкая кампания в прессе, требовавшая погасить партийные разногласия перед лицом общего врага. Произошли военные столкновения на турецко-сербской и турецко-черногорской границах. 18 (31) октября 1912 г., в день подписания в Лозанне мира между Турцией и Италией, Болгария, Сербия и Греция ринулись в бой вслед за Черногорией. Балканская война началась.

Великие державы заняли выжидательную позицию. Французское правительство предложило совместно обсудить последующие действия и непредвиденные обстоятельства, которые могут возникнуть в результате конфликта. Британская дипломатия еще не отказалась от своего предложения о сближении России и Австро-Венгрии в балканских делах. По этому поводу российский посол в Лондоне писал Сазонову 21 октября (3 ноября): «Внимание (в Англии) сосредоточено на австро-русских сношениях. Все более и более укрепляется мнение, что если бы между нами и Веной могло быть достигнуто достаточное согласие – о более активной роли наиболее заинтересованных держав, – это было бы встречено благожелательно, и этому была бы оказана серьезная поддержка».

Из такого сближения России с Австро-Венгрией британская дипломатия рассчитывала извлечь для себя три выгоды: создание преграды развертыванию германской экспансии на восток, ослабление австро-германских связей и, наконец, уменьшение роли России на Балканах. Пуанкаре предложил России обратиться к Франции с просьбой предложить державам посредничество. В случае, если Россия не желает публично формулировать эту просьбу, Пуанкаре был согласен взять на себя посредничество, не разглашая предварительного уговора с Россией²¹.

Великие державы не хотели войны. «Великие державы были ошеломлены, – писал Тэйлор, – ни одна из них не была готова к войне; тем не менее ни одна не могла повернуться спиной к Восточному вопросу»²². Их стремление сохранить статус-кво на Балканах было запоздалым. Воинственное настроение охватило государства Балканского союза. Великие державы попали в весьма трудное положение: Балканский союз обнаружил явное намерение овладеть теми частями турецкой территории, какие припасались державами для себя.

20 октября (2 ноября) российский посол в Константинополе Н. Н. Гирс телеграфировал Сазонову, что министр иностранных дел Турции заявил

²¹ Красный архив. Т. 3. 1926. № 41. Секретная телеграмма посла в Париже. 13 (26) октября 1912 г. С. 12.

²² Тэйлор А. Указ. соч. С. 494; Gibbons H. A. The new map of Asia. 1900–1919. N.Y., 1919. P. 144.

ему, «что, кроме блокады болгарского побережья, ни в каком другом месте Черного моря не будут открыты военные действия. Правительство приложит старание о соблюдении торговых интересов России в вывозе из Черного моря через Проливы»²³.

Тем временем российские дипломаты рассматривали возможные варианты развития событий. Российский посол в Париже А. П. Извольский принимал в этом активное участие. 10 (23) октября он направил Сазонову письмо. «Денно и ночью обдумывая различные могущие наступить случайности, – писал Извольский, – пришел к выводу, что решительная победа Балканских государств сразу выдвинула бы во весь его исторический рост вопрос о борьбе славянства не только с исламом, но и с германизмом, и в этом случае вряд ли можно уповать на какие-либо паллиативные средства, и следует готовиться к великой и решительной общеевропейской войне. Решительная победа Турции наложит на нас нравственную обязанность прийти на помощь славянским государствам»²⁴. Далее Извольский рассуждал, что «затяжной и неопределенный ход войны вызовет посредничество держав, но, вероятно, будет сопровождаться какими-либо беспорядками в Турции, на случай чего следует подготовиться к коллективной демонстрации держав, то есть к десанту в Босфоре»²⁵. Неожиданные и блестящие успехи балканских союзников опрокинули все первоначальные расчеты великих держав. 24 октября (6 ноября) 1912 г. сербы разбили турок у Куманова, болгары – у Кирк-Килиса. 26 октября (8 ноября) сербская армия захватила Ускюб. В боях 29 октября – 3 ноября (11–16 ноября) болгары разбили турок у Люле-Бургаса и заставили их отойти к линии чаталджинских укреплений, защищающих подступы к Константинополю. Европейские державы окончательно убедились в невозможности сохранения территориального статус-кво на Балканах. Успешное продвижение болгарской армии вызвало у русского правительства тревогу, ибо царская Россия не хотела, чтобы контроль над Проливами перешел из рук ослабленной Турции в руки кого бы то ни было, кроме России. Сазонов писал послу в Константинополе М. Н. Гирсу, что «приближающаяся с каждым днем возможность занятия Константинополя войсками союзников ставит безотлагательно вопрос о самых жизненных для нас интересах»²⁶. России необходимо было в конкретной форме обеспечить свои интересы в случае, если болгары окажутся в Константинополе.

²³ Цит по: *Аветян А. С.* Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны 1910–1914. М., 1985. С. 168.

²⁴ Константинополь и Проливы... С. 24; Материалы... С. 289.

²⁵ Там же.

²⁶ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 459/478. 18 октября (2 ноября) 1912 г. Сазонов – Гирсу. Л. 22.

Сазонову представлялось весьма желательным «сделать шаг вперед в смысле признания за нами привилегированного положения на Проливах, что создало бы для России уже признанную сферу специальных интересов. Этому отвечало бы признание Портою и Державами особых наших прав для прохода русских военных судов через Проливы в мирное время»²⁷. Далее в письме Сазонов утверждал, что «сложившаяся политическая обстановка в Европе не создаст серьезных препятствий к осуществлению этого предложения, а Турция, ослабленная войной, едва ли смогла бы противиться настойчивому давлению России. Быть может, – предполагал Сазонов, – в Константинополе найдут даже не безвыгодным предоставить России известные права в этом отношении в противовес новой опасности со стороны Болгарии, ибо там отдают себе, вероятно, отчет в том, что захват Константинополя Болгарией отнюдь не соответствует нашим интересам»²⁸.

Российский министр выразил пожелание заранее обсудить меры, которые необходимо принять для защиты интересов России. «Предусматривая возможность долговременной оккупации Константинополя, нам казалось бы крайне желательным воспользоваться временем, пока союзники еще у ворот турецкой столицы, чтобы послать туда воинскую часть с целью охраны порядка и безопасности европейской колонии и христиан во время отступления озлобленной турецкой армии»²⁹. Осуществить это было бы возможно, если бы Турция обратилась с ходатайством к России, чтобы та защитила ее. Сазонов считал, что в случае занятия союзниками Константинополя Турция не откажется пропустить в город русский отряд. «Между тем присутствие нашей воинской части в Константинополе создало бы для нас реальный залог того, что в решении вопроса о дальнейшей судьбе турецкой столицы и Проливов за Россией останется решающий голос»³⁰.

Когда 24 октября (6 ноября) 1912 г. турки потерпели очередное поражение под Чорлу и остановились на чаталджинской линии, расположенной на перешейке между Черным и Мраморным морями, в 45 километрах от Константинополя, в Петербурге началась паника. «Новое время» писало: «Все время русская экспортная торговля находится под страхом за Проливы... Не надо забывать, что наш хлебный вывоз достигает в настоящее время полутора миллиардов рублей, причем шестьдесят процентов направляется через Черное море... Закрытие Дарданелл, которое представ-

²⁷ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 459/478. 18 октября (2 ноября) 1912 г. Сазонов – Гирсу. Л. 22.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 23.

³⁰ Там же.

ляется весьма вероятным, если не будут сделаны надлежащие воздействия, повлечет за собой настоящее бедствие для России»³¹.

Сам Сазонов считал, что кампания в печати в какой-то мере даже облегчает его задачу: «...Мы все же до известной степени могли использовать представление о кажущемся разладе российского правительства и общественного мнения, чтобы склонить кабинеты к мысли о необходимости считаться с трудностью нашего положения и бороться с натиском нашего общественного мнения»³².

В царском правительстве обсуждались планы решительных действий в зоне Проливов. В 1 час 30 минут ночи с 25 на 26 октября (с 7 на 8 ноября) русский морской министр И. К. Григорович срочно телеграфировал Николаю II, находившемуся в то время в Спале: «Всеподданнейше испрашиваю соизволения вашего императорского величества разрешить командующему морскими силами Черного моря иметь непосредственное сношение с нашим послом в Турции для высылки неограниченного числа боевых судов или даже всей эскадры. Когда в этом наступит надобность, по требованию гофмейстера Гирса [посла России в Турции]». Мера эта была вызвана желанием ускорить получение распоряжения, не ожидая сношений с Петербургом. В 10 часов 32 минуты утра 26 октября (8 ноября) Николай II в ответ телеграфировал на имя морского министра: «С самого начала следовало применить испрашиваемую меру, на которую согласен»³³. Было решено подготовить десант в 5 тыс. человек для защиты христианского населения в случае анархии в турецкой столице. Для этого в Одесском военном округе были приготовлены бригада пехоты, стрелковый полк и две полевые батареи. Цели, преследовавшиеся при этом, выходили за рамки объявленной защиты европейцев. В справке, составленной в морском Генеральном штабе, говорилось: «Очень было бы важно воспользоваться малейшим предлогом и перебросить хотя бы небольшой отряд на европейский берег Босфора, заняв Буюк-Дере, хотя бы для того, чтобы обеспечить безопасность нашего охранного отряда в Константинополе и служить для него резервом. Оккупацию Верхнего Босфора можно было бы затянуть на очень долго, и тогда легче будет там остаться навсегда. Твердое же занятие Верхнего Босфора уже наполовину

³¹ Новое время. 1912. 1 (14) октября; Россия и Черноморские проливы... С. 286–287; *Somerwell D. C. The Reign of King Georg the Fifth. L., 1935. P. 73–78; Edwards A. D. Op. cit. P. 280–281.*

³² Красный архив. 1926. Т. 3. № 45. Циркулярное письмо министра иностранных дел послам в Париже, Лондоне, Берлине, Риме, Вене, Константинополе; послам в Софии, Белграде, Цетинье, Афинах и Бухаресте. С. 15.

³³ Красный архив. 1924. № 6. Дело морского Генерального штаба по 2-му операционному отделу под названием «О проливах и десантная операция». Морском, № 731. С. 51.

разрешает наболевший вопрос о Проливах»³⁴. Практическое осуществление этого плана натолкнулось на непреодолимое препятствие. Успех операции гарантировала только внезапность ее проведения. Черноморский флот не располагал необходимым числом транспортных судов для одновременной переброски 5-тысячного отряда. От плана пришлось отказаться и еще по одной веской причине. Франция и Англия решительно выступили против такой операции. Без их согласия царское правительство не отважилось на эту меру. Нежелание союзников помочь России осуществить свою заветную мечту объяснялось прежде всего их собственными экспансионистскими планами в Турции. Нерешенный вопрос Черноморских проливов был залогом того, что Россия останется в Тройственном согласии и выступит в предстоящей войне на стороне Франции и Англии.

Возможное вступление болгар в столицу Османской империи неизбежно привело бы к вмешательству других держав в проблему Константинополя, что лишило бы Россию всякой надежды на приобретение Проливов. С другой стороны, российское правительство опасалось, что успехи Сербии могли вызвать вмешательство в ход событий Австро-Венгрии, что породило бы ненужные для него осложнения.

Наметившиеся признаки австро-болгарского сближения еще больше беспокоили Петербург. Активность России в это время была направлена на то, чтобы не допустить захвата Болгарией Проливов. Российский империализм, который с мечом стоял у изголовья «безнадежно больного человека» и издавна стремился к приобретению Константинополя, теперь, перед угрозой захвата Проливов Болгарией, вынужден был выступить в несколько необычной для себя роли «защитника» независимости Турции³⁵. Все эти соображения побуждали Россию, с одной стороны, предостеречь Болгарию от вступления в Константинополь, а с другой – добиваться от Англии и Франции предъявления Болгарии подобных же требований. Российское правительство действовало быстро и решительно. Петербург предложил державам выступить в защиту следующих принципов: 1) полное сохранение власти султана в Константинополе и его районе; 2) сохранение номинального турецкого суверенитета во всех остальных провинциях европейской Турции с проведением коренных реформ под непосредственным контролем и гарантией великих держав; 3) никаких территориальных изменений для воюющих. Район Константинополя определяется линией от устья Марицы до Черного моря с включением Адрианополя³⁶.

Учитывая создавшуюся обстановку, Германия предложила Англии и Франции как державам, также заинтересованным в сохранении независи-

³⁴ Красный архив. 1924. № 6. Дело морского Генерального штаба по 2-му операционному отделу под названием «О проливах и десантная операция». Мориском, № 731. С. 52.

³⁵ *Могилевич А. А., Айрапетян М. Э.* Указ. соч. С. 115; *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 84.

³⁶ Там же. С. 115.

мости Турции, совместно обсудить, какое удовлетворение можно было бы дать Балканским государствам, не нарушая в принципе территориальной целостности Османской империи.

Грей телеграфировал британскому послу в Берлине: «Я разделяю взгляд германского правительства на необходимость державам вообще и Франции, Англии и Германии в частности держаться в контакте». «Что касается самого германского предложения, то мой английский коллега, – телеграфировал французский посол в Лондоне Ж. Камбон Пуанкаре 29 октября (11 ноября), – продолжает относиться к нему благоприятно... Сэр Э. Гошен не далек от мысли, что статс-секретарь, которого он считает русофилом, полагает, что петербургское правительство не отвечает настроению русского народа и что следует предложить петербургскому правительству компромиссный выход, на котором сошлись бы державы, но который общественное мнение в России не приняло бы от своего собственного правительства»³⁷.

Балканский союз, созданный при активном участии России, теперь стал угрожать ее собственным интересам. Российская дипломатия всеми силами стремилась помешать болгарам захватить Константинополь. При этом российское правительство рассчитывало на помощь Франции и Англии. 31 октября (13 ноября) Сазонов предложил этим державам следующую формулу для посредничества: 1) безусловная незаинтересованность великих держав в каких-либо компенсациях как основа посредничества; 2) принцип равновесия компенсации между Балканскими государствами на основе условий договоров, которые предшествовали их объединению; 3) территория от Константинополя по линии, идущей от устья реки Марицы через Адрианополь к Черному морю, должна оставаться под реальным суверенитетом султана. Принимая во внимание формулу Сазонова, Пуанкаре предложил державам процедуру для посредничества, состоявшую из четырех частей: 1) коллективное обращение держав к Балканским государствам с призывом прекратить военные действия; 2) суверенитет султана в Константинополе и прилегающем к нему районе; 3) остальные территории Европейской Турции будут разделены между Балканскими странами особо при условии справедливого равновесия интересов всех этих государств; 4) созыв конференции представителей держав и воюющих сторон, а также Румынии для урегулирования этих вопросов³⁸. Сазонов поясняет: «Только быстрое и единодушное согласие держав – на этом условии можно предотвратить опасность занятия Константинополя союзниками и связанных с этим общеевропейских осложнений... Нельзя

³⁷ Константинополь и Проливы... С. 25.

³⁸ Красный архив. Т. 3. 1926. № 48. Секретная телеграмма посла в Париже. 19 октября (1 ноября) 1912 г. С. 19.

упускать из виду, при образовании автономной Албании встанет необходимость удовлетворить стремление Сербии к выходу к Адриатическому морю. Между Болгарией и Румынией должно быть полюбовно проведено исправление границы, чтобы дать последней справедливое удовлетворение за ее лояльный образ действий во время войны»³⁹.

Одновременно с этим Пуанкаре считал нужным, чтобы воюющие державы приняли следующую формулировку в качестве основания для занимаемой ими позиции: «Признавая, что приближается момент возможного посредничества между воюющими сторонами на Балканском полуострове, и будучи озабочены прежде всего сохранением мира в Европе, державы заявляют, что они приступят к этой общей задаче в духе полной незаинтересованности»⁴⁰.

Британская дипломатия согласилась с изложенным выше предложением Пуанкаре⁴¹. Однако это отнюдь не означало, что английское правительство готово было принимать обязательства о незаинтересованности в балканских делах и действовать так, чтобы мир здесь был восстановлен как можно скорее. Лондон исходил из того, что формула о незаинтересованности является абсолютно неприемлемой для Австро-Венгрии и непременно будет отвергнута Веней. Поэтому, дав свое согласие на предложение Пуанкаре, Грей на самом деле стремился, во-первых, не раздражать Россию, которая под давлением болгарских побед решительно настаивала на посредничестве, рассчитывая, используя формулу незаинтересованности, преградить Австро-Венгрии продвижение в регионе, во-вторых, играть перед Европой роль незаинтересованной стороны в балканских делах.

31 октября австро-венгерский министр иностранных дел заявил французскому послу в Вене, что, «как человек чести, он не может принимать на себя обязательства подписать такой документ при нынешних обстоятельствах»⁴². Австрия, а также Германия и Италия отвергли предложение Пуанкаре, указав, что неудобно навязывать воюющим посредничество, к которому можно приступить только тогда, когда одна из воюющих сторон сама обратится с просьбой о нем. Предложения Пуанкаре не достигли результата.

2 ноября Пуанкаре телеграфировал временному заместителю П. Камбона в Лондон: «Я, как сэр Э. Грей, очень озабочен по поводу истинных намерений венского кабинета, – по-моему, необходимо было бы английскому правительству, как и нам, заявить, что мы воспротивимся всякому

³⁹ Константинополь и Проливы... С. 26.

⁴⁰ Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове. 1 августа 1912 г. – июль 1913 г. СПб., 1914. № 37. С. 25.

⁴¹ В. D. Vol. 9. P. 2. № 81. Sir Edward Grey to Sir F. Bertie. Oct. 30. 1912. P. 68.

⁴² Ibid. № 83. Sir F. Cartwright to Sir Edward Grey. Nov. 1. 1912. P. 70.

территориальному увеличению какой-либо великой державы... Всякое территориальное увеличение нарушило бы общее равновесие»⁴³.

Перед угрозой захвата болгарскими войсками Константинополя Турция металась между двумя империалистическими блоками и просила европейские державы удержать болгарскую армию от вступления в столицу Османской империи. 3 (16) ноября министр иностранных дел Турции обратился к французскому послу в Константинополе М. Бомпару с заявлением о желательности посредничества великих держав: «Порта, – пояснял Бомпар британскому послу в Константинополе Д. Лоутеру, – рассчитывает только на державы для предотвращения вступления болгар в Константинополь»⁴⁴.

В европейских державах также были обеспокоены создавшимся положением. Российские дипломаты придавали особое значение в балканском конфликте Англии. Еще 21 октября (3 ноября) российский посол А. К. Бенкендорф сообщил Сазонову о происходящей с Греем перемене, отражающейся пока еще, впрочем, лишь в частных разговорах. Хотя русская патриотическая пресса нападала на Грея за его политику «обструкции» в отношении России, он заверил Бенкендорфа, что никакие трудности в Османской империи не повлияют на его политику, даже опасение раздражить мусульманский мир, и что он желает лишь, взамен на «жертвы» в Турции, уступок в Персии.

Затем Грей много и горячо говорил о реформах даже и в случае победы турок; что же касается территориального статус-кво, то изменение его в пользу турок Грей, конечно, тоже исключал. Российский посол не оставил без внимания замечание Грея, касающееся неприкосновенности турецкой территории и турецкого суверенитета: «Так много форм турецкого суверенитета уже изобреталось, что легко на этот счет столкнуться». Дилемма в Лондоне, по мнению Бенкендорфа, была такова: забота о халифе в пределах, не совместимых с англо-русским согласием, или же сохранение этого согласия и, следовательно, Антанты в целом с минимальной заботой о халифе, то есть лишь с оставлением последнего в Константинополе⁴⁵. В конце разговора Грей заявил: «Если только султан останется в Константинополе, он согласится на все, при условии сохранения мира, то есть примет всякое решение, приемлемое для нас и для Австрии»⁴⁶. К планам последней продвигаться на Балканы в Лондоне относятся, конечно, отрицательно и считают (Бенкендорф говорит это от себя), что «известные реформы отрежут дорогу Австрии в великосербское королевство». Никольсон предлагает

⁴³ Константинополь и Проливы... С. 27.

⁴⁴ В. D. Vol. 9. P. 2. № 110. Sir G. Lowther to Sir Edward Grey. Nov. 3–4. 1912. P. 87.

⁴⁵ Константинополь и Проливы... С. 28–29.

⁴⁶ Там же. С. 29.

России сначала договориться с Австрией – иначе говоря, изолироваться от своих французских и английских друзей. На это Сазонов в тот же день ответил, что «общее выступление только России и Австрии, даже если бы оно произведено было от имени всех других держав, ни в коем случае не может состояться», так как «мы рассчитываем на возможность более тесного сотрудничества с Францией, Англией и Италией»⁴⁷.

Британское и французское правительства очень беспокоила возможность появления русского флота в Константинополе. Французский посол в Лондоне обратился к Грею с вопросом, что будет делать Англия в случае, если русская эскадра отправится в Константинополь. Ответ британского статс-секретаря вполне успокоил французского дипломата. Грей заявил ему, что Англия имеет в Константинополе один корабль и намерена послать еще три корабля в бухту Безика. «Мы, – сказал он, – пошлем столько кораблей, сколько будет нужно для защиты английского общества против толп и резни в Константинополе»⁴⁸. Лоутер, английский посол в Константинополе, был извещен, что дополнительные корабли находятся в пути. Ему была предоставлена возможность просить о направлении необходимого количества судов. Двум линкорам и крейсеру «Дормаут» было приказано отправиться в бухту Безика, в то время как крейсер «Хайпшер» уже прибыл туда⁴⁹. Подобные же меры были предприняты французским правительством.

В Лондоне вынашивали собственные захватнические планы в отношении Константинополя и Проливов и видели в русских партнерах непримиримых конкурентов в данном вопросе. В письме Грею от 7 (20) ноября 1912 г. британский посол в Париже писал: «Русские не могут ожидать, чтобы большинство великих держав содействовало оставлению Константинополя в руках турок только для того, чтобы ждать момента, который Россия считает подходящим для того, чтобы самой захватить его»⁵⁰. Именно поэтому британские правящие круги считали войну на Балканах удобным поводом для того, чтобы разрушить русские планы, направленные на захват Проливов и Константинополя.

С этой целью британское правительство отказывалось оказывать давление на Болгарию, с тем чтобы удержать ее от занятия Константинополя, чего настойчиво требовала Россия. Грей неоднократно уклонялся от подобных просьб царского посла в Лондоне, ссылаясь на то, что военная ситуация оправдывает дальнейшее наступление болгарской армии на

⁴⁷ Константинополь и Проливы... С. 29.

⁴⁸ Там же. С. 28; *Graves P. P. The Question of the Straits. L., 1931. P. 142.*

⁴⁹ Речь. 1912. 31 октября (13 ноября); B. D. Vol. 9. P. 2. № 153. Sir Edward Grey to Sir F. Bertie. Nov. 7. 1912. P. 115.

⁵⁰ B. D. Vol. 9. P. 2. № 156. Sir Bertie to Sir Edward Grey. Nov. 7. 1912. P. 117.

Константинополь. Он прямо заявил Бенкендорфу, что военные соображения могут побудить болгар не допустить реорганизации турецкой армии на линии Чаталджи и продвигаться к Константинополю⁵¹.

Несмотря на то что сила Балканского союза, по мнению английских руководящих деятелей, возмещала слабость России, они не были уверены в последовательности Сазонова. Они считали, что он едва ли пойдет до конца и примет вызов держав Тройственного союза. Британский посол в Петербурге Бьюкенен прямо писал Грею: «Сазонов так часто меняет свою позицию, что трудно следить за ее следующими один за другим пессимистическими и оптимистическими аспектами. Весьма безнадежно иметь дело с таким человеком, который не может оставаться при одном и том же мнении два дня подряд»⁵². Все это заставляло британское правительство сохранять осторожность. 1 (14) ноября Сазонов заявил Пуанкаре, что великие державы должны выступить с посредничеством, сделав перед этим заявление о своей незаинтересованности в территориальных компенсациях на Балканах и условившись, что все завоеванные у турок земли должны быть разделены между балканскими союзниками на основе равновесия⁵³. Условия, предложенные Сазоновым, были следующими:

- 1) Константинополь и зона Проливов должны находиться под суверенитетом султана;
- 2) вся остальная территория бывших европейских владений Турции подлежит разделу;
- 3) автономная Албания перейдет под суверенитет султана;
- 4) предоставление Адриатического порта Сербии;
- 5) свободный транзит австро-венгерских товаров через новую сербскую территорию;
- 6) исправление границы между Румынией и Болгарией⁵⁴.

При этом Сазонов предупредил Францию, что занятие балканскими союзниками Константинополя могло бы привести к одновременному появлению у турецкой столицы всего Черноморского флота России. Чтобы склонить Францию к принятию предложенных условий, Сазонов сообщил ей о согласии российского правительства на передачу Адрианополя болгарам. Одновременно с этим в Петербурге было решено предоставить

⁵¹ B. D. Vol. 9. P. 2. № 102. Sir Edward Grey to Sir G. Buchanan. Nov. 2 1912. P. 83; № 122. Sir Edward Grey to Sir. G. Buchanan. Nov. 4. 1912. P. 95.

⁵² Ibid. № 303. Sir G. Buchanan to Sir A. Nicolson. Nov. 28. 1912. P. 227; № 1242. Sir G. Buchanan to Sir Edward Grey. Aug. 18. 1913. P. 987–988.

⁵³ АВПРИ. Политический архив. 1912. Д. 3699. Сазонов – Извольскому. 1 (14) ноября 1912 г. Л. 96.

⁵⁴ B. D. Vol. 9. P. 2. № 91. Sir Edward Grey to Sir G. Buchanan Nov. 1. 1912. P. 74–75; № 100. Sir G. Buchanan to Sir Edward Grey. P. 80–81.

российскому послу в Константинополе полномочия в случае надобности призвать Черноморский флот.

Когда Бенкендорф изложил сазоновскую программу Грею, тот ответил, что невозможно требовать от болгар остановиться перед Чаталджинской линией, так как это дало бы туркам возможность собраться с силами и уничтожить прежние военные успехи союзников, и что общественное мнение в Англии категорически высказывается в пользу Болгарии. Бенкендорф вынужден был прямо заявить статс-секретарю: вопрос о Константинополе имеет столь жизненно важное значение для самой России, что мнение Сазонова по этому пункту не может измениться. Грей обещал подумать и сообщить свое решение позднее⁵⁵.

Военный агент России генерал-лейтенант Ермолов доносил из Лондона, что подавляющее большинство английских газет отдают свои симпатии победоносным балканским славянам. Это вызвано, по мнению генерала, блестящими военными успехами союзников, а также уверенностью в том, что поражение турок не опасно для Англии в смысле возможных волнений мусульман в Индии. «Общее мнение в Европе, – писала «The Times» (Таймс) 11 (24) ноября 1912 г., – у победителей нельзя отбирать плоды, завоеванные такой дорогой ценой»⁵⁶.

Однако в интересах сохранения Антанты британские правящие круги вынуждены были успокоить русскую тревогу, вызванную возможностью оккупации Константинополя болгарами. На другой день «Times» (Таймс) опубликовал личное мнение Маджарова, болгарского посланника, что болгары, заняв Константинополь, уйдут из него, как только будет подписан мир⁵⁷. Грей объяснил Маджарову, что болгарам надлежит считаться с русской точкой зрения на проблему Константинополя и успокоить российское правительство как можно скорее, иначе у них не будет точки опоры в России против Румынии и Австрии.

В результате Бенкендорф констатировал, что «под впечатлением побед союзников в Лондоне пропал всякий интерес к делу Турции; он [Грей] даже отказывается предсказать, какое впечатление произвело бы там занятие Константинополя болгарами»⁵⁸. Это означало, что в Лондоне, по знаменитому выражению Солсбери, вновь решили, что сделали ставку на «плохую лошадь» (Турцию), и одновременно с Парижем решили сделать ставку на столь блистательно дебютировавшие Балканские государства.

4 ноября Грей в связи с занятием греками Эгейских островов доверительно высказал Бенкендорфу свой взгляд по вопросу о Проливах: «Греция

⁵⁵ Константинополь и Проливы... С. 28.

⁵⁶ The Times. 1912. 11 Nov.

⁵⁷ The Times. 1912. 12 Nov.

⁵⁸ Константинополь и Проливы... С. 29.

может сохранить эти острова только на определенных условиях; общий интерес заключается в том, чтобы второстепенная держава не могла по своему произволу закрывать Проливы; он признает, конечно, преобладающее значение русских интересов и, с этой точки зрения, готов принять участие в обсуждении этого вопроса»⁵⁹. Англия и Франция в известной мере были заинтересованы в неприкосновенности Константинополя и Проливов. Поэтому они заявили о формальном согласии на условия посредничества, сделав при этом незначительные оговорки. Фактически же Англия саботировала посредничество. По сообщению 28 октября (10 ноября) 1912 г. российского посланника в Белграде Н. Г. Гартвига, английские дипломаты в Софии побуждали Болгарию занять Константинополь. Падение турецкой столицы дало бы возможность великим державам, и в первую очередь Англии, возбудить вопрос о международной охране Константинополя и зоны Проливов, что должно было преградить туда путь для России. Аналогичные сведения сообщал Гирс из Константинополя.

Сазонов в Петербурге и Бенкендорф в Лондоне заявили Лондону решительный протест на вероятное появление болгар в Константинополе, намекнув на возможность сепаратных шагов России в жизненно важном для нее вопросе. Это произвело свое воздействие. Никольсон 14 (27) ноября пообещал Бенкендорфу обратиться с личной просьбой к Фердинанду Кобургскому не занимать турецкую столицу, а Грей спустя три дня в сочувственном тоне сказал царскому послу, что понимает значение Константинополя для России⁶⁰.

В то же время военный агент в Англии генерал-лейтенант Ермолов сообщил, что британский флот имеет разработанный два года назад план действий по охране Константинополя⁶¹. На основании этого плана британские правящие круги под предлогом недопущения беспорядков в Константинополе, которые могли быть вызваны дезорганизованными турецкими войсками, предлагали создать десантные отряды для защиты города и христиан. Англия в конце октября привела в боевую готовность свои военно-морские силы⁶². В качестве первого шага в реализации намеченных мероприятий Англия, а за ней и Франция послали по одному военному кораблю в Салоники. Британскому и французскому послам в Константинополе было дано право вызова к турецким берегам более значительных морских сил.

⁵⁹ Материалы... 21 октября (3 ноября) 1912 г. Бенкендорф – Извольскому. С. 492.

⁶⁰ АВПРИ. Ф. Политический архив. 1912. Д. 3700. Л. 79.

⁶¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3001. Л. 10.

⁶² Было решено направить в Средиземное море шесть крейсеров или же в случае мобилизации – всю 4-ю эскадру. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2991. Л. 49.

Проводя такую политику, британское правительство дезинформировало общественное мнение. Так, на вопрос Б. Лоу в палате общин 5 (18) ноября 1912 г. о положении в Константинополе и о британских действиях в регионе Грей ответил, что нет никаких оснований утверждать, что британское правительство обещало что-либо болгарам, движение же флота к Проливам вызвано якобы действиями других держав. Это было сказано в то время, когда тот же Грей уведомил Маджарова, что, по мнению британского правительства, Болгария имеет право занять Константинополь. Отвечая затем на многочисленные вопросы депутата Морреля, статс-секретарь подчеркнул, что корабли посланы к Проливам для защиты британских подданных и торговых судов. Он констатировал, что, не считая четырех стационаров, в районе Проливов находятся десять британских военных кораблей.

Вслед за Англией почти во все турецкие порты были введены корабли других западных держав. Свои действия они также объясняли опасениями, что Россия может захватить Проливы⁶³. Число иностранных военных кораблей у берегов Турции непрерывно возрастало. К середине ноября 1912 г. в Константинополе находились сильная международная эскадра, британская эскадра в Дарданеллах была сильнее всего Черноморского флота России⁶⁴. Морской министр И. К. Григорович 23 октября (5 ноября) 1912 г. приказал крейсеру «Кагул» находиться в близости от Босфора, а еще одному крейсеру прибыть в Салоники⁶⁵.

Британские правящие круги добивались обострения проблемы Проливов, используя честолюбие российского монарха и стремление Петербурга к овладению Проливами. Генерал-лейтенант Ермолов 25 октября (7 ноября) обратил внимание начальника Генерального штаба на весьма любопытный факт, что газета «Observer» (Обсервер), придерживавшаяся в основном русофобского направления, стала спокойно и даже сочувственно обсуждать возможность утверждения России в Константинополе. Через несколько дней Сазонов сообщил, что военные круги Англии пришли к заключению, что существует одно решение Восточного вопроса, состоящее в следующем: 1) Россия получает Константинополь; 2) Австро-Венгрия – Салоники и полосу отчуждения в долине Вардара; 3) все остальные земли европейской Турции распределяются между Балканскими государствами в зависимости от исторических и племенных стремлений. Грей в беседе с Бенкендорфом

⁶³ Gibbons H. A. The New Map of Europe (1911–1914). N.Y., 1926. P. 284–289; B. D. Vol. 9. P. 2. № 156. Sir F. Beirte to Sir E. Grey. Nov. 7. 1912. P. 117.

⁶⁴ По сообщению Гирса, в Безикской бухте находилось 7 английских судов: 4 броненосца, 2 крейсера и 1 миноносец. АВПРИ. Ф. Политический архив. Д. 1945. Секретная телеграмма Гирса от 8 ноября. Л. 681.

⁶⁵ Константинополь и Проливы... С. 29.

5 (18) ноября напомнил, что точка зрения Англии в отношении режима Проливов не изменилась и проблема может получить благоприятное разрешение в удобное для России время. Австро-венгерский военный атташе в Лондоне также высказал генералу Ермолову свой взгляд на изменение политической карты Балканского полуострова. Он указал, что турецкому владычеству на Балканах приходит конец. Поэтому если Россия пожелает занять Константинополь и Проливы, то это не вызовет возражений со стороны Австро-Венгрии⁶⁶.

Делая такие предложения, правящие круги Британии и Австро-Венгрии надеялись спровоцировать российский царизм на акцию, которая обернулась бы против него и предоставила бы западным державам возможность вмешательства в Балканскую войну. Попытка захвата Константинополя и Проливов дала бы повод для обвинения России в нарушении ею же предложенного принципа незаинтересованности великих держав в территориальных приобретениях на Балканах. Предвидя провокацию, Россия отнеслась к этому предложению скептически.

Справедливость опасений Петербурга подтверждает тот факт, что в это время Грей в беседе с германским послом князем К. М. Лихновски официально заявил, что ни одно территориальное изменение на Балканах не затронет британские интересы, кроме вопроса о Константинополе, который является европейским вопросом первого порядка, что оправдало бы вмешательство Лондона⁶⁷. «Великие державы были согласны, – писал в своих воспоминаниях Э. Грей, – что Константинополь должен остаться во власти турок, они единодушно не хотели поднимать этот вопрос между собой и соглашались, что он не должен быть поднят победившими балканскими союзниками»⁶⁸. Британский министр считал, что завоевания союзников были столь огромны, что они удовлетворены и без занятия Константинополя⁶⁹. После беседы с Лихновски Грей в последних числах октября послал циркулярную телеграмму во все посольства и дипломатические миссии Великобритании, в которой особо подчеркнул, что судьба Константинополя и Проливов – европейский вопрос⁷⁰. Упорное нежелание болгарского монарха заявить о своем отказе от Константинополя встревожило Россию и ее союзников по Антанте. Посол Бенкендорф, прочитав сообщение в «Times» (Таймс) о возможности вступления болгар в Константинополь, незамедлительно прибыл в болгарскую миссию и попросил Маджарова довести до сведения главы болгарского правительства мнение России о недопустимости захвата турецкой столицы. Через

⁶⁶ B. D. Vol. 9. P. 2. № 124. Sir Edward Grey to Sir. G. Buchanan. Nov. 5. 1912. P. 97.

⁶⁷ Kennedy A. L. Old Diplomacy and New. L., 1922. P. 188–198.

⁶⁸ Grey of Fallodon. Twenty-Five years (1892–1916). London, 1935. Vol. 2. P. 93.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ АВПРИ. Ф. Политический архив. 1912 г. Д. 3700. Л. 11.

несколько дней Маджарова посетил советник российского посольства Н. С. Эттер и прямо сказал, что Болгария может присоединить к себе все бывшие турецкие земли, но только не Константинополь, который должен оставаться турецким во имя интересов России. «Вся тактика Сазонова, – писал Г. Хальгартен, – была направлена на то, чтобы сделать невозможным иностранный контроль над Проливами. Из-за торгово-промышленных соображений и из страха перед восстаниями внутри страны царизм, конечно, предпочел бы достигнуть этой цели без кровопролития»⁷¹.

7 (23) ноября британская дипломатия предложила следующий выход на случай, если Болгария захватит Константинополь⁷². Вместо морской демонстрации в Проливах, проведением которой угрожала Россия, Грей выступил за нейтрализацию Проливов и превращение Константинополя в свободный порт под международным контролем, взяв за образец статус Танжера⁷³. Однако в Лондоне понимали, что осуществление плана нейтрализации Константинополя и зоны Проливов в данный момент может вызвать международный кризис наподобие марокканского. Грей также учитывал, что Россия решительно протестовала против плана нейтрализации. Царский посол в Лондоне прямо указал на главную причину несогласия – особую заинтересованность России в Проливах. Грей пошел на попятную, заявив, что идея нейтрализации припасена им на тот случай, если сохранить свою столицу будет для турок совершенно невозможно⁷⁴.

Франция сильно встревожилась, узнав о предложении Грея. По сообщению Извольского, Пуанкаре даже допускал возможность «серьезного разногласия между нами и Англией, особенно опасного накануне серьезной дипломатической борьбы против балканской политики Тройственного союза»⁷⁵.

По мнению Сазонова, в результате войны положение на Балканах изменилось в благоприятную для России сторону, ослабленная Турция «более, чем когда-либо, должна дорожить хорошими отношениями с Россией». Российский министр надеялся использовать благоприятный момент. В соответствии с планом 1908 г. прибрежным черноморским государствам разрешалось бы в мирное время, с соблюдением известных условий, гарантирующих безопасность Константинополя, вводить и выво-

⁷¹ Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой войны. М., 1961. С. 548.

⁷² Crompton R. J. The Balkans 1909–1914. British Foreign Policy under sir Edward Grey. Cambridge. P. 260.

⁷³ Материалы... Секретная телеграмма А. П. Извольского С. Д. Сазонову. 24 октября (6 ноября) 1912 г. С. 294; Тэйлор А. Указ. соч. С. 496.

⁷⁴ Материалы... Секретная телеграмма А. П. Извольского С. Д. Сазонову. 24 октября (6 ноября) 1912 г. С. 294; см. также: Аветян А. С. Указ. соч. С. 169–170.

⁷⁵ Материалы... Секретное письмо Извольского Сазонову. 24 октября (6 ноября) 1912 г. С. 295.

дить через Проливы свои военные суда. При этом не могло быть и речи об одностороннем, без участия великих держав, соглашении между Турцией и Россией. Российский министр считал, что почва для такого решения уже хорошо подготовлена: «Наши пожелания ни для одного европейского правительства не могут оказаться неожиданными, и каждое из них в свое время выразило условное согласие с ними». В то же время Сазонов не видел необходимости выступать вновь с каким-либо самостоятельным предложением. Он рекомендовал Извольскому «сохранять в этом вопросе выжидательное положение»⁷⁶.

Россия стремилась не допустить преобладания какой-либо другой державы в Проливах, но в силу того, что она не получила поддержки ни в Париже, ни в Лондоне, ей пришлось отказаться от активных действий. «В случае, если бы Константинополь был занят балканскими союзниками, – писал Сазонов Извольскому, – и сохранение турецкого владычества в нынешней столице с прилегающей к ней зоне подверглось колебанию, предстояло бы решить вопрос о том, не соответствует ли нашим интересам такое решение вопроса, при коем мы утвердились бы на правах ли собственности или долгосрочной аренды на обоих берегах Верхнего Босфора»⁷⁷. При этом сам город Константинополь в крайнем случае мог бы получить международную систему управления и полиции, а Дарданеллы были бы нейтрализованы⁷⁸. Проблема защиты Константинополя и Проливов от захвата их болгарями выявила противоречия России не только со странами Тройственного союза, но и с партнерами по Антанте.

Болгарская армия, встретив серьезное сопротивление турецких войск, остановилась у линии Чаталджи, не сумев овладеть ею. План Кидерлен-Вехтера – в последний момент пустить русских в Константинополь в обмен на их отказ от дальнейшей поддержки южных славян – провалился⁷⁹. Опасность захвата Константинополя Болгарией отошла на второй план, что в какой-то мере успокоило русское правительство и принесло некоторую разрядку международной ситуации.

12 (25) ноября Турция обратилась к Болгарии с предложением заключить перемирие, но София выдвинула условия, с которыми Стамбул не мог согласиться. Турция чувствовала поддержку Австро-Венгрии и Германии и поэтому не собиралась уступать.

Австро-Венгрия не хотела допустить выхода Сербии к Адриатике, чего не желала и Италия. Россия предложила предоставить Сербии «коммерческий выход» к Адриатике (то есть право беспощлиного ввоза и вывоза товаров

⁷⁶ Константинополь и Проливы... С. 29.

⁷⁷ Там же. С. 30.

⁷⁸ *Мозилевич А. А., Айрапетян М. Э.* Указ. соч. С. 122.

⁷⁹ См. подробнее: *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 569; *Аветян А. С.* Указ. соч. С. 174.

через черногорскую или албанскую территорию). Державы Тройственного союза предлагали наделить Сербию выходом к Эгейскому морю через Салоники, на которые претендовали Греция и Болгария. Между тем, согласно первоначальному плану балканских союзников, Албания должна была быть разделена между Черногорией, Сербией и Грецией, причем к Сербии отходил Дураццо (албанский порт на берегу Адриатического моря).

В Англии существовали силы, заинтересованные в обострении австро-сербских и австро-русских отношений. В то же время, зная, что Австро-Венгрия непременно выступит против Сербии, если последняя попытается прорваться к Адриатике, и что Россия обязательно придет Сербии на помощь, в Лондоне считали, что в таком случае австро-сербский конфликт может перерасти в большую войну. В международных отношениях возник мобилизационный кризис, угрожавший возникновением общеевропейской войны⁸⁰. По этому поводу русский посланник в Софии А. В. Неклюдов доносил правительству: «Имею основания предполагать, что известная и влиятельная часть английского политического мира желала с прошлого года воспользоваться надвигавшимся балканским кризисом, дабы вызвать путем столкновения России с Австрией войну между двумя среднеевропейскими державами и державами Тройственного согласия, имея при этом главной и конечной целью истребление германского флота и разорение Германии»⁸¹. О реальности этого предположения русского дипломата свидетельствовал ряд фактов.

12 (25) ноября 1912 г. в Англии состоялось заседание военного совета для обсуждения назначения высших офицеров британской армии на руководящие посты в предстоящей войне; в прессе стали раздаваться голоса, подготовлявшие общественное мнение к возможности вмешательства Англии на стороне России и Франции в пользу Балканских государств. Французский посол в Лондоне П. Камбон сообщил Бенкендорфу, что британский флот был совершенно готов и полностью мобилизован. Показателен и тот факт, что Франция как раз в то время всячески побуждала Россию активно выступить в защиту Сербии и обещала ей свою вооруженную поддержку. Необходимо отметить еще одно исключительно важное обстоятельство: «всеобщее недоверие и взаимная боязнь – фатальный страх растерять союзников накануне решительных боев»⁸² останавливали державы от решительных действий.

19 ноября (2 декабря) 1912 г. сербские войска достигли Алесио на адриатическом побережье. Россия была заинтересована в выходе

⁸⁰ См. подробнее: *Туполев Б. М.* Указ. соч. С. 39–40; *Аветян А. С.* Указ. соч. С. 173–176.

⁸¹ *Grey of Fallodon.* Op. cit. Vol. 2. P. 94.

⁸² Константинополь и Проливы... С. 32.

Сербии к Адриатике, но она боялась вмешательства Австро-Венгрии в Балканскую войну и тем более не хотела идти на столкновение с державами Тройственного союза. В тот же день Бенкендорф задал Грею вопрос, что будет делать Англия, если Россия окажется втянутой в войну с Центральными державами⁸³. В ответе Грей выдвинул два условия вступления Британии в войну: 1) если в результате спровоцированного противником выступления Франции война станет всеобщей; 2) если ответственность за агрессию со всей очевидностью ляжет на врагов⁸⁴. При этом в Лондоне, как всегда, оговаривали, что очень многое будет зависеть от позиции других держав. «Мы очень хотим идти с ней [Россией] так далеко, как это только возможно, – писал Никольсон Бьюкенену 19 ноября 1912 г. – но я боюсь, что мы едва ли будем в состоянии следовать за ней до того крайнего предела, до которого она, кажется, склонна довести дело»⁸⁵. Британия стремилась предотвратить разногласия между Россией и Австро-Венгрией и удержать их в европейском концерте. Первым требованием Лондона было: чтобы ни одна держава не искала для себя каких-либо преимуществ, территориальных или дипломатических, при урегулировании балканского вопроса⁸⁶.

Французское правительство занимало более определенную позицию. «Вполне ясно, что Франция отдает себе отчет в том, – писал Извольский Сазонову 19 ноября (2 декабря) 1912 г., – что те или другие события, например разгром Болгарии Турцией или нападение Австрии на Сербию, могут заставить Россию выйти из пассивного положения и прибегнуть сперва к дипломатическому выступлению, а затем и к военным действиям против Турции или Австрии. Согласно полученным нами от французского правительства заявлениям, в таком случае нам обеспечена со стороны Франции самая искренняя и энергичная дипломатическая поддержка. Но в этом фазисе событий правительство Республики не было бы в состоянии получить от парламента или общественного мнения санкции на какие-либо активные военные меры. Но, если столкновение с Австрией повлечет за собой вооруженное вмешательство Германии, французское правительство заранее признает это за *casus foederis* и ни минуты не поколеблется выполнить лежащие на нем по отношению к России обязательства»⁸⁷.

⁸³ Мозилевич А. А., Айрапетян М. Э. Указ. соч. С. 126.

⁸⁴ Константинополь и Проливы... С. 38.

⁸⁵ B. D. Vol. 9. P. 2. N 238. Sir A. Nicolson to Sir G. Buchanan. Nov. 19. 1912. P. 197.

⁸⁶ *Crapton R. J. The Balkans, 1909–1914. British Foreign Policy under sir Edward Grey. Cambridge. P. 261; Dickinson G. L. The International Anarchy 1904–1918. L., 1937. P. 336–341.*

⁸⁷ Материалы... Частное весьма доверительное письмо Извольского Сазонову. 19 ноября (2 декабря) 1912 г. С. 275.

Франция была готова активно вмешаться в ход событий на Балканах. Выступление Австро-Венгрии против Сербии могло бы, по мнению Парижа, «вызвать отпор со стороны России, а это, в свою очередь, автоматически и неизбежно вовлечет в войну сперва Германию, а затем и Францию. К подобной возможности, – писал Извольский 30 августа (12 сентября) Сазонову, – французское правительство относится вполне спокойно, сознательно и с твердой решительностью исполнит свои союзнические обязательства. Все необходимые меры с его стороны приняты; мобилизация на восточной границе проведена; материальная часть в полной готовности»⁸⁸.

Франция ожидала, что после таких заверений Россия немедленно вступит в войну. Но Петербург не производил военных приготовлений против Австро-Венгрии. Россия выжидала и определяла свою позицию, ориентируясь на Англию. Сильно встревоженный Бенкендорф сообщал в Петербург, что «английское общественное мнение в последнее время отдаст должное миролюбию Австро-Венгрии и возмущается настойчивостью Сербии»⁸⁹. Грей, чтобы рассеять тревогу российского посла, объяснял ему, что «дело идет вовсе не об установлении нейтралитета Англии в случае войны, а о том, что Англия сохраняет свободу действий и выбора, сообразно обстоятельствам»⁹⁰. «Если бы случилось, что Россия потребовала бы поддержать Сербию, – писал Грей в своих воспоминаниях, – европейская война была бы неизбежна»⁹¹.

Франция была обеспокоена бездействием России перед фактом мобилизации австро-венгерской армии. Российский военный агент в Париже А. А. Игнатъев беседовал с военным министром Франции А. Мильераном, который задал ему вопрос, какова, по его мнению, цель австрийской мобилизации. Игнатъев выдержал паузу и ответил, что, по его мнению, эти приготовления носят оборонительный характер. Далее Мильеран просил Игнатъева разъяснить, что вообще думают в России о Балканах. На что Игнатъев заявил, что хотя «славянский вопрос остается близким нашему сердцу, но история выучила, конечно, нас прежде всего думать о собственных государственных интересах, не жертвуя ими в пользу отвлеченных идей»⁹². Мильеран со своей стороны заметил, что этот вопрос крайне серьезный и касается гегемонии Австрии на Балканах.

⁸⁸ Там же. Копия письма Извольского Сазонову. 30 августа (12 сентября) 1912 г. С. 311.

⁸⁹ Константинополь и Проливы... С. 40.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ *Grey of Fallodon*. Op. cit. P. 94; *Langhorne R.* The collapse of the Concert of Europe. International politics 1890–1914. L., 1981. P. 105.

⁹² Цит. по: *Могилевич А. А., Айрапетян М. Э.* Указ. соч. С. 128; Константинополь и Проливы... С. 44.

На этом разговор Игнатьева с Мильераном закончился. Военный агент объяснял беспокойство Франции тем, что в случае промедления Петербурга Австро-Венгрия успеет расправиться с Сербией и перебросить свою армию против России, а это даст возможность Германии направить свои главные силы против Франции⁹³.

В совершенно секретном письме Извольскому от 28 ноября (11 декабря) 1912 г. Сазонов характеризовал русскую политику по вопросу о Проливах следующим образом: «С самого начала кризиса мы не упускали из виду, что война может повлечь за собою изменение режима Проливов. В то же время мы опасались, однако, возбуждать этот вопрос раньше, чем вполне определятся размеры успехов Балканских государств, вероятность занятий их войсками Константинополя и отношение других великих держав к событиям на Балканах»⁹⁴. Поэтому Россия проявляла известную сдержанность по отношению к британскому предложению обсудить вопрос о возможности интернационализации Константинополя и о новых гарантиях пользования Проливами. «По нашему мнению, – писал Сазонов, – основные интересы России не могут быть защищены в Проливах никакими договорными гарантиями и статьями, так как последние всегда могут быть обойдены; и мы должны всегда иметь в виду, – какая реальная сила в действительности может обеспечить установленный в Проливах режим от каких-либо нарушений»⁹⁵.

Российское правительство также отрицательно отнеслось к исходившей из Вены попытке разделить сферы интересов на Балканах между Россией и Дунайской монархией: «Россия должна была бы объявить себя не заинтересованной в отношении западной части Балканского полуострова, тогда как Австрия предоставила бы нам полную свободу действий в Константинополе»⁹⁶. В предложении Вены таилась серьезная опасность. Изменения в режиме Проливов могли наступить лишь по окончании войны, а с другой стороны, Россия не могла согласиться на компенсации, так как это нанесло бы ущерб интересам Балканских государств. «Мы соблюдали до сих пор выжидательную тактику, не упуская, однако, благоприятного момента для заявления наших пожеланий», – писал Сазонов⁹⁷.

Дальнейшие рассуждения Сазонова сводились к тому, что «течение войны еще нельзя предусмотреть, однако можно признать, что в настоящий момент продвижение союзников достигло уже максимального предела и вероятность занятия Константинополя весьма мала». Поэтому, скорее

⁹³ Константинополь и Проливы... С. 44.

⁹⁴ Там же. С. 49.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. С. 50.

⁹⁷ Там же.

всего, Константинополь и достаточная по величине область на европейском материке останутся во владении Турции. «Можно думать, что даже после победоносной войны, – отмечал российский министр, – Болгарии понадобится довольно продолжительное время, чтобы оправиться от своих потерь и окончательно утвердиться в завоеванных ею областях. Не менее трудные задачи ожидают и побежденную Турцию»⁹⁸.

Министр полагал, что Россия, не участвовавшая в войне, может рассчитывать, с одной стороны, на распространение своего влияния на Балканские государства, а с другой – укрепить свое положение в Турции, которая более чем когда-либо должна дорожить хорошими отношениями с Россией. «Все это побуждает нас в настоящий момент подходить с исключительной осторожностью к тем предложениям, которые могут быть нам сделаны другими державами в вопросе о Проливах», – резюмировал Сазонов. Россия не должна соглашаться на какие-либо исходящие от других держав ограничительные гарантии, которые могли бы стать в дальнейшем препятствием к окончательному решению вопроса о Проливах в желательном для России духе.

Российский министр, скорее всего не без помощи Извольского, вспомнил о трактовке вопроса о Проливах 1908 г., то есть в смысле предоставления прибрежным черноморским государствам в мирное время, с соблюдением известных условий, гарантирующих безопасность Константинополя, права выводить из Черного моря и вводить в него свои военные суда.

«Конечно, и в настоящий момент не может быть речи о заключении одностороннего соглашения между Россией и Турцией по этому вопросу; подобное соглашение нарушило бы наши отношения с Балканскими государствами»⁹⁹, – писал Сазонов. Россия должна придавать большое значение позиции великих держав. В последние годы почва для благоприятного нам решения хорошо подготовлена, и пожелания России ни для одного европейского правительства не могут оказаться неожиданными. Министр снова отмечал, что каждое из них в свое время выразило условное согласие с такими предложениями. Сазонов полагал, что у Петербурга во время первой Балканской войны не было серьезных противоречий с Веной и что царское правительство считается с австрийскими интересами экономического и политического характера на Балканском полуострове. «В вопросе выхода Сербии к Адриатическому морю мы также советовали белградскому кабинету принять во внимание интересы соседнего с ним государства. Поэтому мы считаем себя вправе ожидать, что венский кабинет подобным же образом отнесется к нашим интересам в вопросе о Проливах»¹⁰⁰. По

⁹⁸ Константинополь и Проливы... С. 50.

⁹⁹ Там же. С. 51.

¹⁰⁰ Там же.

мнению министра, сопротивление австрийской дипломатии в этом вопросе вряд ли могло быть серьезным препятствием к осуществлению «скромных» пожеланий России.

«Таковы общие соображения, которыми мы руководствуемся в вопросе о Проливах, – писал Сазонов Извольскому. – Сообщая их Вам на случай объяснения с Пуанкаре, считаю необходимым добавить, что мы считали бы неправильным выступить теперь же с какими-либо самостоятельными предложениями, так как путь компенсаций, как указано выше, не отвечает нашим интересам»¹⁰¹. Однако, если вопрос о Проливах вновь стал бы актуальным, Сазонов просил Извольского выяснить точку зрения французского правительства для того, чтобы российские правящие круги могли точно определить время и средства для достижения намеченной цели.

2 (15) декабря Бенкендорф направил письмо, не менее интересное и гораздо более определенное, чем прежние его сообщения товарищу министра иностранных дел А. А. Нератову. «Грей считает, – писал он, – что в отличие от 1908 г. почва в достаточной мере подготовлена и что Россия может поднять вопрос о Проливах в связи с ликвидацией балканской войны»¹⁰², – как раз то, от чего Сазонов самым категорическим образом отказывался. Кроме того, «Грей остается на точке зрения тогдашнего своего меморандума и, в частности, необходимости предварительного соглашения с Турцией», – писал Бенкендорф Нератову. Посол не считал, что «эта предпосылка изменилась», и «хотя Турция выходит ослабленной из войны, но это не значит, что она утратила всякое значение в глазах Англии. Более того: в качестве чисто мусульманского и азиатского государства она представляет для Англии именно теперь в высшей степени важную державу»¹⁰³.

20 ноября (3 декабря) Турция заключила перемирие с Балканскими государствами. Одна Греция не захотела сделать этого. Она выдвинула союзникам требование, чтобы те договорились о разделе завоеванных территорий Османской империи; чтобы в случае невозможности прийти к соглашению с Болгарией передали вопрос на арбитраж Тройственного согласия. Греция и Болгария одновременно претендовали на Салоники, Драмы, Серес и другие пункты, из которых самым заманчивым были Салоники, главный торговый порт в Эгейском море¹⁰⁴. Лондон внимательно следил за разворачиванием событий на Балканах. Британия привела свою армию в боевую готовность, планируя выступить на стороне союзниц (Франции и России) в случае, если Австро-Венгрия нападет на Сербию,

¹⁰¹ Константинополь и Проливы... С. 51.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ *Grey of Fallodon*. Op. cit. P. 98; *Somerwell D. C.* Op. cit. P. 74.

а ее подержит Германия. 5 декабря 1912 г. Извольский писал Сазонову, что «между французским и английским Генеральными штабами не только не прекратилось обсуждение всех могущих возникнуть случайностей, но существующие военные и морские соглашения в самое последнее время получили еще большее развитие, так что, в настоящую минуту, англо-французская военная конвенция имеет столь же законченный и исчерпывающий характер, как такая же франко-русская конвенция»¹⁰⁵.

«На днях во Францию под строжайшим секретом приезжал начальник английского Генерального штаба генерал Вильсон, – сообщал Извольский из Парижа, – по этому случаю были выработаны различные дополнительные подробности, причем, по-видимому, в первый раз в этой работе принимали участие не только военные, но и другие представители французского правительства. В общем здесь все еще находятся в фактическом неведении относительно тех или других решений, которые будут приняты Англией в случае общей войны, но скорее склонны думать, что неотразимый ход событий приведет английское правительство к вооруженному вмешательству против Германии. На этот случай имеются в полной готовности все надлежащие уговоры технического характера»¹⁰⁶.

Между тем Англия проявляла неуверенность и беспокойство. «Она уже не могла влиять на французскую политику, – писал Е. А. Адамов, – и если общественное мнение Британии выразит протест на участие в войне, то разразится неслыханный в истории скандал, ибо в этом случае политика Грея оказалась бы чистойшей провокацией Франции»¹⁰⁷. Россия не была готова к европейской войне. 5 (18) декабря Извольский телеграфировал Сазонову, что на вопрос: «Какие действия предпримет Россия в случае нападения Австрии на Сербию?» – наш ответ был: «Даже в крайне невероятном случае нападения Австрии на Сербию Россия не будет воевать»¹⁰⁸. Подобный ответ поверг Пуанкаре и всех французских министров в крайнее изумление. «...Развитие событий на международной арене в ноябре–декабре 1912 г., – подытоживал А. С. Аветян, – шло в двух направлениях: с одной стороны, дипломатические переговоры и поиски путей к разрешению возникших в связи с войной проблем, с другой – нагнетание напряженности путем раскручивания маховика военно-мобилизационных мер»¹⁰⁹.

¹⁰⁵ Константинополь и Проливы... С. 41.

¹⁰⁶ Материалы... Письмо Извольского Сазонову. 23 ноября 1912 г. С. 309–310.

¹⁰⁷ Константинополь и Проливы... С. 41.

¹⁰⁸ Материалы... Письмо российского посла в Париже Извольского министру иностранных дел Сазонову. 5 (18) декабря 1912 г. С. 311–313.

¹⁰⁹ Аветян А. С. Указ. соч. С. 187.

Под давлением Австро-Венгрии и Германии Сербии пришлось уступить в отношении порта на адриатическом побережье. Противостояние Австро-Венгрии и Германии, с одной стороны, и России и Сербии – с другой, заставило великие державы рассмотреть вопросы, связанные с мирным урегулированием, на конференции послов великих держав. По просьбе Сазонова Грей взял на себя инициативу созыва такой конференции.

16 (29) декабря 1912 г. в Лондоне начались мирные переговоры между балканскими союзниками и Турцией, а на следующий день открылась Лондонская конференция послов под председательством Грея. Конференция проходила в атмосфере глубоких противоречий между великими державами. Весьма выразительную картину этих противоречий дала газета «Правда»: «Трудно было столкнуться представителю Англии, которая ревниво охраняла свое монопольное влияние в южной Азии, с представителем Германии, которая протягивает к границам англо-азиатских владений могучие щупальца в виде багдадской железной дороги. Нелегко было сговориться и России с Австро-Венгрией, ибо их аппетиты разгорались вокруг одного и того же балканского пирога»¹¹⁰. Германия заявила, что будет ориентироваться на политику Австро-Венгрии и Италии и будет защищать свои интересы, если подвергнется нападению с третьей стороны. Она останется верна своему союзу и готова поднять оружие за сохранение своего значения в Европе. Этим заявлением Берлин рассчитывал запугать Россию и Францию. При этом Тройственный союз не направлял свои угрозы против Англии, желая тем самым оторвать ее от Тройственного согласия.

Лондон, правильно оценив дипломатический ход Германии, сделал ей грозное предупреждение. «Если Германии и нам удастся сохранить мир, – заявил Грей германскому послу в Лондоне, – это приведет к самым лучшим результатам; но если это нам не удастся, никто не может сказать, где мы окажемся»¹¹¹. В Германии шансы на успех в европейской войне расценивались тогда пессимистически. В Берлине, по свидетельству российского посла С. Н. Свербеева, «хотели мира во что бы то ни стало, а в то же время принимали меры к усилению армии»¹¹².

На конференции Россия действовала солидарно с Британией и Францией. Между тем Италия вступила в полемику с Австро-Венгрией из-за Албании. На первом же заседании Лондонской конференции было принято решение о создании автономной и нейтральной Албании под

¹¹⁰ Правда. 1913. 17 (30) января.

¹¹¹ B. D. Vol. 9. P. 2. № 327. Sir E. Grey to Sir E. Goschen. Dec. 4. 1912. P. 243; Steiner Z. The Foreign Office and the Foreign policy. Cambridge, 1969. P. 134.

¹¹² Материалы... Весьма доверительное письмо российского посла в Берлине Свербеева министру иностранных дел Сазонову. 17 (30) января 1913 г. С. 328–329.

суверенитетом султана и под контролем и коллективной гарантией шести европейских держав.

«Чтобы не оставить в Белграде и тени сомнения относительно истинного положения вещей, – писал российский министр иностранных дел Сазонов в своих мемуарах, – я был вынужден поручить Гартвигу предупредить сербское правительство, что мы не будем воевать с Тройственным союзом из-за сербского порта на Адриатике»¹¹³. Тем не менее с каждым днем напряжение в Вене нарастало. Начальник Киевского военного округа сообщал начальнику Генерального штаба: «В австрийском Генеральном штабе получены сведения о решении русского правительства послать Черноморский флот в турецкие воды и об оккупации русскими войсками Азиатской Турции»¹¹⁴.

Российский военный агент в Австрии доносил в Генеральный штаб 21 января (3 февраля) 1913 г., что, по его сведениям, вопрос о Скутари будет решен в пользу Австрии: «Скутари войдет в состав автономной Албании. Это уже третья дипломатическая победа, одержанная Австро-Венгрией на Лондонской конференции»¹¹⁵. Россия же хотела передать Скутари Черногории. «Черногория ведь была не чем иным, как ничтожным экспонентом русского феодального империализма, – считал Г. Хальгартен, – частью славянского барьера, который должен был в интересах России преградить Центральным державам путь через Проливы»¹¹⁶.

31 января военный агент России в Австро-Венгрии сообщил в отдел генерал-квартирмейстера, что Лондонская конференция приступает к рассмотрению кардинального вопроса балканского кризиса – определению границ автономной Албании. Полковник Занкевич предупреждал российское правительство, что на каждую уступку австро-венгерское правительство будет отвечать новыми требованиями; вслед за вопросом о границах Албании будет поднят вопрос о Новопазарском санджаке, об ограничении вооруженных сил Сербии. Военному агенту представлялось, что «политика уступок фатально вовлечет нас в войну с Австро-Венгрией; твердое же отстаивание наших интересов на Балканах обещает нам дипломатическую победу над Габсбургской монархией, но не исключает возможного столкновения, не страшного для нас, но крайне рискованного для нашего врага»¹¹⁷. Однако российская дипломатия

¹¹³ Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1927. С. 97.

¹¹⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7322. Начальник Киевского военного округа – начальнику Генерального штаба. 31 января (13 февраля) 1913 г. Л. 136.

¹¹⁵ Там же. Генерал-квартирмейстер Генштаба – военному агенту в Австрии. 21 января (3 февраля) 1913 г. Л. 17.

¹¹⁶ Хальгартен Г. Указ. соч. С. 607.

¹¹⁷ Там же. Военный агент в Австро-Венгрии – в отдел генерал-квартирмейстера. 31 января (13 февраля) 1913 г. Л. 133.

подходила к этому вопросу иначе. Так, Россия, не готовая к общеевропейской войне ради приобретения Сербией порта на Адриатике, вынудила Белград отказаться от своих притязаний.

Острую борьбу на конференции вызвал вопрос об Эгейских островах. Занимая очень важное стратегическое положение на пути к Дарданеллам, эти острова привлекли к себе особое внимание европейских держав. Царская дипломатия, опираясь на точку зрения Морского министерства, считала необходимым сохранение в руках Турции прилегающих к Дарданеллам островов Эгейского моря – Имроса, Лемноса, Тендоса и Самотраки. Она исходила из расчетов, что не следует допускать ничего такого, что могло бы послужить препятствием для русских планов, направленных на овладение Проливами. Вот почему Бенкендорф предложил на конференции послов передать Греции все острова, кроме указанных четырех, прилегающих к Дарданеллам, которые должны были быть возвращены Турции.

Однако некоторое время спустя Россия изменила свою позицию. Бенкендорф 2 (15) января 1913 г. предложил, чтобы эти четыре острова под особой гарантией перешли к Греции. Очевидно, российская дипломатия пошла на это, учитывая британские требования, ибо второе предложение Бенкендорфа больше соответствовало английским планам в отношении Эгейских островов¹¹⁸. 29 января (11 февраля) 1913 г. союзники прервали по инициативе Болгарии, которая надеялась на быстрое падение Адрианополя, мирные переговоры с Турцией. На следующий день Турция предложила Болгарии разделить этот город на две части по реке Марице. Однако София от этого предложения отказалась, и 3 (16) февраля 1913 г. военные действия возобновились.

Опасаясь вооруженного выступления России, Грей поспешил предупредить турецкого посла в Лондоне, что, если Стамбул не пойдет на уступку в вопросе об Адрианополе, он не должен ожидать от держав ничего, кроме давления в пользу такой уступки. Ни одна из великих держав не будет вмешиваться, для того чтобы отстоять для Турции Адрианополь. Наоборот, если бы турки пошли на компромисс, державы могли бы использовать свое влияние на Болгарию с целью ликвидации всяких трудностей¹¹⁹. Пуанкаре предложил выступить с коллективным обращением держав к турецкому правительству, подкрепив его морской демонстрацией своих кораблей, находившихся в Босфоре. Однако это предложение было отклонено державами Тройственного союза. Не удалась и попытка России поставить вопрос

¹¹⁸ B. D. Vol. 9. P. 2. № 251. Sir E. Goschen to Sir Edward Grey. Nov. 22. 1912. P. 187; *Mowat R. W.* The Concert of Europe. L., 1930. P. 318–320; *Kennedy A. L.* Old Diplomacy and New. L., 1922. P. 198.

¹¹⁹ Ibid. № 448. Sir Edward Grey to Sir G. Lowther. Jan. 4. 1913. P. 352.

о проведении демонстрации силами Тройственного согласия. Великие державы ограничились предъявлением коллективной ноты, которая тем не менее дала свой результат – Турция изъявила готовность принять выдвинутые ими требования. Но в это время в Константинополе произошел государственный переворот, к власти пришла прогерманская партия «Единение и прогресс». Военные действия возобновились.

15 (28) февраля 1913 г. Вильгельм II обратился к турецкому послу со следующими словами: «Надо как можно скорее кончать войну. Турция бесповоротно потеряла свое значение как европейская держава. Рассчитывать на постороннюю помощь и поддержку она не может». Это заявление вскоре стало известно военному агенту России в Германии Базарову¹²⁰.

13 (26) марта Болгария овладела Адрианополем. По этому поводу «Правда» 17 (30) марта 1913 г. писала: «Падение Адрианополя решит натиск на чаталджинские укрепления, приближает еще на шаг войска союзников к Константинополю. Опять перед Европой станет вопрос о Проливах, опять туда обращено внимание дипломатов всего мира, стремление не упустить из своих рук лакомый кусочек»¹²¹.

Новый успех болгарской армии заставил великие державы уточнить свое отношение к судьбе Константинополя и азиатским владениям Османской империи. Первый шаг предприняла Франция: 15 (28) марта 1913 г. советник российского посольства в Лондоне Н. С. Эттер телеграфировал в Петербург, что П. Камбон в его присутствии прочитал Грею телеграмму Пишона, в которой он спрашивал о позиции Англии в случае выхода болгар в район Константинополя. Британский статс-секретарь дипломатично ответил, что в этом прежде всего заинтересована Россия, с мнением которой он желал бы предварительно ознакомиться, прежде чем давать ответ Франции¹²². Между тем Франция хотела договориться с Англией о совместном решении малоазиатского вопроса, то есть о согласованном разделе Турции. Конкретные предложения по этому поводу Камбон делал Грею и Б. Лоу¹²³. Россия заняла позицию ноября 1912 г. Сазонов 15 (28) марта 1913 г. с одобрения Николая II и ведома морского министра Григоровича телеграфировал послу в Константинополе Гирсу, предоставляя ему право в случае необходимости вызвать эскадру Черноморского флота¹²⁴. Вскоре Гирс сообщил Сазонову, что, по его мнению, прибытие одного Черноморского флота не обеспечит интересов России, так как, во-

¹²⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7255. Военный агент в Германии – генерал-квартирмейстеру Генерального штаба. 15 февраля 1913 г. Л. 160.

¹²¹ Правда. 1913. 17 марта.

¹²² Материалы... Секретная телеграмма Извольского Сазонову. 15 марта 1913 г. С. 355.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Красный архив. 1924. Т. 6. Сазонов Гирсу 15 (28) марта 1913 г. С. 62; *Аветян А. С.* Указ. соч. С. 190–192.

первых, «стоящие здесь иностранные суда даже в нынешнем их числе не уступают ей [эскадре] в силе», а во-вторых, Турция может просто не пропустить русские корабли через Босфорский пролив. Посол писал: «Лишь высадка внушительного отряда войск, способного занять Константинополь и воспротивиться входу в город болгар, обеспечила бы нам возможность исполнить историческую нашу задачу владения проливом». С. Д. Сазонов тотчас же обратился к И. К. Григоровичу и В. А. Сухомлинову с просьбой о незамедлительной подготовке отряда в 5 тыс. человек и транспортных средств для его перевозки в Константинополь по вызову посла.

Требование МИДа застало Морское министерство врасплох. Зафрахтованные осенью 1912 г. для подобной перевозки два транспорта «Добровольного флота» («Петербург» и «Херсон») были незадолго до этого отпущены. В ответ на телеграфный запрос начальника российского Морского генерального штаба А. А. Ливена: «Найдете ли возможным отправить 1000 человек?» – тотчас же, по просьбе посла в Константинополе, командующий морскими силами в Черном море адмирал А. А. Эбергард ответил: «В Одессе нет ни одного годного “Добровольца” для перевозки войск. Надлежит иметь в виду, что в указанном случае я могу двинуть лишь 750 человек на транспорте “Кронштадт”». Спустя две недели Ливен сообщил, что готов отправить отряд в 2 тыс. человек и еще 3 тыс. человек через 5–6 дней, что исключало всякую надежду на внезапность операции¹²⁵.

Полная материальная необеспеченность каких-либо активных действий побудила царских министров выступить в несвойственной им роли защитников Турции и турецкого обладания Проливами. Одновременно Сазонов предложил великим державам коллективное выступление в Константинополе и Софии с требованием: туркам – принять предложенную болгарам линию границы, а болгарам – приостановить дальнейшее наступление на Османскую столицу¹²⁶.

Для того чтобы Россия и Балканские государства не смогли решить проблему Проливов между собой, Англия и Франция добились согласия России на отправку в этот район международной эскадры¹²⁷. Грей в беседе с Бенкендорфом заметил, что Англия не станет возражать, если более заинтересованные державы примут необходимые меры¹²⁸. Этот шаг Грей предлагал предпринять и как профилактическую меру для предотвращения активных действий со стороны Австро-Венгрии. Формально согласившись, Сазонов делал все возможное, чтобы остановить Болгарию. Он обратился

¹²⁵ Шацлло К. Ф. Русский империализм и развитие флота. М., 1968. С. 102.

¹²⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1913. Д. 27. Л. 298.

¹²⁷ В. D. Vol. 9. P. 2. № 843 Sir G. Buchanan to Sir Edward Grey. Apr. 13. 1913; Материалы... Секретная телеграмма Извольского Сазонову 1 (14) апреля 1913 г. С. 359–360.

¹²⁸ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 1276. Оп. 9. Д. 288. Копия телеграммы Бенкендорфа от 3 (16) апреля 1913 г. Л. 6.

к болгарскому правительству с настоятельным требованием не предпринимать штурма Чаталджи. В порядке компенсации он обещал поддержать требование болгар военной контрибуции и гарантировал соблюдение сербско-болгарского договора 1912 г. о разграничении¹²⁹. 21 марта (3 апреля) 1913 г. российский и французский послы были приглашены к Грею, который долго излагал перед ними свой взгляд на создавшуюся обстановку. Глава Форин оффис пессимистически смотрел на успех предполагаемого коллективного демарша. Поэтому он намекал на необходимость более серьезных мер со стороны стран, особо заинтересованных в сохранении выработанных державами условий мира, добавив при этом, что эти действия не вызвали бы возражений Англии.

Бенкендорф прекрасно понял намек и напомнил о намерении России послать эскадру к Константинополю. Грей возразил ему, что этот шаг России не устранил всех опасностей, связанных с падением Константинополя¹³⁰.

Более определенно по этому поводу высказался Никольсон. Он заметил Бенкендорфу, что предотвратить падение Константинополя можно будет лишь военной силой и Россия является единственной державой, имеющей право прибегнуть к этой крайней мере. Никольсон при этом гарантировал согласие Англии на чрезвычайный шаг¹³¹. Когда Бенкендорф стал уточнять позицию Лондона в возможном конфликте, Грей заявил, что в отношении Проливов британский кабинет считает себя связанным обещанием, данным Извольскому в 1908 г., а статус Константинополя должна определить конференция всех держав¹³².

Такой ответ убедил Россию в нецелесообразности рискованных мероприятий. Царское правительство после всестороннего обсуждения британских предложений вынуждено было признать свою военную неподготовленность и отказаться от решения своей «исторической задачи»¹³³. 18 апреля (1 мая) 1913 г. Сазонов писал Извольскому в Париж: «Нас будет сближать с Турцией до известной степени общий интерес, заключающийся в том, чтобы Проливы не подпали под чужое владычество; у России нет оснований препятствовать туркам принять нужные меры против захвата Проливов и Константинополя»¹³⁴. «Опасаться чрезмерного усиления Турции после пережитого ею беспримерного поражения едва

¹²⁹ Материалы... Секретная телеграмма Извольского Сазонову 14 апреля 1913 г. С. 359–360.

¹³⁰ *Игнатъев А. В.* Русско-английская политика накануне Первой мировой войны (1908–1914). М., 1962. С. 165.

¹³¹ АВПРИ. Политархив. 1913 г. Д. 3705. Бенкендорф – Сазонову. 21 марта (3 апреля). Л. 385.

¹³² B. D. Vol. 9. P. 2. № 815. Sir Edward Grey to Sir G. Buchanan. Apr. 7. 1913.

¹³³ *Игнатъев А. В.* Указ. соч. С. 165–166.

¹³⁴ Красный архив. 1924. Т. 6. Письмо Сазонова Извольскому. 18 апреля (1 мая) 1913 г. С. 63.

ли приходится, – рассуждал Сазонов. – До тех пор, пока Россия не будет готова поставить вопрос о Проливах, опасно и преждевременно было бы говорить о сокращении средств обороны и без того слабой Турции...¹³⁵ Если оборона Константинополя и Проливов в настоящее время не будет достаточно оборудована, то обстоятельство это, вместо того чтобы отвечать нашим интересам, может служить опасным соблазном для болгар». Вызывала опасения Сазонова и сама перспектива слишком связать туркам свободу действий: «Россия может извлечь более выгод из прямых и непосредственных отношений со свободной Турцией, чем связав ее подчинением европейскому контролю»¹³⁶. Мнение министра иностранных дел полностью разделял и Сухомлинов, приветствовавший меры Турции по укреплению сухопутной обороны Проливов от Болгарии. Не забывая конечной цели царской России, военный министр выступал за активизацию мер по подготовке Босфорской экспедиции, за готовность к осуществлению десантной операции на берегах Босфора, которая служила бы гарантией благоприятного разрешения вопроса о Проливах, «когда наступит для сего время»¹³⁷.

С Сазоновым и Сухомлиновым был солидарен и Григорович, который тоже считал, что до тех пор, пока Россия не создала на юге необходимых сил для превращения Босфора и Дарданелл в «свое достояние», важно, чтобы «соответственное время Турция была достаточно сильна на европейском берегу, дабы не пустить к Константинополю и Дарданеллам Болгарию»¹³⁸. Но в то же время для России очень важно, чтобы Турция еще долго не имела денег на покупку или постройку за границей военных судов и чтобы «она вообще не развивалась на море», заключил морской министр.

На тот момент проблема Проливов представлялась Франции в несколько ином виде. 24 апреля (7 мая) Извольский писал Сазонову, что французское правительство и банкиры крайне обеспокоены положением Турции. Российский посол также информировал Сазонова о том, что Грей предложил сохранить султана в Константинополе посредством установления международного контроля над страной (с ограничением расходов и вооружений в Азиатской Турции), ибо предвидимая уже «ликвидация этого государства может (в отличие от ликвидации Европейской Турции) привести к столкновениям, не поддающимся учету»¹³⁹. Однако Грей не сказал ни слова о том, как этот контроль может отразиться на режиме Проливов и на будущей судьбе Константинополя. В письме Бенкендорфу от 1 (14) мая

¹³⁵ Письмо Сазонова Извольскому. 18 апреля (1 мая) 1913 г. С. 63

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же. С. 64.

¹³⁹ Константинополь и Проливы... С. 54.

Сазонов назвал программу Грея очень соблазнительной, поскольку дело идет об ограничении военных расходов Турции, но поставил обойденный Извольским вопрос: «Если турецкие вооружения будут ограничены, – где гарантия, что Константинополь и Проливы будут действительным образом защищены?» Согласно новому территориальному разделу, граница между Турцией и Болгарией будет весьма длинной, поэтому Османской империи придется приложить величайшие усилия, чтобы быть в состоянии защитить столицу.

«Когда мы ставим этот вопрос, – продолжает не без юмора Сазонов, – это, конечно, повергнет в изумление тех, кто подозревает Россию в завоевательных планах. Мы, конечно, не хотим предупреждать будущее, но не можем не заметить, что, если оборона Константинополя и Проливов в решающий момент не будет достаточно обеспечена, это обстоятельство явится лишь опасным искушением для болгар»¹⁴⁰. Далее Сазонов углубился в противоречивые рассуждения: «Мы не станем мешать Турции принимать меры, необходимые для того, чтобы отразить нападение на Константинополь и Проливы, но, с другой стороны, мы не должны опасаться слишком значительного усиления Турции после того, как только что она понесла беспрецедентное поражение. Итак, как вопрос о Проливах влечет за собою целый ряд других проблем, разрешение которых требует планомерной подготовки, то было бы опасно и преждевременно теперь же, до того как вся эта программа разработана, говорить об уменьшении оборонительных средств слабой самой по себе Турции»¹⁴¹.

Затем Сазонов перешел к критике британского проекта по существу: «Если цель международного контроля будет достигнута, то есть финансы Турции придут в порядок, то ничто не помешает ей усилиться и в военном отношении; если же этого не случится, то международный контроль приведет к гегемонии какой-либо одной державы и, во всяком случае, к борьбе между конкурирующими державами»¹⁴². У министра иностранных дел появляется невольное опасение, что «учреждением европейского контроля свобода действий России в отношении Турции будет слишком ограничена. События складываются таким образом, что мы, не увлекаясь несбыточными утопиями, можем считаться с возможностью установить с Турцией лучшие отношения, чем это было до сих пор».

Сазонов сделал вывод, что турки придут к осознанию того, что наилучшим средством против Болгарии является использование ими того влияния, которым Россия располагает в Софии. Турция должна отдавать себе отчет в том, что Константинополь и Проливы находятся под сильной угрозой в

¹⁴⁰ Константинополь и Проливы... С. 54.

¹⁴¹ Там же. С. 55

¹⁴² Там же.

будущем. Эта опасность в глазах турок будет перевешивать их традиционное недоверие к России; наш, до известной степени, общий интерес – предотвратить переход Проливов во владение другой державы – сблизит нас с Турцией. За Болгарию Сазонов спокоен. «Последняя знает очень хорошо, что Проливы принадлежат к неоспоримой сфере интересов России и что в этом направлении с нашей стороны не может быть никаких колебаний и уступок»¹⁴³. Эту точку зрения Сазонова решительно поддержал посол России в Константинополе Гирс, телеграфировавший министру 10 (23) мая, «что хотя лично он уверен в близком и окончательном крушении Турции, но сами турки отнюдь не расположены подчиниться кондоминиуму европейских держав и найдут опору в некоторых из них (в Германии, конечно)», а с русской точки зрения «введение международного элемента в наши до сих пор прямые отношения с Турцией может только затруднить и отдалить осуществление нашего исторического стремления овладеть Проливами»¹⁴⁴. Османская империя не является крупным рынком сбыта для российской торговли, поэтому наиболее выгодным для России было бы, если бы в Турции в достаточной степени восстановился порядок для обеспечения личной и имущественной безопасности жителей, без различия религии и национальности.

Подобно тому, как Англия добивалась в прежние годы усиления оборонительных средств Константинополя и Проливов против России, так теперь русское правительство было озабочено способностью Турции противостоять нападению болгар. Сазонов опасался «преждевременной» постановки вопроса о Проливах, но за будущее он был спокоен: чрезмерного усиления Турции он не боялся. По его мнению, времени было достаточно, чтобы планомерно подготовить разрешение проблем, связанных с вопросом о Проливах, но надо только позаботиться, чтобы «больной человек» протянул до нужного момента, чтобы он был даже в состоянии защищаться против случайных претендентов на его имущество в ожидании, когда оно будет взято у него «законным наследником»¹⁴⁵.

Сазонов не отвергал как утопическую саму возможность сближения Турции с царской Россией на почве «совместной» защиты Проливов. Он твердо верил в нее и собирался сделать целью своей политики. «Очевидно, в течение подготовительного периода, нужного для разработки известной программы, наилучшая комбинация – это русофильская ориентация турецкого правительства»¹⁴⁶. Однако в действительности в тот момент

¹⁴³ Константинополь и Проливы... С. 55.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же. С. 56.

¹⁴⁶ Там же.

невозможно было разработать программу, которая склонила бы Османскую империю на сторону России.

Пока российский министр предавался умозрительным размышлениям, в Лондоне посчитали, что настало время заключить мир на Балканах. Как заметил помощник статс-секретаря Министерства иностранных дел Эйр Кроу, «все положение Англии в мире зиждется в значительной степени на уверенности, что по меньшей мере в вопросах, не затрагивающих ее собственные жизненные интересы, она решает вопрос строго по существу, в соответствии с общепринятыми нормами добра и зла»¹⁴⁷.

13 (26) мая 1913 г. Грей пригласил в свою резиденцию поочередно все делегации воюющих стран и заявил им в категорической форме, что великие державы вновь настаивают на подписании мирного договора в таком виде, в каком он существует. Согласно ему Турция теряла все свои европейские владения, за исключением Константинополя и небольшой территории к западу от него до линии Энес-Мидье. Османская империя также уступала союзникам остров Крит и отказывалась от прав на владение другими островами Эгейского моря. Вопросы о границах и внутреннем устройстве Албании и об участии Эгейских островов передавались на рассмотрение великих держав.

Британский министр напомнил всем делегатам, что английское правительство, предоставляя Лондон для мирных переговоров, желало им счастливого прибытия в британскую столицу и успешной работы. Поэтому делегаты воюющих сторон не должны злоупотреблять гостеприимством, а подписать мирный договор или покинуть Лондон. Подписание договора состоялось в Сент-Джеймском дворце, где и проходила конференция.

17 (30) мая к 11 часам все прибыли во дворец. Грей прочитал на французском языке речь, после чего делегаты в алфавитном порядке подходили к столу и подписывали заготовленный в Форин оффис текст¹⁴⁸. Так завершилась Первая Балканская война.

В Лондонском договоре не говорилось о том, как союзникам следовало разделить плоды своих побед. Территориальная проблема не была окончательно решена в сербско-болгарском и болгаро-греческом договорах. Как писал «Современник»: «Именно завоевание Фракии с Адрианополем, давшее Болгарии гораздо больше, чем она рассчитывала в начале войны, усилило аппетиты Сербии и Греции и дало им формальное основание предъявить к болгарам требование, далеко выходящее за пределы их собственных первоначальных планов и договоров»¹⁴⁹.

¹⁴⁷ *Тэйлор А.* Указ. соч. С. 498.

¹⁴⁸ *Аветян А. С.* Указ соч. С. 203; *Gibbons H. A.* The new map of Asia. 1900–1919. N. Y., 1919. P. 159.

¹⁴⁹ *Современник.* 1913. № 8. С. 316.

Правящие круги Балканских государств, руководствуясь своими экспансионистскими устремлениями, вели друг с другом ожесточенную полемику по вопросу о разделе захваченных территорий. Особенно острой была борьба между Болгарией и Сербией при разделе Македонии. Сербия требовала выхода к Эгейскому морю, против чего возражала Болгария. Попытка России взять на себя роль арбитра, как это было предусмотрено в сербско-болгарском договоре, потерпела неудачу из-за сопротивления Сербии.

Болгаро-греческие отношения обострились из-за Салоник. Болгария претендовала на этот город, который был занят в ходе войны греческой армией. Притязания греков на некоторые другие города, которые болгары считали принадлежащими им, также послужили причиной обострения болгаро-греческих отношений.

Положение осложнялось и тем, что Румыния, которая в ходе войны балканских союзников с Турцией придерживалась нейтралитета, стала требовать компенсации. Она стремилась присоединить к себе Добруджу, принадлежавшую Болгарии. Таким образом, между Болгарией, с одной стороны, и Сербией, Грецией и Румынией – с другой, назревал конфликт. Германские и австро-венгерские дипломаты играли важную роль в углублении разногласий между балканскими союзниками. Осложнению ситуации всячески содействовали болгарский царь Фердинанд и его шовинистическая клика.

Россия стремилась предотвратить вторую Балканскую войну, которая явилась бы крушением Балканского союза и могла перерасти в общеевропейскую войну. Британские правящие круги не поддержали Россию. Грей заявил, что «в действительности только Россия и Австрия могут действовать эффективно, а если это не удастся, то единственной почвой для международного соглашения является политика невмешательства»¹⁵⁰.

«The Manchester Guardian» (Манчестер Гардиан) писала 11 (24) июня 1913 г.: «Сэр Э. Грей заслуживает большего почета за свою плодотворную борьбу за мир».

Вторая Балканская война

Противоречия между союзниками по балканскому блоку привели к военному столкновению Сербии, Греции, Черногории и Румынии с Болгарией, против которой позже выступила и Турция. Как писал Г. Хальгартен, «российская дипломатия хотела предотвратить распад

¹⁵⁰ B. D. Vol. 9. P. 2. № 1035. Sir E. Grey to Mr. O'Bernie. June 9. 1913. P. 835–836; Gibbons H. A. The new map of Europe. N. Y., 1926. P. 316–318.

большого балканского блока, который должен был оказывать давление одновременно и на центральные державы, и на Турцию в интересах южно-русского экспорта зерна и русской политики в отношении Проливов»¹⁵¹. Однако попытка России предотвратить новую войну не удалась.

Поощряемая Австро-Венгрией, шовинистическая правящая клика Болгарии 29 июня (12 июля) 1913 г. начала военные действия против своих бывших союзников, но потерпела сокрушительное поражение. В числе победителей оказалась и Румыния, также вступившая в войну с Болгарией. «Немцы всегда говорили Берхтольду, – отмечал А. Тэйлор, – что ему следует подождать, пока Сербия и Болгария не поссорятся; он со своей стороны всегда настойчиво утверждал, что не допустит нового расширения Сербии»¹⁵².

Сложившейся ситуацией воспользовалась Османская империя. Продвижение турецкой армии на запад и занятие ею Адрианополя 20 июля (2 августа) 1913 г. вызвало сильную тревогу в Петербурге. Российское правительство настаивало на применении коллективных мер принуждения против Турции с целью заставить ее соблюдать принятые ранее решения¹⁵³. Прежде всего Петербург требовал вывода турецких войск из Адрианополя. Русская дипломатия высказалась за сохранение этого города за Болгарией, ослабленной поражением и уже не представлявшей угрозы для Проливов. Усиление Турции не отвечало интересам России. Петербург пытался добиться вывода турецких войск из Адрианополя, выдвинув предложение о морской демонстрации. Если российский посол в Константинополе Гирс считал, что настал момент для проведения военной демонстрации на кавказской границе, то Сазонов предпочитал угрожать туркам от лица всей Европы¹⁵⁴. 23 июля (5 августа) Сазонов ввиду отказа держав Тройственного союза провести морскую демонстрацию против Стамбула предложил осуществить ее силами держав Антанты. «Чтобы добиться поставленных нами целей – принудить турок выполнить обязательство Лондонского мирного договора и, очистив Адрианополь, вернуться за линию Энес-Мидье, – писал Сазонов, – было вполне достаточно морской демонстрации Держав Тройственного согласия в Турецких водах»¹⁵⁵.

Британское и французское правительства отвергли это предложение. Они уклонились и от принятия его требований о финансовом бойкоте Турции. Пишон заметил, что меры финансового давления не будут иметь

¹⁵¹ Хальсгартен Г. Указ. соч. С. 608.

¹⁵² Тэйлор А. Указ. соч. С. 500.

¹⁵³ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 118; Россия и Черноморские проливы... С. 291–292; Gibbons H. A. The new map of Europe. N. Y., 1926. P. 325.

¹⁵⁴ Константинополь и Проливы... С. 57.

¹⁵⁵ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 118.

эффекта, ибо, при отсутствии единодушия между всеми державами, Турция всегда найдет какие-то деньги. На словах Франция поддерживала Россию, а на деле – продолжала осуществлять финансовую помощь Порте. Не помогло и предупреждение, переданное Извольским: «...Если со стороны Франции нам не будет оказана достаточная поддержка в настоящем вопросе, затрагивающем наше достоинство и наши исторические традиции, это может самым вредным образом отразиться на будущности франко-русского союза». Перед финансовыми интересами Франции в Турции оказался бессилён и этот аргумент¹⁵⁶. Сазонов заявил с горечью: «Именно Франция предоставила в распоряжение Турции средства, которые позволили ей отвоевать Адрианополь»¹⁵⁷. Не желая быть виновным в нарушении европейского равновесия, Париж согласился на морскую демонстрацию при условии участия в ней всех великих держав, что было равносильно отказу из-за сопротивления Тройственного союза.

Тогда российская дипломатия стала намекать партнерам на возможность единоличных мер принуждения в отношении Турции со стороны России, например временной оккупации некоторых азиатских городов. В этой связи Грей сказал германскому послу в Лондоне, что переход турок через Марицу меняет ситуацию и, если Россия предпримет какие-либо санкции, Лондон не станет препятствовать, ибо считает ее поведение оправданным¹⁵⁸. Таким образом, английская дипломатия фактически не только не стала возражать против предложенных Россией мер, но и поощряла ее на более решительные действия. Британским правящим кругам было хорошо известно, что Германия не останется пассивной при выступлении России против Турции. Австро-Венгрия также вмешается в конфликт, который из балканского может превратиться в общеевропейский. Однако и на этот раз дала о себе знать неподготовленность России к большой войне. Убедившись в том, что остался в одиночестве, Петербург отступил, сняв свое требование сохранить Адрианополь за Болгарией.

Во время Второй Балканской войны снова встал вопрос о помощи России Сербии. 9 (22) июля 1913 г. в «Правительственном вестнике» было опубликовано официальное сообщение, в котором российское Министерство иностранных дел опровергало известие о его особых симпатиях к Сербии и утверждало следующее: «Россия, как, впрочем, и все другие державы, не может допустить чрезмерного умаления и унижения Болгарии. Не преследуя никаких иных целей, кроме скорейшего умиротворения на Балканах, Россия уверена, что все великие державы разделяют в этом отношении одинаковые взгляды. Обстоятельство это дает основание

¹⁵⁶ Материалы... Письмо Извольского Сазонову. 17 (30) июля 1913 г. С. 401–402.

¹⁵⁷ В. D. Vol. 9. P. 2. № 1228. Buchanan–Grey. 9 Aug. 1913. P. 745.

¹⁵⁸ Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 173.

полагать, что и в вопросе о выступлении Турции державы найдут способы и средства заставить уважать принятые ими решения»¹⁵⁹.

Поведение царской дипломатии во время военных действий на Балканах отличалось большой осторожностью. Россия избегала самостоятельных шагов, предпочитая совместные с другими державами выступления. Она не пыталась использовать ситуацию, для того чтобы изменить режим Черноморских проливов, несмотря на энергичный нажим определенных сил внутри страны.

К середине 1913 г. все ее устремления в отношении Проливов были направлены на сохранение статус-кво, чтобы оттянуть решение судьбы Проливов до того момента, когда царизм будет располагать для этого соответствующими возможностями. До этого времени необходимо было уберечь Босфор и Дарданеллы от захвата какой-либо иной державой.

Политика эта страдала весьма существенным недостатком: ее проведение зависело не столько от усмотрения царской дипломатии, сколько от согласия других империалистических держав, которые не собирались ждать, пока царизм наберется сил. Понимая это, российские министры и военная верхушка приступили к интенсивной разработке планов по развитию вооруженных сил на юге страны и по созданию условий для осуществления Босфорской экспедиции.

В июле 1913 г. состоялся ряд встреч ответственных чиновников МИД с офицерами морского Генерального штаба для выработки совместного доклада царю «О цели отечества на ближайшие годы, которая должна лечь в основание всей нашей военной подготовки на море в ближайшие годы»¹⁶⁰. В разработанном Морским генеральным штабом проекте отмечалось, что Министерством иностранных дел «определенно, вплоть до конечного решения задачи, нерушимо принимается для всех дипломатических усилий России следующая политическая цель: в ближайшие годы – 1918–1919 – овладеть Босфором и Дарданеллами». Морское министерство, преследуя эту же цель, должно выполнить ряд конкретных мер, среди которых на одно из первых мест ставилась «подготовка в Черном море десантной операции для оккупации берегов Босфора и Дарданелл»¹⁶¹.

Военный агент в Турции генерал-майор М. Леонтьев доносил 17 (30) июля 1913 г. генерал-квартирмейстеру Генерального штаба:

«Вся масса вооруженных сил Турции сосредоточена на европейском театре. Малоазиатское побережье почти оголено. Десантные операции на

¹⁵⁹ Цит. по: *Водовозов В.* Балканская война и Россия / Современник. 1913. № 11. С. 269.

¹⁶⁰ Красный архив. 1924. № 6. Проект высочайшего доклада по вопросу о Проливах капитана 2-го ранга Морского генерального штаба Немитца. 10 (23) июля 1913 г. С. 66.

¹⁶¹ Там же.

любом пункте малоазиатского побережья не встретят сейчас серьезного сопротивления. В совершенно ином положении находится европейское побережье Черного моря. Здесь турки располагают большими силами, которые могут быть сосредоточены к угрожаемому пункту в короткий срок. Что касается занятия какого-либо пункта в непосредственной близости от Константинополя, то полагаю, что оно может иметь место только в том случае, если мы готовы довести дело до конца, то есть до занятия Константинополя. Такая операция должна быть исполнена большими вооруженными силами и со всей доступной энергией, не считаясь с возможными последствиями в международном отношении. Иначе она может легко кончиться неудачей или оказаться безрезультатной по отношению к общей поставленной цели, и притом без какой-либо пользы лично для нас.

На случай содействия нам с суши со стороны болгар, а может быть и ее теперешних врагов – Румынии, Сербии и Греции, обстановка на Черноморском побережье резко изменится, действия со стороны моря бесконечно облегчатся в любом направлении»¹⁶². Генерал также рассматривает случай, если флотам всех держав удастся объединиться: «Тогда, казалось бы, одной блокады русских флотов со стороны Черного моря и международной (английской) со стороны Эгейского в связи с перерывом между азиатскими и европейскими побережьями Мраморного моря оказалось бы достаточно для принуждения Турции к исполнению воли держав»¹⁶³.

«Полагаю, что находящиеся сейчас на Босфоре суда великих держав обладают достаточной силой, чтобы выполнить эту задачу. Такое бескровное выступление, направленное в самое чувствительное место страны, и притом в момент, когда обстоятельства требуют непрерывного подвоза разного рода запасов на территорию европейской Турции, могло бы достигнуть желаемого результата в самый короткий срок, может быть всего несколько дней»¹⁶⁴.

28 июля (10 августа) 1913 г. российскому послу в Константинополе было передано письмо от военного агента в Турции, касающееся высадки десанта. «Необходимо провести высадку десанта внезапно, то есть со скоростью, близкой к внезапной. Турки уже осведомлены о занятой нами политической позиции. Судя по принимаемым ими сейчас мерам предосторожности в Босфоре: крейсирование миноносцев, дежурство минных заградителей у входа в море, непрерывная работа прожекторных станций, ночные стрельбы и т.п. – можно думать, что они считают наше морское выступление вероятным, но только точно не представляют место удара.

¹⁶² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7412. Военный агент в Турции – генерал-квартирмейстеру Генерального штаба. 17 (30) июля 1913 г. Л. 5.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же.

Это требование внезапности вносит пожелания, чтобы уход наших судов с Босфора был произведен только в самый последний момент, перед началом высадки десанта, если же бояться атаки их стоящими вблизи турецкими миноносцами, так не в интересах Турции начинать с нами войну»¹⁶⁵.

5 августа 1913 г. германское правительство высказало предположение о том, что Турция могла бы уступить Адрианополь, если бы державы предоставили ей некоторые преимущества: 1) граница устанавливается западнее линии Энес-Мидье; 2) освободить от всякого возмещения долгов; 3) увеличить таможенные пошлины на 4%; 4) религиозный турецкий представитель в Адрианополе; 5) пересмотр режима капитуляций; 6) гарантии тех островов, которые Италия обязалась вернуть Турции согласно Лондонскому договору¹⁶⁶.

Британское правительство, конечно, не могло согласиться с рядом важных моментов, которые самым серьезным образом затрагивали его интересы в Турции, таких как режим капитуляций, Эгейские острова и таможенные пошлины – без какой-либо компенсации. Поэтому Грей высказал германскому послу в Лондоне мнение, что эти условия могут послужить лишь хорошей базой для переговоров с Турцией. Тем не менее руководитель Форин оффис полагал, что было бы трудно принудить Турцию отступить в вопросе об Адрианополе, пока Балканские страны находятся в состоянии войны. Поэтому, заключил Грей, наилучшее время для обсуждения этого вопроса наступит после того, как державы переработают условия, составленные Балканскими государствами¹⁶⁷.

Между тем, узнав о решимости турецкого правительства ни при каких обстоятельствах не уступать Адрианополь, Германия отказалась от своего предложения. Перед державами по-прежнему стоял вопрос о мерах, способных принудить Турцию соблюдать условия Лондонского мирного договора. 7 (20) августа 1913 г. великие державы произвели коллективный демарш в Константинополе, требуя от Турции уважения Лондонского договора. Османская империя выразила намерение сохранить Адрианополь за собой.

Между тем в ходе второй Балканской войны Болгария потерпела поражение. Со стороны Австро-Венгрии София не получила поддержки из-за отрицательного отношения к этому Германии и Италии. Окруженная со всех сторон, она вынуждена была запросить мира. 30 июля (12 августа) 1913 г. в Бухаресте открылись мирные переговоры. Конференция в румынской столице стала объектом острой борьбы между великими державами за

¹⁶⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7412. Военный агент в Турции – генерал-квартирмейстеру Генерального штаба. 21 августа 1913 г.

¹⁶⁶ B. D. Vol. 9. P. 2. № 1203. Sir E. Grey to Lord Granville. Aug. 5. 1913. P. 956–957.

¹⁶⁷ Ibid; *Kennedy A. L. Op. cit. P. 200; Mowat R. W. Op. cit. P. 321–323.*

привлечение в свой лагерь Балканских стран. Россия пыталась использовать разочарование Болгарии в позиции Австро-Венгрии с целью привлечь ее на сторону Антанты и поэтому стремилась уменьшить территориальные потери Софии. Германская дипломатия неожиданно выдвинула предложение по средству воздействия на них в вопросе об Адрианополе. Германия предложила вознаградить турок смягчением режима капитуляций, если только они согласятся отказаться от этого города. Сазонов, противник всяких уступок Стамбулу, продолжал требовать Адрианополь в пользу Болгарии, но так как Турция отвечала на это категорическим отказом, то болгарам такая позиция России ничего не давала.

Столь же безуспешными оказались выступления Сазонова в поддержку Болгарии и при решении вопроса о Кавале. Россия и Австро-Венгрия, стремясь завоевать симпатии Софии, предложили отдать македонский порт Кавалу Болгарии. Франция и Германия выступали за то, чтобы он достался Греции. Британия, обладавшая сильными позициями в Греции, была на стороне Франции. В конце концов вопрос об этом портовом городе был решен в пользу Греции.

«Лондонский кабинет оставался нейтральным в этом вопросе, – писал Сазонов, – а русское правительство, хотя и не изменило своего мнения, не сочло нужным выяснять этот вопрос и затягивать переговоры и отсрочивать заключение желанного мира»¹⁶⁸. «Россия потеряла свой престиж на Балканском полуострове и в особенности в Болгарии, – писала отечественная печать, – вот одно из наименьших последствий двух последних войн на Балканском полуострове»¹⁶⁹. 10 (23) августа 1913 г. в Бухаресте был подписан мирный договор между Болгарией, с одной стороны, Грецией, Черногорией, Румынией и Сербией – с другой. По этому договору Болгария потеряла в пользу Сербии и Греции значительную часть завоеванных у Турции территорий, а также часть своих исконных земель – Южную Добруджу, отошедшую к Румынии. 29 сентября (12 октября) 1913 г. Болгария и Турция подписали Константинопольский мирный договор, в соответствии с которым София утратила Восточную Фракию.

Бухарестский мирный договор не положил конец ни борьбе между Балканскими государствами за приобретение новых территорий, ни соперничеству между европейскими державами за сферы влияния на Балканах и Ближнем Востоке вообще. В ходе Балканских войн сталкивались интересы всех великих европейских держав. Итоги Балканских войн были далеко не в пользу прочного мира не только на Балканах, но и во всей Европе. Между тем правящие круги Британии хорошо осознавали скрывавшуюся

¹⁶⁸ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 120.

¹⁶⁹ Водовозов В. Балканская война и Россия // Современный мир. 1913. № 11. С. 265.

в Бухарестском договоре угрозу. Грей писал: «Никакой мир не возможен на Балканах, пока остается в силе Бухарестский договор»¹⁷⁰. Не случайно, что Первая мировая война началась именно на Балканах.

В результате Балканских войн Турция утратила все европейские владения, за исключением Адрианополя и Константинополя с небольшой территорией, прилегающей к нему. Не в пользу держав Тройственного союза был тот факт, что в результате этих войн Сербия – давняя противница Австро-Венгрии – заметно усилилась. Румыния, которая в течение долгих лет была связана с Австро-Венгрией и Германией союзным договором, стала отходить от Тройственного союза и ориентироваться на державы Антанты.

Балканские войны способствовали еще большему обострению русско-австрийских противоречий и продемонстрировали активную поддержку Германией австрийской экспансии на Балканах. Однако они выявили и известную несогласованность позиций стран Тройственного согласия. В случае общеевропейской войны Россия полностью полагалась на Францию, но считала союз с Британией «далеко не обеспеченным» и поэтому стремилась превратить Антанту в сплоченный военно-политический блок. «Сдерживающее воздействие Германии на Австро-Венгрию и, соответственно, Великобритании на Россию предотвратило перерастание Балканских войн в европейскую, а затем и в мировую войну... Балканы продолжали оставаться средоточием империалистических противоречий великих держав и межнациональных конфликтов. Это превращало полуостров в “пороховой погреб Европы”»¹⁷¹.

Балканские войны еще более углубили противоречия между двумя империалистическими блоками, на которые разделилась Европа.

¹⁷⁰ *Grey of Fallodon*. Op. cit. P. 91; *Gibbons H. A.* The new map of Europe. N. Y., 1926. P. 343; *Douglas J.* Britain and Europe 1900–1914. L., 1941. P. 43.

¹⁷¹ *Туполев Б. М.* Указ. соч. С. 44.

Глава V

Миссия Лимана фон Сандерса в Константинополе и позиция стран Антанты

В результате Балканских войн 1912–1913 гг. произошло значительное ослабление Турции. После серьезных поражений в Первой Балканской войне в Османской империи укрепилось мнение о необходимости реорганизации турецкой армии, чтобы оградить страну от дальнейших территориальных утрат.

Воспользовавшись создавшимся в Турции положением, Германия предприняла ряд мер по укреплению своего влияния в этой стране. Самой важной из них явилась отправка на берега Босфора осенью 1913 г. германской военной миссии во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом. Пришедшие к власти младотурки, ориентировавшиеся на Германию, содействовали усилению германских позиций в Константинополе (Стамбуле).

«Укрепление позиции младотурок в результате младотурецкой революции в январе 1913 г., как и следовало ожидать, вполне соответствовало как интересам германской военщины на берегах Босфора, так и германской военной промышленности»¹, – писал Г. Хальгартен.

Конфликт, возникший между Россией и Германией вокруг назначения германского генерала Лимана фон Сандерса командующим армейским корпусом, расквартированным в Константинополе, был последним серьезным дипломатическим кризисом кануна Первой мировой войны 1914–1918 гг. Этот конфликт еще раз показал глубокие противоречия, существовавшие между Тройственным союзом и Тройственным согласием, напряженную борьбу великих держав за влияние в Турции, за господство над Проливами.

Направление Лимана фон Сандерса в Константинополь не было случайным эпизодом в германской политике на Ближнем Востоке. Военное проникновение Германии в Турцию активно осуществлялось еще в конце

¹ Хальгартен Г. Империализм до 1914 г. М., 1961. См. раздел: «Значение германо-турецкой сделки по вопросам вооружений в возникновении мировой войны. Миссия Лимана фон Сандерса». С. 623.

XIX в. В 1882 г. Берлин командировал в Константинополь специальную военную миссию во главе с генералом К. фон дер Гольцем, которая находилась там до 1895 г. В 1909–1912 гг. в Османской империи снова работала военная миссия, возглавлявшаяся тем же фон дер Гольцем. На эту миссию возлагались функции обучения, подготовки и реорганизации турецкой армии. В обмен за это германское правительство потребовало от Турции передачи всех заказов на перевооружение турецкой армии германским военным фирмам вместо французских².

В обстановке назревания большой войны миссия Лимана фон Сандерса имела для германских правящих кругов большое значение. Дело отнюдь не ограничивалось Стамбулом и районом Черноморских проливов. «Важнейшая задача миссии Лимана фон Сандерса, – писал А. С. Силин, – заключалась в установлении полного контроля над вооруженными силами Турции, в реорганизации и обучении турецкой армии в немецком духе и по немецкому образцу, – чтобы в кратчайший срок подготовить Османскую империю к роли полноценного военного союзника и одновременно превратить ее в орудие, послушное воле и интересам Германии»³.

Переговоры об отправке германской военной миссии в Турцию велись с начала 1913 г. Однако правящие круги Германии ждали окончания балканских событий и получения согласия на направление миссии со стороны других великих держав. Весной 1913 г. на бракосочетании дочери Вильгельма II в Берлине присутствовали Николай II и британский король Георг V. В беседах с ними германскому императору представилась возможность вскользь затронуть вопрос о своем намерении отправить в Турцию новую военную миссию. Решив, что речь идет о продолжении деятельности в духе миссии фон дер Гольца, Николай II не возражал против нее. Георг V ответил Вильгельму II, что турки у Великобритании просят людей для организации полиции и жандармерии, и вполне естественно, что они обращаются к Германии с просьбой об отправке немецких офицеров для реорганизации армии⁴.

Германский император, скрывая от британского и русского монархов широкие полномочия, которыми собиралась воспользоваться новая военная миссия в Турции, практически обманым путем добился их согласия. Б. Бюлов в своих мемуарах признавал: «Посылка генерала Лимана фон Сандерса, после того, что говорилось русскому послу берлинским ведомством иностранных дел, состоялась по непосредственному распоряжению импера-

² Айрапетян М. Э. Вторая Балканская война и ее последствия // Могилевич А. А., Айрапетян М. Э. На путях к мировой войне. 1914–1918. М., 1940. С. 213.

³ Силин А. С. Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке. М., 1976. С. 218.

⁴ B. D. Vol. 10. P. 1. № 458. Sir C. Buchanan to Sir Edward Grey. Jan. 5. 1914. P. 409.

тора и была осуществлена военным кабинетом без предварительного запроса иностранного ведомства»⁵.

Назначение Лимана фон Сандерса командиром 1-го турецкого армейского корпуса, расположенного на Босфоре, предоставляло Германии возможность установить контроль как над турецкой столицей, так и над Проливами. Перед отправкой миссии Вильгельм II выразил свое мнение о задачах этой миссии.

«Конечную задачу миссии составляет:

а) германизация турецкой армии путем направления и непосредственного контроля организационной деятельности турецкого военного министерства.

б) внимательное наблюдение и строгий контроль за политикой других держав в Турции.

в) поддержание и развитие турецкого военного могущества в Малой Азии до степени, достаточной для того, чтобы служить противовесом агрессивным направлениям России»⁶. Согласно германским планам, «работа миссии должна быть вообще малозаметна, в особенности в настоящее время, когда деятельность миссии не приобрела значения факта свершившегося. Неблагоприятные политические условия, созданные враждебным отношением к миссии большинства держав европейского материка, не должны служить препятствием работ, так как успех ее обеспечен испытанными выдающимися служебными качествами ее личного состава»⁷.

Генералу Сандерсу был выдан в Берлине 1 млн марок и предоставлено право расходования этих денег по его усмотрению. Кроме того, Сандерсу вручили 50 указов, подписанных императором, о награждении орденами. В этих бланках не были указаны имена и звания награждаемых лиц, что давало Сандерсу возможность в нужный момент воспользоваться этими документами⁸.

Во время прощальной аудиенции перед отправкой в Константинополь кайзер дал Сандерсу следующие указания: «Вас не должно ни в какой степени касаться, кто будет находиться у власти – младотурки или старотурки. Вы должны иметь дело только с армией. Изгоните политику из турецкого офицерского корпуса. Вмешательство в политику – это их величайшая ошибка. В Константинополе вы встретитесь с адмиралом Лимпусом, который стоит во главе английской морской миссии. Сохраняйте с ним

⁵ Бюлов Б. Воспоминания. М., 1935. С. 421–422.

⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2870. Донесение начальника Киевского военного округа начальнику Генерального штаба. 27 декабря (9 января) 1914 г. Л. 18.

⁷ Там же.

⁸ Аветян А. С. Германский империализм на Ближнем Востоке. М., 1966. С. 65.

хорошие отношения. Он работает во флоте, а вы в армии. Каждый из вас имеет свой отдельный круг деятельности»⁹.

Б. Бюлов в воспоминаниях писал, что «германское правительство послало в Константинополь одного из самых лучших германских офицеров, генерала Лимана фон Сандерса, и не инструктором, а командиром расположенного в Дарданеллах турецкого армейского корпуса. Это означало наступить своему другу [Николаю II] на его самую чувствительную мозоль»¹⁰.

В ноябре 1913 г. в Петербурге стало известно, что Германия подписала с правительством Турции договор об отправке военной миссии в Константинополь численностью в 41 человек. Генерал Лиман должен был стать командующим 1-м корпусом, расположенным в Константинополе, в районе, прилегающем к Босфору и Дарданеллам. Ему должны были подчиняться все военные школы, во главе которых турецкое правительство намеревалось поставить германских инструкторов, а также немецкие советники в турецком Генеральном штабе, назначенные из числа прибывших с генералом Лиманом германских офицеров¹¹. Интересам России в Черноморских проливах наносился серьезный удар. «Действительно, работа германской военной миссии, – пишет Б. М. Туполев, – была сосредоточена на Черноморских проливах с их укреплениями и на Восточной Анатолии. Посредством географических съемок и разведки местности она должна была быть подготовлена для развертывания войны против России»¹². Усиленное проникновение Германии на Ближний Восток и без того причиняло России немало хлопот. Но теперь, когда Германия открыто намеревалась расположиться в Константинополе и захватить в свои руки военный контроль над Проливами, в Петербурге не на шутку встревожились. Российские империалисты, стремившиеся отнять Константинополь, а также Армению у Турции, не могли примириться даже с мыслью о том, что Германия займет преобладающие позиции в районе Проливов. «В Петербурге известие о назначении Лимана было принято как фактическое отрицание каких-либо преимущественных прав и интересов России в Проливах, как непосредственная угроза этим интересам в настоящем и всем планам и расчетам в отношении будущего», – писал Е. А. Адамов¹³.

Борьба за новые рынки сбыта, территории, за «ключ от дверей» объединяла самодержавие и буржуазию. Став твердой ногой в Проливах, Россия

⁹ Фей С. Происхождение мировой войны. М.; Л., 1934. С. 351.

¹⁰ Бюлов Б. Указ. соч. С. 421.

¹¹ Константинополь и Проливы... С. 58; Россия и Черноморские проливы... С. 295–296.

¹² Туполев Б. М. Происхождение Первой мировой войны / Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 48.

¹³ Константинополь и Проливы... С. 59.

утверждала свое господство на Балканском полуострове. «В самом деле, – писал министр иностранных дел России С. Д. Сазонов Николаю II, – тот, кто завладеет Проливами, получит в свои руки не только ключи морей Черного и Средиземного, – он будет иметь ключи для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах»¹⁴.

«Узнав о соглашении Германии с Турцией касательно военных инструкторов, – телеграфировал Сазонов послу в Берлине С. Н. Свербееву, – я крайне удивлен, что этот важный вопрос не был ни словом затронут канцлером во время недавних моих откровенных и дружественных объяснений с ним. Сама по себе немецкая военная миссия в пограничной с нами стране не может не вызвать в русском общественном мнении сильного раздражения и будет, конечно, истолкована как акт явно недружелюбный по отношению к нам. В особенности же подчинение турецких войск в Константинополе германскому генералу должно возбудить в нас серьезные опасения и подозрения. Благоволите высказаться в этом смысле перед германским правительством»¹⁵. Российскому послу дали указание поставить в известность Берлин, что миссия Лимана фон Сандерса может отрицательно подействовать на русско-германские отношения. Петербург предпочел бы, чтобы Сандерсу выбрали для военной деятельности не Константинополь, а какой-нибудь другой район Турции. В ноябре Свербеев сообщил Сазонову о результатах своих бесед с помощником германского статс-секретаря по иностранным делам А. Циммерманом и отметил, что, по мнению последнего, подозрения России беспочвенны и что Берлин не имел возможности отказать Турции в ее просьбе¹⁶.

Протест России был встречен в Германии крайне сдержанно и холодно. В своем ответе на русские возражения Германия оправдывала свои действия тем, что была вынуждена удовлетворить просьбу Турции, чтобы загладить впечатление от «клеветнических» обвинений, распространявшихся в этой стране против прежних немецких инструкторов вследствие последних поражений Турции. В случае же отказа Берлина Турция обратилась бы к другой державе.

В Берлине отрицали всякую возможность недружественной позиции Германии в отношении России и даже утверждали, что «присутствие германского генерала в турецкой столице могло бы оказать большую услугу всей Европе в случае каких-либо будущих осложнений»¹⁷. «То обстоятельство, что генерал Лиман будет командовать корпусом в Константинополе,

¹⁴ Константинополь и Проливы... С. 67.

¹⁵ Материалы по истории франко-русских отношений. М., 1922. Сазонов – Свербееву. 1 (14) ноября 1913 г. С. 635.

¹⁶ Там же. Секретная телеграмма Свербеева Сазонову. 28 октября (10 ноября) 1913 г. С. 630.

¹⁷ Там же.

отнюдь не должно вас тревожить, – сказал посол Германии барон Фрайхер фон Вангенхайм российскому военному агенту в Турции, – я вам ручаюсь, что его обязанности будут строго ограничены и все, что касается обороны Константинопольского района и Проливов, будет изъято из круга его ведения»¹⁸. В том же разговоре германский посол сделал следующее заключение: «Странно было бы видеть какие-либо козни против России, – недоумевал Вангенхайм, – согласитесь, что один этот генерал не может представить собой угрозу для великой России»¹⁹.

Председатель Совета министров России В. Н. Коковцов, находясь в Париже, чтобы получить заем в 500 млн. франков для строительства стратегических железных дорог, по пути в Россию встретился 1 (14) ноября 1913 г. в Берлине с Вильгельмом II и канцлером Бетман-Гольвегом. Коковцов изложил германскому кайзеру точку зрения Петербурга и дал понять, что «Россия не может примириться с установлением командования иностранного офицера корпусом в Константинополе. Ибо это создало бы преимущественное положение в Турции для одной державы, изменяя всю ближневосточную проблему»²⁰.

В той же беседе Коковцов пояснил Бетман-Гольвегу, что «подобное командование не может не вызывать с нашей стороны самых серьезных сомнений. Вместе с Германией и другими государствами мы стремились сохранить остатки турецкой империи в Европе с Константинополем в ее руках в такую пору, когда Болгария готова была победоносно вступить в его стены. Мы видели в этом отсрочку в разрешении Восточного вопроса и находили, что оставление Проливов в руках Турции в настоящее время представляется наиболее желательным не только для России, но и для всей Европы, но в то же время мы исходили из того коренного положения, что Константинополь должен оставаться турецкой столицей, в неприкосновенности которой одинаково заинтересованы все великие державы»²¹.

Однако переговоры Коковцова с Бетман-Гольвегом и Вильгельмом II не привели к каким-либо осязаемым результатам. «Каков будет дальнейший ход этого вопроса, – писал Коковцов Николаю, – я не могу доложить Вашему Величеству... Но не скрою от Вашего Величества, что объяснения мои в Берлине оставили во мне неудовлетворительное впечатление и дают повод думать, что германское правительство не легко уступит, если оно вообще уступит, избранную им позицию»²².

¹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7415. Военный агент в Турции – в отдел генерал-квартирмейстера Генерального штаба. 8 (21) ноября 1913 г. Л. 57.

¹⁹ Там же.

²⁰ Материалы... Объяснения с германским канцлером. Всеподанный отчет председателя Совета министров В. Н. Коковцова. С. 624–626.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 626.

Тогда Россия решила обратиться к союзникам по Антанте. В телеграмме от 25 ноября (8 декабря) 1913 г. министр иностранных дел Сазонов просил российских послов в Париже и Лондоне выяснить, насколько французское и английское правительства считают командование германским офицером корпусом в Константинополе «совместимым с их интересами, достоинством их представительств, при становлении неравенств условий в Константинополе». Одновременно Сазонов предложил поставить вопрос о «соответствующих компенсациях для других держав» в случае, если дальнейшие настояния России в Берлине не достигнут успеха²³.

Французская дипломатия, опасавшаяся, как бы Россия не сговорилась с Германией и не надоумила ее перевести военную миссию в Смирну (Измир), была склонна поспорить Германию и Россию. Содержание переговоров Коковцова в Берлине неожиданно было разглашено в печати. В середине ноября 1913 г. во французской газете «Temps» (Темпс) были опубликованы все подробности переговоров Коковцова в Берлине, о которых было известно только французскому послу в Германии²⁴.

Позиция британской дипломатии была сложна и противоречива, что определялось целым рядом обстоятельств во взаимоотношениях Англии и Германии. В Германии, усиленно готовясь к большой войне, делали ставку на то, что Лондон в случае войны останется нейтральным²⁵. «Положение Лондона усложнялось тем обстоятельством, что с 1908 г. в Турции находилась английская военно-морская миссия во главе с адмиралом, осуществлявшая реорганизацию турецкого флота. Отсюда известная двойственность действий британской дипломатии в вопросе о миссии Лимана фон Сандерса»²⁶.

Сазонов начал переговоры с Францией и Англией в том направлении, чтобы, если «переговоры с Берлином окажутся бесполезными, были приняты совместные шаги в Константинополе с указанием, что уступки, сделанные Германии, выдвигают вопрос о равноценных компенсациях по отношению к другим державам»²⁷.

Британия и Франция также выступали против экспансионистской политики Германии на Ближнем Востоке, где Турция с экономической, геополитической и стратегической точки зрения занимала весьма выгодное положение. Назначение германского генерала командиром корпуса в Константинополе существенно затрагивало британские интересы в

²³ Материалы... Секретная телеграмма Сазонова послу в Париже и поверенному в делах в Лондоне 25 ноября (8 декабря) 1913 г. С. 642.

²⁴ См.: Константинополь и Проливы... С. 59.

²⁵ Аветян А. С. Германский империализм на Ближнем Востоке. С. 73.

²⁶ Константинополь и Проливы... С. 60.

²⁷ Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 143.

этом важном регионе. Лондон не мог примириться с приобретением Германией господствующего положения на Босфоре, откуда она могла непосредственно угрожать важнейшей колонии Великобритании – Индии, Суэцкому каналу и британским позициям в Египте. «Кроме того, Англия и Франция значительную часть своего продовольствия доставляли из Южной России через Черноморские проливы. Усиление Германии на Босфоре в случае осложнений могло бы угрожать Англии прекращением вывоза продуктов»²⁸. Берлин предложил Лондону компенсации за согласие на допущение германской военной миссии в Турцию. По сведениям, полученным Генеральным штабом из Киевского военного округа, предложение Германии сводилось к следующему:

«1) предоставлению английскому правительству, начиная с 1 июня 1914 г., исключительной монополии на изготовление для турецких войск на турецкой территории недостающего количества вооружения и боевых припасов к принятым в турецкой армии образцам вооружения и на производство переделок и ремонт оружия;

2) допущению на суда турецкого флота 10% английского командного состава. Есть такие сведения, что проектируемые германским правительством условия компенсации для Англии последней признаются неприемлемыми вследствие ограниченного их размера»²⁹. Правительство Франции выражало готовность поддержать любые действия России, но оно интересовалось, какие мероприятия собирается провести союзница в том случае, если совместное выступление держав Антанты в Берлине и Константинополе не принесет желаемых результатов. Французский министр иностранных дел С. Пишон заявил турецкому послу в Париже Рифат-паше: «Если Порта не откажется от осуществления сказанного плана, Франция потребует для себя чрезвычайных компенсаций морального и политического характера»³⁰.

Франция, пользуясь большим влиянием в Азиатской Турции и Константинополе, хотела сохранить статус-кво как можно дольше или по крайней мере до тех пор, пока державы не придут к соглашению о разделе Османской империи на взаимно выгодных началах. Несколько дней спустя посол Франции в Петербурге Т. Делькассе послал французскому правительству мрачное предупреждение: «Развал Турции на куски уже начался или вот-вот начнется, и Германия займет положение, гарантирующее ей все выгоды от раздела»³¹.

²⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3825. Копия донесения Военного Агента в Великобритании. Л. 430.

²⁹ Там же. Д. 7262. Копия рапорта начальника штаба Киевского военного округа о командировании в Турцию Лимана фон Сандерса. Л. 3.

³⁰ Материалы... С. 642.

³¹ Константинополь и Проливы... С. 59.

Британская дипломатия лавировала и действовала в этом вопросе осторожно, исходя из своих насущных интересов. Э. Грей не был склонен принять предложение Сазонова. Со свойственной ему дипломатичностью он «в принципе допускал» возможность компенсаций, но опасался, что, как писал посол России А. К. Бенкендорф Сазонову, «будет трудно на практике подыскать подходящую для них форму. Первые предложения Пишона о предоставлении офицерам других держав соответствующих командований представляются ему неосуществимыми и не отвечающими нашим интересам, так как главная цель – удаление германцев из Константинополя – по-прежнему остается недостигнутой. К тому же это будет только первым шагом к разделу Турции... Грей, видимо, считает пока более целесообразным продолжение дружественных переговоров с Германией, чтобы таким путем склонить ее к изменению первоначального плана... и Грей лично думает, что как император, так и канцлер желали бы найти благовидный выход из создавшегося положения»³².

Грей, ссылаясь на нежелательность обострения отношений с Вильгельмом II, и без того обиженным нападками русской прессы, рекомендовал дружеское обращение в Берлин. В качестве практического выхода он предлагал создание нового международного режима в Проливах, гарантирующего свободу плавания в них³³. Против этого проекта и на этот раз решительно возражал Сазонов, так как германской миссии Проливы не были ни в каком отношении подчинены, но зато в Константинополе находилась британская морская миссия во главе с адмиралом Лимпусом. Британия решила не обострять отношений с Германией, чтобы не нарушить видимого сближения с Берлином. При этом английские политики и дипломаты заботились об укреплении Антанты и сплочении ее рядов перед лицом возрастающей напряженности в Европе. Помощник статс-секретаря А. Никольсон писал: «...Вопрос (о военной миссии. – *Авт.*) нас не касается в такой степени, в которой он, естественно, затрагивает Россию, тем не менее он не без важности и для нас; также, с другой стороны, желательно, особенно в этот момент, когда имеются некоторые опасения относительно нашего сближения с Германией, чтобы мы не оказались равнодушными и по меньшей мере не симпатизировали германскому акту, который обеспечивает Германии господствующее положение в Константинополе»³⁴.

³² Материалы... Бенкендорф Сазонову 2 (15) декабря 1913 г. С. 644.

³³ Константинополь и Проливы... С. 60.

³⁴ В. D. Vol. X. P. 1. № 379. Mr. O'Beime to Sir Edward Grey. Nov. 25. 1913. P. 340; *Kent M. The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. L., 1984. P. 116.*

В то же время британские дипломаты были не против использовать германо-российский конфликт для обострения международной обстановки, рассчитывая при этом извлечь для себя соответствующие выгоды. Только так можно объяснить рекомендации британского поверенного в делах в Петербурге Сазонову, чтобы Россия настаивала перед Портой на сохранении возле Константинополя, пока иностранный офицер будет командовать там, одного или двух российских военных кораблей, которые в случае надобности могли бы высадить подразделения для защиты русского посольства³⁵.

Грей неоднократно советовал России продолжить переговоры с Берлином, изображая дело таким образом, будто Германия хочет урегулировать этот вопрос. Британский министр признавал, что нахождение британского адмирала в Константинополе представляет слишком сильный аргумент для Германии, и просил времени для всестороннего изучения вопроса, как, не нарушив независимости Турции, найти удовлетворительное решение проблемы³⁶. Потерпев неудачу в Лондоне, российское правительство апеллировало к Франции с просьбой оказать воздействие на Грея и убедить его в необходимости совместного и решительного выступления в Константинополе.

Что же касается Франции, то она заняла более твердую позицию в поддержку России, нежели Англия. Французское правительство сообщило Турции, что оно разделяет мнение Петербурга о недопустимости предоставления командования войсками в Константинополе германскому генералу, дав ей понять, что, если Порта не пойдет на уступки, Франция потребует для себя политической компенсации. Одновременно Париж сообщил в Петербург, что не может согласиться на перенесение германского командования в Смирну или Бейрут, входившие в сферу французских интересов. «Противоречия между интересами держав были совершенно очевидными», – писал Г. Хальгартен. «Если бы Франция участвовала в поставках вооружения, – сказал туркам французский военный атташе, – тогда германская военная миссия была бы терпима». Но об этом нельзя было и думать. «Париж волновался, а Петербург неустанно стремился втолковать германскому правительству, какое значение имеют для России дальнобойные орудия на Босфоре»³⁷.

Однако такая поддержка Франции не могла успокоить Сазонова, который продолжал настаивать перед Англией и Францией на необходимости принятия мер воздействия на турецкое правительство.

³⁵ Ibid. № 382. Mr. O'Beirne to Sir A. Nicolson. Nov. 27. 1913. P. 343.

³⁶ Ibid. № 381. Sir Edward Grey to Mr. O'Beirne. Nov. 27. 1913. P. 342.

³⁷ Хальгартен Г. Указ. соч. С. 625.

С. Пишон поручил послу Франции в Лондоне П. Камбону убедить Грея «присоединиться к попытке заставить Турцию понять все серьезные последствия, которые будут иметь место, если константинопольский армейский корпус будет находиться под командованием германского генерала»³⁸. Пишон советовал Камбону развить перед Греем следующие соображения: «Командование корпусом германским генералом в Константинополе ставит дипломатический корпус, пребывающий в Константинополе, под опеку германцев. Это фактически дает Германии ключ к Проливам. Это дает полную возможность вмешательства со стороны германского генерала, который может нанести удар непосредственному суверенитету султана. Это нарушает равновесие между державами, являющееся гарантией самого существования Турции. Это может привести державы к антагонизму и даже к конфликту в отношении германской военной миссии, в случае если она позволит себе какое-либо выступление или демонстрацию в Константинополе. Если сэр Эдуард Грей согласится с этими взглядами, то следует польстить ему, предложив ему сформулировать ноту, которую Тройственное согласие представит Турции»³⁹. Довод Камбона, что контракт с генералом Лиманом отдает в руки Германии «ключ от Проливов», произвел рассчитанный эффект на Грея. Угроза германского проникновения в Проливы не сулила Англии, имевшей в Константинополе с 1912 г. морского советника при турецком правительстве контр-адмирала А. Лимпуса, являвшегося фактически командующим турецким флотом, ничего хорошего.

Грей принял предложение Франции и быстро сформулировал весьма решительную «декларацию», включавшую все указанные доводы и носившую почти ультимативный характер. Текст этой декларации Грея был отослан для согласования с Францией и Россией. В ней говорилось: «Тот факт, что германскому генералу будет поручено командование турецким армейским корпусом в Константинополе, создаст таковому положение, которое до сих пор не занимал ни один иностранный офицер, будь то немецкий или какой-либо другой. Благодаря этому весь дипломатический корпус окажется во власти Германии (а также и ключи от Проливов окажутся в руках немцев). Кроме того, германский генерал будет иметь возможность принимать военные меры, несовместимые с суверенными правами султана. Сразу же погибнет действительная гарантия целостности Османской империи, состоящая в равновесии держав. Если Германия займет в Константинополе подобное положение, то и другие державы окажутся вынужденными обеспечить свои интересы в Турции и заявить

³⁸ Айрапетян М. Э. Указ. соч. С. 224.

³⁹ Там же.

аналогичные требования, в которых Блистательная Порта не сможет справедливо отказать»⁴⁰.

В ходе переговоров три державы приняли решение предпринять демарш в Константинополе. Однако Англия совершенно не хотела возбудить недовольства германского правительства. Поэтому Грей внес в текст ноты, предложенной министром иностранных дел Франции Пишоном, некоторые смягчающие поправки и настаивал на том, чтобы демарш был произведен каждым послом отдельно⁴¹.

К этому Грея побуждало также желание не оказывать прямого давления на Порту, ибо оно могло произвести на нее негативное впечатление и отрицательно повлиять на британские позиции в Османской империи. По настоянию Грея Сазонов был вынужден согласиться на эти поправки, хотя они имели целью уменьшить воздействие демарша на турецкое правительство⁴². Французское правительство также согласилось с мнением Лондона и намерено было дать своему послу в Константинополе соответствующую инструкцию⁴³.

Грей отдавал себе отчет в серьезности неоднократных предупреждений Сазонова, который считал, что вопрос о германской военной миссии является испытанием целостности Тройственного соглашения и что Германия уступит, если державы Антанты займут в этом деле твердую позицию⁴⁴. С другой стороны, Грей, как отмечалось, был поглощен заботой об улучшении англо-германских отношений и поэтому приветствовал демарш в Константинополе, но не в Берлине. Между тем именно в Берлине следовало бы приложить усилия для разрешения этого вопроса в приемлемом для России духе. Российский посол в Лондоне А. К. Бенкендорф полагал, что «именно в Берлине центр тяжести всех настоящих затруднений, из чего следует, на мой взгляд, что никакой удар в Константинополе не может иметь окончательного результата и может только испортить все дело»⁴⁵.

Демаршем в Константинополе Грей формально успокаивал Петербург. При этом он подталкивал Россию на решительное выступление, намекая, что вопрос о германской военной миссии затрагивает прежде всего интересы России. 2 (15) декабря 1913 г. он телеграфировал О'Берни, «что Сазонов должен иметь в виду, что, хотя германское командование в Константинополе нежелательно для всех держав, оно является вопросом

⁴⁰ B. D. Vol. X. P. 1. № 390. Sir Edward Grey to Lord Granville. Dec. 2. 1913. Foot Note. № 3. P. 348.

⁴¹ Ibid. P. 348.

⁴² Ibid. Mr. O'Beime to Sir Edward Grey. Dec. 4 (5). 1913. P. 356.

⁴³ Ibid. Foot Note. № 3. P. 348.

⁴⁴ Ibid. Vol. X. P. 1. № 385. Mr. O'Beime to Sir Edward Grey. Dec. 1. 1913. P. 345–346.

⁴⁵ Материалы... Секретная телеграмма Бенкендорфа Сазонову. 21 ноября (4 декабря) 1913 г. С. 667.

озабоченности России больше, чем для кого-либо из нас. Поэтому оно не является делом, в котором мы можем быть более русскими, чем сами русские, и очень вероятно, что германское правительство будет руководствоваться тем, до какого предела будут идти русские протесты»⁴⁶.

Отношение Британии к конфликту точно отражает письмо российского посла в Лондоне Сазонову, в котором говорилось: «В Берлине прекрасно знают, что Франция, которая, кажется, всегда готова сражаться с Германией, пойдет с нами. Они хорошо знают мнение Грея и какое значение придают этому вопросу в Англии. Я думаю, что этого совершенно достаточно, чтобы заставить их задуматься, потому что с их стороны было бы величайшей самонадеянностью воображать, что в случае всеобщей войны Англия не была бы мало-помалу втянута в нее»⁴⁷.

Но британская дипломатия не была уверена в том, что Россия уже готова вступить в войну из-за германской военной миссии. В письме О'Берни 2 декабря 1913 г. Никольсон писал: «Трудности с Сазоновым заключаются в том, что никогда точно не знаешь, как далеко он готов идти. Хотя мы вполне готовы признать, что назначение Лимана фон Сандерса, если оно действительно будет таким, как нам говорят, имеет очень серьезный характер, все-таки мы окажемся в глупом положении, если за дело возьмемся горячо, а потом окажется, что Сазонов в той или иной степени покинул нас»⁴⁸. Грей предупредил французского посла, что опасается очередного отступления со стороны Сазонова. Опасения Грея подтвердились.

В тот момент, когда послы держав в Османской империи готовились к демаршу перед Портой, Сазонов обратился к своим партнерам с просьбой отложить их представление в Константинополе, так как «русское правительство находится в дружественных переговорах с германским правительством»⁴⁹. Но здесь российское правительство, добившись поддержки Грея при помощи Франции, сделало шаг назад, о чем впоследствии Сазонов горько сожалел.

Российский министр предполагал, что теперь может быть уверен в полном единодушии со стороны Франции и Англии. Он вдруг решил использовать это для нажима на Берлин, с тем чтобы принудить Германию пойти на уступки, прежде чем послы союзных держав предпримут выступление в Константинополе. Успех в Берлине, по его мнению, будет означать более

⁴⁶ B. D. Vol. X. P. 1. № 388. Sir Edward Grey to Mr. O'Beime. Dec. 2. 1913. P. 347.

⁴⁷ Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 3. Т. 1. М., 1931. Посол в Лондоне – министру иностранных дел. 28 (15) января 1914 г. С. 141.

⁴⁸ B. D. Vol. X. P. 1. № 393. Sir A. Nicolson to Mr. O'Beime. Dec. 2. 1913. P. 352.

⁴⁹ Ibid. № 398. Sir Edward Grey to Sir L. Mallet. Dec. 4. 1913. P. 355.

крупную дипломатическую победу, чем разрешение вопроса, достигнутое в Константинополе.

22 ноября (4 декабря) Сазонов телеграфировал в Константинополь российскому послу М. Н. Гирсу: «Считаем нужным повременить совместным выступлением до выяснения нашего последнего шага в Берлине»⁵⁰. Одновременно Сазонов поручил Свербееву довести до сведения германского правительства о намечающемся коллективном выступлении держав в Константинополе с таким расчетом, чтобы вынудить Берлин на выгодные России уступки. В Берлине, однако, не обнаружили никакого намерения уступить. Германский кайзер воскликнул: «Речь идет о нашем достоинстве и положении в мире, против которых ведется травля со всех сторон. Следовательно – голову выше, рука на мече»⁵¹.

Германский статс-секретарь иностранных дел Г. Ягов спокойно выслушал Свербеева, поблагодарил его за информацию, но заявил, что никакого определенного ответа в настоящее время дать не может до тех пор, пока Лиман фон Сандерс не изучит «местные условия» и не придет к соглашению с турецкими властями о возможности перенесения миссии из Константинополя в какое-либо другое место⁵².

Между тем 4 (17) декабря 1913 г. генерал Лиман фон Сандерс был назначен инспектором военных школ, членом военного совета и командующим 1-м армейским корпусом в Константинополе. Это заставило царское правительство вернуться к прежнему варианту действий. Убедившись в бесполезности дальнейших «дружественных переговоров» с Берлином, Сазонов 7 декабря телеграфировал в Париж и Лондон: «Признаем желательным безотлагательное обращение к Порте трех послов с одинаковой нотой, составленной на основании английского предложения»⁵³.

Но Сазонову пришлось пережить разочарование, когда он узнал, что Грей, воспользовавшись проволочкой, успел изменить свою точку зрения и отказался от первоначального предложения. Британский министр заявил, что нота, предназначенная Турции, составлена в очень решительных и ультимативных тонах и ее надо заменить другой, более осторожной и сдержанной, запрашивающей турецкое правительство о характере военной миссии и ее функциях.

Нота, предложенная Россией 7 (20) декабря, гласила: «Поручение командования корпусом турецкой армии в Константинополе германскому генералу дало бы последнему положение, какое ни один иностранный

⁵⁰ См.: Айрапетян М. Э. Указ. соч. С. 225.

⁵¹ Цит. по: Хальсгартен Г. Указ. соч. С. 626.

⁵² Материалы... Секретная телеграмма Свербеева Сазонову. 21 ноября (3 декабря) 1913 г. С. 648.

⁵³ Там же. Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне. 24 ноября (7 декабря) 1913 г. С. 650.

офицер германской или какой-либо другой державы до сего времени никогда еще не занимал в Константинополе. Таким образом, весь дипломатический корпус оказался бы во власти Германии. Кроме того, германский генерал мог бы принимать военные меры, которые могли бы нанести ущерб власти султана. Действительная гарантия целостности Османской империи, заключающаяся в равновесии держав, исчезла бы сразу. В самом деле, если бы Германия достигла такого преобладающего положения в Константинополе, другие державы были бы поставлены перед необходимостью охранять свои интересы в Турции»⁵⁴.

Французское правительство немедленно согласилось с Сазоновым и предложило своему послу в Константинополе договориться с послами Англии и России о передаче этой ноты Порте⁵⁵. Париж подстрекал Петербург на активное выступление против Турции и советовал даже послать военное судно в Босфор для «устрашения турок». Посол России в Париже А. П. Извольский в письме от 1 (14) января 1914 г. излагал Сазонову предложение Франции. «В наиболее важном вопросе о германских офицерах в Константинополе, – писал он, – до сих пор я также не могу пожаловаться на Думерга; он, кажется, вполне искренно заявляет о своем желании оказать нам самую полную и деятельную поддержку»⁵⁶.

Российский посол в Париже сообщает Сазонову, что Думерг, председатель Совета министров и министр иностранных дел, настойчиво интересовался у него, «какие именно меры принуждения мы намерены предложить, если переговоры в Берлине и Константинополе не приведут к желаемым результатам»⁵⁷. Далее Извольский излагает курьезный разговор с М. Палеологом. По словам Палеолога, М. Бомпар, посол в Константинополе, во время своего пребывания в Париже высказал ему личное мнение, что «если мы (Россия. – *Авт.*) не добьемся мирным путем нашей цели, нам следует испросить у султана фирман на проход через Проливы одного из наших черноморских броненосцев, ввести его в Босфор и объявить, что он уйдет лишь после изменения контракта генерала Лимана и его офицеров». Изумленный Извольский поинтересовался у Палеолога, может ли он сообщить об этом Сазонову. Палеолог ответил ему, что «не видит к этому препятствий, но что, разумеется, речь идет о чисто личном взгляде г. Бомпара и что ни в каком случае инициатива подобной меры не должна быть приписана Франции». Когда же Извольский заметил, что вряд ли султан выдаст России вышеуказанный фирман, Палеолог сказал ему, что русский броненосец может

⁵⁴ Материалы... Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне. 24 ноября (7 декабря) 1913 г. С. 648.

⁵⁵ Там же. Секретная телеграмма посла в Лондоне Бенкендорфа Сазонову. 27 ноября (10 декабря) 1913 г. С. 655.

⁵⁶ См.: Константинополь и Проливы... С. 61.

⁵⁷ Там же.

войти в Босфор и без фирмана и что турецкие батареи, конечно, не решатся открыть по нему огонь⁵⁸. Из беседы Извольский сделал следующий вывод: «Я не берусь судить, насколько продуманны суждения французского посла в Константинополе, но весьма характерно, что в здешнем министерстве иностранных дел допускают возможность подобного крутого оборота дела; прибавлю также, что, если бы мы решились на подобное энергическое действие, общественное мнение Франции несомненно высказалось бы в нашу пользу, ибо оно весьма чутко ко всему, что касается национально-го достоинства, и живо ощущает нестерпимость германского засилия в Константинополе»⁵⁹.

Российское правительство понимало, что выступать вместе с Францией без поддержки Англии было бы крайне рискованно. Между тем в позиции Британии произошла значительная перемена. Она стала более умеренной.

По мнению Грея, представление в Константинополе должно было быть сделано устно, в форме запроса, каждым послом в отдельности. Что же касается содержания представления, то британский министр предложил следующую формулировку: «Командование в Константинополе с далеко идущим и важным характером было отдано германскому генералу – этим он займет положение, которого до сих пор не занимал ни один иностранный офицер в Турции. Мы предполагали, что Турция не будет делать ничего, что ослабило бы ее независимость, но так как это является вопросом огромной заинтересованности для других держав, то мы желали бы иметь информацию относительно контракта, который турецкое правительство заключило с германским генералом, сферы его деятельности и какую позицию он будет занимать по мнению турецкого правительства»⁶⁰.

Чем же объясняется эта перемена в позиции британской дипломатии? Грей заявил Бенкендорфу, что боится, как бы важность назначения германского генерала не оказалась преувеличенной. К тому же, добавил он, «адмирал Лимпус – глава английской военно-морской миссии в Турции – имеет действительное командование турецким флотом в мирное время»⁶¹. Эти два обстоятельства, по мнению Грея, делают ненужным коллективный демарш, а пока можно в качестве первого шага ограничиться запросом. Однако дело обстояло не так, как хотел изобразить Грей. Британская дипломатия использовала вопрос о нахождении во главе турецкого флота руководителя английской военно-морской миссии лишь для того, чтобы оправдать свою

⁵⁸ Константинополь и Проливы... С. 61.

⁵⁹ Там же. С. 62.

⁶⁰ Материалы... С. 655. Секретная телеграмма Бенкендорфа Сазонову. 27 ноября (10 декабря) 1913 г..

⁶¹ Там же.

уклончивую позицию, ибо роль турецкой армии была гораздо значительнее, чем относительно слабого турецкого флота. В одном из донесений английский посол в Константинополе писал Грею: «Сами турки очень возмущены идеей демарша, который державы Антанты намерены были сделать в Константинополе, и я получил некоторые косвенные просьбы не лишать их последней возможности иметь приличную армию»⁶². Нежелание оказывать давление на Турцию усиливалось у британской дипломатии тем обстоятельством, что как раз в это время между властями Османской империи и английским синдикатом «Армстронг и Виккерс» был на 30 лет заключен контракт с их судостроительными верфями и арсеналами⁶³.

Но главной причиной умеренной позиции Британии в данном вопросе являлось то обстоятельство, что Грей к тому времени узнал, что нахождение германского генерала в Константинополе не является слишком большой угрозой для английских интересов. Британский посол в Константинополе Л. Маллет был в этом убежден и доносил Грею: «Я думаю, что командование первым корпусом на практике безвредно для наших интересов»⁶⁴. В другом донесении Маллет сообщал, что сфера действий генерала якобы не включает в себя район Проливов⁶⁵.

С другой стороны, у ряда британских дипломатов преобладало мнение, что турецкие войска вряд ли будут повиноваться приказам, получаемым от иностранца, что сделало бы действия германской военной миссии безвредными для Англии. 3 (16) декабря 1913 г. Маллет сообщил о том, что некоторые наиболее известные турецкие генералы и офицеры вообще возражают против германской военной миссии. Они, по утверждению посла, намерены направить правительству меморандум по этому поводу⁶⁶. К тому же британские правящие круги были информированы, что Россия не намерена воевать из-за вопроса о миссии Лимана фон Сандерса. Ознакомившись подробнее со всеми обстоятельствами дела, в особенности с положением адмирала Лимпуса в Турции, Грей счел нужным изменить линию своего поведения.

Новая британская позиция очень огорчила Сазонова. Он писал Гирсу: «Ввиду перемены, происшедшей во взглядах сэра Эдуарда Грея на характер обращения трех держав к Порте, и необходимости для нас сообразовать наши выступления с той степенью поддержки, на которую мы можем

⁶² B. D. Vol. X. P. 1 № 424. Sir L. Mallet to Sir Edward Grey. Dec. 8. 1913. P. 376–377.

⁶³ Ibid. № 407. Sir L. Mallet to Sir Edward Grey. Dec. 8. 1913. P. 364.

⁶⁴ Ibid. № 405. Sir L. Mallet to Sir Edward Grey. Dec. 5. 1913. P. 360–361.

⁶⁵ Ibid. № 403. Sir L. Mallet to Sir Edward Grey. Dec. 5. 1913. P. 358–359.

⁶⁶ Ibid. № 395. Sir L. Mallet to Sir Edward Grey. Dec. 3. 1913. P. 353.

рассчитывать со стороны наших друзей и союзников, мы вынуждены согласиться с предлагаемой Греем постановкой вопроса»⁶⁷.

В телеграмме Сазонова русскому послу в Лондоне от 12 (25) декабря 1913 г. говорилось: «Я слышал из весьма секретного источника, будто Грей высказал французскому послу, что он не хочет заходить слишком далеко в конфликте с Константинополем, так как опасается перемены в моей позиции, что может привести к дипломатической неудаче. Я должен по этому поводу заметить, что по вопросу об инструкторах произошла перемена не в моей позиции, но весьма печальная перемена в позиции Англии. Грей не желает больше иметь ничего общего с нотой, в основу которой положена его собственная телеграмма британскому послу в Петербурге. Если в конце концов мы будем вынуждены изменить наше отношение к данному вопросу, как это было уже во многих других случаях, то это нужно будет отнести за счет отсутствия достаточной уверенности в реальности английской поддержки. Уверенность эта колеблется еще более подобным поведением Англии. Отсутствие единства солидарности между тремя державами Соглашения вызывает у нас весьма серьезные опасения, так как оно составляет органический недостаток Тройственного соглашения, который всегда нас ставит в невыгодное положение перед лицом крепкого блока Тройственного союза. Подобное положение дел может, при некоторых обстоятельствах, повлечь весьма важные последствия и весьма серьезно затронуть жизненные интересы каждой из держав Тройственного соглашения»⁶⁸. Подтверждая, что перемена «фронта» Британией произвела неприятное впечатление в России, Сазонов телеграфировал российскому послу в Лондоне 10 (23) декабря 1913 г.: «Мы не можем согласиться на новое английское предложение, так как пустое представление будет, по нашему мнению, скорее вредным, чем полезным»⁶⁹. Он не только не считал предложение Грея достаточным, но и продолжал настаивать на том, чтобы державы Антанты предприняли в отношении Турции меры принуждения.

Уже в декабре в разговоре с О'Берни Сазонов заявил, что, если представление, которое три державы намерены сделать в Константинополе, не будет иметь результата, они должны прибегнуть к таким мерам давления на Османскую империю, как финансовый бойкот, отказ турецкому правительству в повышении турецких таможенных пошлин на 4%, русская мобилизация на армянской границе. В качестве дополнительного шага Сазонов упомянул отзыв трех послов из Константинополя. Если бы эти меры потерпели неудачу, то российский министр предлагал осуществить

⁶⁷ Материалы... Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Константинополе. 29 ноября (12 декабря) 1913 г. С. 660.

⁶⁸ Там же. Сазонов – Бенкендорфу. 29 ноября (12 декабря) 1913 г. С. 657.

⁶⁹ Там же. С. 660.

оккупацию турецких портов или территорий в Малой Азии. При этом Англия и Франция могли бы занять Смирну и Бейрут, а Россия – Трапезунд (Трабзон) или Баязет.

Сазонов отдавал себе отчет в том, что подобные акции могли вызвать вмешательство Германии. Тем не менее он считал возможным пойти на риск серьезных осложнений, если с этим согласится российское военное и морское ведомства, и при условии решимости Франции поддержать Россию всеми силами, а Англии – оказать существенное содействие⁷⁰. Однако мнение Сазонова не встретило понимания в Лондоне. Грей при сложившихся обстоятельствах не намерен был идти дальше предложенного им устного представления в Константинополе, ибо это, по его мнению, являлось тогда единственным целесообразным шагом⁷¹.

28 ноября (11 декабря) 1913 г. по инициативе российского посла в Константинополе Гирса Сазонов обратился к британскому правительству с просьбой предложить Берлину перенести место пребывания английского адмирала из Константинополя в Измит, если Германия, в свою очередь, согласится перевести Сандерса в Адрианополь⁷². Уклоняясь от прямого ответа, Грей сказал Бенкендорфу, что намерен спросить Маллета о технической стороне дела и что если перевод английского адмирала выполним для турецкого правительства, то он не только не находит возражений, но, напротив, поддержит эту меру⁷³. По утверждению Сазонова, Грей даже согласился на отзыв английской военно-морской миссии из Турции, если бы он оказался желательным в целях воздействия на Берлин⁷⁴. Изъявив готовность отозвать британскую морскую миссию, Грей тут же сделал оговорку, что он это сделал бы с охотой, если бы у него не имелись данные, позволяющие предполагать, что после этого Германия тем не менее не отступила бы от занятой ею позиции в вопросе о военной миссии⁷⁵. Подобная мера, по мнению Грея, лишь усилила бы упорство Берлина. Грей также «запугивал» Россию, указывая на возможность замены адмирала Лимпуса германским морским офицером. Дальнейшие настояния Сазонова на более решительной форме представления не нашли в Лондоне поддержки, и российский министр согласился на устный запрос у Порты, направив 29 ноября (12 декабря) русскому послу в Константинополе соответствующее предписание⁷⁶.

⁷⁰ *Игнатьев А. В.* Внешняя политика России 1908–1914 гг. М., 1996. С. 192.

⁷¹ Материалы... Бенкендорф – Сазонову. 28 ноября (11 декабря) 1913 г. С. 657.

⁷² Там же. Секретная телеграмма Гирса Сазонову. 27 ноября (10 декабря) 1913 г. С. 654.

⁷³ Там же. Бенкендорф – Сазонову. 28 ноября (11 декабря) 1913 г. С. 657.

⁷⁴ Там же. Сазонов – Гирсу. 29 ноября (12 декабря) 1913 г. С. 660.

⁷⁵ Там же. Бенкендорф – Сазонову. 28 ноября (11 декабря) 1913 г. С. 658.

⁷⁶ Там же.

30 ноября (13 декабря) послы России, Англии и Франции, каждый в отдельности, сделали Порте устный запрос, предложенный Греем. В нем говорилось: «Нами получены сведения, что германский генерал облечен чрезвычайно важной действительной военной властью. Эта власть дала бы этому офицеру положение, отличное от такового, когда-либо занимаемого каким-либо иностранным офицером в Турции. Мы полагаем, что Порта не приняла бы чего-либо, что могло бы нанести ущерб независимости оттоманского правительства, и что его власть над Проливами и Константинополем остается неприкосновенной. Другие державы чрезвычайно заинтересованы этими вопросами и были бы очень обязаны Блистательной Порте, если бы она не отказала сообщить сведения как о договоре, заключенном с германским генералом, и о распространении его прав, так и о том, как оттоманское правительство понимает положение этого офицера»⁷⁷.

Российский военный агент в Вене, характеризуя сложившуюся обстановку, писал: «Прислушиваясь к тому, что говорят теперь в Вене, можно с уверенностью сказать, что император Вильгельм оценил момент, чтобы сделаться хозяином Босфора; при общей инертности и нерешительности, проявляемой заинтересованными державами противоположного лагеря, нельзя уже более сомневаться в успехе германской политики в Турции»⁷⁸. Сложившуюся в это время в Османской империи и вокруг нее ситуацию Г. Хальгартен характеризовал следующим образом: «Германское железнодорожное строительство, германская военная политика, русский экспорт зерна, английские и германские сделки на поставку оружия, турецкая коррупция, французский капитал, вложенный в вооружения, – все это было увязано в один запутанный узел»⁷⁹.

Послы получили желательную для них информацию относительно контракта, по второму же вопросу великий визирь ответил, что это – внутреннее дело Турции. При этом он сравнивал положение генерала Лимана с положением адмирала Лимпуса и не нашел никаких причин для аннулирования или пересмотра германского контракта⁸⁰.

В своем официальном ответе великий визирь заявил, что «германский генерал был назначен главой военной миссии, членом военного совета с правом на один голос, инспектором школ и командиром 1-го армейского корпуса. Он будет формировать образцовые полки, через которые проведет офицеров других корпусов. Германский офицер не будет иметь власти над Проливами и будет командовать в Константинополе в случае осады,

⁷⁷ Материалы... Гирс – Сазонову. 30 ноября (13 декабря) 1913 г. С. 660.

⁷⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7262. Военный агент в Вене – начальнику штаба Киевского военного округа. 4 (17) декабря 1913 г. Л. 3.

⁷⁹ Хальгартен Г. Указ. соч. С. 625–626.

⁸⁰ Материалы... Извольский – Сазонову. 6 (19) декабря 1913 г. С. 602.

находясь в непосредственном подчинении военного министра»⁸¹. Он выразил протест против вмешательства держав во внутренние турецкие дела и заявил, что не видит никаких оснований для изменения договора с Германией, ибо функции Лимана фон Сандерса ничем не отличаются от статуса английского адмирала Лимпуса.

Уверенный в поддержке со стороны Германии, великий визирь резко и решительно отверг возможность всякого компромисса. Между тем 14 (27) декабря Лиман фон Сандерс вместе с десятью офицерами приехал в Константинополь, где через несколько дней приступил к исполнению своих обязанностей как командующий 1-м армейским корпусом.

В этот же день Сазонов вновь обратился через российского посла Бенкендорфа к Грею с предложением договориться с Германией на почве изменения контрактов с английским адмиралом и германским генералом⁸². Британское правительство сделало вид, что не возражает против этого предложения. В телеграмме О'Берни Грей писал: «Если выявится, что германское правительство готово согласиться на изменение контракта турецкого правительства с германским генералом в том случае, если контракт адмирала Лимпуса будет изменен так, чтобы его положение было аналогичным положению германского генерала, то мы будем поддерживать такое изменение»⁸³. В тот же день помощник британского статс-секретаря по иностранным делам Никольсон повторил Бенкендорфу, что вопрос об изменении нынешнего положения адмирала Лимпуса принят во внимание в Лондоне.

Россия не могла допустить, чтобы Германия установила контроль над Проливами и завладела «ключами от дверей». Поэтому трудно было избежать крупного столкновения. «Проливы в руках сильного государства – это значит полное подчинение всего экономического развития юга России этому государству», – писал Сазонов царю 8 декабря⁸⁴.

Немецко-американский историк Г. Хальгартен, рассматривая значение проблемы Проливов для России, приходит к выводу, что «внутреннее развитие России должно было привести к усилению ее контроля над Проливами, независимо от того, укрепилась Германия в Стамбуле или нет; однако этим, конечно, не сказано, что дело дошло бы до европейской войны и в том случае, если бы Германия не протянула руки к Проливам»⁸⁵.

⁸¹ В. D. Vol. X. P. 1. № 430. Sir L. Mallet to Sir Edward Grey. Dec. 15. 1913. P. 382; № 435. Sir L. Mallet to Sir Edward Grey. P. 387.

⁸² Материалы... Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне. 14 (27) декабря 1913 г. С. 662.

⁸³ В. D. Vol. X. P. 1. № 434. Sir Edward Grey to Mr. O'Beime. Dec. 16. 1913. P. 386.

⁸⁴ Красный архив. Докладная записка министра иностранных дел Сазонова от 23 ноября (6 декабря) 1913 г. // 1924. Т. 6. С. 7.

⁸⁵ Хальгартен Г. Указ. соч. С. 628.

Николай II 27 ноября (10 декабря) 1913 г. «начертал» в Ливадии на предъявленной ему телеграмме Гирса из Константинополя свое мнение о роли российского флота: «Продолжаю считать первейшим условием спокойного развития юга России безусловное преобладание ее черноморского флота над турецким. Поэтому нам предстоит необходимость чрезвычайных усилий для достижения в будущем этого преобладания на Черном море»⁸⁶. Между тем в конце декабря произошли некоторые изменения в позиции Берлина. По инициативе германского посла в Константинополе Ф. фон Вангенхайма возник план выхода из сложившейся ситуации. Его сущность состояла в том, что Лиман фон Сандерс будет повышен в чине. Это должно было послужить предлогом для оставления им командования 1-м корпусом, потому что новый чин не соответствовал бы должности командира корпуса. Германского генерала переведут на новую должность, которая даст ему возможность руководить всей турецкой армией. Командование Сандерса корпусом продлится до тех пор, пока он не ознакомится с деталями турецкого военного дела и его недостатками. Реализация этого плана еще больше расширила бы полномочия Сандерса и усилила его влияние на турецкую армию⁸⁷. На основе этого плана в самом начале 1914 г. начались переговоры между Россией и Германией. В это время британская дипломатия продолжала следовать своей основной линии, занимая промежуточную позицию между Россией и Германией. Выражая мнение английских политиков по этому поводу, британский посол в Петербурге Дж. Бьюкенен писал: «Мы не будем возражать против любых мер, которые Россия считает подходящими для обеспечения своих интересов. Но при нынешних обстоятельствах, по моему, нет причин для того, чтобы мы пошли дальше этого»⁸⁸. Эти слова Бьюкенена были одобрены Греем, который писал, что они выражают его точку зрения на это дело вообще⁸⁹.

14 (27) января 1914 г. Лиман фон Сандерс был произведен в генералы от кавалерии германской службы, хотя, по мнению Ягова, он на это повышение не имел права. На следующий день он был произведен Портой в турецкие маршалы, что означало оставление им командования 1-м корпусом. Этим вопрос о военной миссии Лимана фон Сандерса был формально улажен⁹⁰.

Россия вынуждена была удовлетвориться этой уступкой Германии. Николай II, узнав об отстранении генерала Лимана от командования

⁸⁶ Константинополь и Проливы... С. 70.

⁸⁷ *Игнатьев А. В.* Указ. соч. С. 193.

⁸⁸ B. D. Vol. X. P. 1. № 465. Sir G. Buchanan to Sir Edward Grey. Jan. 8. 1914. P. 416.

⁸⁹ *Ibid.*

⁹⁰ *Международные отношения...* Сер. 3. Т. 1. С. 31. Посол в Константинополе – министр иностранных дел. 16 (29) января 1914 г.

Константинопольским корпусом, заявил: «Пока нам следует приостановиться от дальнейших настояний – дать немцам передышку»⁹¹.

Но уступка, сделанная Берлином, по существу ничего не меняла в положении германской военной миссии в Константинополе. «Очевидно, уступка эта имеет чисто фиктивный характер, и положение дел не меняется, – писал «Современник». – Германия остается хозяином в турецкой армии и на Босфоре, и Константинополь, в который мы не допустили болгар из опасения создать нового на него претендента... оказывается для нас безвозвратно потерянным»⁹². «Устранение генерала Лимана от командования первым корпусом, – писал Гирс Сазонову, – является лишь уступкой формальной, отнюдь не лишаящей последнего решающего его влияния на военные дела в Турции»⁹³. «Тут уже не Турция, а Германия дала нашим дипломатам крайне чувствительный щелчок, – писал «Вестник Европы», – наглядно показывая тем, чего они заслужили в Европе своею неумелою двусмысленною тактикой»⁹⁴.

Выразив свое удовлетворение, Сазонов продолжал возражать против предоставления германскому офицеру командования третьей дивизией 1-го армейского корпуса, находившегося в Скутари, на восточном берегу Босфора. Но возражения Сазонова не имели успеха ввиду решительной позиции германского правительства, с одной стороны, и отсутствия поддержки России со стороны ее союзников – с другой. Разумеется, что своевременное энергичное выступление Англии, Франции и России в Константинополе имело бы больше шансов на успех, чем отдельные демарши русских представителей в Берлине. При этом британская дипломатия убеждала Сазонова, что державы Антанты одержали дипломатическую победу в вопросе о миссии Лимана фон Сандерса⁹⁵.

С. Фей, анализируя вопрос о миссии Лимана фон Сандерса, писал: «Вся эта история показывает, каким образом даже серьезный русско-германский дипломатический кризис мог быть разрешен разумным и мирным порядком благодаря тому, что Германия согласилась пойти на некоторые уступки, а Россия была удержана Францией и Англией от слишком крайних поспешных шагов»⁹⁶.

Британские правящие круги хорошо знали, что уклончивая позиция Лондона в этом вопросе произвела в России негативное впечатление. Желая его сгладить, английские дипломаты и политики всячески пытались

⁹¹ Международные отношения... Сер. 3. Т. 1. С. 31. Посол в Константинополе – министр иностранных дел. 16 (29) января 1914 г. Помета Николая II.

⁹² Водовозов В. Современный момент в международных отношениях // Современник. 1914. № 1. С. 104.

⁹³ Материалы... Секретная телеграмма Гирса Сазонову. 3 (16) января 1914 г. С. 690.

⁹⁴ Вестник Европы. 1914. № 1. С. 426.

⁹⁵ В. D. Vol. X. P. 1. № 470. Sir L. Mallet to Sir Edward Grey. Jan. 24. 1914. P. 421.

⁹⁶ Фей С. Происхождение мировой войны. Т. 1. М., 1934. С. 360.

убедить Петербург в искренности и поддержке Англии, а также в том, что Лондон сделал все, зависящее от него, чтобы обеспечить России приемлемое урегулирование вопроса о германской военной миссии⁹⁷.

В действительности Лондон вел двойную игру. Он использовал конфликт для того, чтобы укрепить у германских правящих кругов впечатление о возможности нейтралитета Англии в будущей войне и сорвать русские планы в Турции, особенно в отношении Константинополя и Проливов. Действия британской дипломатии фактически облегчили Германии осуществление ее замыслов, направленных на упрочение германского политического и военного влияния в Турции с помощью военной миссии Лимана фон Сандерса. Английское правительство всячески побуждало Россию действовать более решительно, намекая на поддержку со стороны Британии. Сазонов позднее писал в «Воспоминаниях»: «Все практическое значение военной миссии генерала Лимана фон Сандерса сводилось для нас к тому, что, если у кого-либо в России еще были сомнения относительно истинных целей германской политики на Ближнем Востоке, то обстановка, в которой была задумана и приведена в исполнение означенная миссия, положила конец всяким неясностям и недоразумениям»⁹⁸. «Русско-пруссские отношения умерли раз и навсегда! Мы стали врагами!» – помечил Вильгельм II на донесении германского посла из Петербурга⁹⁹.

«Конфликт из-за германской военной миссии Лимана фон Сандерса был последним международным кризисом кануна Первой мировой войны, – писал Б. М. Туполев. – Он оказался едва ли не первым прямым русско-германским столкновением на Ближнем Востоке, причем в районе Черноморских проливов, являвшихся объектом наибольшей геополитической и экономической заинтересованности России»¹⁰⁰. Германская военная миссия, как и Балканские войны 1912–1913 гг., была прологом к Первой мировой войне, которая разгорелась через полгода после дипломатического кризиса из-за миссии Лимана фон Сандерса¹⁰¹.

До сих пор оставалось загадкой как для современников, так и для историков, почему Лиман фон Сандерс, окруженный почетом и уважением, так неожиданно покинул Турцию. Отечественный исследователь Ближнего Востока В. И. Шеремет неожиданно прояснил ситуацию, ссылаясь на

⁹⁷ Международные отношения... Сер. 3. Т. 1. № 4. Военный агент в Англии – генерал-квартирмейстеру Генерального штаба генералу Данилову. 14 (27) января 1914 г. С. 6–7.

⁹⁸ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 145.

⁹⁹ Цит. по: Тэйлор А. Борьба за господство в Европе 1848–1918. М., 1958. С. 512.

¹⁰⁰ Туполев Б. М. Происхождение Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 47–48.

¹⁰¹ См.: Глава I. Происхождение Первой мировой войны (Б. М. Туполев) // Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 71–75.

депешу российского военного агента в Турции А. Н. Щеглова в Петербург, которая объясняет внезапный отъезд Сандерса из Константинополя: «Жена и дочь генерала неосмотрительно затеяли прогулку на азиатском берегу Босфора. Вдвоем, без сопровождения и охраны, женщины были изнасилованы туземными солдатами». Эта депеша Щеглова оказалась столь высокого уровня засекречивания, что появилась на свет из хранилища только в 1992 г. И не было ни военной, ни дипломатической тайны в смене германских советников в Стамбуле. Была глубокая личная драма. И такие сведения тоже ценны, тем более через 80 лет домыслов и догадок»¹⁰².

Уже во время мировой войны генерал Лиман фон Сандерс вернулся в Турцию и в 1915 г. успешно командовал Дарданелльской операцией по отражению британско-французского экспедиционного корпуса¹⁰³. Однако как главнокомандующий группой армий в сентябре 1918 г. не смог предотвратить развал турецкой армии.

---

¹⁰² *Шерemet В.* Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. М., 1995. С. 41.

¹⁰³ *Сокольский Н.* Очерки современной Турции. Тифлис, 1923. С. 60.

Глава VI

Проблема Черноморских проливов перед Первой мировой войной (1914 г.)

В 1913–1914 гг. ситуация на Балканах характеризовалась ростом напряженности во взаимоотношениях между Россией и Австро-Венгрией. Ближайшая задача российского правительства в регионе состояла в том, чтобы укрепить свои отношения с Сербией и Черногорией и сплотить эти страны перед угрозой нападения со стороны Австро-Венгрии. Россия стремилась также закрепить сближение с Румынией и добиться изменения ее политической ориентации на Центральные державы.

Весной 1914 г. главными соперниками на мировой арене оставались Германия и Англия. «Однако в 1913 и в первой половине 1914 г. (почти до самого начала войны) усилия британской дипломатии были направлены на то, чтобы замаскировать остроту англо-германского антагонизма, – писал В. М. Хвостов. – В эти годы Англия, во-первых, заигрывала с Тройственным союзом при определении границ Албании, во-вторых, как бы в продолжение миссии Холдена, она вела с Германией переговоры о возобновлении известного договора 1898 г. о разделе португальских колоний. Наконец, английская дипломатия перестала чинить Германии препятствия по финансированию Багдадской дороги»¹. Отношения России и Германии к началу 1914 г. были также весьма напряженными. Ухудшению взаимопонимания в значительной степени способствовала и германская военная миссия Лимана фон Сандерса на берегах Босфора. «Обе стороны стремились укрепить свои дипломатические позиции, – писал А. Тэйлор. – Но при этом у них были совершенно различные цели. Русские стремились создать настолько мощный союз с Англией и Францией, чтобы Германия побоялась начать войну; немцы же хотели бросить вызов России, прежде чем укрепится враждебный союз, и пока они по-прежнему сохраняли перевес в отношении военных сил»².

¹ История дипломатии. Т. 2. М., 1963. С. 774.

² Тэйлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе. М., 1958. С. 513.

В Петербурге к началу 1914 г. приняли решение перейти к всемерному сплочению Тройственного согласия. Открытое превращение Антанты в военно-политический союз должно было оказать сдерживающее воздействие на Германию, а в случае, если война все-таки разразится, с самого начала обеспечить России и Франции активную поддержку Британии. В мирных условиях консолидация группировки придавала бы большую эффективность ее дипломатическим шагам³.

Министр иностранных дел России С. Д. Сазонов писал в своих воспоминаниях: «Между нами и Англией не существовало решительно никакой связи, кроме не касавшегося Европы соглашения 1907 г. и начавшего крепнуть только за несколько лет до начала мировой войны сознания солидарности наших интересов ввиду той опасности, которая надвигалась со стороны Центральных европейских держав»⁴.

Предложение более тесного сближения с Англией и Францией исходило и от российского Генерального штаба, который при обсуждении в конце 1913 г. вопроса об обеспечении интересов России в Проливах сформулировал ряд пожеланий в адрес дипломатии (см. записку генерал-квартирмейстера Ю. Н. Данилова от 26 декабря 1913 г. (8 января 1914 г.). Среди них на первом месте стояло предложение «закрепить Тройственное согласие, при помощи которого могли бы быть скованы сухопутные силы Германии и флоты держав Тройственного союза в Балтийском и Средиземном морях». В черновых вариантах документа эта мысль была выражена более категорично: «Тройственное согласие перевести на положение Тройственного союза»⁵.

Российская дипломатия представляла свое объединение с Францией и Англией союзом на оборонительных началах, обеспечивавших державы от постоянной опасности, вызываемой агрессивными действиями Австро-Венгрии захватническими замыслами пангерманизма. Однако Великобритания, со свойственным ей предубеждением против европейских союзов, не стремилась к открытому военному союзу с Францией и Россией. 11 (24) февраля 1914 г. А. Никольсон во время беседы с Бенкендорфом сказал российскому послу, что он лично выступает за союз и даже Грей одобряет идею союза. Но помощник министра прибавил тотчас же, что сейчас это невозможно, и посоветовал послу проявлять больше терпения и не торопиться⁶.

³ *Игнатьев А. В.* Внешняя политика России 1907–1914. М., 2000. С. 195; *Pribram A. F.* England and the International Policy of the European Great Powers. 1871–1914. Oxford, 1931. P. 145.

⁴ *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 153.

⁵ Там же.

⁶ *МОЭИ. М., 1931–1940. Сер. 3. М., 1931. Т. 1. Посол в Лондоне – министру иностранных дел. 11 (24) февраля 1914 г. С. 10; Mowat R. W.* The Concert of Europe. L., 1930. P. 326–329.

В письме Бенкендорфу от 12 (25) февраля 1914 г. Сазонов настаивал на осуществлении предварительного согласования взглядов держав Тройственного согласия через представителей в Лондоне. «Иначе, пока державы противоположной группировки действуют, мы только совещаемся, и наше и без того слабое объединение еще более теряет силы». Одновременно Сазонов обратился с тем же предложением в Париж. Бенкендорфу поручалось переговорить по этому вопросу с Э. Греем в случае, если французский посол в Лондоне получит необходимые полномочия⁷.

Министр считал, что «одна Англия могла нам оказать ту поддержку, которая, во всякой продолжительной и тяжелой борьбе, дает окончательный перевес той стороны, в руках которой находится господство над морями». Императорское правительство стремилось к заключению с Англией «по крайней мере такого соглашения, на основании которого, при наступлении известных обстоятельств, нам могла быть оказана со стороны Англии не случайная, а наперед предусмотренная и планомерная морская помощь»⁸. За образец могла быть взята конвенция, которая была заключена между французским и английским Генеральными штабами в ноябре 1912 г. 6 (19) февраля 1914 г. Сазонов в письме Бенкендорфу отмечал, что опасность германской гегемонии может быть окончательно устранена и «всеобщий мир будет обеспечен только тогда, когда Тройственное согласие, реальность которого столь же мало доказана, как и существование морского змия, превратится в оборонительный союз без всяких секретных пунктов и обнародованный во всех газетах мира»⁹. Министр полагал, что англо-франко-русская группировка не должна больше уступать шантажу Центральных империй: «Чувствовать сильнейшим и ступешаться перед противником, превосходство которого заключается только в его организованности и дисциплине, – это не только унижительно, но и опасно, вследствие деморализации, которая проистекает отсюда»¹⁰.

На это Бенкендорф ответил: «Грей, если бы только он мог сделать это завтра же»¹¹. Это было преувеличением. Грей прикрывался ссылкой на общественное мнение и на то, что всякое предложение о союзе с Россией, бесспорно, вызвало бы роспуск либерального правительства. Он хотел оставаться в добрых, но независимых отношениях с Россией и, без сомнения, был готов оказать помощь Франции, если бы последняя подверглась нападению со стороны Германии. «Что касается вашего мнения относи-

⁷ МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. Сазонов – Бенкендорфу. 12 (25) февраля 1914 г. С. 12.

⁸ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 154.

⁹ МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. Сазонов – Бенкендорфу. 6 (19) февраля 1914 г. С. 15.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Бенкендорф – Сазонову. 12 (25) февраля 1914 г. С. 18.

тельно Грея, – писал в феврале 1914 г. Бенкендорф Сазонову, – то позвольте не согласиться с вашим мнением. Его постоянно беспокоит, вопреки всем видимостям, именно угроза германской гегемонии, он с тревогой следит за некоторыми ее успехами. Не думайте, что он слеп, – это далеко не так. Он гораздо больше кажется нерешительным, чем это есть на самом деле... Он не любит... угрожать, если только нет твердых решений относительно дальнейшего образа действий и в особенности до тех пор, пока Тройственный союз очевидным образом не поставит себя в положение явно виноватого, что необходимо для английского общественного мнения... Он уже близок к тому, чтобы поставить ловушку Тройственному союзу»¹².

6 (19) февраля в Лондоне состоялось совещание представителей трех держав – министра иностранных дел Великобритании Э. Грея, русского посла в Англии А. К. Бенкендорфа и французского посла в Лондоне П. Камбона. На заседании были установлены принципы работы совещания, составившие предмет устного соглашения представителей трех держав¹³. Председателем предстоявших совещаний стал Грей, что давало ощутимые преимущества Лондону. Дипломаты собирались встречаться на совещаниях по мере надобности, когда возникал интересовавший страну-участницу вопрос.

Российская сторона рассчитывала дополнить союзные обязательства между Петербургом и Парижем англо-французскими и особенно англо-русскими. Сазонов возбудил вопрос о формальном союзе в письме Бенкендорфу. Посол в Лондоне хорошо ориентировался в настроениях британских правящих кругов и понимал, что на открытый военно-политический союз с Россией либеральное правительство Герберта Асквита не пойдет. Вместе с тем посол приходил к заключению, что предпосылкой для общеполитического сближения с Англией должны послужить уступки ей в зависимых странах Азии. «Но почва еще требует подготовки: говоря откровенно, у нас имеются соглашения, но если мы желаем добиться серьезных результатов, то нам придется их пересмотреть»¹⁴. Английский историк А. Тэйлор считал, что Грей «не рассматривал союз как средство обеспечения мира; подобно большинству англичан, он видел во всех союзах лишь обязательство на случай войны. Кроме того, хотя он положительно относился к тому, что Россия своим влиянием способствует равновесию сил, он не был убежден, что ее интересы на Ближнем Востоке так уж жизненно важны для Англии, – пожалуй, он предпочел бы, чтобы Россия и Германия столкнулись в этом районе и основательно истошили друг друга»¹⁵.

¹² МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. Бенкендорф – Сазонову. 12 (25) февраля 1914 г. С. 18.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Тэйлор А. Указ. соч. С. 514.

8 (21) февраля 1914 г. в Петербурге под председательством Сазонова состоялось Особое совещание по вопросу о Черноморских проливах¹⁶. В нем приняли участие военный и морской министры, начальники генеральных штабов – военного и морского, представители МИДа. Исходя из возможности распада Османской империи в недалеком будущем, участники совещания должны были ответить на вопрос, могут ли быть Проливы захвачены Россией. Сазонов просил присутствующих доложить о готовности военных и морских сил России к операции в Проливах, если под влиянием событий Босфор и Дарданеллы выйдут из-под власти Турции и потребуются ими завладеть. Также предполагалось разработать план возможного выступления России в Проливах.

Министр иностранных дел открыл совещание тревожными прогнозами: «В связи с изменением политической обстановки, нельзя не предусмотреть возможность наступления, быть может даже в близком будущем, событий, которые коренным образом изменят международное положение Константинопольских проливов, и поэтому необходимо совместно выработать программу действий, направленных к обеспечению благоприятного нам разрешения исторического вопроса о Проливах»¹⁷. Сазонов считал, что помимо действий морских сил по захвату Проливов может быть также произведена и десантная операция. Министр изложил необходимые меры для ее осуществления в пяти пунктах:

- 1) ускорение мобилизации достаточного в численном отношении десантного корпуса;
- 2) оборудование потребных для этого путей сообщения;
- 3) увеличение российских транспортных средств до размеров, отвечающих потребностям десантной операции;
- 4) приведение Черноморского флота в положение, при котором он превосходил бы силы оттоманского флота и мог бы совместно с армией выполнить задачу прорыва через Проливы для их временного или постоянного занятия, если это потребуется;
- 5) был поставлен «вопрос об осуществлении так называемой перевальной железной дороги на Кавказе, который не может быть отделен от других мер по усилению средств обороны в бассейне Черного моря и на границах Турции»¹⁸.

Практически осуществить операцию по захвату Проливов оказалось совсем не просто. Начальник Генерального штаба России прежде всего указал на то, что для завладения Проливами необходимо довольно значи-

¹⁶ Вестник НКВД. 1919. № 1. Журнал Особого совещания 8 (21) февраля 1914 г.; см. также: МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. С. 70–80; Россия и Черноморские проливы... С. 302–303.

¹⁷ Вестник НКВД. 1919. № 1. Журнал Особого совещания. С. 33.

¹⁸ Там же.

тельное число войск, которое определится в зависимости от политической и стратегической обстановки при проведении операции. По его подсчету, это потребовало бы пять корпусов. Я. Г. Жилинский считал, что первый эшелон десантной армии должен высадиться одновременно и составлять от 30 до 50 тыс. человек, так как меньшее количество войск неизбежно потерпело бы поражение. Он упомянул и о возможных противниках России в этом деле. Таковыми являлись прежде всего турки, располагавшие под Константинополем 7-м корпусом¹⁹.

«Учитывая возможность того, что захват Россией Проливов вызовет протест со стороны Греции и Болгарии, – отмечал Сазонов, – то в силу их исторической вражды и взаимного противоречия интересов есть много шансов, что если одно из этих государств окажется нашим противником, то другое станет на нашу сторону, и что они таким образом парализуют друг друга»²⁰.

На вопрос, можно ли рассчитывать на поддержку Сербии, Сазонов заявил, что нельзя предполагать, чтобы действия против Проливов происходили без общеевропейской войны, и не надо думать, что при таких обстоятельствах Сербия направит все свои войска против Австро-Венгрии.

Благоприятный поворот в политике Румынии и в ее общественном мнении по отношению к России, наблюдавшийся в последнее время, позволяет сомневаться, выступит ли Румыния активно против русских. Сазонов выразил надежду, что в случае столкновения России с Тройственным союзом Германия и Австро-Венгрия бросят все силы на борьбу с Англией и Францией и никаких войск в сторону Проливов не пошлют и что «лишь в худшем случае Италия может высадить туда десантный отряд, хотя ей опасно будет оголять свою границу с Францией»²¹.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что, по мнению министра иностранных дел, действия России в отношении Проливов должны были происходить в условиях общеевропейской войны.

Начальник Генерального штаба России согласился с Сазоновым и указал на то, что борьба за Проливы вряд ли возможна без таковой войны. Ввиду этого Жилинский считал необходимым подчеркнуть, что использование войск в экспедиции против Проливов, даже самая возможность этой операции зависят от общего хода войны. Намеченные для этой экспедиции корпуса, расположенные на юге, могли быть, по словам Жилинского, «двинуты на Константинополь лишь при отсутствии борьбы на Западном фронте, все войска из внутренних округов должны быть направлены на

¹⁹ Вестник НКВД. 1919. № 1. Журнал Особого совещания. С. 34.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 35.

западную границу, ибо успешная борьба на западной границе решит благоприятно вопрос о Проливах»²².

Из слов начальника Генерального штаба российский посол в Константинополе М. Н. Гирс сделал вывод, что «если с началом войны произойдут операции на Западном фронте, то нельзя быть уверенным, окажется ли для операции завладения Проливами необходимая десантная армия и сможет ли, следовательно, сама эта экспедиция быть осуществлена, когда для нее наступит час». Гирс высказал предположение об «анархии в Константинополе», которая парализует турецкую армию и позволит двинуть кавказские корпуса на Константинополь. Жилинский счел вышесказанную мысль посла неприемлемой ввиду того, что экспедиция на Константинополь не могла избавить Россию от войны на кавказской границе, так как большая часть турецких сил была расположена в Малой Азии.

Генерал-квартирмейстер Генерального штаба Ю. Н. Данилов считал, что если десантная операция состоится, то, напротив, необходимо будет всемерно оттягивать главные турецкие силы к Кавказскому фронту и не допускать их переброски к Проливам. Он добавил к этим соображениям не менее убедительное – о низкой пропускной способности кавказских железных дорог, которые растянут концентрацию войск на Кавказе не меньше чем на три недели.

Для Данилова главным являлся Западный фронт: «Независимо от трудности выполнения задачи по захвату Константинополя, – отмечал он, – сколько бы у нас ни было войск, даже гораздо больше, чем теперь, – мы всегда должны будем предусматривать необходимость направить все наши силы на запад против Германии и Австрии»²³. Это еще раз подтверждало, что российские действия в отношении Проливов могли осуществляться только в условиях европейской войны.

Путь России к Проливам преграждали не только Германия и Австро-Венгрия. Даже очень успешные действия России на Западном фронте не гарантировали ей овладения Проливами и Константинополем. Их могли занять чужие флоты и армии, в то время как русская армия воевала бы на своей западной границе. Представитель морского Генерального штаба капитан А. В. Немитц считал поэтому, «что мы должны именно одновременно с операциями на Западном фронте занять военной силой Константинополь и Проливы, дабы успеть к моменту мирных переговоров представить другим державам совершившийся факт нашего завладения ими. Только в таком случае Европа согласится на разрешение вопроса о

²² Вестник НКВД. 1919. № 1. Журнал Особого совещания. С. 35.

²³ Там же.

Проливах на тех условиях, на которых нам это необходимо»²⁴. Немитц предлагал сформировать специально для этой цели три новых корпуса, если из состава армии нельзя выделить для этой задачи необходимого количества войск. По его мнению, «такая новая жертва вооружения не может быть признана не по силам России, если этим должно быть обеспечено достижение исторических наших задач».

Отвечая капитану Немитцу, начальник Генерального штаба указал, что мысль создать новые корпуса для Константинопольской экспедиции не является ныне осуществимой. В случае общеевропейской войны все русские войска (по плану войны, представленному совместно с французским Ген. штабом) должны быть брошены на западные границы, и операция по занятию Константинополя и Проливов не может состояться за отсутствием потребных для нее войск²⁵. Желая уточнить после происшедшего обмена мнениями отношение военного ведомства к вопросу о выделении войск для десантной операции в Проливах, Жилинский дополнил уже сказанное им по этому предмету. Проливы, по его убеждению, имеют в глазах всякого русского такое огромное значение, что при наступлении опасности их перехода из-под турецкой власти в чужие руки военное руководство не сможет отказаться от их захвата и, следовательно, тотчас отправит в Константинополь десантную армию.

Надо думать, что произойти это может не иначе как во время кризиса, вызванного общеевропейской войной. Но война в Проливах за Константинополь может предшествовать столкновению на российском Западном фронте. По мнению начальника Генерального штаба, очень вероятно, что это так и произойдет. В таком случае, конечно, нельзя говорить об отвлечении намеченных для десантной экспедиции корпусов от этой цели. Об этом может идти речь лишь при иной стратегической конъюнктуре, когда война начнется с операций на германо-австрийских границах и потребует сосредоточения всех сил на Западном фронте. По составленному на случай операции по захвату Проливов плану, как уже было упомянуто, для этой цели были намечены 7-й и 8-й корпуса.

Затем совещание приступило к обсуждению технических деталей мобилизации. Сроки эти оказалось возможным сократить до 3–4 дней, по крайней мере для десантной пехоты и кавалерии, для артиллерии же не более как до 12–14 дней. Первый эшелон мог быть посажен на суда ранее десяти дней. Жилинский указывал, что срок мобилизации с высочайшего соизволения может быть сокращен для пехотных частей первого эшелона десантной армии, то есть 13-й, 15-й дивизий и 4-й стрелковой бригады, до

²⁴ Вестник НКВД. 1919. № 1. Журнал Особого совещания. С. 35.

²⁵ Там же.

3–4 дней, а также ускорена мобилизация артиллерии 7-го и 8-го корпусов. Посадка войск на суда может занять шесть дней.

Морской министр констатировал совершенную недостаточность имеющихся в Черном море средств перевозки войск²⁶. Немитц, в свою очередь, пояснил, что со дня начала мобилизации и до высадки первого эшелона пройдет никак не менее двух недель. Он говорил: «В один рейс может быть перевезено не более 20 000 человек. Повторный рейс возможен через неделю после переброски всего десанта. Для одного рейса требуется переоборудование торгового флота, что заняло бы 2–3 года. Главным средством достижения этого является развитие нашего торгового флота в Черном море». Трубецкой уточнил, что в настоящее время 95% черноморского вывоза обслуживается иностранными судами²⁷.

Участникам совещания ничего другого не оставалось, как выразить «пожелание о безотлагательной выработке мероприятий по развитию черноморского торгового флота». Но одного торгового флота для десантной операции было недостаточно, и присутствующие перешли к обсуждению возможностей черноморских военно-морских сил.

Делопроизводитель начальника Морского генерального штаба капитан 1-го ранга Ненюков доложил, что до сего дня российскому флоту, несомненно, принадлежало господство на Черном море, но этой осенью в состав турецкого флота войдут три дредноута: два Турция заказала в Англии и дредноут «Решад V», недавно купленный у Бразилии, на который претендовала Россия. Становилось очевидным, что превосходство в Черном море вскоре перейдет к Турции. «Предстоящее усиление турецкого флота имеет весьма неблагоприятные для нас последствия, в частности, с точки зрения обсуждаемой операции занятия Проливов, – заявил Ненюков. – Пока турецкий флот будет господствовать в Черном море, нельзя будет приступить к десантной операции, не устранив предварительно господство оттоманских морских сил, и так как уничтожить их может оказаться неосуществимым для более слабого в это время русского Черноморского флота, то и самая возможность десантной операции отпадает, пока наши силы не приобретут перевеса»²⁸.

Морской министр в дополнение сообщил, что его ведомством намечено дальнейшее значительное усиление российского Черноморского флота в ближайшие годы. По имеющимся сведениям, аргентинское правительство может согласиться продать строящиеся в США линейные корабли «Ривадавия» и «Морено», а чилийское правительство – «Амиранте Латторе». Вследствие отсутствия на рынке других крупных военно-

²⁶ Вестник НКВД. 1919. № 1. Журнал Особого совещания. С. 37.

²⁷ Там же. С. 38.

²⁸ Там же. С. 39.

морских судов приобретением их Россия устранила бы возможность дальнейшего усиления турецкого флота и, с другой стороны, ускорила бы развитие собственных морских сил. Императору «благоугодно было» согласиться с этими соображениями и распорядиться приобрести продающиеся за границей дредноуты. Они могли бы составить ядро новой русской Средиземноморской эскадры, стратегической задачей которой было бы компенсировать преобладание турецкого флота в Черном море. Идею покупки дредноутов одобрили Гирс, Сазонов и другие²⁹.

Неблагоприятное соотношение российских и турецких военно-морских сил должно было начать сокращаться с лета 1915 г., если Турция не приобретет готовых линейных кораблей, чему, как показало прошлое, вряд ли могут помешать финансовые трудности. К концу 1915 г. Черноморский флот должен был усилиться тремя строящимися дредноутами типа «Екатерина II» и в 1916 г. – двумя крейсерами. Было решено спешно построить к 1917 г. еще два крейсера, восемь миноносцев и шесть подводных лодок. Совещание пришло к неутешительным выводам и высказалось за проведение следующих мер:

1) укомплектовать десантный отряд; чтобы первый эшелон десантных войск (13-я и 15-я дивизии и 4-я стрелковая бригада), намеченные для Константинопольской экспедиции, были доведены до 84-х рядового состава рот;

2) привести в готовность артиллерийские части Одесского округа и ввести усиленную запряжку в мирное время, предусмотренную для пограничных округов;

3) подготовить транспортные средства для перевозки войск. Совместными усилиями министерств: финансов, торговли и промышленности, морского принять самые срочные действительные меры к усилению наших транспортных средств в Черном море, и, в частности, чтобы правительством России заключены были с субсидируемыми пароходными обществами соглашения об увеличении их флотов и притом судами, в отношении оборудования удовлетворяющими специальным условиям перевозки войск;

4) изыскать способ сокращения сроков доставки первого эшелона десанта до 4–5 дней. Морскому ведомству было поручено в ближайшем будущем изыскать способ сократить срок, потребный для перевозки к Проливам первого эшелона десантной армии в размере одного корпуса до 4–5 дней со дня отдачи о том приказа;

5) возможно скорее усилить Черноморский флот второй бригадой наиболее современных и мощных дредноутов;

²⁹ Вестник НКВД. 1919. № 1. Журнал Особого совещания. С. 39.

б) возможно скорее подготовить железные дороги для доставки войск, чтобы в скором времени был закончен сплошной двухколейный путь от Тифлиса через Карс, Сарыкамыш к Караугану и была сооружена перевальная дорога; кроме того, необходимо проведение линии от станции Михайлово через Боржом до Карса (с веткой на Ольты) и желательное сооружение частными предпринимателями линии от Батуми до Карса³⁰. Особое совещание пришло к выводу, что посылка экспедиционного корпуса к Проливам могла бы иметь место только во время кризиса, который привел бы к всеобщей европейской войне, а в этом случае необходимо было бы развернуть все войска на Западном фронте против Германии и Австрии. Поэтому не следует предпринимать никакой сепаратной десантной экспедиции, но для нее должны быть сделаны заранее все приготовления³¹.

«Я помню, – писал в своих мемуарах Сазонов, – под каким безотрадным впечатлением нашей полной военной неподготовленности я вышел из этого совещания. Я вынес из него убеждение, что если мы и были способны предвидеть события, то предотвратить их не были в состоянии. Между определением цели и ее достижением у нас лежала целая бездна. Это было величайшим несчастьем России»³².

«Практические результаты совещания непосредственно для подготовки Босфорской экспедиции были весьма невелики. Участники его ограничились лишь непосредственными пожеланиями» – такой вывод сделал отечественный исследователь К. Ф. Шацилло. «Много ли значило, – рассуждает исследователь, – например, адресованное в Министерство торговли и промышленности указание о необходимости срочно развить транспортные средства на Черном море, если оно не подкреплялось соответствующими денежными ассигнованиями? Нельзя было без специальных ассигнований усилить подготовку выделенных для десанта войск Одесского округа. Между тем в этом округе в “неприкосновенных” запасах военного времени недоставало 51% легких орудий, 100% пулеметов мортирных, 82% зарядных ящиков, 100% пулеметов, 42% трехлинейных винтовок, 100% карабинов. Плохо было и с боезапасом, недостача которого до нормы колебалась от 8% (3-дюймовые шрапнели) до 62% (ружейные патроны)»³³.

³⁰ Вестник НКВД. 1919. № 1. Журнал Особого совещания. С. 42.

³¹ В зарубежной историографии «Особое совещание 1914 г.» рассматривается в работах: *Mowat R. W. The concert of Europe*. L., 1930. P. 330–331; *Gooch G. P. Before the War. Studies in Diplomacy*. Vol. 2. L., 1938; *Kent M. The Great Powers and the End of the Ottoman Empire*. L., 1984. P. 95.

³² Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 151.

³³ Шацилло К. Ф. Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны (1906–1914). М., 1978. С. 108.

Из протоколов Особого совещания американский исследователь С. Фей сделал вывод, что «Сазонов имел в виду насильственный захват Проливов, но военные специалисты считали этот план нецелесообразным; они хотели сохранить войска неприкосновенными для применения их на главном театре военных действий против Германии и Австрии. Но все единодушно согласились на том положении, что Россия не может отдать Проливов в руки какой-нибудь другой державы. Поэтому должны быть предприняты полностью подготовительные меры для десантной экспедиции к Проливам в случае, если европейские осложнения подадут к этому повод. Возможность таких осложнений допускалась в будущем, но не ожидалась в данный момент»³⁴.

М. Н. Покровский в своей статье «Три совещания» комментировал и совещание 8 февраля 1914 г. «Для начала единоборства за Константинополь... нужна была отсрочка, может быть, года на три», – писал он³⁵. Протоколы Особого совещания были представлены царю 5 апреля и получили его полное одобрение.

Государственная дума вотировала 112 млн руб. на выполнение программы по усилению Черноморского флота на период 1914–1917 гг. Из них на 1914 г. было ассигновано только 25 млн руб.³⁶, из чего можно сделать вывод, что не предполагалось проводить никакой немедленной экспедиции против Константинополя, если, конечно, ничто не нарушит статус-кво и не вызовет европейской войны. В Петербурге пришли к выводу, что действия России в Проливах будут происходить в обстановке общеевропейской войны одновременно с операциями на Западном фронте против Австрии и Германии.

Весной 1914 г. газетная война между Россией и Германией разгорелась с новой силой. Анонимный автор в «*Berliner Tageblatt*» (Берлинер Тагеблат) в своей статье «Русский сосед» предлагал объявить войну России, пока она не закончила реорганизацию своих военных и морских сил. Взрывом ответной бомбы явилось выступление 27 февраля (12 марта) «Биржевых ведомостей» с анонимной статьей «Россия хочет мира, но готова к войне». Авторство этой статьи – пустой, хвастливой, но задорной – приписывалось царскому военному министру Сухомлинову. «Несомненно, что в Петербурге все чаще считалось признаком хорошего тона проявлять ненависть к немцам, а в Берлине – к русским»³⁷, – писал Г. Хальгартен.

³⁴ Фей С. Происхождение мировой войны. Т. 1. М., 1934. С. 371.

³⁵ Покровский М. Н. Три совещания // Он же. Империалистская война: Сб. статей. М., 1934. С. 122–123.

³⁶ Красный архив. М., 1930. Т. 51. Думский протокол. От 17 (30) марта 1914 г. С. 15.

³⁷ Хальгартен Г. Империализм до 1914 г. М., 1961. С. 655.

Однако британский посол в Петербурге Дж. Бьюкенен придавал большое значение сообщениям в прессе. Он подробно пересказал содержание этой эпатажной статьи своему руководству³⁸. В марте 1914 г. «Новое время» опубликовало ряд «салонных» бесед с русским государственным деятелем, в котором легко было узнать графа Витте. Суть их сводилась к тому, что необходимым условием постоянного мира является перегруппировка держав. Витте считал, что главным рычагом русской иностранной политики является возможно более тесное соединение с Германией, и поэтому называл англо-русское согласие ошибкой, связавшей России руки. Подобных же взглядов придерживалась и прогерманская партия при императорском дворе, противопоставляя материальную выгоду союза с Германией проблематичной пользе соглашения с Англией³⁹. «Даже очень расположенные к нам лица, – писал в своих мемуарах Бьюкенен, – задавали себе вопрос о практическом смысле соглашения с государством, на активную поддержку которого нельзя рассчитывать в случае войны»⁴⁰. 5 марта в палате общин Грей произнес большую речь по вопросам внешней политики. В речи он выдвинул на первый план утверждение, что наличность Тройственного согласия во многом способствовала сохранению европейского мира в течение двух последних тревожных лет. Далее министр указал, что в будущем Англия намерена всячески поддерживать и охранять основы Тройственного согласия, как наилучшего мирного фактора в современной международной политике⁴¹. Россия, однако, предвидела в ближайшем будущем неизбежное столкновение с Центральными державами и поэтому предпринимала меры по установлению более определенного соглашения с Англией. 18 (31) марта 1914 г. российский посол в Париже А. П. Извольский говорил Сазонову, что англо-французские отношения определились к марту 1914 г. двумя актами – военно-морским и политическим соглашениями⁴². «Первое из этих соглашений, военно-морское, по словам, сказанным мне бывшим министром иностранных дел Франции г-ном Жоннаром, в техническом отношении еще более разработано, нежели такое же соглашение между Францией и Россией, но с другой стороны, в отличие от русско-французской военной конвенции и дополняющей ее морской конвенции оно носит лишь факультативный характер»⁴³. «Политическое соглашение,

³⁸ В. D. Vol. X. P. 2. L. 1931. № 527. Sir G. Buchanan to Sir E. Grey. March 15. 1914. P. 768; Hale O. J. *Publicity and Diplomacy with special reference to England and Germany 1890–1914*. L., 1940.

³⁹ Ibid. P. 777. № 536. Sir G. Buchanan to Sir E. Grey. March 31. 1914.

⁴⁰ Бьюкенен Дж. Воспоминания. М., 1991. С. 120.

⁴¹ Известия Министерства иностранных дел. Кн. III. Пг. 1914. С. 177.

⁴² АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 711/770. Извольский – Сазонову. 18 (31) марта 1914 г. Л. 120; Dickinson G. L. *The International Anarchy 1904–1914*. L., 1937. P. 399–400.

⁴³ Там же.

хотя и изложено на письме, – рассуждал Извольский, – также не имеет связующего значения; вопрос в том, примет ли Англия или нет участие в войне, будет решен великобританским правительством сообразно с обстоятельствами; но если по ходу событий Англия решится на совместные с Францией активные действия, военно-морское соглашение вступит автоматически в силу»⁴⁴.

Далее Извольский сообщал, что в апреле в Париж приедут король Георг и сэр Э. Грей, который будет сопровождать монарха. Посол надеялся, что ему представится случай поднять этот вопрос перед британским министром⁴⁵. Извольский возлагал надежды на французских коллег. Французский министр иностранных дел Г. Думерг и президент Р. Пуанкаре могли бы в этом отношении оказать полезное влияние на лондонский кабинет. «Лично мне кажется, – писал Извольский, – что предстоящие беседы между руководителями французской и английской внешней политики могли бы подать весьма удобный случай для выяснения того, до какой степени лондонский кабинет был бы склонен вступить на путь более тесного соглашения с Россией. Вопрос о форме и содержании подобного соглашения должен обсуждаться непосредственно между нами и англичанами»⁴⁶.

Сазонов, со своей стороны, вел активные переговоры с британским послом в Петербурге и не скрывал желания превратить Тройственное согласие в союз⁴⁷.

В письме, которое Сазонов написал Извольскому 20 марта (2 апреля) 1914 г. относительно выраженного им предположения о возможности начала обмена мыслями о морском соглашении между Россией и Англией во время приезда английской королевской четы с сэром Э. Греем в Париж, российский министр выражал мысль о желательности более тесной связи между державами Тройственного согласия: «По этому поводу считаю долгом сказать Вам, что дальнейшее укрепление и развитие так называемого Тройственного Согласия и, по возможности, превращение его в новый Тройственный Союз представляется мне насущной задачей. Вполне обеспечивая международное положение России, Франции и Англии, такой союз, в виду отсутствия у названных Держав завоевательных замыслов, не угрожал бы никому, а являлся бы лучшим залогом сохранения мира в Европе»⁴⁸.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 711/770. Извольский – Сазонову. 18 (31) марта 1914 г. Л. 120; *Dickinson G. L. The International Anarchy 1904–1914. L., 1937. P. 399–400.*

⁴⁵ МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. Посол в Париже министру иностранных дел. 18 марта 1914 г. С. 18–20.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ B. D. Vol. X. P. 2. № 534. Sir G. Buchanan to Sir A. Nicolson. March 5. 1914. P. 775; *Steiner Z. The foreign office and the foreign policy. Cambridge, 1969. P. 153.*

⁴⁸ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 323/327. Сазонов – Извольскому. 2 апреля 1914 г. Л. 15.

Российская дипломатия отнюдь не собиралась отказываться от идеи союза с Британией. 15 (28) апреля 1914 г. Сазонов продолжал объяснять Бенкендорфу все преимущества соглашения: «Не лучше ли со всех точек зрения предохранить себя раз и навсегда против бесконечного числа опасностей, связанных с подобной взаимностью, актом политической предусмотрительности, который пресечет в корне растущее честолюбие Германии». Сазонов считал, что «если соглашение между Россией и Англией будет открытым, то Германия не посмеет нарушить равновесие в Европе»⁴⁹. Сазонов предписал Бенкендорфу ставить этот вопрос «возможно чаще»⁵⁰.

Далее была пущена в ход «тяжелая артиллерия» – царь лично вступил в переговоры. 21 марта (3 апреля) Николай II пригласил на частную аудиенцию английского посла Дж. Бьюкенена. Царь целиком посвятил беседу замыслу союза. «Мы говорили, – писал Дж. Бьюкенен, – о взглядах, выраженных графом Витте в нововременских статьях, и его величество высмеял мысль о перегруппировке держав»⁵¹.

Император сетовал, что, несмотря на все старания, которые Россия приложила к сохранению хороших отношений с Германией, союз с ней был невозможен «еще и потому, что Германия старалась занять такое положение в Константинополе, которое позволило бы ей запереть Россию в Черном море»⁵². Царь сказал Бьюкенену: «Я бы очень хотел видеть тесную связь между Англией и Россией вроде союза чисто оборонительного характера». Бьюкенен заметил, что в настоящее время это неосуществимо.

Тогда царь предложил заключить какой-либо договор вроде того, который существует между Англией и Францией, и добавил, что можно было бы с успехом организовать сотрудничество британского и русского флота. Он настойчиво развивал аргументы в пользу этой идеи как с точки зрения сохранения мира, так и эффективности Тройственного соглашения. Бьюкенен не скрыл, что союз вряд ли приемлем для его правительства, чем Николай был очень разочарован. Если сент-джеймский кабинет отклоняет политику, которую он, император, так твердо предлагает, заявил он, то само существование Тройственного соглашения вызывает сомнение⁵³.

В конце опубликованного в «Британских документах» письма Бьюкенена Грей сделал очень важный комментарий: если Франция согласится, мы можем позволить русским знать, что происходило между нашими

⁴⁹ МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. Министр иностранных дел – послу в Лондоне Бенкендорфу. 15 (28) апреля 1914 г. С. 26.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 121.

⁵² Там же; Kazemazadeh F. Russia and Britain in Persia 1864–1914. L., 1968. P. 676–677.

⁵³ B. D. Vol. X. P. 2. № 537. Sir G. Buchanan to Sir E. Grey. April 3. 1914. P. 780.

военными и морскими властями, но нам было бы лучше как можно дольше откладывать обсуждение этого вопроса⁵⁴.

Через несколько дней, 7 (20) апреля 1914 г., Бенкендорф убеждал Сазонова, что Англия пойдет на союз, за что выступают Никольсон и Керзон, но ждут перемены в общественном мнении страны. Бенкендорф писал, что на визит короля не стоит слишком рассчитывать. «Я могу только сказать, что если Англия не играет сейчас в мире той роли, которая, несмотря на все, ей принадлежит и которая к ней несомненно вернется, то скоро она это обнаружит»⁵⁵.

9 (22) апреля 1914 г. Извольский в разговоре с французским министром иностранных дел затронул вопрос о более тесном соглашении между Россией и Англией. Г. Думерг самым положительным образом подтвердил послу свое намерение при предстоящем свидании с сэром Э. Греем высказаться в пользу подобного соглашения. Думерг считал, что «будет весьма легко найти в пользу этой мысли убедительные аргументы, ибо вполне очевидно, что, раз Франция имеет отдельные военно-морские соглашения с Россией и Англией, система эта должна быть координирована и дополнена заключением соответствующего соглашения между Россией и Англией»⁵⁶.

Министр полагал, что русско-английское соглашение должно принять форму морской конвенции и что при этом могут потребоваться технические совещания между всеми тремя Морскими генеральными штабами. Думерг сказал Извольскому, что Франция и Англия не связаны никакими политическими обязательствами, но что если по ходу событий обе державы будут приведены к совместным активным действиям, они будут руководствоваться выработанными Генеральными штабами техническими соглашениями⁵⁷.

Заинтересованность России в соглашении с Англией нашла отражение в публикации петербургской газеты «Вечернее время» от 9 апреля. В статье «О превращении Тройственного согласия в Тройственный союз» говорилось о призыве петербургского правительства к Лондону о создании открытого военно-политического союза. Новость не прошла незамеченной в Европе. Извольский сообщал из Парижа, что во Франции решили, что Россия «разрабатывает план более тесного соглашения и даже союза между Россией и Англией. Посол считал, что обсуждение этого вопроса

⁵⁴ В. D. Vol. X. P. 2. № 537. Sir G. Buchanan to Sir E. Grey. April 3. 1914. P. 783.

⁵⁵ МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. Посол в Лондоне – министру иностранных дел. 9 (22) апреля 1914 г. С. 24.

⁵⁶ Там же. Посол в Париже – министру иностранных дел. 9 (22) апреля 1914 г. С. 24.

⁵⁷ Там же.

накануне приезда туда короля Георга и Грея очень нежелательно»⁵⁸. Со своей стороны, Извольский обещал принять меры к тому, чтобы такие крупные газеты, как «Temps» (Темпс) и «Matin» (Матэн), не касались этого предмета. Российский посол передал Сазонову слова французского поверенного в делах Флерио, что «сэр Э. Грей считает, что дальнейшее развитие и скрепление уз, связывающих три державы, могло бы осуществиться лишь после новых предварительных обменов взглядов Англии отдельно с Францией и Россией, по вопросам, непосредственно касающимся ее к ним отношений, так как самое возникновение Тройственного соглашения явилось результатом особых соглашений, основанных на взаимных интересах Англии с каждой из этих держав»⁵⁹. Грею представлялось некорректным в разговорах с французскими государственными деятелями касаться подробностей англо-русского договора.

Российская дипломатия вынуждена была на следующий день опровергнуть себя. 10 (23) апреля в наделавшем шума «Вечернем времени» появилось официальное сообщение: «В действительности, – говорилось в нем, – русское правительство, постоянно относясь самым сочувственным образом к дальнейшему укреплению уз, связывающих Россию, Францию и Англию, и видя в более тесном сближении названных государств верный залог мира в Европе, вместе с тем не подымало вопроса о превращении “согласия” в “союз”»⁶⁰. Таким образом, для английского правительства и не было повода отнестись, как сказано в статье «Вечернего времени», крайне холодно к предложению русского Министерства иностранных дел, так как такого предложения и не было вовсе. Русская дипломатия пошла на попятную, опасаясь негативной реакции Лондона.

Известный историк Покровский обнаружил в архивах царского правительства секретное письмо от 11 (24) апреля 1914 г. французского посла в Петербурге Палеолога Думергу в Париж. Посол сообщал министру, «что весь последний разговор императора с его министром иностранных дел перед отъездом в Крым был посвящен целиком вопросу англо-русского союза [сбоку вопросительный знак простым карандашом]». Обсуждая более или менее близкую угрозу столкновения между Россией и Германией, его величество предусматривал также возможность возобновления враждебных действий между Грецией и Турцией. В этом случае оттоманское правительство закроет Проливы. Россия не могла бы отнестись равнодушно к этой мере, столь вредной для ее торговли и для ее престижа. «Чтобы вновь открыть проливы, – сказал его величество – я прибегну к силе».

⁵⁸ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 323/327. Секретная телеграмма посла в Париже. 29 марта (12 апреля) 1914 г. Л. 26.

⁵⁹ Там же. Л. 28.

⁶⁰ Вечернее время. 1914. 28 марта (11 апреля).

Но не встанет ли тогда Германия на сторону Турции? Вот в этом возможном вмешательстве Германии император Николай и «видел главную опасность новых осложнений, грозящих Востоку. Чтобы помешать Турции получить помощь Германии и в особенности чтобы обеспечить себе (в подлиннике – пробел), он надеется на быстрое заключение соглашения с Англией»⁶¹.

Палеолог сообщал Думергу, что «император Николай заявил мне, что он был бы очень благодарен г. президенту, если тот в разговоре с королем Георгом приведет доводы, требующие, согласно его мнению, сближения англо-русских отношений», и добавил, что Сазонов был бы рад всякому сообщению по поводу разговоров французов с сэром Эдуардом Греем⁶². В конце апреля Грей сопровождал Георга V в Париж. Французские дипломаты не могли упустить случая помочь России, тем более что Сазонов согласился на такое посредничество. В Париже Пуанкаре и Думерг стали убеждать приехавшего вместе с монархом Грея установить более близкие отношения с Россией.

Грей согласился обсудить с Россией вопрос о заключении секретной военно-морской конвенции. Сазонов выразил пожелание дополнить морскую конвенцию условным политическим соглашением по образцу писем, которыми обменялись Грей и Камбон⁶³. С. Д. Сазонов писал позднее в воспоминаниях: «Особых надежд на визит не возлагали. Это было не более чем прощупывание почвы, и в случае благоприятного ответа со стороны Грея переговоры должны быть перенесены в Лондон и вестись графом Бенкендорфом с великобританским правительством»⁶⁴.

29 апреля (12 мая) Извольский «весьма доверительно» сообщил Сазонову о визите англичан. Этим переговорам придавалось столь большое значение, что каждое слово из сообщения в печати по поводу визита короля редактировалось Камбоном, «было тщательно взвешено и проверено не только им самим, но и сэром Эдуардом Греем, который всецело одобрил упоминание в нем России, а также указание, что целью трех держав является поддержание не только “мира”, но и “равноправия”»⁶⁵.

Закончив обсуждение вопросов текущей политики – писал Извольский, «Думерг перешел к вопросу об отношениях между Россией и Англией и высказал сэру Эдуарду Грею условленные между ним и мною пожелания; при этом он выставил в пользу более тесного англо-русского соглаше-

⁶¹ Покровский М. Н. К вопросу о виновниках войны // Он же. Империалистская война. С. 110.

⁶² Там же.

⁶³ МОЭИ. Сер. 3. Т. 1.

⁶⁴ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 155.

⁶⁵ МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. № 16. Посол в Париже – министру иностранных дел 29 апреля (12 мая) 1914 г. С. 26–29.

ния главным образом два аргумента: 1) усилия Германии отвлечь нас от Тройственного согласия, как являющегося будто бы неналаженной и слабой политической комбинацией, и 2) возможность, путем заключения между нами и Англией морской конвенции, освободить часть английских морских сил для энергичных действий не только в Балтийском и Немецком морях, но и в Средиземном море (г. Думерг указал, между прочим, сэру Эдуарду Грею, что через два года у нас будет в Балтийском море сильная эскадра, составленная из дредноутов).

«Сэр Эдуард Грей ответил г. Думергу, что лично он вполне сочувствует высказанным им мыслям и был бы вполне готов заключить с Россией соглашения наподобие тех, которые существуют между Англией и Францией; он не скрыл, однако, от г. Думерга, что не только в среде правительственной партии, но даже среди членов кабинета имеются элементы, против России предубежденные и мало склонные к дальнейшему сближению с нею; он выразил, тем не менее, надежду, что ему удастся склонить г. Асквита и других членов кабинета к своей точке зрения, и предложил следующий *modus procedendi*: прежде всего оба кабинета – лондонский и парижский, могли бы по взаимному уговору сообщить санкт-петербургскому кабинету все существующие между Францией и Англией соглашения, а именно: 1) выработанные генеральными и морскими штабами сухопутную и морскую конвенции, имеющие... так сказать, условный характер, и 2) политическое соглашение, оформленное обменом писем между сэром Эдуардом Греем и французским послом в Лондоне; в письмах этих выражено, что в случае, если по ходу событий Англия и Франция решаются на совместное активное выступление, “они примут во внимание” указанные конвенции.

Одновременно с этим сообщением лондонский и парижский кабинеты могли бы спросить нас, как мы относимся к затронутому в нем предмету, а это могло бы, в свою очередь, подать нам повод приступить к обмену мнениями с Англией о заключении соответствующего англо-русского соглашения. По мысли сэра Эдуарда Грея, между нами и Англией могла бы быть заключена лишь морская, а не сухопутная конвенция, ибо сухопутные силы Англии уже заранее распределены и, очевидно, не могут кооперировать с русскими. Сэр Эдуард Грей присовокупил, что тотчас по возвращении в Лондон он предложит вышеизложенный план действий на обсуждение г. Асквита и других своих коллег.

На вопрос г. Думерга, не думает ли он, что было бы желательно придать соглашениям между Россией, Францией и Англией форму не параллельных соглашений, а единого “тройственного” соглашения, сэр Эдуард Грей ответил, что лично он не исключает подобной возможности, но что об

этом может быть речь впоследствии, в связи с технической выработкой предполагаемого англо-русского соглашения»⁶⁶.

А. Тэйлор, анализируя документы, освещающие визит короля и Грея в Париж, обратил внимание на высказывание Грея: «Если бы Франция подверглась действительно агрессивному угрожающему нападению со стороны Германии, то возможно, что общественное мнение Англии оправдало бы действия правительства по оказанию помощи Франции. Но Германия едва ли замышляет агрессивное и угрожающее нападение на Россию; и даже если бы такое нападение последовало, публика в Англии склонилась бы к мнению, что, хотя вначале Германия, быть может, и добилась бы некоторых успехов, ресурсы России настолько велики, что в конечном итоге силы Германии истощились бы даже в том случае, если бы мы не оказали помощи России»⁶⁷. Историк отметил, что «французам такой ответ пришелся не по душе. Они считали, что Англия и Россия отдают их Германии в качестве заложников, и никогда еще, с тех пор как Делькассе перед русско-японской войной выдвинул план создания Тройственного согласия, их стремление сблизить эти две державы не было так велико»⁶⁸.

Большое значение российское правительство придавало отношениям с Турцией. Возможное усиление боевого значения турецких морских сил озаботило российское Морское министерство, тем более что ему было известно, что турецким правительством было сделано несколько крупных заказов английским судостроительным обществам и что помимо этого в Константинополе прилагались все усилия, чтобы приобрести через Бразилию американские дредноуты.

Несмотря на слабость своих позиций в Константинополе, Россия не теряла надежды, что в случае войны Османская империя сохранит нейтралитет. Россия отказалась от проекта автономии для Турецкой Армении, согласилась на уменьшение запретной зоны для строительства железных дорог в Малой Азии и сделала некоторые другие уступки Порте, которые свидетельствовали о стремлении Петербурга добиться улучшения отношений с Турцией. Та же цель преследовалась во время приема турецкой правительственной делегации в Ливадии в мае 1914 г.

Вопрос о Константинополе и Проливах оставался для русских помещиков и капиталистов вопросом «первостепенной важности». «Отвечая на приветствия послов, государь сказал им, что он рад видеть у себя чрезвычайное турецкое посольство, что питает как к султану, так и к турецкому народу дружественные чувства и искренне желает им благополучия и

⁶⁶ МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. № 16. Посол в Париже – министру иностранных дел 29 апреля (12 мая) 1914 г. С. 85–86. «The Times» особенно восторженно отнеслась к высказыванию Пуанкаре: «Антанта – залог европейского равновесия». The Times. 23 Apr. 1914.

⁶⁷ Тэйлор А. Указ. соч. С. 514.

⁶⁸ Там же.

процветания, – писал Сазонов в воспоминаниях. – Государь прибавил, что он ничего не ожидает от турецкого правительства и желает только одного, чтобы оно оказалось хозяином в своем собственном доме и не передавало у себя власти в чужие руки, чем, по его мнению, были бы обеспечены добрососедские отношения между Россией и Оттоманской империей»⁶⁹. Так как для захвата Проливов у царизма в то время возможностей не существовало, российские правящие круги продолжали придерживаться мнения о необходимости поддержания статус-кво Османской империи⁷⁰.

2 (15) мая 1914 г. Турция, несмотря на свои финансовые трудности, подписала договор с Норманом о постройке шести контрминоносцев и еще тремя днями позже договор с Крезо-Шнейдером о двух подводных лодках стоимостью 2 млн 200 тыс. франков каждая, сообщал Гирс⁷¹.

Между тем Великобритания не проявляла активности по сближению с Россией. Бенкендорф сообщал Сазонову, что Грей собирается поднять вопрос о соглашении в парламенте примерно через неделю. Нежелание Англии вступить в открытый союз Бенкендорф объяснял тем, что «открытый союз, как бы осторожен он ни был, встретит в Англии, в первую очередь в либеральной партии, да и не только у нее, настолько сильную и открытую оппозицию, что большая часть предусмотренных союзом политических результатов окажется парализованной. Я думаю, что при этих условиях союз ничего ни стоит, он мало чем дополнителен гарантии, которая Англия предлагает России и Франции, но создаст, напротив, значительно более благоприятную почву для агитации, которой Германия придает сейчас большее значение, чем когда бы то ни было»⁷².

На следующий день Бенкендорф писал, что Англия не хотела связывать себя какими-то обязательствами с другими державами на континенте, так как она считала, что тогда ее политика станет более зависимой и менее плодотворной. «С другой стороны, она не усматривает в этом необходимости. Грей обещал поддержать проект о соглашении с Россией, предложенный французским кабинетом. Это значит: предвидеть войну – да, вступить в союз – нет»⁷³.

6 (19) мая 1914 г. из осведомленного источника Гирсу сообщили, что гамбургская фирма «Блом унд Фосс» предлагала Турции приобрести крейсер, строящийся на ее верфях для германского флота. Три месяца тому

⁶⁹ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 160.

⁷⁰ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XIX в. М., 1978. С. 379.

⁷¹ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 462/481. Секретная телеграмма посла в Константинополе. 19 апреля (2 мая) 1914 г. Л. 104.

⁷² МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. Посол в Лондоне – министру иностранных дел 5 (18) мая 1914 г. С. 31.

⁷³ Там же. Посол в Лондоне – министру иностранных дел. 6 (19) мая 1914 г. С. 31.

назад Порта обращалась к названной фирме с предложением уступить ей крейсер, но сделка так и не состоялась⁷⁴.

На следующий день, 7 (20) мая 1914 г., Извольский сообщал Сазонову, что он проверил сведения и подтверждает данные российского морского агента о строящихся в последнее время во Франции судах для турецкого военного флота. В середине апреля турецкий транспорт «Ришад Паша» привез 7 канонерских лодок, предназначенных для службы в Персидском заливе⁷⁵. Столь неприятные известия сильно встревожили Сазонова: усиление турецкого флота было не в интересах России.

Между тем Россия при поддержке Англии также хотела приобрести строящиеся за границей корабли. В письме Бенкендорфу в Лондон 25 апреля (8 мая) 1914 г. Сазонов поставил посла в известность о том, как быстро увеличивается турецкий флот. «Утрата господства на Черном море может иметь для нас роковые последствия, а потому, разумеется, нельзя спокойно относиться к дальнейшему и притом столь быстрому развитию Оттоманских морских сил»⁷⁶. «Конечно, и с нашей стороны, – писал Сазонов, – принимаются меры к усилению Черноморского флота, но, как известно, мы в этом отношении поставлены в неравные с Турцией условия; так, благодаря существующим стеснительным правилам о Проливах мы принуждены строить суда на месте, тогда как Турция, приобретая корабли за границей, может беспрепятственно вводить их в Черное море»⁷⁷.

Россия не имела возможности обеспечить достаточную оборону своего южного побережья, и это могло при дальнейшем усилении турецкого флота выдвинуть, помимо ее воли, вопрос о пересмотре существующего ныне положения о Проливах. «Но, искренне стремясь избежать всяких поводов к осложнению на почве восточного вопроса, мы желали бы сохранить подобающее нам положение на Черном море, не прибегая к мерам чрезвычайным. Для этого нам было бы весьма важно, чтобы развитие турецкого флота по крайней мере не шло более скорыми шагами, нежели возможно для нас»⁷⁸. Сазонов просил Бенкендорфа попытаться переговорить о вышеизложенном с сэром Э. Греем и сказать ему, что Россия была бы весьма признательна, если бы он мог оказать влияние на адмирала Лимпуса в желательном для царского правительства смысле. В письме Сазонов напомнил о том, что во время осложнений, связанных с миссией генерала Лимана фон Сандерса, Грей выказал в отношении России

⁷⁴ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 462/481. Секретная телеграмма посла в Константинополь. 6 (19) мая. 1914 г. Л. 108.

⁷⁵ Там же. Извольский – Сазонову 7 (20) мая 1914 г. Л. 109.

⁷⁶ Там же. Сазонов – Бенкендорфу. 25 апреля (8 мая) 1914 г. Л. 111.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

большую предупредительность и даже выражал готовность содействовать полному отстранению англичан от воссоздания турецкого флота. «Кроме того, мы полагаем, что если в Англии склонны идти навстречу ясно обнаруживаемому нами желанию к большему сближению между Россией и Великобританией, то последней следовало бы пользоваться случаями со своей стороны на деле показать нам свою готовность считаться с нашими насущными интересами»⁷⁹.

Бенкендорф сообщал руководству, что Грей со всей своей горячностью обещал передать императорскому правительству письма, которыми обменялись Грей и Камбон, а также выслушать российские предложения. Бенкендорф писал, что «Грей займется вопросом соглашения через неделю и думает о более тесном сближении Тройственного согласия, которое даже не исключает союза по примеру группы трех других держав. Тем не менее Грей продолжал считать открытый союз невозможным. Он добавил: “Но вы же видите, что даже теперь мы не имеем союза с Францией”»⁸⁰.

Бенкендорф, чтобы смягчить отказ, объяснял Сазонову, что «совершенно ясно, что, говоря таким образом, Грей имел в виду политический союз, заключенный по всем правилам международного права, утвержденный парламентом, и т.д.»⁸¹.

По желанию английской стороны переговоры должны были вестись в Лондоне между первым лордом Адмиралтейства принцем Луи Баттенбергским и русским морским агентом капитаном 1-го ранга флигель-адъютантом Н. А. Волковым при участии французского морского атташе. Грей считал, что переговоры с Россией должны касаться только вопроса о сотрудничестве флотов⁸². О ходе переговоров Волков должен был сообщать Бенкендорфу и во всех необходимых случаях обращаться к нему за содействием⁸³.

Историк Покровский с иронией комментировал действия русской дипломатии: «Чтобы не возбуждать внимания заинтересованных лиц, а наипаче германской дипломатии, решено было, в противность тому, как было поступлено при заключении франко-русской морской конвенции (то ведь был секрет Полишинеля, а это был настоящий секрет), не двигать с места больших колпаков военно-морского мира, а послать людей помельче, передвижения которых из города в город газеты не замечают»⁸⁴.

⁷⁹ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 462/481. Сазонов – Бенкендорфу. 25 апреля (8 мая) 1914 г. Л. 112.

⁸⁰ МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. Посол в Лондоне – министру иностранных дел. 9 (22) мая 1914 г. С. 34.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. Посол в Лондоне – министру иностранных дел 14 (27) мая 1914 г. С. 35.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Покровский М. Н. К вопросу о виновниках войны. С. 111.

Посетивший министра 16 (29) мая 1914 г. французский посол сообщил, что, согласно полученной им из Парижа телеграммы великобританское правительство решило уполномочить английский морской Генеральный штаб вступить в переговоры с французским и русским военно-морскими агентами в Лондоне с целью выработать технические условия возможного взаимодействия морских сил Англии, России и Франции⁸⁵. Палеолог заявил, что по договоренности между английским и французским правительствами России должно быть сообщено содержание заключенных до сих пор между ними соглашений на случай совместных военных действий на суше и на море. В тот же день Палеолог сообщил новости своему руководству и отметил, что ему еще неизвестно решение российского правительства, но Сазонов «весьма расположен к идее более тесного сближения России и согласия». При этом министр подчеркнул: «Согласие, которое мы заключили с Англией, обеспечит равновесие и мир. Спокойствие Европы не будет зависеть от каприза Германии»⁸⁶.

Сазонов в докладной записке Николаю II сообщил: «Великобританское правительство решило уполномочить английский морской Генеральный штаб вступить в переговоры с французским и русским военно-морским агентами в Лондоне с целью выработать технические условия возможного взаимодействия морских сил Англии, России и Франции»⁸⁷. Царь сделал пометку: «Очень важные новости...»

6 (19) мая Бенкендорф докладывал Сазонову, что Грей был готов на установление с Россией таких взаимоотношений, какие уже существовали между Великобританией и Францией⁸⁸. «Сэр Эдуард добавил, что со стороны британского правительства не встретится никаких препятствий к переговорам между русским и британским адмиралтействами и к заключению соглашения в духе, указанном в письмах, которыми обменялись Камбон и он [Грей]»⁸⁹. К письму посол приложил копии договоров Англии и Франции 1912 г. Грей от имени британской стороны 23 ноября (6 декабря) 1912 г. заявил Франции: «Я согласен, что в случае, если одно из правительств будет иметь серьезные основания ожидать не вызванного им нападения со стороны третьей державы или какого-либо события, угрожающего общему миру, то оно должно немедленно обсудить с другим, будут ли оба правительства действовать вместе для предупреждения нападения и для сохранения мира, и если так, то какие меры они готовы

⁸⁵ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 324/328. Сазонов – Бенкендорфу. 16 (29) мая 1914 г. Л. 6.

⁸⁶ МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. Палеолог – Думергу. 16 (29) мая 1914 г. С. 35.

⁸⁷ Там же. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II. 19 мая 1914 г. С. 35.

⁸⁸ Там же. Посол в Лондоне – министру иностранных дел 6 (19) мая 1914 г. С. 36.

⁸⁹ Там же.

совместно принять»⁹⁰. В Англии большое значение придавали секретности соглашения, поэтому согласились с кандидатурой Волкова и предупредили Россию, чтобы она держала «рот на замке»⁹¹. 7 (20) мая 1914 г. Бенкендорф прислал Сазонову рапорт военно-морского агента в Лондоне о заказах в Англии судов для Турции и Греции. Флигель-адъютант Волков писал, что по имеющимся у него достоверным сведениям Турция заказала фирме «Армстронг–Вайтворф и К^о» дредноуты типа «Решад V», строящегося на заводе Виккерса⁹². Вооружение его состоит из 10 13,5-дюймовых и 16 6-дюймовых пушек. Скорость хода на один узел больше проектируемой быстроходности «Решада V», то есть 22 узла. Кроме того, Армстронг сооружает для Турции плавучий док в 33 тыс. тонн, который предназначается для нового военного порта в бухте Измит Мраморного моря⁹³. Основные идеи новой морской стратегии (захват Босфора и Дарданеллы) морской министр И. К. Григорович сформулировал в мае 1914 г. в памятной записке об усилении Черноморского флота, присланной в Государственную думу⁹⁴. В ней, в частности, говорилось, что «в Средиземном море мы должны частью своего флота, посланного из Балтийского моря, дать французскому флоту превосходство над враждебными флотами Австрии и Италии, чем мы выполним не столько наши союзнические обязательства по отношению к Франции, сколько наш собственный стратегический расчет, который ясно говорит нам, что без русского флота в Восточной части Средиземного моря столь необходимое нам господство русского флота в Черном море не может быть достигнуто». Григорович считал, что победа франко-русского флота в Средиземном море над флотами Тройственного союза позволит русской армии и Черноморскому флоту занять Константинополь и Проливы. «Для решения этой задачи нам в Средиземном море необходимо восстановить нашу эскадру. В 1917 г. она должна быть в составе 4 линейных кораблей, а в 1919 в составе 8-ми с крейсерами и миноносцами»⁹⁵.

Зарубежная военная промышленность умело использовала в своих целях интересы России по усилению Черноморского флота. «Капитал почти всех национальностей был в финансовом отношении заинтересован в русском наступлении на Проливы, – писал Г. Хальгартен, – возможность которого как раз и приблизилась непосредственным образом благодаря ревностной деятельности военно-морского министра и его помощника

⁹⁰ МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. Приложение 2. Грей – Камбону. 23 ноября (6 декабря) 1912 г.

⁹¹ Посол в Лондоне – министру иностранных дел. 7 (20) мая 1914 г. С. 38–41.

⁹² АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 462/481. Рапорт флигель-адъютанта Волкова. 7 (20) мая 1914 г. Л. 22.

⁹³ Там же.

⁹⁴ *Алхазашвили Д. Н.* Босфор и Дарданеллы в военно-исторической стратегии России начала XX в. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2000. № 2. С. 115.

⁹⁵ Там же. С. 115.

капитана Немитца из русского адмиралтейства»⁹⁶. Виккерс особое внимание уделял российскому флоту, и, как писал Хальгартен, военно-морской министр Григорович получил взятку за передачу «Виккерсу» гигантских заказов на строительство флота. «Учитывая взрывную силу подобного международного предприятия, не приходится удивляться тому, что доверенное лицо этой группировки в правительстве военно-морской министр Григорович играл роль подстрекателя, стараясь склонить своих коллег к агрессивной политике в отношении Проливов; под нажимом этого министра к трем уже строившимся на черноморских верфях дредноутам был добавлен четвертый, помимо двух бронированных крейсеров, равно как миноносцев и подводных лодок. Из дополнительных кредитов в 7 млн 200 тыс. рублей, которые российский Совет министров ассигновал сверх официальной программы строительства флота, согласно которой было предусмотрено истратить в 1914 году 220,3 млн марок, несомненно, часть получил российский военно-морской министр, другая часть в свою очередь попала в карманы международных концернов, а именно германо-франко-англо-австрийского концерна “Уайтхид”»⁹⁷. 13 (26) мая на совещании у начальника Морского генерального штаба А. А. Ливена с участием представителей МИДа произошел обмен мыслей касательно предстоящих переговоров о заключении соглашения между Россией и Англией при участии Франции. Прежде всего признано было, «что морское соглашение наше с Англией должно, подобно франко-русской морской конвенции, иметь в виду согласованные, но отдельные действия наших и английских морских сил»⁹⁸. На совещании была также принята инструкция Волкову, которая была одобрена царем. Сотрудничество флотов России и Англии могло развиваться в двух направлениях: а) если война начнется по завершении большой морской программы, что позволит предпринять атаку Проливов одновременно с Черного и Средиземного морей; б) если конфликт вспыхнет ранее серьезного усиления русского флота.

Волков получил инструкции от морского Генерального штаба, в которых говорилось: «На северном театре войны наши интересы требуют, чтобы Англия удержала возможно большую часть германского флота в Немецком море. Это компенсировало бы подавляющее превосходство германского флота над нашим и, быть может, позволило бы в благоприятном случае предпринять десантную операцию в Померании. Если бы оказалось возможным приступить к этой операции, осуществление ее представило бы значительные трудности вследствие слабого развития наших транс-

⁹⁶ Хальгартен Г. Указ. соч. С. 633.

⁹⁷ Там же. С. 634–635.

⁹⁸ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 324/328. Журнал совещания у начальника Морского генерального штаба. 13 (26) мая 1914 г. Л. 19.

портных средств в Балтийском море. Английское правительство могло бы оказать нам в этом деле существенную услугу, согласившись до открытия военных действий перенести в наши балтийские порты такое количество торговых судов, которое восполнило бы недостаток наших транспортных средств»⁹⁹.

Как говорилось в журнале совещания, «на южном театре требовалось, чтобы Англия на ближайшее время поддерживала преобладание Тройственного согласия, не позволяя австро-итальянскому флоту проникнуть в Черное море. Тогда Россия имела некоторые шансы захватить проливы ударом с севера. В будущем, после завершения судостроительной программы и переброски сил с Балтики, ожидалось наступление такого момента, когда на этом театре можно будет обойтись без Англии»¹⁰⁰.

Господство в Средиземном море австро-итальянских военно-морских сил существенно затрагивало интересы России, а возможные наступательные операции австрийского флота в Черном море стали бы для России весьма опасными. «Поэтому, – говорилось в протоколе, – с нашей точки зрения представляется весьма важным установление прочного перевеса сил Тройственного согласия над австро-итальянским флотом в Средиземном море»¹⁰¹.

Россия хотела получить от Британии больше, чем та готова была ей дать. В предстоящем соглашении российские дипломаты стремились при содействии Лондона получить в свое распоряжение морскую базу в Средиземном море, которая располагалась бы вблизи Проливов. «Было бы желательно также получить согласие Англии на то, чтобы наши суда могли пользоваться в качестве базы английскими портами в восточной части Средиземного моря, подобно тому как Франция, в силу морской конвенции, предоставила нам право базироваться на ее порты в западной части этого моря»¹⁰². Учитывая коварство британской стороны, Волков не должен был выдавать замыслов России. «Если бы в связи с положением в Средиземном море зашла речь о проливах, – говорилось в документе, – то надлежало бы, не касаясь политического вопроса о Босфоре и Дарданеллах, предусмотреть лишь временные военные меры в проливах, как одну из возможных стратегических операций наших в случае войны»¹⁰³.

Однако намерения Лондона по вышеизложенному пункту соглашения, как всегда, оставались недостаточно ясными даже для Бенкендорфа, что он констатировал в своем письме от 20 мая (2 июня) 1914 г., что прямо-

⁹⁹ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 324/328. Журнал совещания у начальника Морского генерального штаба. 13 (26) мая 1914 г. Л. 19.

¹⁰⁰ Там же. Л. 20.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

линейность русского морского штаба могла испугать Грея. Бенкендорф также предупредил Волкова, что о десанте в Померании и о посылке с этой целью в Балтийское море английских транспортов еще до начала военных действий следует говорить с большой осторожностью и лишь тогда, когда по всем остальным вопросам будет достигнуто полное согласие, «чтобы не повредить прочему»¹⁰⁴.

Помощник Грея А. Никольсон скептически относился к предстоящим русско-английским морским переговорам. Конечно, Россия была бы рада усилить свой флот на Балтике английским отрядом, считал он. Но Англия не может послать корабли в Балтийское море: во-первых, ей нельзя ослаблять свои силы на Северном море, а во-вторых, такая операция была бы слишком рискованной¹⁰⁵. Грей был вполне солидарен со своим помощником. «Если бы имели место военно-морские переговоры с Россией, – писал он послу в Париже 1 мая 1914 г., – они свелись бы, насколько я себе представляю, просто к сообщению России, что наши военно-морские силы будут использованы вне Балтики и что Россия может использовать свои военно-морские силы, как найдет лучшим, внутри Балтики»¹⁰⁶.

Британские дипломаты очень осторожно и без особого интереса отнеслись к переговорам. Они также не считали, что тесно связаны военно-морским соглашением с Францией, и тем более не хотели иметь серьезных обязательств перед Россией. Своими действиями они скорее улаживали французов, чем вступали с русскими в серьезные отношения. Как позднее писал Грей в своих воспоминаниях, «переговоры нужны были для того, чтобы привести Россию в хорошее расположение духа и не оскорбить ее отказом»¹⁰⁷. Между тем российские военные агенты в Турции доносили, что в Стамбуле хлопчут о доставлении дредноута «Султан Осман» в Турцию под английским флагом¹⁰⁸. По этому поводу Сазонов писал Бенкендорфу, что «такая услуга со стороны Англии будет услугой политического характера... и выходящей за пределы принятых на себя английскими фирмами полномочий»¹⁰⁹. Министр просил посла объяснить Грею, что «Англии следовало бы предоставить туркам осуществить доставку названного судна на свой риск и страх, без всякого вмешательства в это дело»¹¹⁰. Россия и

¹⁰⁴ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 324/328. Журнал совещания у начальника Морского генерального штаба. 13 (26) мая 1914 г. Л. 20.

¹⁰⁵ B. D. Vol. X. P. 2. № 540. A. Nicolson to G. Buchanan. Apr. 29. 1914. P. 786.

¹⁰⁶ Ibid. №. 541. Sir E. Grey to Sir F. Bertie. May 1. 1914. P. 788.

¹⁰⁷ Grey of Fallodon. Twenty – Five Years 1892–1916. L., 1935. Vol. 1. P. 284; Steiner Z. Op. cit. P. 150–153.

¹⁰⁸ АВПРИ. Ф. Посольство в Лондоне. Оп. 520. Д. 1465. Копии рапортов военного агента России в Турции от 22 и 24 апреля (4 и 6 мая) 1914 г. Л. 152–153.

¹⁰⁹ Там же. Сазонов – Бенкендорфу 18 (31) мая 1914 г. Л. 154.

¹¹⁰ АВПРИ. Ф. Посольство в Лондоне. Оп. 520. Д. 1465. Сазонов – Бенкендорфу 18 (31) мая 1914 г. Л. 154.

Британия еще не успели ни о чем договориться, а до Германии уже дошли слухи о секретных переговорах относительно русско-английской военно-морской конвенции. В «Berliner Tageblatt» (Берлинер Тагеблат) появилась статья редактора этой газеты Теодора Вольфа, в которой сообщалось, что во время пребывания английской королевской четы в Париже между русским и великобританским правительствами состоялись переговоры о совместных действиях военных флотов России и Англии¹¹¹. Русский посол в Париже А. П. Извольский, по словам корреспондента берлинской газеты, уже давно работает над постепенным превращением Тройственного соглашения в союз, и соглашение относительно совместных в случае войны действий русского и английского флотов составляет первый этап к заключению такого союза. Вольф, комментируя это сенсационное известие, отмечал, что не воспроизвел бы его на страницах своей газеты, если бы оно не было совершенно обоснованным. К этому Вольф добавил, что авторы проекта превращения Тройственного соглашения в союз медленно и постепенно идут к цели, достижение которой одним ударом не представлялось возможным; в то же время эти политические деятели хотят помешать улучшению англо-германских отношений.

В ответ на эту заметку Вольфа «Новое время» категорически заявило 26 мая (8 июня) 1914 г., что ни в Париже, ни в каком-либо другом пункте между Россией и Англией не подписано никакой конвенции о совместных действиях их флотов и никакого проекта подобной конвенции или соглашения не составлялось¹¹².

15 (28) мая 1914 г. заместитель Сазонова А. А. Нератов сообщал Извольскому в Париж: «Готовность великобританского правительства безотлагательно приступить к переговорам о заключении соглашения между Россией и Англией о согласованных операциях их морских сил в случае совместных военных действий встречена была с нашей стороны с большим чувством удовлетворения»¹¹³.

Российское правительство в заключении означенного соглашения видело значительный шаг по пути более тесного привлечения Англии к франко-русскому союзу, и оно, по убеждению Петербурга, должно было благоприятно отразиться на всех вопросах, затрагивающих интересы обеих стран.

2 (15) июня 1914 г. своими размышлениями с Сазоновым делится Бенкендорф: «Есть основания думать, что лондонский, как и императорский кабинет думает о сотрудничестве флотов не только в северных морях,

¹¹¹ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 324/328. Л. 12.

¹¹² Новое время. 1914. 13 (26) мая.

¹¹³ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 324/328. Нератов – Извольскому. 15 (28) мая 1914 г. Л. 14.

но и в Средиземном море. С этой точки зрения способ, каким мы предлагаем трактовать положение в Проливах, облегчит, я уверен, дело»¹¹⁴. 3 (16) июня 1914 г. в российский МИД пришла секретная телеграмма от императорского посла в Константинополе: «Из английского частного источника, заслуживающего доверия, мне сообщают, что фирма “P. S. White” в Коэсе предлагает Турции 2 быстроходных контрминоносца в 1500 т. за цену 200 000 фунтов каждый. Англичане требуют будто бы немедленной оплаты за суда, турки предлагают чеки сроком 4 месяца»¹¹⁵.

24 мая (6 июня) 1914 г. начальник морского Генерального штаба сообщил в российский МИД, что в вопросе продажи чилийского броненосца России через Англию возникли затруднения¹¹⁶. Несмотря на то что Морской совет в Чили одобрил продажу даже обоих кораблей, правительство не решилось санкционировать такую, хотя окончательного отказа с его стороны до сих пор не последовало.

Этот поворот объясняется исключительно влиянием чилийского посланника в Лондоне. Последний высказался однажды, еще до начала таких переговоров, что единственная страна, в которую он считал бы возможным продать суда, является Англия. Зная его мнение, «Армстронг полагает, что в данное время имеется лишь одно последнее средство для получения нами хоть одного корабля, а именно: нашему послу надлежит обратиться к сэру Эдуарду Грею с просьбой повлиять на чилийского посланника, объяснив ему, что Англии была бы приятна эта продажа»¹¹⁷. «Согласится ли на такой шаг сэр Э. Грей – тоже еще вопрос. Если допустить, что он на это пойдет и что ему удастся сломить посланника, то тогда можно рассчитывать на приобретение нами если не двух кораблей, то, во всяком случае, одного. Что же касается второго вопроса, а именно условного нашего соглашения с Англией, подобно существующим между ею и Францией, то я выяснил после свидания с принцем Баттенбергским нижеследующее: Английское правительство в этом вопросе не торопится, и спешность исходит со стороны Франции»¹¹⁸.

Россия не упускала ни на минуту из виду ситуацию с Черноморскими проливами. Незавершенный спор о разделе островов Эгейского моря волновал Россию. 10.(23) июня 1914 г. Гирс сообщал из Константинополя в Петербург, что «вполне разделяет взгляд нашего военного агента на

¹¹⁴ МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. Посол в Лондоне – министру иностранных дел. 2 (15) июня 1914 г. С. 44–45.

¹¹⁵ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 462/481. Гирс – Сазонову. 31 мая (13 июня) 1914 г. Л. 123.

¹¹⁶ Там же. Д. 324/328. Начальник Морского генерального штаба – министру иностранных дел. 24 мая (6 июня) 1914 г. Л. 32.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же.

значение островов, расположенных перед Дарданеллами, – взгляд, получивший подтверждение и из иных источников, в том числе со стороны нашего морского агента»¹¹⁹.

К депеше была приложена копия с секретного донесения в Генеральный штаб военного агента в Константинополе от 5 (18) июня. «При выходе из Дарданелл в Эгейское море, – говорится, между прочим, в этом донесении, – с полной рельефностью обрисовалось громадное значение, которое могут получить острова Тендос, Имрос и Лемнос для обороны Проливов. Уступка этих островов или хотя бы одного из них грекам поставит турок или возможных их наследников в крайне трудное положение, заставив опасаться тех или иных выступлений против Дарданелл с минимального расстояния». Обращаясь специально к вопросу об острове Лемнос, военный агент соглашался с мнением Щеглова: «Англичане отлично сознают, что владеющий Лемносом владеет Дарданеллами» – и делал вывод: «Не в наших интересах передавать означенный остров грекам, если мы только не отказались окончательно от надежды рано или поздно стать твердой ногой в районе Проливов. Этот вопрос слишком острый и важный и находится в тесной связи с отношениями Англии к нам в этой части Средиземного моря»¹²⁰.

5–6 (18–19) июня Волков впервые встретился с принцем Л. Баттенбергским. Британское правительство не торопилось с заключением военно-морской конвенции. Баттенберг предложил отложить переговоры до конца лета. В августе принц собирался с родственным визитом в Россию и намеревался вести основные переговоры с русским морским министром и начальником Морского генштаба в России. В Англии рассчитывали, что поездка принца в Россию не возбудила бы ни особого внимания в печати, ни подозрительности иностранных правительств благодаря близким отношениям между ним и императрицей (Людовик Баттенбергский был женат на старшей сестре императрицы Александры Федоровны). Волкову принц пообещал обменяться с ним мнениями перед своим отъездом¹²¹.

Бенкендорф, хорошо знакомый с приемами британской дипломатии, забеспокоился, что персидские осложнения могут «создать самые серьезные препятствия к разрешению текущих общеполитических вопросов, именно поручения, которое дано капитану Волкову», – о чем телеграфировал 9 (22) июня Сазонову¹²².

¹¹⁹ МОЭИ. Сер. 3. Т. 3. Гирс – Сазонову. 10 июня 1914 г. С. 243.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 324/328. Бенкендорф – Сазонову. 9 (22) июня 1914 г. Л. 38–39; *Dickinson Op. cit.* P. 404.

¹²² Там же.

На следующий день, 10 (23) июня, Форин оффис передал российскому послу меморандум, в котором ставился вопрос о некотором пересмотре соглашения 1907 г. в пользу Англии. В документе также говорилось, что будут приняты необходимые меры для ограждения британских интересов в южной и нейтральной зонах в Персии. Британия, ссылаясь на сложную международную обстановку, собиралась получить известные привилегии. «Король Георг V в беседе с Бенкендорфом заметил, – писал Игнатъев, – что ему не нравится международная обстановка, которую нужно более, чем когда-либо принять во внимание»¹²³.

Переговоры с Лондоном о морской конвенции могли зайти в тупик. Это сильно тревожило российское правительство. 11 (24) июня Сазонов доложил о состоянии дела царю, подчеркнув, что необходимо принять меры для скорейшего заключения соглашения. На следующий день он в специальной записке просил Николая II использовать с этой целью ответное письмо королю Георгу.

12 (25) июня Грей сказал Бенкендорфу, что «если бы британское правительство считало, что развитие турецкого флота может представлять опасность для России, то английским офицерам не было бы дано разрешения служить в нем, и что это разрешение было дано по просьбе турецкого правительства лишь для поддержания турецкого флота в таком состоянии, чтобы он мог охранять независимость Турции». Грей прибавил, что отказ Англии заставил бы турецкое правительство обратиться к Германии, что одинаково противоречит как русским, так и английским интересам¹²⁴.

В письме Бенкендорфу 24 июня (7 июля) Сазонов сетовал, что англичане выдвигают все новые требования и тянут с заключением морской конвенции. В Англии вновь появился страх за неприкосновенность ее владений в Индии. Министр мирился с мыслью, что дальнейшее сближение с Англией предполагает некоторые жертвы в персидском вопросе, но опасался, как бы англичане не потребовали от России слишком многого. В заключение он обещал остаться верным до последних пределов возможного решению развивать и укреплять связи с Англией¹²⁵.

В июне 1914 г. британское правительство наконец достигло соглашения с Германией по Багдадской железной дороге, а французы заключили такое соглашение в феврале. «Казалось, что в важнейшем вопросе – об Азиатской Турции – Англия и Франция приняли сторону Германии против России.

¹²³ Цит. по: *Игнатъев А. В.* Указ. соч. С. 207.

¹²⁴ МОЭИ. Сер. 3. Т. 3. Бенкендорф – Сазонову. 12 (25) июня 1914 г. С. 277.

¹²⁵ Там же. Т. 1. № 29. Министр иностранных дел – послу в Лондоне Бенкендорфу. 12 (25) июня 1914 г. С. 45.

У русских были все основания быть недовольными их позицией», – писал А. Тэйлор¹²⁶.

В Петербурге не только спешили с заключением соглашения, но и говорили на эту тему больше, чем следует. Российская печать также не упускала возможности написать о сближении со своими союзниками. Министр иностранных дел Франции Р. Вивиани перед своим приездом вместе с президентом страны в Петербург в беседе с Яковлевым (Павловским) («Новое время»¹²⁷) указал, что сохранение полного согласия между Францией и Россией отвечает интересам обоих государств и способствует поддержанию мира, и далее заявил следующее: «Россия и Франция могли бы выполнить свое дело и без общего соглашения, связывающего их с Англией, но сближение Лондона и Петербурга дало возможность нашему союзу и дружественному согласию укрепиться в полезной деятельности правительств, соединенных такими узами»¹²⁸. Некоторые секретные сведения, касающиеся предстоящего соглашения, проникли в европейскую печать. У немцев был агент (прибалтийский немец Б. Зиберт) – секретарь российского посольства в Лондоне, который постоянно передавал им содержание корреспонденции Бенкендорфа. В немецкой печати появились сенсационные разоблачения. Британское правительство воздержалось от переговоров.

11 (24) июня 1914 г. Грей не моргнув глазом категорически отрицал в парламенте факт каких-либо переговоров о морской конвенции с Россией¹²⁹. «В Берлине, – говорил Грей Бенкендорфу, может создаться такое мнение, что будто Россия и Англия заключили конвенцию по нескольким вопросам, касающимся Дарданелл и сотрудничества флотов»¹³⁰. 26 июня (9 июля) российский посол телеграфировал из Лондона: «Грей счел долгом конфиденциально переговорить по этому поводу с германским посланником, который отправляется в Киль, где он увидит императора Германии. Грей категорически заявил посланнику, что уже более пяти лет, как Англия и Россия в своих переговорах не касались проливов»¹³¹. Специально для Германии Грей заявил, что отношения трех правительств были все же до такой степени близки, что в течение этих последних лет они «беседовали обо всем» и что связь между правительствами была так тесна, как если бы они были в союзе.

¹²⁶ Тэйлор А. Указ. соч. С. 520.

¹²⁷ Новое время. 1914. 8 (21) июня.

¹²⁸ МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. Посол в Париже – министру иностранных дел. 1 июля 1914 г. С. 51.

¹²⁹ История дипломатии. Т. 2. С. 776.

¹³⁰ МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. Посол в Лондоне – министру иностранных дел. 12 (25) июня 1914 г. С. 47–49.

¹³¹ Там же.

С другой стороны, сэр Эдуард положительно указал, что никакие из этих переговоров никогда не носили сколько-нибудь агрессивного в отношении Германии характера и не были враждебны этой державе»¹³². Грей рассказал Бенкендорфу, что, выступая в парламенте, «он начал с Дарданелл, указав, что в течение пяти лет, то есть с приезда сюда г-на Извольского, по этому вопросу не велось никаких переговоров между Англией и Россией, таким образом этот вопрос был отделен от вопроса о союзах или конвенциях»¹³³.

Якобы из-за волнений в Персии и обеспокоенности Германии Англия затормозила переговоры. На самом же деле Британия никому не желала раскрывать своих истинных намерений и хотела под любым предлогом затянуть переговоры настолько, насколько это было возможно. Бенкендорф писал: «Я приложу все усилия, чтобы оживить переговоры между капитаном Волковым и британским адмиралтейством. Великобританское правительство желает поручить закончить дело принцу Баттенбергскому в Петербурге. На этот раз для меня [Бенкендорфа] почти не подлежит сомнению, что волнения в Берлине очень значительные»¹³⁴. «Может быть, рассуждал Бенкендорф, – сэр Э. Грей не желает предпринимать дальнейших шагов, пока это возбуждение не уляжется. Действительно, ему нелегко отрицать и вести переговоры в одно и то же время, – роль, которую он должен был бы принять на себя как по отношению к Германии, так и по отношению к значительной части своей собственной партии и английской печати»¹³⁵.

Тем временем отношения между Турцией и Грецией продолжали оставаться напряженными. 15 (28) июня 1914 г. Бенкендорф совещался с Греем по этому вопросу, о чем сообщил Сазонову: «Грей считает создавшееся положение крайне серьезным, но думает, что, какова бы ни была позиция Болгарии, состояние турецкой армии не допустит Порту до агрессивных действий на суше. Он сомневается, чтобы Порты прибегала к своему флоту при теперешнем его плохом состоянии. Грей считает наиболее важным вопросом в настоящий момент закрытие Проливов Турцией»¹³⁶. Относительно шагов, которые надлежит сделать в Константинополе, Грей придерживался мнения, что они бессмысленны, если только не будет достигнуто единодушное решение держав поддержать свое дипломатическое выступление военной силой. Конфликт между Турцией и Грецией мог отразиться непосредственно на интересах других государств, и в первую очередь на интересах прибрежных стран Черного моря. «Возбуждение,

¹³² МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. Посол в Лондоне – министру иностранных дел. 12 (25) июня 1914 г. С. 47–49.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же. Посол в Лондоне – министру иностранных дел. 16 (29) июня 1914 г. С. 50.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ МОЭИ. Сер. 3. Т. 3. Бенкендорф – Сазонову. 15 (28) июня 1914 г. С. 297.

возникшее в некоторых областях Оттоманской империи, – писал Сазонов Нератову 17 (30) июня, – увеличило эту опасность, что уже отразилось на нашей морской торговле. После значительных убытков, понесенных ею в прошлом году, вследствие кратковременного закрытия проливов, эта торговля имеет основание опасаться возобновления подобных событий и испытывает поэтому живейшее беспокойство»¹³⁷.

Российское правительство считало нужным обратить серьезное внимание Порты на затруднения, которые испытала бы Россия, «если Турция пожелает принять в Проливах такие меры, которые стеснят торговлю и нанесут столь существенный удар интересам России»¹³⁸.

17 (30) июня С. Д. Сазонов обратился к И. К. Григоровичу с просьбой сообщить о ходе подготовки Босфорской экспедиции. Министр иностранных дел хотел уточнить, когда Морское министерство выполнит одно из пожеланий совещания 8 февраля о сокращении срока перевозки десанта к Проливам до 4–5 дней со дня отдачи о том приказа. «Григорович опять признал, – писал К. Ф. Шаццлло, – что для подготовки к десанту потребуется не менее двух недель, и предложил в октябре, после опытной высадки большого десанта и после того, как сухопутный Генеральный штаб ознакомится с расчетом морского, совместным обсуждением генеральных штабов установить основные черты новой организации десанта согласно с пунктом 4 Особого совещания 8 февраля. При этом морской министр заявил, что только тогда выяснится точное время, в течение которого новая организация войдет в жизнь, а следовательно, и срок, к которому может быть выполнено требование совещания»¹³⁹. В конце июня переговоры Волкова с британским адмиралтейством возобновились. «Первым их результатом явилось сообщение принцем Баттенбергским сведений о предполагаемых действиях английского флота и об англо-французском морском сотрудничестве в случае войны. Перечень этих сведений был переслан с экспедицией в Петербург. Они создавали ясную, хотя и общую картину намечаемого сотрудничества Англии и Франции на море, содержали некоторые важные военно-политические прогнозы. Вместе с тем из сообщения следовало, что королевский флот не сможет на начальном этапе войны предпринять активные действия против Германии вследствие занятости его другими операциями»¹⁴⁰.

Британский посол в Берлине передавал в Лондон, что «Ягов был очень обеспокоен, поставив перед ним вопрос о неизбежных последствиях,

¹³⁷ МОЭИ. Сер. 3. Т. 3. Сазонов – Нератову. 17 (30) июня 1914 г. С. 339.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Шаццлло К. Ф. Указ. соч. С. 108.

¹⁴⁰ Цит. по: Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 208; См. также: Dickinson G. L. Op. cit. P. 404–407; Mowat R. W. Op. cit. P. 326–330.

которые будут вытекать, если морское согласие, которое было предложено Россией, будет принято Англией. Последствиями станет возобновление враждебных чувств между Великобританией и Германией: морское соперничество и дальнейшее усиление военной мощи Германии. Но что он подразумевал, – рассуждал Гошен, – когда говорил, что в случае войны с Францией и Россией Германия останется практически одна? Неужели он совсем не берет в расчет Австро-Венгрию и Италию, или он имеет в виду, что война будет окончена до того, как союз с Германией обнаружится в действующей армии?»¹⁴¹.

Переговоры шли тяжело, к концу июня они «так и не сдвинулись с места: англо-русский союз не был заключен, не появилось даже малейшей уверенности в том, что англо-русские разногласия в Персии удастся ликвидировать», – писал А. Тэйлор¹⁴². 25 июня (8 июля) Грей писал в Петербург Бьюкенену, что в парламенте решили, что Россия хочет использовать военно-морское соглашение в собственных интересах, включив в него пункт об открытии Проливов для своих военных кораблей¹⁴³. На вопрос об интересах России в Проливах, заданный Грею в палате общин, министр отреагировал не раздумывая: «Нет сомнения, что информация пришла от не официальных людей, которые не знают фактов и выдумывают то, чего не было». Грей настаивал на том, что этот вопрос не обсуждался ни разу за последние пять лет, как и условия, на которых Проливы могли бы быть открыты для военных кораблей, и добавил, что договоры по вопросу о Проливах остаются в силе¹⁴⁴.

Перед самым началом Первой мировой войны Пуанкаре и Палеолог приезжали в Петербург. На другой день после отъезда Пуанкаре Сазонов и Палеолог сообщили британскому послу Бьюкенену, что в результате визита французских гостей была установлена «полная согласованность мнений по различным вопросам, с которыми столкнулись державы при поддержании всеобщего мира и политического равновесия в Европе, в особенности на Востоке», и были снова торжественно подтверждены обязательства, возлагаемые на обе стороны союзным договором¹⁴⁵.

Но наступил июльский кризис, и Англия не могла больше затягивать переговоры. «Отношение Англии к военно-политическим переговорам с Россией становилось показателем ее готовности поддержать партнера в случае войны. Для русского правительства своевременное вступление

¹⁴¹ B. D. Vol. X. P. 2. № 551. Sir E. Goschen to Sir A. Nicolson. June 20. 1914. P. 804.

¹⁴² Тэйлор А. Указ. соч. С. 521.

¹⁴³ B. D. Vol. X. P. 2. № 554. Sir E. Grey to Sir G. Buchanan. June 25. 1914. P. 809; *Mowat R. W.* Op. cit. P. 330; *Steiner Z.* Op. cit. P. 144.

¹⁴⁴ Ibid.

¹⁴⁵ МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. Консолидация Антанты. Раздел 1. С. 5.

Англии в схватку представлялось настолько важным, что все другие проблемы, включая разногласия по конкретным вопросам военно-морского сотрудничества и противоречия в зависимых странах, отходили на второй план»¹⁴⁶. Даже незавершенные русско-британские переговоры были крупным шагом на пути укрепления связей внутри Антанты и значительно облегчили «союзникам» разрешение труднейшей задачи: согласование дипломатических действий России, Франции и Великобритании в решающие дни июля 1914 г.

В результате в последние недели перед войной был выработан проект морского соглашения между Россией и Англией, о чем свидетельствует шифрованная телеграмма Волкова Ливену от 10 (23) июля 1914 г. Средиземноморские проекты российского Морского министерства, затрагивавшие вопрос о Проливах, могли лишь насторожить Англию.

Вплоть до начала мировой войны царизм ничего реального не сделал для подготовки десанта в Проливах. Не многое было сделано и для развития Черноморского флота, перед которым стояла задача не только оборонять побережье империи, но и добиться господства на море для высадки десанта и защиты его от возможного нападения турецкого флота.

18 (31) июля 1914 г. российский посол в Лондоне писал своему министру, что заявления, направленные Греем в Берлин, ни в каком случае не позволят немцам рассчитывать на нейтралитет Англии в случае войны. «Мне никак не удастся снять маску с Грея за эти дни. Крайне необходимо для вас (Сазонову. – *Авт.*) заручиться английским сотрудничеством, даже если оно придет слишком поздно, то все же придет неизбежно. Однако, повторяю, Англия еще не пробудилась, очень может быть, что Грей страдает от этого не менее нас, но все же это несколько не помогает делу. Правда, Австрия, как говорят, не собирается сразу вступить в войну. Пока еще есть небольшой луч надежды. Что же касается роли Германии, то я смотрю на нее гораздо мрачнее, чем все другие, и на это именно здесь и опираюсь. Англии страшно не столько первенство Австрии на Балканах, сколько первенство Германии в мире»¹⁴⁷.

Бенкендорф не ошибся в своих прогнозах. В Германии никто и не думал об отказе от своих позиций на Проливах; «Если же Германия не желала принести в жертву Австрию и Проливы, – отмечал Г. Хальгартен, – то война была в конце концов неизбежна»¹⁴⁸.

¹⁴⁶ *Игнатьев А. В.* Указ. соч. С. 208.

¹⁴⁷ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 707–756. Машинописные копии и переводы писем Бенкендорфа за 1909–1914 гг. Бенкендорф – Сазонову. 18 (31) июля 1914 г. Л. 126.

¹⁴⁸ *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 653.

Б. Бюлов верно предвидел расстановку сил на мировой арене в надвигающейся схватке. В своих воспоминаниях он писал, что если бы Германия «находилась в войне с Россией и Францией, то более чем вероятно, что Англия воспользовалась бы такой блестящей конъюнктурой, чтобы без всякого риска задушить своего опаснейшего соперника в торговле, мореходстве и промышленности, тем более что этот экономический соперник в то же время является самым могущественным континентальным государством, следовательно, по старому английскому представлению ее традиционным противником»¹⁴⁹.

После проявленной Берлином в июле 1914 г. готовности к ведению континентальной войны, писал Б. М. Туполев, «больше уже не существовало возможностей для компромиссов, когда различные по своей сущности конфликтные ситуации слились воедино»¹⁵⁰.

Выступая с антантофильских позиций, А. Тэйлор считал, что все державы Тройственного согласия вступили в войну с целью самозащиты: «Русские сражались во имя сохранения свободы Проливов, от которой зависела их экономическая жизнь; Франция – во имя сохранения Тройственного согласия, которое, как она правильно считала, являлось единственной гарантией сохранения ею положения великой державы. Англичане сражались за независимость суверенных государств и – в меньшей степени – за то, чтобы не допустить установления германского господства на континенте»¹⁵¹.

Июльский кризис 1914 г., вылившийся в мировую войну, стал последним в цепи международных кризисов и локальных войн, не раз ставивших под угрозу европейскую стабильность. В 1914 г. Россия сознавала, что без надежных союзников она не сможет вступить в схватку с Германией и Австро-Венгрией, и уже не питала иллюзий, что проблему Проливов можно решить мирным путем. Поэтому одной из основных причин вступления России в Первую мировую войну являлась давняя вожденная цель – Константинополь и Проливы.

¹⁴⁹ Бюлов Б. Воспоминания. М., 1931. С. 436.

¹⁵⁰ Туполев Б. М. Происхождение Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 61.

¹⁵¹ Тэйлор А. Указ. соч. С. 523.

Заключение

Проблема Черноморских проливов занимала в 1907–1914 гг. особое место во внешнеполитических притязаниях правящих кругов Российской империи. Императорское правительство пыталось решить ее не только дипломатическим путем, но и вынашивало планы по захвату Босфора. Однако сильно пошатнувшееся международное положение страны после Русско-японской войны и Первой русской революции заставляло Россию отказаться от активных действий. В своей внешней политике российское правительство стремилось к укреплению франко-русского союза, смягчению противоречий с Англией и Японией в Азии путем соглашения с ними и сохранению дружественных отношений с Германией, не вступая с ней в союз. С Австро-Венгрией предполагалось продолжать сотрудничество на базе взаимных уступок. Путем сближения с Великобританией царское правительство обезопасило себя на Дальнем Востоке, помирившись с Японией, укрепила свой союз с Францией и вернулась к проведению активной политики на Балканах и Ближнем Востоке.

Во время заключения англо-русского соглашения 1907 г. стороны пошли на взаимные уступки по колониальным проблемам на Среднем Востоке. Англо-русские переговоры по заключению конвенции о Персии, Тибете и Афганистане способствовали урегулированию напряженных отношений между Россией и Великобританией на Ближнем и Среднем Востоке в 1906–1907 гг.

Во время обсуждения колониальных проблем стороны интенсивно обменивались мнениями по вопросу о Черноморских проливах, хотя эти переговоры носили подчиненный характер. Британская дипломатия адекватно расценила внутреннюю обстановку в России и международную ситуацию, которая не позволяла Петербургу проявлять особую заинтересованность в отношении Черноморских проливов. Действительно, русская дипломатия в вопросе о пересмотре режима Проливов проявила особую сдержанность, потому что постановка этой проблемы неизбежно столкнула бы Россию на Ближнем Востоке с Австро-Венгрией, Германией и другими державами.

Хотя формально советник российского посольства в Лондоне Поклевский-Козелл первым поднял вопрос о Проливах, в действительности инициатива его выдвижения в ноябре 1906 г. принадлежала английской

дипломатии, стремившейся ускорить подписание конвенции о Персии, Тибете и Афганистане. Однако в условиях резкого ослабления военной мощи России и падения международного авторитета страны рискованно было поднимать запутанные, сложные международные проблемы.

В январе–июне 1907 г., в решающий момент рассмотрения английских проектов по среднеазиатским вопросам, между Петербургом и Лондоном состоялись переговоры по существу предложений русской дипломатии об изменении режима Проливов. Петербург стремился получить согласие Великобритании на проход русских военных судов через Проливы при закрытии их для военного флота нечерноморских держав.

Лондонский кабинет как в устных заявлениях, так и в меморандумах признавал особую заинтересованность России в Проливах и выражал готовность содействовать решению вопроса об их статусе. Грей считал возможным в будущем найти приемлемую для России и других держав формулу изменения режима Проливов. При этом британская дипломатия ставила пересмотр конвенции о Проливах в зависимость от результатов англо-русских переговоров по проблемам Среднего Востока и таким путем добивалась от Петербурга уступок в Персии, Тибете и Афганистане. Двойственность позиции российской дипломатии проявлялась в том, что, с одной стороны, переговоры с Великобританией по вопросам Среднего Востока она ставила в зависимость от отношения Лондона к проблеме Проливов, а с другой стороны, не только не настаивала тогда на включении вопроса о Проливах в текст англо-русского соглашения по Среднему Востоку, но и считала – вслед за Англией – нецелесообразным заключать специальное соглашение о Проливах во время проходивших переговоров.

Со своей стороны Извольский, учитывая европейский характер проблемы Проливов, особую заинтересованность Германии в делах Ближнего Востока и внутривосточную обстановку в России, не решился в 1907 г. на углубление переговоров об изменении режима Проливов. Вероятно, Извольский мог бы добиться большего, если бы не проводил политики балансирования между Англией и Германией. Главная причина, по которой российская дипломатия не добивалась включения в русско-английскую конвенцию вопроса о Проливах, заключалась в невозможности пересмотреть Берлинский трактат без участия европейских держав, обязавшихся соблюдать его.

Вместе с тем непосредственным результатом англо-русского соглашения явились не только стабилизация положения на среднеазиатских границах России, но и серьезное упрочение ее позиций в Европе. Экспансионистская политика Германии и Австро-Венгрии на Ближнем Востоке и Балканском полуострове вызывала потребность в англо-русском сближении.

Первой серьезной проверкой «на прочность» для Тройственного соглашения стал Боснийский кризис 1908–1909 гг. Британия, стремясь не допустить укрепления позиций Германии и Австро-Венгрии на Балканах и Ближнем Востоке, заняла резко отрицательную позицию в отношении

аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Однако позиции русской и британской дипломатии во время кризиса не во всем совпадали. Так, Извольский хотел воспользоваться сложившейся ситуацией и пересмотреть режим Проливов в благоприятном для России смысле. Британия в принципе не возражала против открытия Проливов, но не только для России и прибрежных государств, а на условиях полного равноправия для всех стран без исключения, и не считала время подходящим для заключения соглашения, которое дало бы России исключительные права, поставив Турцию в невыгодное положение. Предложение российского правительства о предоставлении права прохода военных судов в Черное море лишь черноморским государствам вызвало у англичан подозрение, что русская дипломатия пытается в своих интересах и в ущерб Турции использовать напряженную обстановку, вызванную действиями Австро-Венгрии.

Британская дипломатия достигла своей цели – не предоставлять России свободного прохода ее военных судов через Проливы, умело используя то обстоятельство, что Извольский не мог открыто признаться в своей сделке с Эренталем в Бухлау за счет славянских народов. Париж и Лондон показали в решительной форме русской дипломатии, что дорога к мирному разрешению вопроса о Проливах идет из Петербурга не через Берлин и Вену, а через Лондон и Париж.

Главная задача России во время Боснийского кризиса заключалась в том, чтобы дела на Балканах не перешли в такую острую фазу, когда военные действия станут неизбежными. Россия не была готова к вооруженному столкновению и зависела от союзников, которые решили не принимать участия в возможном противостоянии Сербии и Австро-Венгрии.

Россия также была вынуждена отступить перед фактическим ультиматумом Германии и со своей стороны принудила Сербию к уступке Австро-Венгрии. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что Англия в ноябре 1908 г. не поддержала высказанную Извольским во время визита в Лондон готовность признать аннексию Боснии и Герцеговины в обмен на усиление позиций России в отношении Черноморских проливов. Публичное унижение побудило Россию ускорить свои вооружения на суше и на море. Боснийский кризис закончился победой германо-австрийского блока. Он определил расстановку сил на международной арене, привел к укреплению англо-русских и франко-русских союзных отношений, сплочению Антанты, а также выявил неподготовленность России к войне. Боснийский кризис 1908–1909 гг. явился одним из самых серьезных международных кризисов, предшествовавших Первой мировой войне.

После Боснийского кризиса основная задача России заключалась в том, чтобы избегать, по возможности, международных осложнений. Сознание того, что понесенное Россией дипломатическое поражение серьезно ухудшило ее внешнеполитические позиции и прежде всего – на Ближнем Востоке, чрезвычайно беспокоило правящие круги. Однако уже в 1911 г. Россия решила использовать начало военных действий Италии против

Турции, чтобы еще раз попытаться открыть Проливы для российского военного флота. Российский посол в Константинополе Н. В. Чарыков предпринял демарш с целью заручиться согласием великих держав на обсуждение вопроса о Проливах между Россией и Турцией.

Петербург возлагал большие надежды на переговоры с Лондоном по этой проблеме. Несмотря на отрицательную реакцию Британии в 1907–1908 гг., Россия рассчитывала если не на ее поддержку, то хотя бы на непротиводействие. Британская дипломатия, в свою очередь, рассчитывала на то, что Германия и Австро-Венгрия будут активно возражать против открытия Проливов. По существу, германское правительство также было противником изменения режима Проливов. Однако оно не захотело упустить возможность обострить русско-английские противоречия на Ближнем Востоке и выразило поддержку России.

Союзные Англия и Франция не одобряли русско-турецкие переговоры Чарыкова, считая неблагоприятным момент для русско-турецкого сближения вследствие войны между Италией и Турцией. Правда, в третьем туре переговоров с царизмом о Проливах Грей снова сделал маленькую уступку. Он соглашался поддержать в Константинополе вариант, предложенный Извольскому в 1908 г., то есть открытие Проливов для всех стран. Британия и на этот раз ничего не имела против открытия Проливов для военных судов всех наций, а не только для России, ибо это превратило бы Черное море в морской оплот Российской империи.

Перемены, происшедшие в международной обстановке, и прежде всего тот факт, что Германия превратилась в главного соперника Британии, заставили британскую дипломатию, нуждавшуюся в поддержке Петербурга в противостоянии с Германией, менять свою тактику в отношении русских притязаний. Поэтому в вопросе о Проливах она оказалась вынужденной прикрывать свою негативную позицию дипломатическими рассуждениями. Это имело решающее значение в провале русско-турецких переговоров об изменении режима Проливов.

Бомбардировка Дарданелл Италией во время итало-турецкой войны сильно встревожила Европу, так как никогда раньше вопрос о Проливах не приобретал такого жизненно важного значения. Прекращение торгового судоходства через Проливы в результате закрытия Дарданелл затронуло торговые интересы европейских держав, особенно Англии и России.

Борьба великих держав за влияние на Среднем и Ближнем Востоке и на Балканах делала проблему Черноморских проливов все более актуальной. Сразу же после окончания итало-турецкой войны последовало новое обострение ситуации в Балканско-Ближневосточном регионе. Выступление Балканского союза против Турции побудило российское правительство вплотную заняться вопросом о возможности высадки российского десанта на берегах Босфора. Однако успех операции гарантировала только внезапность ее проведения. Черноморский флот не располагал необходимым количеством транспортных судов для одновременной переброски 5-тысяч-

ного отряда. От плана пришлось отказаться и еще по одной веской причине. Франция и Англия решительно выступили против подобной акции. Без их согласия царское правительство не отважилось на эту меру.

Во время первой Балканской войны британская дипломатия предложила России произвести нейтрализацию Черноморских проливов, если балканские союзники овладеют Константинополем.

Проблема защиты Константинополя и Проливов от захвата их болгарскими выявила противоречия России не только с Тройственным союзом, но и с партнерами по Антанте. В то же время нерешенность вопроса о Черноморских проливах была залогом того, что Россия останется в Тройственном согласии и выступит в надвигающейся войне на стороне Франции и Англии. Оставление Проливов в руках Турции представлялось тогда наиболее желательным не только для России, но и для всей Европы, в неприкосновенности турецкой столицы были в той или иной мере заинтересованы все великие державы.

Во время балканского конфликта Британия обозначила два условия для вступления ее в войну против центральных держав: если в результате спровоцированного противником выступления Франции война станет всеобщей и если ответственность за агрессию со всей очевидностью ляжет на Берлин и Вену. Между тем Британия стремилась предотвратить усиление противостояния между Россией и Австро-Венгрией и удержать их в европейском концерте, не допустив развязывания общеевропейской войны.

Во время войн на Балканах Россия избегала самостоятельных шагов, предпочитая совместные выступления с другими державами. Она не пыталась использовать ситуацию, для того чтобы изменить режим Черноморских проливов, несмотря на энергичный нажим определенных сил внутри страны. Для выполнения десантной операции по захвату Босфора у России не хватало ни транспортных средств, ни войск. Полная материальная необеспеченность каких-либо активных акций побудила царских министров выступить в несвойственной им роли защитников Турции и ее владения Проливами.

К середине 1913 г. все устремления России в отношении Проливов были направлены на сохранение статус-кво, чтобы оттянуть решение судьбы Проливов до того времени, когда царизм будет располагать для этого соответствующими возможностями.

Бухарестский мирный договор не положил конец ни борьбе между Балканскими государствами за приобретение новых территорий, ни соперничеству между европейскими державами за сферы влияния на Балканах и Ближнем Востоке вообще. Балканские войны еще более углубили противоречия между двумя империалистическими блоками, на которые разделилась Европа.

В результате Балканских войн 1912–1913 гг. произошло значительное ослабление Османской империи. Воспользовавшись создавшимся

в Турции положением, Германия предприняла ряд мер по укреплению своего влияния в этой стране. Самой важной из них явилась отправка на берега Босфора осенью 1913 г. германской военной миссии во главе с Лиманом фон Сандерсом.

Конфликт, возникший между Россией и Германией вокруг назначения германского генерала Лимана фон Сандерса командующим армейским корпусом, расквартированным в Константинополе, был последним серьезным дипломатическим кризисом кануна Первой мировой войны 1914–1918 гг. Этот конфликт еще раз вскрыл глубокие противоречия, существовавшие между Тройственным союзом и Тройственным согласием, напряженную борьбу великих держав за влияние в Турции, за контроль над Проливами.

Россия не могла допустить, чтобы Германия заняла господствующие позиции в районе Проливов и завладела «ключами от дверей». Нахождение Проливов в руках сильного государства означало полную зависимость экономического развития юга России от этого государства. В российских правящих кругах укрепилось мнение о необходимости усиления боевой мощи Черноморского флота и преобладания российского флота над турецким.

Позиция британской дипломатии во время этого конфликта была сложна и противоречива, что определялось целым рядом обстоятельств во взаимоотношениях между Англией и Германией. В Германии, усиленно готовясь к большой войне, делали ставку на то, что Лондон в случае ее возникновения останется нейтральным. Между тем с 1908 г. в Турции находилась английская военно-морская миссия во главе с адмиралом, осуществлявшая реорганизацию турецкого флота. Лондон не мог примириться с приобретением Германией господствующего положения на Босфоре, откуда она могла непосредственно угрожать важнейшей колонии Великобритании – Индии, Суэцкому каналу и британским позициям в Египте.

Британия решила не обострять отношений с Германией, сохраняя видимость сближения с Берлином. При этом английские политики и дипломаты действовали в направлении укрепления Антанты и сплочения ее рядов перед лицом возрастающей напряженности в Европе. Но в Лондоне понимали, что Россия едва ли готова вступить в войну из-за германской военной миссии. Российское правительство, в свою очередь, сознавало, что выступать вместе с Францией без поддержки Англии было бы крайне рискованно. Уклончивая позиция Лондона в вопросе о германской военной миссии произвела в России негативное впечатление. Желая его сгладить, британские дипломаты и политики всячески пытались убедить Петербург в искренности и поддержке Англии, а также в том, что Лондон сделал все, зависящее от него, чтобы обеспечить России приемлемое урегулирование этого вопроса.

Германская военная миссия, как и Балканские войны 1912–1913 гг., была прологом к Первой мировой войне, которая разгорелась через полгода

после дипломатического кризиса из-за миссии Лимана фон Сандерса и вследствие австрийского натиска на Сербию, а не из-за русско-германских споров о Константинополе.

Весной 1914 г. главными соперниками на мировой арене оставались Германия и Англия. Однако с 1913 г. и почти до самого начала мировой войны усилия британской дипломатии были направлены на то, чтобы скрывать остроту англо-германского антагонизма.

Россия стремилась к открытому превращению Антанты в военно-политический союз, который должен был оказать сдерживающее воздействие на Германию, а в случае, если бы война все-таки разразилась, с самого начала обеспечить России и Франции активную поддержку со стороны Британии.

Даже незавершенные русско-британские военно-морские переговоры были важным шагом на пути укрепления связей внутри Антанты и значительно облегчили союзникам разрешение труднейшей задачи: согласование дипломатических усилий России, Франции и Великобритании на решающие дни июля 1914 г.

В результате в последние недели перед войной был выработан проект морского соглашения между Россией и Англией, однако императорское правительство не настаивало на принятии Великобританией средиземноморских проектов российского Морского министерства, затрагивавших вопрос о Проливах.

Вплоть до начала мировой войны Петербург ничего реального не сделал для подготовки десанта в Проливах. Не многое было сделано и для развития Черноморского флота, перед которым стояла задача не только оборонять побережье империи, но и добиться господства на море для высадки и защиты десанта от возможного нападения турецкого флота.

Совещание 8 февраля 1914 г. по вопросу о Проливах также констатировало, что российские действия в отношении Проливов могли бы осуществляться только в условиях европейской войны. В военных и морских кругах считали, что одновременно с операциями на Западном фронте во время предстоящей войны Россия должна занять Константинополь и Проливы, чтобы успеть к моменту мирных переговоров поставить другие державы перед свершившимся фактом владения Россией Проливами. Только в таком случае, полагали в Петербурге, Европа согласится на разрешение этого вопроса на приемлемых для России условиях.

Июльский кризис 1914 г., послуживший началом мировой войны, стал последним в цепи международных кризисов и локальных войн, не раз ставивших под угрозу европейскую стабильность. В 1914 г. Россия сознавала, что без надежных союзников она не может вступить в схватку с Германией и Австро-Венгрией, и уже не питала иллюзий, что проблему Проливов можно решить мирным путем. Поэтому одной из основных причин вступления России в Первую мировую войну явилась давняя вожделенная цель царизма – Константинополь и Проливы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные архивные источники

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

- Ф. 133. Канцелярия министра. Оп. 470.
Ф. 133. 1906 г. Д. 97. Ч. 2.
Ф. 133. 1907 г. Д. 31, 65, 72, 88.
Ф. 133. 1908 г. Д. 70, 91, 198, 210, 211.
Ф. 133. 1909 г. Д. 71.3, 72.4, 197, 216.
Ф. 133. 1910 г. Д. 204, 211.
Ф. 133. 1911 г. Д. 34, 211.
Ф. 133. 1912 г. Д. 34, 104, 214.
Ф. 133. 1913 г. Д. 22, 24, 26, 27, 33.
Ф. 137. Отчеты МИД России. Оп. 475. За 1907 г. – Д. 139, за 1908 г. – Д. 140, за 1911 г. – Д. 143, за 1912 г. – Д. 144.
Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 259/260, 288/290, 287/289, 290/292, 323/327, 324/328, 455/473, 456/475, 457/476, 458/477, 459/478, Д.460/479, 461/480, 462/481, 463/482, 707/756, 711/770. 712/771.
Ф. 139. Вторая газетная экспедиция канцелярии МИД России. Оп. 476. Д. 464, 465, 482, 483, 485, 499, 504, 565, 572, 580, 583, 587.
Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 4126, 4142, 4148, 4149, 4140, 4882.
Ф. 184. Посольство в Лондоне. Оп. 520. Д. 1260, 1318, 1331, 1324, 1418, 1428, 1465.
Ф. 340. Коллекция документальных материалов чиновников МИД: Оп. 812. Личный архив Сазонова. Д. 9, 10, 21, 34, 35, 36, 49, 86, 134, 141; Оп. 835. Личный архив Извольского. Д. 25, 27, 28, 39, 54.
Ф. Политический архив 1908. Д. 3378.
Ф. Политический архив 1911. Д. 34.
Ф. Политический архив 1912. Д. 131, 3699, 3700.
Ф. Политический архив 1913. Д. 3705.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

- Фонды личного происхождения: Ф. 541. Оп. 294. Вергун Д. Н. Д. 73;
Ф. 539. Оп. 1. Водовозов В. В. Д. 41, 42, 80, 81.
Ф. 559. Оп. 1. Извольский А. П.
Ф. 1126. Оп. 1. Бенкендорфы, Аполеусы, Шуваловы.
Ф. 601. Оп. 2. Романовы. Николай II.

**Российский государственный
военно-исторический архив (РГВИА)**

Ф. 1. Канцелярия Военного министерства. Д. 97906, 218591.

Ф. 400. Главный штаб. Д. 213156.

Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба (ГУГШ). Оп. 1. Т. 1. Д. 146, 361, 672, 860, 912, 916, 961, 975, 1002, 10007, 1187. Т. 2. Д. 1835, 2219, 2220, 2868, 2870, 2987, 2991, 3001–3002, 3028, 3240, 3245–3246, 3363. Т. 3. Д. 3694, 3775, 3781, 3785, 3788, 3825. Т. 5. Д. 5412, 6643, 6747, 6766, 6863, 7255, 7262, 7322, 7415.

Ф. 431. Коллекция Англия. Д. 58, 61.

Ф. 450. Коллекция Турция. Д. 143–147.

Ф. 1837. Д. 371–376.

Опубликованные источники

1. *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций. 1832–1895. СПб., 1898.

2. Материалы по истории франко-русских отношений. М., 1922.

3. Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 2. Т. 18–20. М., 1938–1949; Сер. 3. Т. 1–4. М., 1931–1934.

4. Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове. 1 августа 1912 г. – июль 1913 г. СПб., 1914.

5. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952.

6. British Documents on Foreign Affairs. Pt. 1. Ser. A. Russia. Vol. 4–6. Bethesde, 1983.

7. British Documents on the Origins of the War. 1898–1914. Vol. 4–10. London. 1926–1938.

Воспоминания, мемуары

1. *Берти Ф.* За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914–1919. М.; Л., 1927.

2. *Бюлов Б.* Воспоминания. М., 1935.

3. *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991.

4. *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. М., 1966.

5. *Григорович И. К.* Воспоминания бывшего морского министра. СПб., 1993.

6. *Извольский А. П.* Воспоминания. М.-Пг., 1924.

7. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. Т. 1–2. Пг., 1960.

8. *Лихновски К. М.* Моя миссия в Лондоне. Пг., 1918.

9. *Луи Ж.* Записки посла. М., 1925.

10. *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991.

11. Переписка Вильгельма II с Николаем II. М.; Пг., 1923.
12. *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991.
13. *Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. М., 1991.
14. *Суворин А. С.* Дневник. М.; Пг., 1924.
15. *Таубе Ж.* 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960.

Периодические издания

Газеты

- «Биржевые ведомости». 1912.
- «Вечернее время». 1914.
- «Голос Москвы». 1908.
- «Московские ведомости». 1907–1914.
- «Новое время». 1907–1914.
- «Правда». 1913.
- «Речь». 1907–1914.
- «Россия». 1911.
- «Русь». 1907.

Журналы

- «Вестник Европы». 1906–1914. № 1–12.
- «Вестник НКВД». 1919. № 1.
- «Исторический архив». 1962. № 5.
- «Красный архив». 1924. № 6–7; 1925. № 3; 1926. № 3; 1930. № 6; 1932. № 1–2; 1933. № 6; 1935. № 2–3.
- «Русская мысль». 1907–1914. № 1–12.
- «Современник». 1907–1914. № 1–12.
- «Современный мир». 1915. № 7–8.
- «The Times». 1907–1914.
- «The Standard». Сентябрь–октябрь 1907; октябрь–ноябрь 1908; сентябрь 1909.
- «The Daily News». Сентябрь 1907; ноябрь 1911.

Литература

1. *Аветян А. С.* Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны 1910–1914. М., 1985.
2. *Алиев Г. З.* Турция в период правления младотурок (1908–1914). М., 1972.
3. *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал 1897–1914. Л., 1970.
4. *Базилевич К. В.* О Черноморских проливах. (Из истории вопроса). М., 1946.
5. *Балашев И.* Заветная мечта каждого русского. Спб., 1913.

6. *Бестужев И. В.* Борьба России по вопросам внешней политики 1906–1910. М., 1961.
7. *Бовыкин В. И.* Из истории возникновения Первой мировой войны: Отношения России и Франции в 1912–1914 гг. М., 1961.
8. *Богаевский П.* Босфор и Дарданеллы в их международном положении. Киев, 1915.
9. *Боев Ю. А.* Ближний Восток во внешней политике Франции 1898–1914. Очерки истории дипломатической борьбы Франции за Ближний Восток. Киев, 1964.
10. *Бондаревский Л. Г.* Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива. Конец XIX – нач. XX. М., 1968.
11. *Бруксон Я. Б.* Империалистические блоки. М.; Л., 1929.
12. *Виноградов К. Б.* Боснийский кризис 1908–1909 г. Пролог Первой мировой войны. М., 1964.
13. *Виноградов К. Б.* Дэвид Лллойд Джордж. М., 1970.
14. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978.
15. *Глубовский В.* Проклятый вопрос России. Восточный вопрос. М., 1914.
16. *Горяинов С.* Босфор и Дарданеллы. Спб., 1907.
17. *Гурко-Кряжин В. А.* Ближний Восток и Державы. М., 1925.
18. Дипломатический словарь: В 3 т. М., 1986
19. *Донадзе В. Б.* Босфор и Дарданеллы. Очерки. Тбилиси, 1983.
20. *Дранов Б. А.* Черноморские проливы. Международно-правовой режим. М., 1948.
21. Европейские державы и Греция в эпоху Первой мировой войны. М., 1922.
22. *Екунидзе Д.* Проблема Черноморских проливов. Тбилиси, 1946.
23. *Ерофеев Н. А.* Очерки по истории Англии 1815–1917. М., 1959.
24. *Ерусалимский А. С.* Из истории международных отношений 1871–1918. Б. м. 1940.
25. *Зайончковский А. М.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926.
26. *Захаров Н. А.* Наше стремление к Босфору и Дарданеллам и противодействие ему западноевропейских держав. Доклад, читанный в Петербургском клубе общественных деятелей. 23 января 1915 г. Пг., 1916.
27. *Зиновьев Г. Е.* Тройственный союз и Тройственное согласие. Пг., 1917.
28. Значение договоров о Проливах. М., 1905.
29. *Золотарев В. А., Козлов И. А.* Российский флот на Черном море. М., 1988.
30. *Игнатъев А. В.* Внешняя политика России 1907–1914. Тенденции. Люди. События. М., 2000.
31. *Игнатъев А. В.* Российская дипломатия в портретах. М., 1992.

32. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. М., 1997.
33. История Европы. Т. 5. М., 2000.
34. История дипломатии / Под ред. В. М. Хвостова. Т. 2. М., 1963.
35. *Истягин Л. Г.* Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны. М., 1979.
36. *Ключников Ю., Сабанин А.* Международная политика в новейшее время в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. От Февральской революции до империалистической войны. М., 1925.
37. Константинополь и Проливы. По секретным документам бывшего императорского российского МИД. Т. 1. М.; Л., 1925.
38. *Кочетков А. Н., Муратов Х. Ч.* Борьба России за выход к Черному морю. М., 1951.
39. *Лаврова Т. В.* Черноморские проливы. Исторический очерк. Ростов н/Д. 1997.
40. *Ладыженский А. М.* Тройственный союз и Тройственное согласие. М., 1914.
41. *Лисенко В. К.* Ближний Восток как рынок сбыта русских товаров. СПб., 1913.
42. *Луцицкий И. В.* Очерк международных отношений в Западной Европе с 1900 г. Пг., 1918.
43. *Майзель Б.* Средиземноморская проблема и опасности войны. М.; Л., 1928.
44. *Миллер А. Ф.* Турция и проблемы проливов. М., 1947.
45. Мировые войны XX века. Кн. 1.: Первая мировая война; ист. очерк. М., 2002. Кн. 2: Документы и материалы. М., 2002.
46. *Могилевич А. А., Айрапетян М. Э.* На путях к мировой войне. 1914–1917 гг. М., 1940.
47. *Новичев А. Д.* Очерки экономики Турции до Первой мировой войны. М.; Л., 1937.
48. *Нольде Б. Э.* Внешняя политика. Исторические очерки. Пг., 1915.
49. *Остальцева А. Ф.* Англо-русское соглашение. 1907 г. Саратов, 1977.
50. *Павлович М. П.* Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. Ч. 1–2. М., 1918–1919.
51. *Петряев А. М.* Проливы. Пг., 1917.
52. *Покровский М. Н.* Константинополь. Внешняя политика. М., 1919.
53. *Полетика Н. П.* Возникновение мировой войны. М., 1945.
54. Проливы. Сборник / Под ред Ф. Ротштейна. М., 1923.
55. *Пуанкаре Р.* Происхождение мировой войны. М., 1924.
56. *Рожков Н.* Нужны ли нам Проливы? М., 1917.
57. *Розен Р. Р.* Европейская политика России. Пг., 1917.
58. Россия, Царьград и Проливы. Материалы и извлечения. Пг., 1915.
59. *Рудзинская М. Л.* Константинополь. М., 1915.

60. Руир А. М. Англо-русское соперничество в Азии в 19 в. М., 1924.
61. Сергеев Е. Ю. «Иная Земля, иное небо...» Запад и военная элита России (1900–1914 гг.). М., 2001.
62. Сергеев Е. Ю., Улуян А. А. Не подлежит оглашению. М., 1999.
63. Силин А. С. Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке. М., 1976.
64. Сокольский Н. Очерки современной Турции. Тифлис, 1923.
65. Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. М., 1927.
66. Туполев Б. М. Германский империализм в борьбе за «место под солнцем». М., 1991.
67. Тэйлор А., Дж. П. Борьба за господство в Европе 1918–1948. М., 1958.
68. Фей С. Происхождение мировой войны. Т. 1. М.; Л., 1934.
69. Хальгартен Г. Империализм до 1914 г. М., 1961.
70. Циммерман М. А. Босфор и Дарданеллы. Историко-юридический очерк. СПб., 1912.
71. Шадрин И. Константинополь и Проливы. Казань, 1917.
72. Шацлло К. Ф. Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны. М., 1968.
73. Шеремет В. И. Босфор: Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. М., 1988.
74. Яхимович З. П. Итало-турецкая война 1911–1912. М., 1967.

Литература на английском языке

1. Asquith H. A. The Genesis of the War. L., 1923.
2. Barclay T. The Turco-Italian War and its Problems. L., 1912.
3. Barlett C. J. Britain Foreign Policy in the Twentieth Century. L., 1989.
4. Baunsence A. M. Anglo-Russian Relations Concerning the Origins and effects of the Persian Question 1906–1911. George town. 1950.
5. Blunt W. S. My Diaries. Being a Personal Narrativ of Events, 1888–1914. Vol. I–II. L., 1919–1920.
6. British Foreign Policy under Sir Edward Grey. Cambridge, 1977.
7. Buchanan G. My Mission to Russia and Diplomatic Memories. Boston, 1923.
8. Callwell C. E. The Dardanelles... (Campaign and their Lessons). Boston. N. Y. 1919.
9. Cecil A. British Foreign Secretaries 1807–1916. L., 1927.
10. Churchill W. The World Crisis 1911–1914. L., 1923.
11. Clayton L. Britain and the Eastern Question. L., 1971.
12. Coolidge A. C. Origins of the Triple Alliance. N. Y., 1926.
13. Cramb J. A. Germany and England. N.-Y., 1914.
14. Dickinson G. L. The International Anarchy. 1904–1914. L., 1936.
15. Dillon E. J. England and Germany. L., 1916.

16. *Edward A., Bearman G.* Britain, Europe, and the World. 1848–1918. L., 1979.
17. *Feroz A.* The Young Turks. The Committee of Union and Progress in Turkish Politics 1908–1914. Oxford, 1969.
18. *Gibbon H. A.* The New Map of Europe 1911–1914. A Study of Contemporary European National Movements and Wars. L., 1914.
19. *Gibbon H. A.* The New Map of Europe 1911–1914. The Story of the Recent European Diplomatic Crisis and Wars and of Europe's Present Catastrophe. N. Y., 1926.
20. *Gibbon H. A.* The New Map of Asia (1900–1914). N. Y., 1921.
21. *Gillard D.* The Struggle in Asia 1828–1914. A Study in British and Russian Imperialism. L., 1977.
22. *Ghose S.* The Western Impact on Indian Policies (1885–1919). Bombay, 1967.
23. *Gooch G. P.* Before the War. Studies in Diplomacy. Vol. 1–2. L., N. Y., 1936–1938.
24. *Gooch G. P.* Recent Revelation of European Diplomacy. L., 1940.
25. *Gosses F.* The Management of British Foreign Policy before the First World War, Especially during the Period 1880–1914. Sijthoff, 1948.
26. *Graves P. P.* The Question of the Straits. L.; Bonn, 1931.
27. *Grey of Fallodon.* Twenty-Five Years (1892–1916). L., 1935.
28. *Grey E.* Speeches on Foreign Affairs 1904–1914. L. 1931.
29. *Hale O. J.* Publicity and Diplomacy. With Special Reference to England and German. 1890–1914. N. Y.; L., 1940.
30. *Harding Sir Arthur H. A.* A Diplomatic in the East. L., 1928.
31. *Heller J.* British Policy toward the Ottoman Empire 1908–1914. L., 1983.
32. *Jellicoe E. G.* Playing the Game. What Mr. Asquith in his book «The Genesis of the War», does not tell us. L., 1924.
33. *Jerrald D.* Britain and Europe 1900–1914. L., 1941.
34. *John W.* Young Britain and the World in the 20th Century. L., 1997.
35. *Jones R. A.* The British Diplomatic Service, 1815–1914. L., 1983.
36. *Kazemazadeh F.* Russia and Britain in Persia 1864–1914, a Study in Imperialism. L., 1968.
37. *Kazkar Y. N.* Economic Development on the Ottoman Empire. Beirut, 1968.
38. *Knapplund P.* Britain, Commonwealth and Empire 1901–1955. L., 1935.
39. *Kennedy P. M.* The rise of the Anglo-German Antagonism 1866–1914. L., 1982.
40. *Kent M.* The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. L., 1984.
41. *Langhorne R.* The Collapse of the Concert of Europe. International politics 1890–1914. L., 1981.

42. *Lee S.* King Edward VII; a Biography. L., 1925.
43. *Lieven D. C. B.* Russia and the First World War. L., 1983.
44. *Manhart G. B.* Alliance and Entente. 1871–1914. N. Y., 1932.
45. *Mowat R. B.* The Concert of Europe. L., 1930.
46. *Muir R.* Britains Case Against Germany. An Examination of the Historical Background of the German Action in 1914. Manchester, 1914.
47. *Newbold J. T.* How Europe Armed for War (1871–1914). L., 1916.
48. *Nicolson H.* Sir Arthur Nicolson. First Lord Carnock. L., 1930.
49. *Pribram A. F.* Austria-Hungary and Great Britain 1908–1914. Oxford, 1951.
50. *Pribram A. F.* England and the International Policy of the European Great Powers 1871–1914. Oxford, 1931.
51. *Robbis K.* Sir Edward Grey. A Biography of Lord Grey of Fallodon. L., 1971.
52. *Russel B.* The Policy of Entente 1904–1914. L., 1915.
53. *Sarolea C.* The Anglo-German Problem. L., 1912.
54. *Seton W. R.* Britain in Europe 1789–1914. A Survey of Foreign Policy. Cambridge, 1958.
55. *Seymour C.* The Diplomatic Background of the War 1870–1914. Yale: Oxford.
56. *Shotwell J. T.* A Short History of the Question of Constantinople and the Straits. N. Y., 1922.
57. *Siebert B. W.* Entente Diplomacy and the World Matrix of the History of Europe 1909–1914. L., 1921.
58. *Somervell D. C.* The Reign of King Georg the Fifth. L., 1935.
59. *Steiner Z. S.* The foreign Office and the Foreign Policy 1898–1914. Cambridge, 1969.
60. *Tcharykov N. Y.* Glimpses of High Politic through War and Peace. 1855–1929. N. Y., 1931.
61. *Temperly H.* England and the Near East. L., 1936.
62. *Trevelyan G. M.* Grey of Fallodon. The Life and Letters of Sir Edward Grey. Boston, 1937.
63. *Tyler M. W.* The European Powers and the Near East. Minneapolis, 1925.
64. *Ward A. W., Gooch G. P.* Cambridge History of British Foreign Policy. 1783–1919. Vol. 3. 1866–1919. Cambridge, 1923.
65. *Williamson S. R.* The Politics of Grand Strategy: Britain and France Prepare for War. 1904–1914. L., 1990.
66. *Woods H. C.* War and Diplomacy in the Balkans. L., 1915.

Указатель имен

- Абдул Хамид II 36
Адамов Е. А. 155, 177
Асквит Г. 23, 202, 217
Базаров П. А. 159
Баттенберг Л. 221, 228, 229, 232, 233
Бенкендорф А. К. 21, 22, 25, 27–33, 35, 36, 39, 40, 42, 62, 66, 72, 76, 92, 94, 103–106, 108, 109, 111, 114, 116, 118, 123, 140, 142–146, 149–151, 154, 158, 160–162, 182, 185, 188, 189, 191, 194, 200–202, 213, 214, 216, 219, 220–223, 225–227, 229–232, 235, 246
Бетман-Гольвельг Т. 87, 91, 110, 179
О'Берни 106, 185, 186, 191, 194
Берти Ф. 21, 22,
Бомпар М. 140, 188
Бюлов Б. 49, 50, 63, 69, 73, 78, 82, 175–177, 236
Вангенхайм Г. 179, 195
Вильгельм II 159, 176, 197
Вильсон 155
Виноградов К. Б. 23, 75, 78, 248
Вивиани Р. 231
Витте С. Ю. 25, 211, 213, 246
Водовозов В. Н. 169, 172, 196, 245
Волков Н. А. 221, 223 - 226, 229, 232, 233, 235
Вольф Т. 227
Гардинг Ч. 23 - 25, 29 - 31, 33, 36, 61, 65, 78
Гартвиг Н. Г. 19, 144, 157
Гетцендорф К. 57, 77
Гиббон Г. 122
Гирс А. А. 59
Гирс М. Н. 7, 121, 122, 125, 133, 134, 164, 167, 187, 190, 192, 193, 195, 196, 205, 208, 219, 228, 229
Гирс Н.Н. 108, 110, 133, 134, 135, 136, 144, 145, 159
Гошен Э. 138, 234
Георг VI 175, 216, 230
Грей Э. 5, 12, 18, 21–25, 28, 29, 31–35, 39–43, 49, 51, 63–66, 68–70, 78, 94, 104–107, 111, 116–120, 123, 124, 130–132, 138–141, 143–147, 150, 151, 154, 156, 158, 160–162, 165, 166, 168, 171, 173, 182–187, 189, 190–192, 194, 200, 201, 202, 211–213, 215–217, 219–223, 226, 228, 230–232, 234, 235, 238, 240.
Григорович И. К. 4, 136, 145, 159, 160, 162, 223, 224, 233, 247
Гучков А. И. 59
Данилов Ю. Н. 200, 205
Делькассе Т. 181, 218
Диков И. М. 27, 56, 57
Долгорукий Н. 87, 88, 120
Думерг Т. 188, 212, 214–217, 222
Ермолов Н. С. 17, 18, 80, 81, 143–146
Жилинский Я.Г. 204–206
Занкевич 124, 157
Зайончковский А.М. 71, 249
Зиберт Б. 231
Игнатъев А. А. 151, 152
Игнатъев А. В. 83, 230
Извольский А. П. 34–40, 42–44, 47, 49, 50–55, 57–59, 61–63, 65–69, 71–77, 79, 83–86, 87, 90, 93, 94, 99, 100, 101, 103, 104, 109, 114, 123, 128, 134, 150, 151, 155, 162, 188, 189, 193, 211, 212, 214–216, 220, 227, 238, 239, 245, 247
Камбон П. 103, 106, 123, 131, 138
Каульбарс А. В. 56, 60, 61
Клемм 19
Кидерлен-Вехтер А. 78, 91, 110, 148
Кокцов В. Н. 26, 27, 37–39, 62, 90, 95, 98, 179.
Котляревский С. А. 48
Леонтьев М. 169
Ливен А.А. 160, 224, 235
Лиман фон Сандерс 187, 194, 195, 197, 198
Лимпусом А. 176, 182, 184, 189, 190, 192, 194, 220
Лихновски М. 146
Ллойд Джордж Д. 23, 75, 248

- Лоутер Д. 71, 103, 105, 106, 112, 140, 141
 Лоу Б. 145, 159
 Маджаров Р. 143, 145–147
 Маллет Л. 190, 192
 Мартенс Ф. Ф. 6–8
 Мильеран А. 151, 152
 Милюков П. Н. 59, 79, 80
 Неклюдов А. В. 127, 149
 Нелидов А. И. 62, 63, 65, 67, 68
 Немитц А. В. 169, 205–207, 224
 Нератов А. А. 112–114, 116, 130, 131, 154, 227, 233
 Николай II 4, 33, 59, 62, 72, 79, 83, 87, 136, 175, 195, 213
 Никольсон А. 14, 17, 19, 20, 22–29, 32, 34, 39, 40–44, 47, 51, 65, 70, 76, 84, 103, 104, 106, 140, 144, 150, 161, 182, 186, 194, 200, 214, 226
Остальцева А. Ф. 14, 27
 Остен-Сакен Н. Д. 108–110
 Палеолог М. 188, 215, 216, 222, 234
 Палицын Ф. Ф. 16–18, 27, 38, 43, 47, 56, 57, 59–61
 Пишон С. 63, 64, 83, 159, 167, 181, 182, 184, 185
 Поклевский-Козелл С. А. 24, 25, 29, 61
 Пуанкаре Р. 123, 128–133, 138, 139, 142, 147, 154, 155, 158, 212, 216, 218, 234
 Пурталес А. 72, 74, 79, 82
 Рейн Н. Г. 126, 127
 Рифат-паша 84
 Руир А. М. 18
 Сазонов С. Д. 10, 84, 90–92, 114, 115, 117, 118, 120–123, 128–131, 133–136, 138, 140–145, 147, 148, 150–157, 159–164, 167, 168, 172, 178, 180, 182, 183, 185–194, 196, 197, 200–204, 208–216, 219–223, 226–230, 232–235
 Свербеев С. Н. 156, 178, 187
 де Сельв 99, 103, 109, 116
Силин А. С. 175
 Соловьев Ю. Я. 81
 Столыпин П. А. 43, 53, 62, 64, 71–73, 84, 90
 Суворин А. С. 47
Тарле Е. В. 39, 41
 Тевфик-паша 107
 Титтони Т. 61, 85–89, 99
Туполев Б. М. 11, 128, 177, 197, 236
Тэйлор А. 29, 41, 51, 69, 73, 128, 133, 167, 199, 202, 218, 231, 234, 236
 Урусов В. П. 57
Фей С. 33, 34, 46, 94, 196, 210
Хальгартен Г. 147, 157, 166, 174, 183, 193, 194, 210, 223, 224, 235
 Харитонов П. А. 73
Хвостов В. М. 21, 69, 199
 Хильми-паша 90
 Холден Р. 129, 199
 Хольмсиев 74
 Циммерман А. 178
 Чарыков Н. В. 57–59, 62, 71, 72, 82, 84, 89, 94–115, 129, 240
Шаццлло К. Ф. 209, 233,
Шеремет В. И. 197
 Шён В. 61, 77, 82, 83
 Щеглов А. Н. 102, 129, 198, 229
 Эберггард А. А. 160
 Эренталь А. 50, 53, 54, 57–59, 63, 64, 69, 70, 73, 75–77, 80, 110, 239
 Этгер Н. С. 130, 147, 159
 Ягов Г., фон 187, 195, 233

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю.....	5
Глава I	
Англо-русское соглашение 1907 г. и Черноморские проливы	12
Глава II	
Вопрос Черноморских проливов во время Боснийского кризиса 1908–1909 гг. На пути к итало-турецкой войне	53
Глава III	
Проблема открытия Черноморских проливов во время итало-турецкой войны 1911–1912 гг.....	93
Глава IV	
Балканские войны 1912–1913 гг. и Черноморские проливы	126
Первая Балканская война.....	126
Вторая Балканская война.....	166
Глава V	
Миссия Лимана фон Сандерса в Константинополе и позиция стран Антанты.....	174
Глава VI	
Проблема Черноморских проливов перед Первой мировой войной (1914 г.).....	199
Заключение	237
Список источников и литературы.....	244
Указатель имен	252

Юлия Викторовна Лунева

БОСФОР И ДАРДАНЕЛЛЫ

Тайные провокации
накануне Первой мировой войны
(1908–1914)

Ответственный за выпуск *И. А. Тихонюк*
Художественный редактор *А. Ю. Никулин*
Корректоры *Л. С. Барышникова, М. Г. Смирнова*
Верстка *Н. А. Шакиров*

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16
Гарнитура «TimesNew Roman». Тираж 1000. Заказ № К-2654.

Издательство «Квадрига»
123001, Москва, ул. Большая Садовая, дом 2/46
Тел.: (495) 253-92-91. E-mail: kvadriga.izdat@mail.ru

Объединенная редакция МВД России

ISBN 978-5-91791-011-6

ISBN 978-5-8129-0098-4

Отпечатано в ГУП «ИПК» Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.

**ГУ "ОБЪЕДИНЕННАЯ РЕДАКЦИЯ"
МВД РОССИИ
ИЗДАЕТ СЕРИЮ
ПОПУЛЯРНОЙ
КНИЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОДГОТОВЛЕННОЙ
НА ОСНОВЕ УНИКАЛЬНЫХ
ИСТОРИЧЕСКИХ
АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ
О РОЛИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

1. История органов правопорядка России в точных датах.
2. НКВД РСФСР 1917-1923 г.г..
3. Губернии Российской империи.
4. Полтавская баталия: крепости и герои.
5. Полтавская битва.
6. Северная война 1700-1721 г.г.. Сборник документов.

Вы можете заказать книжную продукцию по тел.: 977-31-16,
otdel-r-mvd@mail.ru

В ночь с 25 на 26 октября (с 7 на 8 ноября) 1912 г. русский морской министр И. К. Григорович срочно телеграфировал Николаю II: «Всепогоднейше испрашиваю соизволения вашего императорского величества разрешить командующему морскими силами Черного моря иметь непосредственное сношение с нашим послом в Турции для высылки неограниченного числа боевых судов или даже всей эскадры». Утром 26 октября (8 ноября) Николай II ответил: «С самого начала следовало применить испрашиваемую меру, на которую согласен». Однако Первая мировая война началась спустя два года. Какую роль играли Босфор и Дарданеллы для России и кто подтолкнул царское правительство вступить в Великую войну?

На основании неопубликованных архивных материалов, советских и иностранных публикаций дипломатических документов автор рассмотрел проблему Черноморских проливов в контексте англо-русского соглашения 1907 г., Боснийского кризиса, итало-турецкой войны, Балканских войн, миссии Лимана фон Сандерса в Константинополе и подготовки Первой мировой войны.

ISBN 978-5-91791-011-6

9 785917 910116